

Дуглас Престон

Богохульство

«Богохульство» – великолепный роман, в котором научные факты соседствуют с острым, напряженным сюжетом!

Стивен Кунц

Я просидел над этой книгой всю ночь и уснул, только когда дочитал ее до последней строчки. Невероятно интересно!

Джеффри Дивер

Эту увлекательную книгу читаешь с бешеной скоростью!

«Publishers Weekly»

Самый оригинальный, современный и актуальный остросюжетный роман последних лет!

Линкольн Чайлд

Необычайно реалистичный, увлекательный и умный триллер!

«Kirkus Reviews»

Посвящается Присцилле, Пенни, Эллен, Джиму и Тиму

Глава 1

Июль

Кен Долби стоял перед блоком управления и осторожно поглаживал холеными пальцами ручки настройки «Изабеллы». Он замер, растягивая удовольствие, поднял крышку пульта и нажал на красную кнопку.

Самая дорогая на земле машина беззвучно заработала, не подав ни единого сигнала. Лишь в Лас-Вегасе, на удалении двухсот миль, едва заметно мигнули электрические огни.

Чуть погодя под ногами Долби слегка завибрировал пол. К «Изабелле» конструктор относился будто к женщине. В иные минуты, когда его воображение особенно разыгрывалось, она представлялась ему высокой и стройной, с темной словно ночь кожей в капельках пота... «Изабелла». Своими чувствами он не делился ни с кем, опасаясь насмешек. Для остальных ученых, занимавшихся этим проектом, «Изабелла» была неодушевленным предметом, безжизненной машиной, созданной для научно-исследовательских работ. Долби же с тех самых пор, когда семилетним мальчишкой собрал первый радиоприемник из набора «Юный физик», питал ко всем своим творениям глубокие чувства. Приемник он окрестил Фредом. Думая о Фреде, Долби видел перед собой белокожего толстячка с морковно-рыжими волосами. Свою первую ЭВМ он нарек Бетти. В его воображении она была проворной умницей секретаршей. Объяснить, почему его детища обретают характер и человеческий облик, Долби не мог. Так случилось, и все.

Теперь все его мысли занимала эта машина, самый мощный в мире ускоритель элементарных частиц. «Изабелла».

– Ну, как она? – спросил Хазелиус, руководитель группы, дружески похлопывая Долби по плечу.

– Мурлычет как кошка, – ответил тот.

– Ну и славно. Прошу внимания, – обратился Хазелиус ко всей команде. – У меня есть предложение.

Когда члены группы, отвернувшись от рабочих станций, устремили на него взгляды и замерли в ожидании, руководитель пересек кабинет и остановился у самого большого плазменного экрана. Невысокий, худой, ухоженный и беспокойный, как хореk в неволе, Хазелиус секунду-другую потоптался на месте, взглянул на коллег и широко улыбнулся. Его исключительная одаренность и способность к лидерству не переставала удивлять Долби.

– Дорогие мои друзья, – начал Хазелиус, обводя группу взглядом бирюзовых глаз. – Мы в 1492 году. Стоим на палубе «Санта-Марии», всматриваемся в морской горизонт и вот-вот увидим берег Нового Света. Да-да! Сегодня мы достигнем неведомого горизонта и ступим на землю нашей собственной Америки!

Из сумки «Чепмен», которую он повсюду носил за собой, Хазелиус достал бутылку шампанского «Вдова Клико», поднял ее, точно трофей, и, блестя глазами, с шумом поставил на стол.

– Разопьем вечером, как сойдем на берег. То есть когда позволим «Изабелле» поработать на полной мощности.

Новость приняли молча. Первой заговорила Кейт Мерсер, заместитель руководителя проекта:

– Мы же планировали сначала трижды испытать ее на девяносто пяти процентах? Что-то изменилось?

Хазелиус ответил на ее изумленный взгляд улыбкой.

– Мне не терпится. А тебе?

Мерсер смахнула с лица прядь блестящих темных волос.

– А если образуется микроскопическая черная дыра?

– Ты же сама просчитала, что это практически невозможно.

– Я могла ошибиться.

– Ты никогда не ошибаешься. – Хазелиус улыбнулся и взглянул на Долби: – А ты считаешь, «Изабелла» готова?

– Еще как готова.

Хазелиус широко расставил руки.

– Итак?

Ученые переглянулись: можно ли пойти на такой риск? Последнее слово сказал Волконский, программист из России:

– Решено!

Он шлепнул по ладони Хазелиуса. Остальные принялись похлопывать друг дружку по спине, обмениваться рукопожатиями и обниматься, словно члены бейсбольной команды перед началом игры.

Пять часов спустя Долби, за это время вливший в себя пять чашек отвратительного кофе, стоял перед огромным темным экраном. Запущенные пучки протонов еще не столкнулись. Сначала коллайдер бесконечно долго раскошегаривался, потом охлаждались сверхпроводящие магниты, используемые для удержания и коррекции пучков. Затем магниты проверили, запустили многочисленные тестовые программы, после чего увеличили мощность на пять процентов.

– Нынешний показатель – девяносто, – сказал Долби.

– Черт, – проворчал где-то у него за спиной Волконский, ударяя по кофеварке «Санбим» так, что она загремела, будто Железный Дровосек. – Не успеть оглянуться, уже пусто!

Долби тайком улыбнулся. Они пробыли на столовой горе Ред-Меса полмесяца и неплохо друг друга узнали. Волконский был хитрецом, сутулился, носил бороду – прилипший к подбородку клочок лобковых волос – и рваные футболки; длинные волосы почти не мыл и не расчесывал и походил скорее на опустившегося европейца-бродягу или на

наркомана, чем на мозговитого специалиста по программному обеспечению. Впрочем, многие из группы были ему под стать.

Время шло своим ходом.

– Пучки выровнены и сфокусированы, – сказала Рей Чен. – Энергия – четырнадцать тераэлектрон-вольт.

– «Изабелла» работать что надо, – похвалил Волконский.

– Мои системы все в норме, – сообщил Чеккини, физик, специалист по частицам. – Все лампочки светятся зеленым.

– А с безопасностью как обстоят дела, мистер Уордлоу?

– Вокруг ни души, только койоты да кактусы, – отозвался с охранного пункта Уордлоу, старший офицер службы безопасности.

– Прекрасно, – сказал Хазелиус. – Пора. – Он театрально помедлил. – Кен? Сталкивай пучки.

Сердце Долби забилося чаще. С легкостью пианиста-профессионала он прикоснулся своими похожими на паучьи лапки пальцами к нескольким клавишам, вводя ряд команд.

– Есть.

Громадные плоские экраны на стенах внезапно ожили. По воздуху разнеслось свистящее пение, возникшее из ниоткуда и отовсюду.

– Что это? – встревоженно спросила Мерсер.

– Через детекторы проходят триллионы частиц, – ответил Долби.

– Боже мой! Гудение как из черного монолита в «Космической одиссее».

Волконский ухнул, подражая обезьяне, но никто не обратил на него внимания.

На центральном экране визуализатора возникло изображение. Долби уставился на него как зачарованный. Картинка напоминала цветок: точка внизу и выплывающие из нее дрожащие и переплетающиеся цветные струи. Казалось, они так и норовят сойти с поверхности. Долби любовался небывалой красотой в благоговейном восторге.

– Столкновение проходит успешно, – сказала Рей Чен. – Пучки сфокусированы и коллимированы. Все идет как по маслу!

Послышались радостные возгласы, кто-то даже хлопнул в ладоши.

– Дамы и господа, – объявил Хазелиус, – добро пожаловать в Новый Свет. – Он указал на монитор: – Перед вами то, что происходило в первые доли секунды после Большого Взрыва. – Он повернулся к Долби: – Кен, будь добр, постепенно увеличь мощность до девяноста девяти.

Долби прошелся пальцами по клавиатуре, и сверхъестественный звук немного усилился.

– Девяносто шесть, – произнес он.

– Энергия – семнадцать целых четыре десятых тераэлектрон-вольт, – сказала Чен.

– Девяносто семь... девяносто восемь...

Воцарилось напряженное молчание, нарушаемое лишь гудением откуда-то из-под земли. Казалось, вся гора вокруг поет странную песню.

– Пучки по-прежнему сфокусированы, – произнесла Чен. – Энергия – двадцать два целых пять десятых тераэлектрон-вольт.

– Девяносто девять.

«Изабелла» заголосила еще громче, еще звучнее.

– Секундочку, – сказал Волконский, горбясь над уставленным чудо-компьютерами рабочим столом. – «Изабелла»... как будто терять скорость.

Долби резко повернул голову:

– Оборудование в полном порядке. Глючат твои компьютерные программы.

– Да нет, с программами никакие проблемы, – пробурчал Волконский.

– Подождите-ка, – сказала Мерсер. – Может, все же возникла миниатюрная черная дыра?

– Нет, – ответила Чен. – Излучением Хокинга здесь и не пахнет.

- Девяносто девять и пять, – произнес Долби.
- А у меня двадцать два и семь, – сообщила Чен. – И выброс заряженных частиц.
- Каких? – спросил Хазелиус.
- Незвестных резонансов. Взгляните.

По обе стороны цветка, изображенного на мониторе, запульсировали красные лопасти, похожие на огромные уши клоуна.

– Жесткое рассеяние, – сказал Хазелиус. – Может, это глюоны. И гравитон Калуцы-Кляйна.

– Нет, исключено, – возразила Чен. – При такой-то энергии?

– Девяносто девять и шесть.

– По-моему, разумнее остановиться, Грегори, – сказала Мерсер. – Происходит слишком много странного.

– Незвестные резонансы... Само собой, – произнес Хазелиус обычным голосом, однако будто отделившись от остальных. – Мы же ступили на неизведанную территорию.

– Девяносто девять и семь, – сказал Долби. В своей машине он не сомневался ни капли и мог запустить ее на полную мощь, а если потребуется, даже выйти за допустимые пределы. Задумываясь о том, что в эти минуты они расходуют почти четверть энергии, вырабатываемой плотинной Гувера, он пожевивался от волнения. Вот почему приходилось ставить эксперименты посреди ночи – в это время энергозатрат в округе был минимальный. – Девяносто девять и восемь.

– Происходит некое совершенно неизученное взаимодействие! – воскликнула Мерсер.

– Чего тормозить, душень? – закричал Волконский на свой компьютер.

– Нет... мы и правда имеем дело с теорией Калуцы-Кляйна, – произнесла Чен. – Невероятно!

На экране с цветком возникли помехи.

– «Изабелла» как-то странно себя ведет, – заметил Волконский.

– В каком смысле? – спросил Хазелиус, сидя в своем кресле посреди центра управления.

– Будто ехать по ухабам.

Долби поднял глаза к потолку. Волконский действовал ему на нервы.

– У меня все идет как надо. Системы работают исправно.

Волконский суетно впечатал какую-то команду, выругался по-русски и шлепнул ладонью по монитору.

– Грегори, ты не думаешь, что необходимо сбросить мощность? – спросила Мерсер.

– Подождем еще минутку, – отозвался Хазелиус.

– Девяносто девять и девять, – сказал Долби.

Предельное напряжение, казалось, стало осязаемым. Один Долби сохранял обычное спокойствие.

– Я согласен с Кейт, – произнес Волконский. – Говорю же: «Изабелла» странный. Надо сбросить мощность.

– Всю ответственность я беру на себя, – сказал Хазелиус. – Ничего сверхъестественного, на мой взгляд, еще не происходит. Информационный поток со скоростью десять терабит в секунду немного замедляет ход, только и всего.

– Только и всего?

– Мощность – сто процентов, – объявил Долби с нотками удовлетворения в невозмутимом голосе.

– Энергия пучков – двадцать семь целых тысяча восемьсот двадцать восемь десятитысячных тераэлектрон-вольт, – сообщила Чен.

Помехи пошли и по компьютерным мониторам. Кабинет наполнился еще более звучным пением, доносившимся неизвестно откуда. Цветок на визуализаторе исказился и разросся. Посередине возникла черная точка, будто дыра.

– Ого! – воскликнула Чен. – Данные исчезают.

Цветок задрожал. По нему поползли темные полосы.

– Кошмар! – закричала Чен. – Я не шучу – информация пропадает!

– Это нельзя, – ответил Волконский. – Информация не может пропасть. Исчезает частицы.

– Подождите-ка. Частицы тоже не могут исчезнуть.

– Но исчезает.

– Нет ли проблем с программным обеспечением? – спросил Хазелиус.

– Никакие проблемы, – громко ответил Волконский. – Дело в самой машине.

– Да пошел ты, – пробормотал себе под нос Долби.

– Грегори, «Изабелла» на пределе возможностей, – сказала Мерсер. – Надо сейчас же снизить мощность.

Черная точка на экране стала расти и поглощать цветок. Ее яркие разноцветные края судорожно вибрировали.

– Полное безумие, – пробормотала Чен. – По-моему, время и пространство делают невысказанный крен. Такое впечатление, будто это центр черной дыры или что-то вроде того. По-видимому, мы и впрямь ее создали.

– Исключено, – вступил в разговор математик, Алан Эдельштайн, который все это время тихо сидел за столом, корпя над подсчетами. – Нет никаких признаков излучения Хокинга.

– Клянусь, возникла дыра! – воскликнула Чен.

На экране, отображавшем в реальном времени ход работы, проносились, точно поезд-экспресс, символы и цифры. С самого большого верхнего монитора исчез дрожащий цветок, полностью поглощенный чернотой. Внезапно во мраке возникло призрачное движение, напоминавшее парящую в ночи летучую мышь. Долби в изумлении уставился на экран.

– Черт! Грегори, да скиньте же мощность! – закричала Мерсер.

– «Изабелла» не принимать информацию! – объявил Волконский. – Выходить из-под контроля!

– Попробуй удержать ее хотя бы на минутку, – велел Хазелиус. – Сейчас мы что-нибудь придумаем.

– Ушла! – воскликнул русский, резко поднимая руки и откидываясь на спинку стула с выражением полной растерянности на узком лице. – Связь с «Изабеллой» больше нет!

– А мои приборы до сих пор показывают, что все в пределах нормы, – сказал Долби. – По-видимому, произошел серьезный сбой в программном обеспечении, только и всего. – Он вновь посмотрел на визуализатор. В черноте возникало новое изображение. Настолько необыкновенно прекрасное, что в первые мгновения было невозможно трезво раздумывать, что это. Долби огляделся по сторонам. На экран больше никто не смотрел – все изучали приборные панели и компьютерные мониторы. – Эй! Взгляните... Кто-нибудь понимает, что происходит? – спросил он.

Ответа не последовало. Все были слишком заняты своими делами. Диковинное пение не смолкало.

– Послушайте, я ведь всего-навсего инженер, – сказал Долби. – Объясните же мне, гении-теоретики, что это такое? Алан... по-твоему, это в порядке вещей?

Алан Эдельштайн поднял глаза и рассеянно взглянул на большой экран.

– Всего лишь случайные данные, – пробормотал он.

– Случайные? Что ты имеешь в виду? Изображение обретает какую-то форму!

– Компьютеры вышли из строя. Конечно, это случайные данные, что же еще?

– Я бы в жизни не назвал это случайностью. – Долби впился в изображение взглядом. – Оно двигается. Там что-то есть, клянусь. Почти живое... Такое чувство, что ему вздумалось выпрыгнуть. Грегори, взгляни!

Хазелиус посмотрел на экран и на миг замер в изумлении.

– Рей? Что это с визуализатором?

– Понятия не имею. Послушайте, а мне поступает совершенно упорядоченный поток данных от детекторов. По-моему, «Изабелла» работает вполне нормально.

– Что означает картинка на экране?

Чен взглянула на большой монитор, и ее глаза расширились.

– Боже... Не знаю.

– Оно движется, – произнес Долби. – И как будто... приближается.

Детекторы продолжали петь.

– Рей, да это же пустая информация, – сказал Эдельштайн. – Компьютеры накрылись... Зачем обращать на это столько внимания?

– Это не бессмыслица, – пробормотал Хазелиус, не сводя с монитора глаз. – Майкл, а ты что думаешь?

Специалист по частицам смотрел на визуализатор будто околдованный.

– Ничего не понимаю... Ни цвета, ни формы не соответствуют энергии частиц, зарядам или классам... Такое впечатление, будто это некое странное облако из магнитно удерживаемой плазмы.

– Говорю же, – воскликнул Долби, – оно движется и вот-вот выйдет! Похоже на... Господи! – Он сильно зажмурился, будто от приступа дикой боли. А когда открыл глаза, на экране, постепенно увеличиваясь в размерах, продолжало что-то двигаться.

– Выключите! Выключите «Изабеллу»! – заорала Мерсер.

Монитор вдруг изрезали помехи. Мгновение спустя он погас.

– Что за чертовщина? – закричала Чен, принимаясь неистово бегать пальцами по клавиатуре. – У меня исчезли все набранные данные!

Посередине большого экрана внезапно высветилось два слова. Вся команда ученых затаила дыхание. Стих даже голос Волконского. Замерло все вокруг.

Волконский вдруг разразился отчаянно-напряженным и надрывно-истерическим смехом.

– Сукин ты сын! – взревел Долби, охваченный приступом ярости. – Это все твои штучки! Ты все подстроил? Ты?

Волконский закрутил головой, тряся жирными волосами.

– По-твоему, это смешно? – прогремел Долби, сжимая кулаки и делая шаг в сторону программиста. – Сорвал эксперимент, в который вбухали сорок миллиардов долларов, и заходишься от хохота?

– Ничего я не срывать, – огрызнулся Волконский, вытирая рот рукой. – Иди к черту!

Долби обвел взглядом всю группу.

– Кто это сделал? Кто выкинул это идиотский фокус? – Он снова посмотрел на монитор и, сотрясаясь от бешенства, громко прочел, будто выплюнул, возникшие на нем слова: – «Доброго здоровья!» – Он повернулся к коллегам: – Узнаю, чьих рук это дело, – убью!

Глава 2

Сентябрь

Уайман Форд внимательно рассматривал кабинет доктора Стэнтона Локвуда III, научного консультанта при администрации президента США, расположенный на Семнадцатой улице. Проработав в Вашингтоне много лет, Форд знал по опыту: подобные офисы – отражение того, какими их хозяева стремятся быть в глазах общественности. Но прячутся в этих кабинетах и некие тайны, что свидетельствуют об истинной сути их обитателей. Подобную тайну Форд и хотел обнаружить.

Стиль, в котором был оформлен офис Локвуда, Форд называл «вашингтонский политический воротила», сокращенно – ВПВ. Куда ни глянь, всюду красовался антиквариат высшего качества, начиная с огромного письменного стола Второй империи, размером с

«хаммер», и заканчивая французскими каминными часами с позолотой и неброской расцветки султанабадским ковром на полу. Любой элемент здешней обстановки, вне всякого сомнения, стоил целое состояние. Одна из стен, как и полагается, пестрела дипломами в рамках, наградами и фотографиями, на которых обитатель кабинета был изображен с президентами, послами и членами правительства.

Стэнтон Локвуд хотел казаться влиятельным богачом, наделенным властью и не лишенным благоразумия. Однако Форд сразу почувствовал, что для достижения своих целей бедняга прилагает невероятные усилия. Иными словами, этот человек старательно выдавал себя за того, кем на самом деле не был.

Дождавшись, когда гость опустится на стул, Локвуд сел в кресло по другую сторону кофейного столика, положил ногу на ногу и расправил длинной белой рукой складочку на габардиновых брюках.

– Начнем, пожалуй, с обычных формальностей, – сказал он. – Меня зовут Стэн.

– Уайман. – Форд откинулся на спинку стула и внимательнее рассмотрел собеседника. Возраст – под шестьдесят, привлекательная наружность, стрижка за сотню долларов, плечи натренированы в спортзале, возможно, и на сквош-корте, серый пиджак сидит как влитой.

Даже фотография на столе с изображением троих хорошеньких светловолосых детей и их красавицы матери напоминала рекламу о предоставлении неких платных услуг.

– Итак, Уайман, – начал Локвуд деловитым тоном, – я слышал о вас массу прекрасных отзывов. В основном от ваших бывших коллег из Лэнгли. Все сожалеют, что вы их покинули.

Форд кивнул.

– То, что случилось с вашей супругой... Это ужасно. Примите мои искренние соболезнования.

Форд не ответил. Когда кто-либо упоминал о его покойной жене, он не находил нужных слов.

– Насколько я знаю, вы несколько лет провели в монастыре?

Форд молчал.

– Надо полагать, монастырская жизнь пришлась вам не по вкусу?

– Не всякому дано быть монахом.

– В общем, вы уехали из монастыря и занялись частной практикой?

– На жизнь ведь надо чем-то зарабатывать.

– Что за дела расследуете? Что-нибудь интересное?

– Я пока ничего не расследую – только-только открыл агентство. Вы – мой первый клиент. Если, конечно... вы за этим ко мне обратились.

– Да, за этим. Хочу поручить вам одно задание. Взяться за него следует немедленно. Оно займет дней десять, самое большее – две недели.

Форд кивнул.

– В самом начале должен кое о чем вас предупредить: после того как я изложу вам суть дела, вы уже не сможете от него отказаться. Задание это, на мой взгляд, несложное и не грозит опасностью. Выезжать за пределы Соединенных Штатов вам не потребуется. Распространяться о нем нельзя, поэтому, успехом ли оно закончится или неудачей, использовать его в качестве саморекламы вы не сможете.

– Сколько вы готовы заплатить?

– Сто тысяч долларов наличными из-под стола плюс открыто ту сумму, которую вы назначите в соответствии со своими расценками. – Локвуд приподнял брови. – Продолжать?

– Да, – без колебаний ответил Форд.

– Замечательно. – Локвуд достал папку. – Если не ошибаюсь, вы окончили Гарвард, получили степень бакалавра в области антропологии? Нам нужен антрополог.

– В таком случае, боюсь, я не смогу вам помочь. После Гарварда я поступил в Массачусетский технологический институт, изучал кибернетику, получил степень доктора; в ЦРУ в основном занимался криптографией и компьютерами, а с антропологией не

соприкасался уже долгое время.

Локвуд взмахнул рукой, отменяя все объяснения. На его пальце блеснуло кольцо выпускника Принстона.

– Это не столь важно. Вы что-нибудь слышали о проекте... гм... под названием «Изабелла»?

– По-моему, о нем наслышаны все, кого ни спроси.

– Тогда простите, если я повторю вам то, что вы и так прекрасно знаете. «Изабеллу» создали два месяца назад, затратив на нее сорок миллиардов долларов. Это коллайдер второго поколения, сверхсовременный ускоритель заряженных частиц. С его помощью планируют исследовать состояния материи, в которых, как предполагают, она находилась в первые мгновения после Большого Взрыва, и проверить некие теории о возникновении энергии. За ходом работ с особым интересом следит президент. В Европе, в ЦЕРНе, недавно создали Большой адронный коллайдер. В наших интересах сделать важнейшие открытия первыми.

– Разумеется.

– Выделить средства на создание «Изабеллы» было не так-то просто. Левые твердили: в первую очередь необходимо помочь инвалидам. Правые ныли: это всего лишь очередная раздутая правительственная программа, пустая трата денег. Президент находился меж двух огней, однако все же добился одобрения конгресса и проект довели до конца. Теперь это наследие президента, и он ждет не дожидается поразительных результатов.

– Прекрасно понимаю.

– «Изабелла» – это цилиндрический туннель с длиной окружности сорок семь миль, расположенный под землей на глубине трехсот футов. В нем протоны и антипротоны движутся навстречу друг другу со скоростью, близкой к скорости света. Когда частицы сталкиваются, происходит примерно то, что происходило во время зарождения Вселенной.

– Весьма любопытно.

– Мы нашли для «Изабеллы» идеальное место. Называется оно Ред-Меса – Красная столовая гора. Она расположена в резервации индейцев навахо, ее площадь пятьсот квадратных миль. Внутри масса заброшенных угольных шахт, которые мы оборудовали под туннели и бункеры. За аренду горы правительство США выплачивает властям навахо по шесть миллионов долларов в год согласно договору, подписанному обеими сторонами. На горе никто не живет, наверх ведет единственная дорога. У подножия располагаются несколько поселений навахо. Все эти люди – коренные индейцы, большинство до сих пор разговаривают на своем языке, выращивают овец, ткнут ковры и мастерят украшения. Это вкратце об окружении.

Форд кивнул.

– А в чем, собственно, проблема?

– Некоторое время назад выискался знахарь-самозванец, который с помощью разных выдумок и дезинформации стал настраивать людей против «Изабеллы». Народ переполошился. Ваша задача – разобраться с так называемым борцом за общее благополучие.

– А власти навахо принимают какие-нибудь меры?

– Нет. От них никакого проку. Бывшего вождя племени предали суду за присвоение чужого имущества, а новый еще не освоился на посту. Так что разбирайтесь со знахарем, как посчитаете нужным.

– Расскажите о нем поподробнее.

– Его зовут Бегей. Нельсон Бегей. Точный возраст неизвестен – нам так и не удалось разузнать дату его рождения. Он утверждает, что «Изабелла» оскверняет старинное кладбище, что на горе до сих пор пасут овец, и все в таком духе. В знак протеста собирается организовать сборище всадников. – Локвуд достал из папки плотный лист бумаги – листовку. – Вот, взгляните. Это один из его призывов.

На весьма низкого качества ксерокопии был изображен всадник, размахивающий

плакатом: «Пункт сбора: Ред-Меса! Долой «Изабеллу»! 14 и 15 сентября».

Ниже шел текст:

«Защитим Dine Bikeyah,¹ землю наших людей! Ред-Меса, Dzilh Chii – обиталище божества, дающего нам цветы и зерно. «Изабелла» – смертельная рана на его теле, источник радиации и отравы матери-земли.

Соберемся 14 сентября в девять утра в Блю-Гэпе, перед зданием правления, и отправимся верхом по старой дороге Дагвей к фактории Накай-Рок. Совершим у Накай-Рок очистительный ритуал и церемонию «Путь благодати». Вернем себе землю молитвой».

– Вам предстоит присоединиться к группе ученых в качестве антрополога и выступить посредником между ней и местными жителями, – сказал Локвуд. – Выслушайте их требования, постарайтесь успокоить, войти к ним в доверие.

– А если у меня не получится?

– Тогда подорвите авторитет Бегея.

– Каким образом?

– Поинтересуйтесь его прошлым – наверняка оно отнюдь не безупречно, напоите его, сфотографируйте спящим в обнимку с ослицей – не важно.

– В общем, проявить смекалку.

– Именно. Вы же антрополог, вам виднее, как обращаться с туземцами. – Локвуд улыбнулся характерной для людей его круга притворно ласковой улыбкой.

Помолчали. Наконец Форд осведомился:

– В чем же моя настоящая задача?

Локвуд сцепил пальцы в замок и, шире улыбаясь, наклонился вперед.

– Выясните, что там происходит.

Форд молча ждал объяснений.

– Антропологические занятия – лишь прикрытие. О вашем настоящем задании не должен знать никто.

– Понял.

– «Изабеллу» планировалось протестировать и запустить в рабочий режим два месяца назад, но ученые до сих пор мешкают. По их словам, им все что-то мешает. Каких они предлогов только не выдумывали: серьезные программные неполадки, некачественные магнитные катушки, дыры в крыше, неисправная проводка, проблемы с компьютером. Всего не перечислишь. Поначалу я принимал эти бредни за чистую монету, но теперь не сомневаюсь, что меня обводят вокруг пальца. Там что-то не клеится, а они по той или иной причине не желают говорить правду.

– А что они за люди?

Локвуд откинулся на спинку кресла и вздохнул.

– Как вы наверняка знаете, «Изабелла» – детище физика Грегори Норта Хазелиуса. Он и возглавляет набранную им же команду. В ее составе – лучшие из лучших. Каждый прошел тщательную проверку ФБР, то есть сомневаться в их преданности США не приходится. За безопасность отвечает старший офицер разведслужбы, присланный министерством энергетики, за состояние психики – опытный психолог.

– Министерством энергетики? А они здесь при чем?

– Одна из крупных задач этого проекта – изучение новых источников энергии. Миниатюрных черных дыр, материи и антиматерии. Формально ответственность за этот проект несет министерство энергетики. Фактически же, скажу без лишней скромности, на данном этапе всеми делами заведую я.

– А психолог? Зачем он там нужен?

¹ Земли дене (самоназвание индейцев навахо). – Здесь и далее примеч. пер.

– «Изабелла» нечто вроде «Манхэттенского проекта». Ученые там одни, долго не видят близких и знают, что занимаются сверхсекретным делом. Это тяжелое бремя. Мы решили подстраховаться: не дай Бог, кто-нибудь не выдержит...

– Ясно.

– Команда отправилась в Аризону два с половиной месяца назад. Им надлежало подготовить «Изабеллу» и начать работу. По предположениям, на это должно было уйти не более двух недель, однако ученые по сей день там.

Форд кивнул.

– К тому же расходуют пропасть электроэнергии – примерно столько, сколько потребляет целый город средних размеров. Снова и снова запускают агрегат на полной мощности и при этом твердят, что он не работает. Я не раз пытался беседовать с Хазелиусом. У него на любой вопрос мгновенно находится ответ. Хитрец пускается кокетничать, сыпать шуточками и каким-то образом вновь и вновь убеждает меня в том, что черное – это белое. Но я нутром чую – что-то тут не так. И они почему-то это скрывают. Может, дело в поломке оборудования, или неисправности компьютера, или кто-то из них допустил ошибку. А время не терпит. На дворе уже сентябрь, через два месяца – выборы президента. Еще немного, и разразится неслыханный скандал.

– Почему проект назван «Изабелла»?

– Ведущий инженер, Долби, возглавивший группу проектирования, дал агрегату такую кличку. Она, что называется, прижилась. Во всяком случае, «Изабелла» лучше, чем громоздкое официальное название. Может, у этого Долби подружку зовут Изабеллой. В общем, кого-то из близких.

– Вы сказали, безопасность обеспечивает старший офицер охранной службы. Что это за человек?

– Его зовут Тони Уордлоу. Служил в войсках особого назначения, отличился в Афганистане. Потом перешел в Разведывательное управление при министерстве энергетики. Блестяще знает свое дело.

Форд на какое-то время задумался.

– А почему вы полагаете, что они от вас что-то утаивают? Может, им правда мешают проблемы, которые вы перечислили?

– Уайман, у меня лучший нюх в этом городе, и я чувствую, что из Аризоны тянет отнюдь не «Шанель № 5». – Локвуд опять наклонился вперед. – Члены конгресса с обеих сторон давно точат свои длинные ножи. В первый раз они были вынуждены пойти на уступки. Теперь им светит вторая возможность.

– Забавная история, и очень в духе Вашингтона! Соорудить машину за сорок миллиардов долларов и не найти средств на то, чтобы ее завести!

– Да-да, так и выходит, Уайман. Это город безумств. В общем, вам предстоит выяснить, в чем там дело, и отчитаться лично передо мной. Самостоятельных решений не принимайте. Все указания будут поступать отсюда.

Локвуд прошел к письменному столу, достал из выдвижного ящика стопку досье и положил их рядом с телефоном.

– Тут данные о каждом ученом. Медицинские выписки, информация о психическом состоянии, сведения о религиозных предпочтениях и даже о внебрачных связях. – Он грустно улыбнулся. – Мы получили эти досье из Агентства национальной безопасности. Сами понимаете, более достоверной информации собрать просто невозможно.

Форд открыл верхнюю папку. К первому листку была прикреплена фотография Грегори Норты Хазелиуса. Казалось, сияющие голубые глаза ученого загадочным образом смеются прямо на бумаге.

– Хазелиус... Вы знакомы с ним лично?

– Да, – ответил Локвуд, понижая голос. – Должен вас предупредить: с ним будьте особенно осторожны.

– Что вы имеете в виду?

– Он умеет сосредоточить на собеседнике предельное внимание, заморозить его, сделать так, что тот почувствует себя особенным. Мозг Хазелиуса работает в столь невероятно напряженном режиме, что, кажется, способен околдовывать окружающих, а замечания, даже те, что хитрец бросает вскользь, как будто наполнены чрезвычайно важным смыслом. Однажды он при мне всего-навсего указал на обычную скалу, покрытую лишайником. У меня возникло ощущение, что речь идет о невиданном чуде. Хазелиус способен искупать человека в море внимания, обращается со всяким так, будто это самая важная персона на белом свете. И противостоять этому невозможно. Таких подробностей в досье, разумеется, нет. Как ни странно, при общении с Хазелиусом кажется, что... влюбляешься. Да-да, именно так он на тебя и воздействует. Возникает чувство, что его чары высвобождают собеседника из скучной повседневности. Чтобы понять, о чем я толкую, надо хотя бы раз это испытать на себе. Кто предупрежден, тот вооружен. Одним словом, держитесь от него подальше.

Локвуд помолчал, глядя Форду прямо в глаза. Кабинетную тишину разбавлял лишь доносившийся с улицы гул голосов, шум тормозящих шин и автомобильных гудков. Форд сцепил руки в замок на затылке и произнес:

– А почему вы обратились ко мне? По-моему, подобными расследованиями должны заниматься специалисты из ФБР и охранные службы министерства энергетики.

– У вас подходящая биография: антропология, компьютеры, работа в ЦРУ. – Локвуд достал из стопки одну из папок. – И есть еще одно несомненное преимущество.

Форда насторожил его внезапно изменившийся тон.

– Какое?

Локвуд придвинул папку к Форду, тот открыл ее и увидел прикрепленное к внутренней стороне фото. На нем красовалось изображение женщины с блестящими черными волосами и вишнево-кариими глазами.

Форд захлопнул папку, толкнул ее назад к Локвуду и поднялся со стула.

– Вы вызвали меня в воскресенье утром только ради того, чтобы сыграть со мной эту глупую шутку? Простите, но я никогда не смешиваю работу с личной жизнью.

– Слишком поздно. Теперь отказ не принимается.

Форд едва заметно улыбнулся.

– А если я просто возьму и уйду? Не станете же вы меня удерживать?

– Вы работали в ЦРУ, Уайман, и прекрасно знаете, какими методами мы можем на вас воздействовать.

Форд сделал шаг вперед.

– Как страшно. Я весь дрожу.

Консультант по науке, глядя на собеседника снизу вверх, сложил перед собой руки и улыбнулся:

– Простите меня, Уайман. Забираю свои последние слова обратно. Сглупил. Но вы, как никто, должны понимать, насколько важен этот проект для всей нашей страны. «Изабелла» обещает дать ответы на массу вопросов о Вселенной. Раскрыть тайну ее зарождения. Подарить миру неисчерпаемые запасы энергии. Если громадные деньги уйдут как псу под хвост, это будет сущей трагедией для американской науки. Прошу вас, возьмитесь за это дело – пусть не ради меня, не ради президента. Хотя бы ради Соединенных Штатов. Честное слово: «Изабелла» – самое большое достижение нынешнего правительства. Она наше достояние. Политические раздоры и шумиха стихнут и забудутся, а «Изабелла» откроет дверь в невообразимое будущее. – Он снова придвинул папку к Форду. – Она заместитель руководителя проекта. Ей тридцать пять лет, окончила Стэнфорд, кандидат наук, специалист, каких поискать. То, что между вами было, осталось в далеком прошлом. Я знаком с ней лично. Разумеется, на редкость умна, настоящий профессионал, до сих пор не замужем, но это, сами понимаете, не должно иметь для вас особого значения. Пусть она станет вам другом, человеком, с которым можно поболтать о том о сем... и не более того.

– Другом, из которого можно вытянуть важные сведения. Я верно вас понимаю?

– На кону самый грандиозный научный эксперимент в истории человечества. – Локвуд похлопал по досье и взглянул Форду в глаза. – Итак?

Тут Форд заметил, что пальцами левой руки консультант по науке нервно поглаживает лежащий на столе камень. Локвуд, увидев, куда смотрит гость, виновато улыбнулся, будто пойманный с поличным мошенник.

– Хотите знать, что это?

– Что? – спросил Форд, замечая, что Локвуд несколько насторожился.

– Мой талисман.

– Можно взглянуть?

Локвуд неохотно протянул камень Форду. Тот перевернул его и увидел окаменевшие останки трилобита.

– Занятно. У вас что-нибудь с ним связано?

Локвуд мгновение-другое поколебался.

– Этот камень нашел и подарил мне мой брат-близнец в то лето, когда нам исполнилось по девять лет. Трилобит настолько меня поразил, что я заинтересовался наукой. А мой брат... через три недели утонул.

Форд провел пальцем по поверхности камня. Много-много лет его поглаживали и вертели в руках, от этого он стал гладким точно стекло. Форд нашел-таки кабинетную тайну, отражение настоящего Локвуда, и, к своему удивлению, изменил о нем мнение в лучшую сторону.

– Пожалуйста, помогите нам, Уайман.

Форд положил камень на место.

– Хорошо, я согласен. Но имейте в виду: у меня свои методы работы.

Локвуд поднялся с кресла, достал из письменного стола портфель, положил в него стопку досье и закрыл портфель на кодовый замок.

– Внутри найдете спутниковый телефон, ноутбук, карты местности, бумажник, деньги и изложенную на бумаге официальную версию вашего задания. Вас уже ждет самолет. К нему вас проводит мой охранник. Одежду и прочие необходимые вещи вам привезут отдельно. – Он постучал по замку портфеля. – Код – первые десять цифр числа пи. – Его губы растянулись в довольной улыбке.

– А что, если мы отменим пункт «не принимать самостоятельных решений»? – спросил Форд.

Локвуд протянул ему портфель.

– Запомните, – произнес он, – мы с вами никогда не встречались.

Глава 3

Букер Кроули откинулся на спинку мягкого директорского кресла и принялся изучать лица людей, рассаживавшихся перед ним вокруг конференц-стола из экзотического дерева бубинги. За долгие годы успешной лоббистской деятельности Кроули четко уяснил себе, что о книге можно судить по обложке, по крайней мере в большинстве случаев. Он взглянул на человека с нелепым именем Делберт Яззи, который сел напротив: водянистые глаза, понурый вид, дешевенький костюм из магазина, пряжка брючного ремня вычурно отделана серебром и бирюзой, ковбойские сапоги выглядят так, будто на них несколько раз меняли подошву. Казалось, этот неотесанный простак, вчерашний пастух, сам не понимал, как очутился на посту вождя, во главе так называемой страны навахо. В прошлом Яззи работал школьным уборщиком. Следовало разъяснить ему, что на встречи к занятым жителям Вашингтона положено являться по предварительной договоренности, а не возникать как снег на голову, особенно воскресным утром.

Люди, рассеявшиеся по левую и правую руку Яззи, входили в так называемый совет племени. Один, в традиционной бархатной рубашке с серебряными пуговицами, выглядел как настоящий индеец. Его длинные волосы были стянуты в пучок, голову украшала расшитая

бусинами повязка, на шее висело ожерелье из бирюзы. Два других приехали в костюмах «Джей Си Пенни». На пятом, подозрительно белокожем, красовался костюмчик от Армани. С этим следовало держать ухо востро.

– Что ж! – воскликнул Кроули. – Рад познакомиться с новым лидером «страны навахо». Я понятия не имел, что вы в Вашингтоне. Примите мои поздравления с победой на выборах! Поздравляю и вас, члены совета племени. Добро пожаловать!

– Большое спасибо, мистер Кроули, – ответил Яззи негромким бесстрастным голосом. – Нам тоже приятно с вами познакомиться.

– Прошу вас, зовите меня просто Букер!

Яззи немного склонил голову набок и не предложил обращаться к нему по имени. «Неудивительно, – подумал Кроули. – С таким-то имечком! Делберт!»

– Может, желаете чего-нибудь выпить? Кофе? Чай? «Сан-Пеллегрино»?

Все попросили кофе. Кроули нажал на кнопку, отдал распоряжение, и через несколько минут в кабинет вошел служащий с тележкой, уставленной чашками, серебряным кофейником, сливочником и сахарницей. Кроули, внутренне содрогаясь, проследил, как Яззи отправляет в черноту своего кофе пять ложек сахара с горкой.

– Очень рад, что имею возможность лично общаться с народом навахо, – продолжил Кроули приветственную речь. – «Изабелла» почти готова и работает, не сегодня завтра мы вместе отпразднуем общую победу. Премного рад, что между нами и людьми «страны навахо» установились добрые приятельские отношения. Надеюсь, наше успешное сотрудничество будет длиться долгие-долгие годы.

Он вновь откинулся на спинку кресла и улыбнулся, ожидая ответа.

– «Страна навахо» признательна вам, мистер Кроули.

Члены делегации переглянулись и обменялись одобрительными шепотками.

– Мы благодарны вам за все, – продолжал Яззи. – Люди навахо довольны, что могут сделать такой важный вклад в развитие американской науки.

Говорил он медленно, старательно произнося каждое слово, будто вспоминал заученное. Кроули охватило дурное предчувствие. Неужели они явились, потому что их не устраивает цена? Что ж, пусть поторгуются. Они еще не знают, с кем имеют дело. Кучка безмозглых обезьян!

– Мы очень рады, что вы расположили «Изабеллу» на нашей земле и оговорили взаимовыгодные условия с нашими властями, – продолжал Яззи, глядя печальными глазами на Кроули и вместе с тем будто мимо него. – Вы аккуратно выполняете свои обещания. Прежде наши отношения с Вашингтоном складывались не столь удачно.

«Что же им нужно?» – гадал Кроули.

– Спасибо, мистер Яззи, вы очень добры. Рад слышать, что вас все устраивает. Разумеется, мы выполняем обещания. «Изабелла», признаюсь честно, потребовала огромных затрат. Простите, я немного похвальнось: это самый серьезный проект из всех, в которых я когда-либо принимал личное участие. Наконец-то мы вознаграждены за свои великие труды! – Он просиял улыбкой.

– Наверняка расходы в два счета покроются доходами, которые вам принесет «Изабелла».

– Увы, в нее пришлось вложить гораздо больше средств, чем мы рассчитывали. Мой бухгалтер, который занимается расчетами, вот уже несколько недель ходит как в воду опущенный. Зато благодаря «Изабелле» американская наука сделала гигантский шаг вперед, а перед народом навахо открывается масса новых возможностей, в том числе и по трудоустройству.

– Именно об этом мы и хотели с вами побеседовать.

Кроули сделал глоток кофе.

– Да, пожалуйста. Я весь внимание.

– Испытания проведены, «Изабелла» работает. В ваших услугах мы больше не нуждаемся. Когда в октябре истечет срок договора с «Кроули и Стратем», мы не намерены

его продлевать.

Яззи сказал об этом так прямо и столь недипломатично, что Кроули, переваривая услышанное, секунду-другую медлил с ответом. Однако улыбка с его губ не исчезала ни на миг.

– Так-так. Позвольте узнать, с чем это связано? Мы в чем-то обманули ваши ожидания? Или чего-то не учли?

– Нет. Просто, как я уже сказал, научные работы практически завершены, поэтому мы больше не желаем сотрудничать с лоббистской фирмой.

Кроули глубоко вздохнул и опустил чашку на стол.

– Очевидно, вы недопонимаете ситуацию. Впрочем, это неудивительно – Уиндоу-Рок удален от Вашингтона на тысячи миль. – Он наклонился вперед, понижая голос почти до шепота. – Позвольте, я кое-что объясню вам, уважаемый вождь. В этом городе ничто не завершается. И потом, «Изабелла» еще не вполне готова к работе. Есть такая пословица: «Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь». Наши враги – ваши враги – не дремлют. Масса конгрессменов до сих пор мечтают заморозить проект. Таковы вашингтонские законы: тут ничего не забывают и никого не прощают. Завтра могут запросто издать соответствующий указ, и на «Изабеллу» больше не выделят ни цента. Или значительно сократят арендную плату. Вам просто необходимо иметь в Вашингтоне надежного друга, мистер Яззи. Этим другом согласен быть я. В противном случае не миновать серьезных неприятностей. А пока дурные вести дойдут до Уиндоу-Рок, будет слишком поздно.

Он взглянул на лица собеседников, но по ним было невозможно что-либо понять.

– Я настоятельно советую вам продлить договор по крайней мере на шесть месяцев. Пусть это будет своего рода подстраховкой.

Физиономия Яззи оставалась бесстрастной, как у китайца. Договариваться с прежним вождем было куда проще. Тот был любителем полусырых бифштексов, коктейлей «Мартини» и женщин с ярко накрашенными губами. Увы, болван нередко запускал лапу в племенную казну, на чем и попался.

Наконец Яззи заговорил:

– Мы должны сосредоточить внимание на других насущных проблемах, мистер Кроули. Они связаны со школами, трудоустройством, больницами, занятостью молодежи. Только шесть процентов наших дорог покрыты асфальтом.

Кроули не прекращал улыбаться, будто все это время сидел перед камерой. «Неблагодарные свиньи, – думал он. – Хотят получать по шесть миллионов долларов до конца своих дней и еще диктуют условия. А конгресс в самом деле только и ждет удобного случая, чтобы покончить с “Изабеллой”».

– Если правда стряется беда, – продолжал Яззи в своей заунывно-неторопливой манере, – тогда мы немедленно обратимся к вам.

– Мистер Яззи, мы небольшая организация. С каждым клиентом работаю лично я. Сотрудничать с нами мечтают многие, однако мы привыкли иметь дело лишь с избранными. Если вы прекратите с нами всяческие отношения, тогда ваше место тотчас займут другие. Случись беда, и, сами понимаете...

– Тем не менее мы рискнем, – сказал Яззи так твердо, что Кроули не на шутку испугался.

– Еще раз повторяю: я настоятельно рекомендую вам продлить срок договора хотя бы на полгода. Заплатить можете частями. Если желаете, давайте об этом поговорим. Такой расклад вас устроит?

Вождь племени взглянул ему прямо в глаза:

– Ваши расценки слишком высокие. Посмотришь на счета, которые вы нам присылаете, и возникает масса вопросов. Итак, эксперимент успешно завершен. Спасибо вам за услуги. Давайте на этом и разойдемся.

Он встал с места, его примеру последовали и все остальные.

– Приглашаю вас на ленч, мистер Яззи! Плачу, естественно, я. Тут, недалеко от

Кей-стрит, открылся потрясающий французский ресторан. Его управляющий – мой приятель со студенческих времен. Отведаете дивный бифштекс и превосходный «Мартини». – Кроули в жизни не встречал индейца, который отказался бы от халявной выпивки.

– Спасибо, но у нас еще много других дел в Вашингтоне. Нельзя терять ни минуты. – Яззи протянул руку.

Кроули не верил своим глазам. Они уходили – вот так, твердо стоя на своем.

Он поднялся с кресла и, не чувствуя пальцев, пожал руку каждому по очереди. А когда за гостями закрылась огромная дверь розового дерева, без сил привалился к ней. У него в груди бушевала ярость. Явились, будто свалились с луны, не предупредив о своем визите ни письмом, ни телефонным звонком – никак. Запросто вошли, дали от ворот поворот и удалились. Как будто послали куда подальше. Еще и намекнули на то, что он их дурачит! Это после четырех лет сотрудничества и старательной обработки конгрессменов! Он, можно сказать, озолотил их, и что получил взамен? Пинок под зад! «Прощай, ты больше нам не нужен». Ну нет. На Кей-стрит подобное недопустимо.

Кроули выпрямился. Сдаваться после первого удара было не в его правилах. Он намеревался драться до последнего. Каким образом? В его мозгу уже намечался план.

Перейдя во внутренний кабинет, он заперся на ключ и достал из нижнего ящика в письменном столе телефонный аппарат. Этот номер был городской, зарегистрированный на имя чокнутой старушки, проживавшей в доме престарелых, что располагался в соседнем здании. Счета оплачивались с помощью ее кредитной карты, о существовании которой бабуля даже не подозревала. Этим телефоном Кроули пользовался лишь в экстренных случаях.

Нажав на первую кнопку, он замер, внезапно окутанный воспоминаниями. Он приехал в Вашингтон много лет назад, юным парнишкой, исполненным надежд и замыслов. Ему сделалось горько. Но горечь тотчас ушла, смытая новой волной злобы. Становиться жертвой собственной слабости было не время.

Он набрал номер.

– Я хотел бы побеседовать с преподобным Доном Т. Спейтсом.

Разговор получился коротким, но продуктивным. Кроули опустил трубку, чувствуя себя победителем. Не позднее чем через месяц эти голодранцы снова явятся к нему в офис и будут молить о возобновлении переговоров.

В предвкушении новой встречи его влажные, будто резиновые, губы тронула довольная улыбка.

Глава 4

Уайман Форд смотрел в иллюминатор. «Сессна сайтейшн», сделав вираж над горами Лукачукай, пошла на посадку. Ред-Меса поражала воображение. Казалось, это остров в небе, окруженный со всех сторон скалами из желто-красно-шоколадного песчаника. Форд глядел вниз, не отрывая от пейзажа глаз. Сквозь образовавшуюся в тучах дыру на столовую гору устремился солнечный свет, и показалось, что нагорье запылало. Форд будто снижался к затерянному миру.

Самолет приблизился к земле настолько, что стали видны пересекающиеся, похожие на серый лейкопластырный крест взлетно-посадочные полосы, шеренга ангаров и вертолетная площадка. На севере и западе показались укрепленные на гигантских опорах высоковольтные линии электропередачи. Они тянулись туда, где располагалась огороженная двойным забором охраняемая зона. На удалении мили от нее, в тополиной рощице, темнело несколько жилых построек, дальше зеленело поле и тянулось длинное деревянное здание – старая фактория Накай-Рок. Гору пересекала новенькая асфальтовая дорога.

Тремястами футами ниже, в основании одной из скал темнела врезанная в песчаник массивная металлическая дверь. Единственная дорога – Дагвей – уходила вверх, извиваясь, словно змея по древесному стволу.

«Сессна» сильнее наклонила нос. Песчаную поверхность столовой горы испещряли овраги, долины и покрытые булыжниками пустыри. Кое-где рос можжевельник, одинокие чахлые кедры, тут и там зеленели островки полыни и других неброских трав.

Наконец «сессна» приземлилась и помчалась к постройке, сооруженной из гофрированного железа. За ней, поблескивая на солнце, высилось несколько ангаров. Самолет остановился. Летчик открыл дверь. Форд, держа в руке лишь портфель, сошел на теплую бетонированную площадку. Его никто не встречал.

Летчик взмахнул на прощание рукой, вернулся в кабину, и спустя минуту самолетик уже снова был в воздухе – блестящая металлическая птица на фоне небесной синевы.

Как только «сессна» исчезла из вида, Форд неторопливым шагом направился к постройке. На двери висела табличка с надписью, выведенной вручную буквами в стиле Дикого Запада:

«Стоять!

Сунешься, пристрелю. Я к тебе обращаюсь, кореш!

Г. Хазелиус, начальник».

Форд тронул вывеску пальцем, и она со скрипом закачалась. Вторая табличка висела на столбике сбоку и предупреждала о том же, однако сухим официальным языком. По округе гулял ветер, закручивая в спирали желтую пыль.

Дверь оказалась заперта. Форд отошел на несколько шагов назад, чувствуя себя так, будто его занесло в «Хороший, плохой, злой».

Скрип вывески и свист ветра пробудили в его памяти воспоминание о тех минутах, когда, возвращаясь из школы, он доставал висевший на шее ключ и открывал дверь большого вашингтонского дома, где его никто не ждал. Мать всю жизнь занималась общественными делами и сбором средств, а отец посвящал всего себя политике.

Рев подъезжающего автомобиля заставил его вернуться в настоящее. Джип «вранглер» скрылся за постройкой, выехал на бетонированную площадку, жалобно взыв, резко повернул и остановился прямо перед Фордом. Из кабины выпрыгнул человек с широкой улыбкой на лице. Грегори Норт Хазелиус. Он выглядел так же, как на снимке в досье. От него так и веяло бодростью.

– Ya' at' eeh shi ei, Грегори! – воскликнул Хазелиус, пожимая Форду руку.

– Ya' at' eeh, – ответил Форд. – Неужели вы выучили навахо?

– Всего несколько слов. С помощью одного своего бывшего студента. Добро пожаловать!

Направляясь сюда, Форд бегло ознакомился с досье Хазелиуса. По непроверенным данным, гений-физик говорил на двенадцати языках, в том числе на персидском, на двух диалектах китайского и на суахили. О навахо в документах не упоминалось.

Высокий, ростом шесть футов четыре дюйма, Форд привык смотреть на собеседников сверху вниз. С малорослым Хазелиусом ему приходилось наклонять голову больше обычного. На физике были тщательно выглаженные брюки защитного цвета, светлая шелковая рубашка и индейские мокасины. Его ярко-голубые глаза смотрелись как два синих мозаичных стеклышка, подсвеченных изнутри. Орлиный нос переходил в высокий гладкий лоб, волнистые каштановые волосы были аккуратно причесаны. Оставалось теряться в догадках: как в таком небольшом человечке умещается столько энергии?

– Не ожидал, что за мной приедет сам великий изобретатель.

Хазелиус засмеялся:

– Мы тут все выполняем по несколько ролей. Я, например, по совместительству порой работаю шофером. Милости прошу в машину.

Форд, нагнув голову, сел на переднее пассажирское сиденье. Хазелиус вспрыгнул за руль с легкостью птахи.

– Когда мы начинали работать с «Изабеллой», я решил: обойдемся без

обслуживающего персонала. Посторонние нам только помешали бы. И потом, – добавил он, глядя на Форда с веселой улыбкой, – мне не терпелось скорее познакомиться с тобой. Ты наш Иона.

– Иона?

– Нас было двенадцать. Теперь стало тринадцать. Из-за тебя, не исключено, нам придется кого-нибудь выставить вон.

– Вы что, настолько суеверные?

Хазелиус вновь рассмеялся:

– Не то слово! Я, например, шагу ступить не могу, если со мной нет моего талисмана – заячьей лапки. – Он достал из кармана старую облезлую лапу жуткого вида. – Подарок от отца. Мне тогда было всего шесть лет.

– Очень мило.

Хазелиус нажал на педаль газа, и джип рванул вперед. Форда вдавило в спинку сиденья. Машина пронеслась по бетонированной площадке и вырулила на новенькую асфальтовую дорогу, что петляла между кустами можжевельника.

– Тут как в летнем лагере, Уайман. Чем только не приходится заниматься. Кашеварим, чистим, водим машину. Ну и все остальное. Наш специалист по теории струн готовит такую вырезку гриль, что просто пальчики оближешь. А психолог устроил замечательный винный погреб. Да у нас все очень разносторонне одаренные.

Джип повернул так резко, что взвыли шины. Форд едва успел схватиться за ручку.

– Страшно?

– Нет,нисколько. Наоборот: кляю носом. Как приедем, пожалуйста, разбуди меня.

Хазелиус засмеялся:

– Обожаю эту пустынную дорогу. Ни одного копа, и обзор на несколько миль вокруг. А ты, Уайман? Ты можешь похвастать какими-нибудь талантами?

– Я за милую душу поработаю посудомойкой.

– Отлично!

– Могу нарубить дров.

– Тоже хорошо!

Хазелиус мчал на всех парусах, прямо посередине дороги.

– Прости, что не приехал раньше. Мы запускали «Изабеллу». Хочешь, устрою для тебя маленькую экскурсию?

– Конечно.

Джип на полной скорости полетел в гору.

– Накай-Рок, – сказал Хазелиус, указывая на каменистую возвышенность, которую Форд видел с воздуха. – Старая фактория названа по имени холма. Мы и нашу деревню зовем Накай. Кстати, все хочу узнать, что это значит.

– Так на языке навахо называют мексиканцев.

– Спасибо. Ужасно рад, что ты так быстро приехал. С местными нам никак не сговориться. Локвуд отзывается о тебе лестно.

Лента асфальта бежала вниз, петлей огибая заросшую тополями долину. Вокруг краснели каменистые холмы. Сбоку, вдоль дорожного изгиба, под сенью деревьев красовалась дюжина построек из кирпича, стилизованного под необожженный. Перед каждой зеленела небольшая лужайка, окруженная белой оградой. Внутри петли, выделяясь на фоне холмов ярко-зеленым пятном, располагалась спортивная площадка. В противоположном конце долины возвышался, точно главный судья, огромный валун.

– В общем и целом мы планируем построить здесь дома для двухсот семей, – сообщил Хазелиус. – Нечто вроде городка для работающих на объекте ученых, их семей и обслуживающего персонала.

Джип промчался мимо домов и круто свернул.

– Теннисный корт, – сказал Хазелиус, указывая налево. – Конюшня, а в ней три лошади.

Они подъехали к живописному строению, сооруженному из бревен и необожженного кирпича. Его притеняли могучие тополя.

– А это и есть фактория, переоборудованная под столовую, кухню, буфет, и прочее и прочее. Тут можно поиграть в пул, в пинг-понг, настольный футбол, посмотреть кино, посидеть в библиотеке.

– Зачем на такой высоте фактория?

– Пока навахо не выгнали шахтеры, они пасли на этой горе овец. А здесь обменивали сотканные из шерсти ковры на продукты и всякую всячину. Ковры из Накай-Рок, может, не так известны, как, скажем, из Ту-Грей-Хиллс, но по качеству ничуть им не уступают. Здешние, пожалуй, даже лучше. – Хазелиус повернулся к Форду. – Ты где проводил исследования?

– В городе Рама, штат Нью-Мексико. – «Там я пробыл всего одно лето, когда еще был студентом», – добавил Форд про себя, но вслух этого не сказал.

– Рама, – повторил Хазелиус. – Не там ли антрополог Клайд Клакхон добывал материалы для своей знаменитой книги «Черная магия навахо»?

Глубина познаний Хазелиуса поражала Форда.

– Да, там.

– Ты бегло говоришь на навахо? – спросил Хазелиус.

– Нет. С моей «беглостью» дважды два попасть впросак. Навахо – один из самых сложных языков в мире.

– Поэтому-то он всегда меня и интересовал. С его помощью мы выиграли Вторую мировую войну.

Джип, взвизгнув, приостановился перед небольшим аккуратным домиком с террасой и огороженным двором. На любовно ухоженной лужайке белел стол и темнела жаровня для барбекю.

– Резиденция Форда, – объявил Хазелиус.

– Красота. – Вообще-то сам дом, построенный наполовину в индейском стиле, ничем особенным не поражал, напротив, выглядел крайне провинциально, даже невзрачно, но его окружение очаровывало.

– Казенные дома повсюду одинаковые, – сказал Хазелиус. – Но внутри, сам увидишь, вполне удобно.

– А где все остальные?

– В Бункере. Так мы называем подземный комплекс, в котором располагается «Изабелла». Кстати, а где твои вещи?

– Их пришлют завтра.

– Надо полагать, тебя отправили сюда в срочном порядке.

– Не позволили даже заскочить за зубной щеткой.

Хазелиус помчал дальше, опять на всех парусах, а у последнего изгиба петли сбросил скорость, свернул с асфальтированной дороги и ловко проскочил между кустами по двум неровным выбоинам.

– Куда мы едем?

– Сейчас узнаешь.

Огибая булыжники и канавы, джип стал взбираться вверх по странному леску из можжевельника и засохших кедров. Впереди, на удалении нескольких миль, возвышался крутой холм из красного песчаника.

Джип остановился. Хазелиус выпрыгнул наружу.

– Это наверху.

Заинтригованный, Форд проследовал за ним по уступам на вершину величественного холма, а когда преодолел нелегкий путь, замер от изумления. Они стояли на самом краю столовой горы.

– Здорово, правда? – спросил Хазелиус.

– Страшно. Так и кажется, что подойдешь к самому краю и сам не заметишь, как

ухнешь вниз.

– Существует легенда о ковбое навахо, который в поисках теленка примчался сюда верхом на коне и сорвался с края утеса. Говорят, его chindii, то есть дух, в самые темные ночи, в бурю, до сих пор скачет тут на своем коне.

С обрыва открывался невероятно красивый вид. Внизу простиралась древняя земля, усеянная кроваво-красными скалистыми обломками всевозможных размеров и причудливых форм. На горах вокруг как будто лежали слоями другие горы. Казалось, это самый край мироздания, то место, в котором Бог оставил все как есть, отчаявшись найти возможность упорядочить жизнь на безумной земле.

– Вон та огромная столовая гора вдаль, – сказал Хазелиус, – называется Безлюдной. Ее длина девять миль, а ширина – миля. Рассказывают, будто наверх ведет секретная тропа, найти которую не удалось еще ни единому белому человеку. Впереди Меса-Шонто, слева Пьюте-Меса. Дальше река Сан-Хуан и Седар-Меса.

В воздух взмыли два ворона, нырнули вниз и вновь исчезли в окутывавшей землю дымке. Их крики раскатились эхом по многочисленным каньонам.

– На нашу гору можно взобраться лишь двумя путями: по Дагвей – дороге, по которой мы приехали, и по тропе. Навахо зовут ее Полночной тропой. Она начинается в паре миль отсюда, а заканчивается внизу, у того небольшого поселения.

Они собрались уходить, но тут Форд увидел отметины на громадном слоистом булыжнике с небольшой трещиной.

– Что-нибудь заметил? – спросил Хазелиус, проследив за его взглядом.

Форд подошел к камню и провел рукой по неровной поверхности.

– Застывшие капли вулканической лавы. И... окаменелые следы насекомого.

– Знаешь, – негромко произнес ученый, – здесь кто только не бывал. Все забирались на эту вершину полюбоваться видом. Однако до этого камня никому не было дела. За исключением меня, разумеется. Капли лавы, которая хлынула из вулкана примерно во времена динозавров. Немного погодя по влажному песку прошел какой-то жук. Неприметный исторический момент окаменел и остался на века. – Хазелиус с благоговением прикоснулся к камню. – Ни одно творение человека – ни «Мона Лиза», ни Шартрский собор, ни даже египетские пирамиды – не проживет на свете так долго, как следы жука на мокром песке.

Форда эта мысль странным образом взволновала.

Хазелиус провел пальцем по дорожке, проложенной древним насекомым, и выпрямился.

– Что ж! – воскликнул он, хватая Форда за плечо и с чувством его пожимая. – Надеюсь, мы с тобой подружимся.

Форд вспомнил предупреждение Локвуда.

Хазелиус повернулся в сторону юга и жестом обвел поверхность горы.

– В палеозойскую эру тут было громадное болото. А века спустя это место стало одним из богатейших в Америке месторождений угля. Его добывали в пятидесятые. Старые туннели прекрасно подошли для «Изабеллы».

Лицо Хазелиуса, почти без морщин, освещало солнце. Он улыбнулся Форду:

– Лучшего места для нее было невозможно найти, Уайман. Тут мы одни, никто нам не мешает, и мы никого не тревожим. Но для меня главная прелесть – это красоты здешних мест. Ведь загадка и красота играют в физике важнейшую роль. Как говорил Эйнштейн, самое прекрасное в мире – таинственность. Она источник всех настоящих наук.

Форд смотрел на солнце, медленно опускавшееся на западе к глубоким каньонам. Казалось, это золотой шар, преобразующийся в медь.

– Готов спуститься под землю? – спросил Хазелиус.

Глава 5

Джип, виляя и подпрыгивая на ухабистой почве, отправился назад, к дороге. Очувтившись на полосе ровного асфальта, Хазелиус снова прибавил скорость. Форд взялся рукой за потолок и постарался не обнаруживать тревогу.

– Ни единого копа! – улыбаясь, воскликнул Хазелиус.

Проехав с милую, они увидели ворота, встроенные в двойную ограду. Верх забора укрепляла спираль из колючей проволоки, между собой заборы были соединены цепями. В последнюю секунду Хазелиус ударил по тормозам. Завизжали шины.

– Все, что внутри, – охраняемая секретная зона.

Он подошел к столбику и набрал на клавиатуре код. Раздался гудок, и ворота открылись. Хазелиус въехал внутрь и остановил джип рядом с другими машинами.

– Лифт, – сказал он, указывая кивком на высокую башню, примостившуюся сбоку горы. Подъемник гирляндой обвивала спираль из антенн и спутниковых тарелок.

Они приблизились к лифту. Хазелиус вставил карту в прорезь на автомате перед металлическими дверьми и приложил ладонь к сканеру. Мгновение спустя послышался знойный женский голос:

– Добрый день, дорогой. Кто это с тобой?

– Уайман Форд.

– Дай взглянуть на твою кожу, Уайман.

Хазелиус улыбнулся:

– Она имеет в виду: приложи ладонь к сканеру.

Форд прижал руку к теплому стеклу. Внутри двинулась вниз полоска света.

– Подождите. Я проверю, можно ли новенькому войти.

Хазелиус засмеялся.

– Нравится наша охранная система?

– Весьма... необычная.

– Это и есть «Изабелла». Обычно подобные объявления делаются механическим, искусственным голосом, как у Хэла в «Космической одиссее». «Прошу внимания: меню изменилось», – произнес Хазелиус, подражая выговору актера. – У «Изабеллы» же свой особенный голос. Его запрограммировал наш инженер, Кен Долби. По-моему, для этого ему пришлось нанять какую-то рэп-певицу.

– А кто настоящая Изабелла?

– Не знаю. Кен, когда его об этом спрашиваешь, ничего толком не говорит.

Опять раздался медвяный голос:

– Порядок. Парнишка свой. Теперь ты в системе. Смотри не балуй.

Металлические двери с тихим свистом раскрылись, открывая вход в кабину лифта. Хазелиус и Форд поехали вниз. Виды вокруг можно было наблюдать через крошечное окошко. Лифт остановился, и сладкоголосая «Изабелла» предупредила: «Осторожно, ступенька».

Внизу простиралась огромная платформа. Она вела к громадной титановой двери, которую Форд видел из самолета. Ее ширина достигала футов двадцати, а высота – по меньшей мере сорока.

– Это наша база. Кругом тоже немыслимая красота, согласен? – спросил Хазелиус.

– Надо было и здесь построить дома.

– Тут начиналась богатейшая угольная залежь. С этого участка извлекли пятьдесят миллионов тонн угля. Что от них осталось? Одни пещеры. Но нам они подошли идеально. Было крайне важно расположить «Изабеллу» глубоко под землей, чтобы радиация не проникала на поверхность при работе установки на полной мощности.

Хазелиус приблизился к титановой двери.

– Эту крепость мы и называем Бункером.

– Номер, радость моя, – сказала «Изабелла».

Хазелиус нажал несколько кнопок на пульте, вводя код. Секунду спустя голос произнес:

– Входите, мальчики.

Дверь стала подниматься.

– А почему все до такой степени строго? – поинтересовался Форд.

– В проект вложено сорок миллиардов долларов. К тому же большинство наших программ и оборудования секретные.

За дверью начиналась гигантская пещера. Внутри пахло пылью, дымом и самую малость – плесенью, что напомнило Форду о погребке его бабушки. Бодрящая прохлада после пустынной жары казалась великим благом. Дверь с грохотом опустилась, и Форд заморгал, привыкая к освещению натриевыми лампами. Пещера поражала огромными размерами. Глубина ее была футов шестьсот, а высота – пятьдесят. Впереди, в дальней стене, виднелась овальная дверь, за которой тянулся туннель, изобилующий трубами из нержавеющей стали и пучками проводов. Валивший из двери пар ручьями стекал по полу пещеры и медленно растворялся в воздухе. Слева темнела врезанная в камень бетонная стена со стальной дверью. На двери висела табличка с надписью «МОСТ». Напротив стены высились штабеля металлоконструкций, колонн и балок, груды строительных материалов, стоял целый парк: тяжелая техника и с десятков мототележек для гольфа.

Хазелиус прикоснулся к руке Форда:

– Прямо перед тобой – овальный вход к самой «Изабелле». Конденсат – от сверхпроводящих магнитов. Их приходится охлаждать жидким гелием при температуре, близкой к абсолютному нулю. Так достигается сверхпроводимость. Туннель идет в глубь горы. Его диаметр – пятнадцать миль. Внутри и циркулируют пучки элементарных частиц. Тележки нужны для передвижения по туннелю и перевозки всего необходимого. А теперь пойдем, познакомишься с остальными.

Они пошли через пещеру. Эхо шагов раскатывалось по огромному пространству, точно по собору. Форд, будто между прочим, спросил:

– Как продвигаются дела?

– Не очень, – ответил Хазелиус. – То одна проблема, то другая.

– Что за проблемы?

– На этот раз – с программным обеспечением.

Они приблизились к двери с надписью «МОСТ». Хазелиус открыл ее и пропустил Форда в коридор, обшитый деревом и выкрашенный в грязно-зеленый цвет. На потолке горели люминесцентные лампы.

– Вторая дверь направо. Впрочем, давай я сам открою.

Форд очутился в залитой светом округлой комнате с огромными плоскими экранами на стенах. Кабинет напоминал мостик космического корабля, а мониторы – иллюминаторы, смотрящие на просторы Вселенной. Сейчас экраны не работали, на них мигали звездами одинаковые заставки, что усиливало космическое впечатление.

Под мониторами располагались огромные блоки управления, приборные панели и рабочие станции. Посередине кабинета в специальном углублении темнело ретро-футуристическое вращающееся кресло.

Ученые отвлеклись от дел и с любопытством взглянули на Форда. Его поразили их осунувшиеся и бледные, как у пещерных людей, лица и изрядно помятая одежда. Они выглядели хуже, чем студенты-выпускники во время подготовки к последнему экзамену. Форд невольно стал искать глазами Кейт Мерсер, но тут же одернул себя и придал лицу почти бесстрастное выражение.

– Ничего знакомого не замечаешь? – спросил Хазелиус, весело блестя глазами.

Форд огляделся вокруг. Это помещение и впрямь казалось знакомым. Внезапно до него дошло почему.

– Туда, где не бывал человек... – в изумлении пробормотал он.

Хазелиус довольно рассмеялся:

– Угадал! Это помещение точь-в-точь как мостик звездолета «Энтерпрайз» из «Звездного пути»! Мне показалось, что такой дизайн идеально подойдет для центра

управления ускорителем частиц.

Общее фантастическое впечатление несколько портила мусорная корзина, доверху наполненная жестяными банками из-под газировки и коробками из-под замороженной пиццы. Пол устилали смятые бумаги и конфетные фантики, а у одной из вогнутых стен лежала на боку неоткупоренная бутылка шампанского.

– Прости, у нас тут бардак. Все мысли о работе. Здесь только половина команды. С остальными познакомишься за ужином. – Хазелиус повернулся к коллегам: – Дамы и господа, позвольте вам представить нашего нового сотрудника, Уаймана Форда. Он антрополог, будет вести переговоры с местным населением. Его прислали по моей просьбе.

Кто-то кивнул, кто-то пробормотал слова приветствия. Лишь на нескольких лицах мелькнули подобия улыбок. Форд был для этих людей лишь поводом минутку-другую отдохнуть от дел. Его это вполне устраивало.

– Я, пожалуй, пройдусь по кругу и быстро представлю тебе каждого в отдельности. А ближе познакомимся за ужином.

Остальные молчали, не выражая особого интереса.

– Это Тони Уордлоу, старший офицер разведки. Он заботится о том, чтобы нас никто не тревожил.

Кряжистый крепыш сделал шаг вперед.

– Приятно познакомиться, сэр.

У него была короткая стрижка, военная выправка и суровое выражение на землисто-сером утомленном лице. Как Форд и предположил, Уордлоу сжал его руку так, будто хотел ее сломать. Форд ответил тем же.

– Джордж Иннс, наш психолог, – сказал Хазелиус, продвигаясь дальше. – Он раз в неделю проводит с каждым из нас беседы, поэтому-то мы до сих пор в своем уме. Представить не могу, что бы мы без него делали.

При этих словах некоторые закрыли глаза, другие обменялись многозначительными взглядами, из чего Форд понял, как «высоко» тут ценится помощь Иннса. Психолог пожал новичку руку сдержанно и профессионально – словом, так, как и положено при знакомстве с новым человеком. На нем были тщательно выглаженные брюки «Л.Л. Бин» цвета хаки и клетчатая рубашка. В прекрасной форме, ухоженный, он выглядел так, будто считал, что проблемы бывают у всех вокруг, только не у него.

– Приятно познакомиться, Уайман, – произнес он, глядя на Форда поверх очков в черепаховой оправе. – Наверняка ты чувствуешь себя как ученик, который перешел в другую школу посреди четверти.

– Да, примерно так.

– Если понадобится помощь, я всегда готов тебя выслушать.

– Спасибо.

Хазелиус подвел Форда к жутко неопрятному молодому человеку лет тридцати с небольшим, что сидел за столом, согнувшись в три погибели. Он был тощий как жердь, с длинными жирными русыми волосами.

– Петр Волконский, наш инженер по программному обеспечению. Он русский, из Екатеринбурга.

Волконский нехотя встал из-за стола и оглядел Форда беспокойными, как у сумасшедшего, глазами. Руки он не протянул, лишь кивнул и кратко сказал:

– Привет.

– Очень приятно, Петр.

Волконский сел на место и продолжил бегать пальцами по клавиатуре. Его костлявые лопатки, покрытые дырявой футболкой, торчали, как у ребенка-заморыша.

– А это Кен Долби, – произнес Хазелиус. – Наш ведущий инженер и проектировщик «Изабеллы». Настанет день, и в Смитсоновском институте появится его скульптура.

Долби, афроамериканец лет тридцати девяти, сам подошел ближе. Расслабленный, как калифорнийский серфер, он был высокий, широкоплечий, приветливый и, казалось, простой

в общении. Форду он сразу понравился. Как и все, Долби выглядел смертельно уставшим – белки глаз испещряли красные прожилки. Он протянул руку:

– Добро пожаловать! Прости, что встречаем тебя в таком виде. Некоторые из нас на ногах тридцать шесть часов подряд.

Хазелиус повел Форда дальше.

– Алан Эдельштайн, наш математик.

Человек, которого до этой минуты Форд не замечал, ибо тот сидел в стороне от других, оторвал глаза от книги – «Поминки по Финнегану» Джойса – и, пристально глядя на Форда, поднял в знак приветствия палец. Выражение его лица говорило о том, что мир для него – развлечение, к которому он относится с некоторым пренебрежением.

– Как книга? – поинтересовался Форд.

– Очень увлекает.

– Алан – человек немногословный, – сказал Хазелиус. – Но на языке математики говорит с блеском. К тому же он гениальный заклинатель змей.

Эдельштайн ответил на комплимент благодарственным кивком.

– Заклинатель змей? – переспросил Форд.

– У Алана весьма необычное хобби.

– Он держит в качестве домашних любимцев гремучих змей, – объяснил Иннс. – Похоже, они его любят. – Голос психолога прозвучал шутливо, однако Форд уловил в нем едва заметное напряжение.

Эдельштайн, глядя в книгу, произнес:

– Змеи очень интересные и полезные существа. К тому же они едят крыс. А их тут, кстати сказать, полным-полно. – Он бросил на Иннса многозначительный взгляд.

– Алан оказывает нам большую услугу, – сказал Хазелиус. – Благодаря мышеловкам, расставленным по Бункеру и в других местах, нас не тревожат ни грызуны, ни хантавирус. Алан кормит крысами своих змей.

– А как ты ловишь гремучих змей? – спросил Форд.

– С предельной осторожностью, – ответил за Эдельштайна Иннс, усмехаясь и поправляя на носу очки.

Математик приковал к Форду взгляд своих темных глаз.

– Если увидишь змею, дай мне знать. Я покажу тебе, как их ловить.

– Очень любопытно.

– Вот и замечательно, – торопливо произнес Хазелиус. – Позволь представить тебе Рей Чен, нашего инженера по вычислительной технике.

Женщина азиатской наружности, настолько юная, что у входа в ночной клуб у нее непременно спросили бы документы, бодро вскочила со стула, тряхнув черными волосами длиной по пояс. Она была одета как обыкновенная студентка Беркли: в линялой футболке с изображением «пацифика», символа мира, и джинсах с заплатками из кусочков британского флага.

– Привет. Приятно познакомиться, Уайман. – У нее были поразительно умные, чуть настороженные черные глаза. Впрочем, скорее не столько настороженные, сколько усталые.

– Мне тоже.

– Познакомились, и снова за работу! – воскликнула она с ненатуральной веселостью, кивая на свой компьютер.

– Ну вот, кажется, и все, – пробормотал Хазелиус. – Да, а где Кейт? Я думал, она просчитывает, значительны ли радиационные выбросы.

– Она ушла пораньше, – ответил Иннс. – Сказала, что займется ужином.

Хазелиус повернулся к своему стулу и с чувством шлепнул рукой по спинке.

– Во время работы «Изабеллы» мы будто наблюдаем создание Вселенной. – Он усмехнулся. – Что ж, я снова и не без удовольствия сажусь в свое кресло капитана Кирка. Буду наблюдать, как мы всей компанией отправляемся туда, где еще не бывал человек.

Глядя, как он усаживается и с улыбкой закидывает ногу на ногу, Форд подумал, что

Хазелиус единственный из всей этой компании не выглядит чертовски уставшим.

Глава 6

В воскресенье вечером преподобный Дон Т. Спейтс осторожно, чтобы не помять брюки и итальянскую рубашку ручной работы, усадил свое тучное тело в кресло для макияжа. Под его тушей заскрипела и заскулила обивочная кожа. Он медленно опустил голову на подголовник. Ванда терпеливо ждала, держа наготове накидку.

– Сегодня сделай меня красавцем, Ванда, – сказал преподобный Дон Т. Спейтс, закрывая глаза. – Сегодня великое воскресенье. По-настоящему великое.

– Вы будете выглядеть на все сто, преподобный. – Ванда надела на него накидку и застегнула ее.

Успокоительно загремели флаконы, запорхали кисточки и зашептались щетки. Особое внимание следовало сосредоточить на пигментных пятнах и красноватой сетке сосудов на щеках и носу. Ванда, мастер своего дела, знала, что ее высоко ценят. А преподобный, несмотря на то что о нем болтали разную ерунду, был, по ее мнению, человеком порядочным и весьма симпатичным.

Лицо Спейтса она обработала быстро и успешно, над ушами же корпела с особым старанием, потому что без грима они словно бы пламенели и оттопыривались чуть более допустимого. Порой, когда преподобный стоял на сцене, освещенной сзади, его уши казались отлитыми из ярко-алого стекла. Дабы скрыть эту красноту, Ванда сначала покрывала их толстым слоем крема, на три тона темнее лица, а в самом конце густо напудривала. Лишь после этого уши смотрелись более или менее сносно.

Оглаживая и похлопывая физиономию клиента, Ванда поглядывала на монитор, подключенный к камере, которая была направлена на преподобного. Порой даже безупречный макияж на экране выглядел жутковато и неестественно, а преподобный должен был представлять перед телезрителями в безукоризненном виде.

Ванда маскировала его подобным образом дважды в неделю: по воскресеньям, перед проповедью, которую передавали по телевидению, и по пятницам, перед съемками ток-шоу на кабельном христианском канале.

Но, право же, преподобный был весьма славный человек.

Преподобный Дон Т. Спейтс успокоился и расслабился в умелых и ласковых руках Ванды. Годик выдался не из легких. Враги так и норовили отравить ему жизнь: нещадно поливали его грязью, коверкали всякое его слово. Стараниями атеистов-левых даже его проповеди подвергались гнусным нападкам. Ужасно, когда духовное лицо должно страдать лишь потому, что говорит святую правду. Да, конечно, однажды с ним приключилась маленькая неприятность – в мотеле, с двумя проститутками. Вруны-безбожники чуть не сошли с ума от радости. Но ведь плоть слаба, об этом не раз говорит даже Библия. В глазах Иисуса мы все безнадежные грешники. За свой проступок Спейтс попросил прощения, Господь услышал его и помиловал. Лицемерные же и злобные люди прощают с трудом, если вообще на это способны.

– Теперь зубы, преподобный.

Спейтс открыл рот, и умелые руки Ванды нанесли на поверхность зубов специальную жидкость, благодаря которой на телеэкране они казались жемчужно-белыми, точно ворота в рай.

Потом Ванда принялась за его жесткие апельсиново-рыжие волосы, торчавшие в разные стороны, и вскоре они послушно улеглись в прическу, а благодаря специальному спрею и пудре стали более темными, благородно-рыжими.

– Руки, преподобный.

Спейтс вытащил из-под накидки веснушчатые кисти и положил их на маникюрный столик. Руки всегда волновали Спейтса больше всего прочего. Они должны были выглядеть

идеально, ведь служили своего рода помощниками голоса. Плохо размазанный крем на пальце, который запросто могла обнаружить камера, грозил свести на нет все, что он старался передать людям.

На руки ушло пятнадцать минут. Ванда вычистила грязь из-под ногтей, отшлифовала их, удалила заусеницы и кутикулу, покрыла ногти прозрачным лаком и в последнюю очередь намазала руки кремом, благодаря которому они стали менее морщинистыми и такого же цвета, как лицо.

Еще один внимательный взгляд на монитор, пара последних нежных шлепков, и Ванда отошла на два шага в сторону.

– Готово, преподобный.

Она повернула к нему экран. Спейтс изучил свое изображение – лицо, глаза, уши, губы, зубы и руки.

– А что это за пятно на шее, а, Ванда? Ты не обратила на него внимания. Опять.

Прикосновение губки, взмах кисточки, и пятна как не бывало. Спейтс крикнул от удовольствия.

Ванда сняла с него накидку и вновь отошла. Помощник Спейтса, Чарлз, тотчас подскочил с пиджаком. Спейтс расставил руки, и Чарлз надел на него пиджак, одернул рукава, поправил лацканы, смахнул соринки и завязал галстук.

– А туфли, Чарлз?

Чарлз тут же нагнулся и на всякий случай провел бархаткой по туфлям Спейтса.

– Который час?

– Без шести восемь, преподобный.

Читать проповедь в воскресенье вечером – в так называемый телевизионный час пик – Спейтс решил много лет назад. Он назвал свою передачу «Время Господне». Все в голос предрекали ему провал, полагая, будто зрители предпочтут его проповеди передачи и занятия поинтереснее. Однако Спейтс не ошибся и до сих пор выступал в тот же день и в то же время.

Сопровождаемый Чарлзом, он направился из гримерной к сцене и вскоре услышал голоса тысяч правоверных, рассаживавшихся в соборе, откуда велась двухчасовая воскресная трансляция «Времени Господнего».

– Остается три минуты, – шепнул Чарлз ему на ухо.

Спейтс приостановился за кулисами и глубоко вздохнул. На экранах появились обращения к публике, и она мало-помалу притихла. Время приближалось.

Спейтс почувствовал, как божественные силы наполняют всю его сущность святым духом. Он обожал эти последние минуты перед проповедью; с ними ничто на свете не шло ни в какое сравнение. Казалось, в нем разгорается огонь, а душа поет в предвкушении великой радости.

– Народу много? – шепотом спросил он у Чарлза.

– Процентов шестьдесят.

В сердце Спейтса, переполненное ликованием, будто вонзили холодный нож. Шестьдесят процентов... На прошлой неделе было семьдесят. А полгода назад люди каждое воскресенье стояли в очереди, и далеко не всем хватало билетов. Увы, после неприятности в мотеле доходы с проповедей сократились вдвое, телеаудитория уменьшилась на сорок процентов, а скоты с кабельного христианского канала подумывали закрыть ток-шоу «Америка за круглым столом». «Время Господне» переживало худшие за тридцать лет существования времена. Если в ближайшем будущем финансовое положение не улучшится, Спейтс будет вынужден нарушить обязательства по проекту «Прикоснись к Иисусу», благодаря которому он собрал на постройку этого храма средства с сотен тысяч верующих.

Он вернулся мыслями к встрече с лоббистом Букером Кроули, состоявшейся несколькими часами ранее. Сам Господь привел к Спейтсу лоббиста с нынешним предложением. Если все пойдет как надо, значит, в скором времени его дела, в том числе и финансовые, благополучно поправятся. Креационизм против эволюции – этот спор давно

устарел и не сулил перемен к лучшему, особенно в наши дни, когда конкурентов-проповедников на телевидении развелось как грязи. Но идея Кроули радовала новизной и обещала немалые прибыли.

Не извлечь из нее выгоды в столь трудные времена было бы просто глупо.

– Пора, преподобный, – послышался сзади негромкий голос Чарлза.

Вспыхнули лампы, и публика разразилась приветственными возгласами. Преподобный Спейтс, склонив голову и вскинув сложенные вместе руки, появился на сцене.

– Время Господне! – объявил он своим звучным густым басом. – Время Господне! Грядет время Господней славы!

Резко остановившись посреди сцены, Спейтс поднял голову и протянул руки вперед, будто о чем-то моля публику. Его пальцы слегка дрожали, а слова раскатывались по всему собору.

– Приветствую всех вас возлюбленным именем Господа нашего и Спасителя, Иисуса Христа!

Гигантский собор взорвался одобрительными криками. На экранах высвечивались надписи, побуждающие толпу без стеснений выражать свой восторг. Преподобный опустил руки, и снова воцарилась тишина, будто в ночном лесу после сильной грозы. Он вновь склонил голову и произнес негромким смиренным голосом:

– «Где двое или трое собрались во имя мое, там и я с ними».

Он медленно поднял голову, стоя к прихожанам вполоборота, и вскинул руку.

– «В начале сотворил Бог небо и землю. – Каждое слово звучало из его уст так, что заставляло верующих трепетать от благоговения. – Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною... – Он многозначительно помолчал и втянул в легкие побольше воздуха. – И Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет! – прогремел его удивительный голос. Секундное молчание, и произнесенное волнующе тихо, почти шепотом: – И стал свет».

Спейтс подошел к самому краю сцены и улыбнулся прихожанам открытой улыбкой.

– Каждому известны эти первые строки книги Бытия, исполненные глубочайшего смысла. Слова эти ясны и однозначны, ибо изречены Господом Богом, друзья мои. Господь рассказывает нам о том, как Он сотворил Вселенную.

Он прошелся, будто в раздумье, по краю сцены.

– Как вы отреагируете, если я сообщу вам, что правительство тратит деньги налогоплательщиков, заработанные кровью и потом, на то, чтобы доказать несправедливость Божьих слов?

Он резко повернулся и обвел внимательным взглядом притихшую паству.

– Поверите вы мне или нет?

По толпе пробежал шепоток.

Спейтс достал из кармана пиджака листок бумаги и потряс им в воздухе.

– Вот, пожалуйста! – воскликнул он неистово вскинувшимся голосом. – Буквально полчаса назад я скачал это из Интернета!

Толпа заволновалась.

– Что же я узнал? Что наше правительство потратило сорок миллиардов долларов, дабы доказать безосновательность книги Бытия! Сорок миллиардов долларов ваших денег пошли на осквернение самой святой книги Ветхого Завета! Вот что творится в стране, друзья мои! Идет безбожно-атеистическая война против христианства! Это ужасно. Ужасно!

Он снова прошелся по краю сцены, сжимая в кулаке лист бумаги.

– Тут говорится о том, что в Аризоне соорудили машину, названную «Изабелла». Многие из вас, конечно, наслышаны о ней.

Толпа зашумела, подтверждая слова преподобного.

– Наслышан и я, – сказал он. – Мне казалось, что это очередной пустой каприз наших властей, но недавно я убедился в том, что правительство преследует вполне конкретную цель.

Он внезапно остановился и повернулся к прихожанам.

– Цель эта, друзья мои, – подтвердить теорию так называемого Большого Взрыва. Да-да, теорию! Тут опять фигурирует это жуткое слово.

Теперь его голос был исполнен презрения.

– Суть Большого Взрыва заключается в следующем: тринадцать миллиардов лет назад крошечная точка в космосе ни с того ни с сего взорвалась, и появилась целая Вселенная. Без малейшего Божьего участия. Да, совершенно верно: эта теория утверждает, что Бог вообще не участвовал в сотворении мира. Именно так смотрят на появление всего существующего атеисты.

Он подождал, пока негодующая толпа успокоится, и снова потряс в воздухе мятым листком.

– Вот о чем здесь написано, дорогие мои! Только вообразите! Целый интернет-сайт, сотни страниц, посвященных сотворению Вселенной, – и ни единого упоминания о Боге!

По толпе прокатился возмущенный рокот.

– Теория Большого Взрыва сродни утверждениям о том, что наши прапрапрадеды были обезьянами, или о том, что многообразие жизни возникло благодаря случайной перестройке молекул в лужице грязи. Словом, эта теория – одна из многочисленных теорий безбожников, антихристиан и приверженцев эволюции, однако она более опасна, чем прочие. Гораздо более опасна.

Поворот, нервные шаги.

– Потому что эта теория отвергает идею о создании Вселенной Творцом. Иными словами, «Изабелла» – прямое нападение на христианскую веру. Теория Большого Взрыва утверждает, что наша прекрасная, совершенная, сотворенная Богом Вселенная возникла сама собой, неожиданно, по чистой случайности. Тринадцать миллиардов лет назад. Однако одной антихристианской теории им мало. Теперь они расходуют сорок миллиардов долларов на то, чтобы доказать ее!

Он опалил публику горящим взглядом.

– Может, пора потребовать с вашингтонских грамотеев такую же сумму? Пусть выделяют и нам сорок миллиардов, и мы докажем им истинность книги Бытия! Как вы посмотрите на такое предложение? Тогда либералы в Вашингтоне, эти профессиональные ненавистники Иисуса, от гнева заскрежещут зубами! Так, что пена пойдет изо рта! И наконец перестанут отделять церковь от государства! По их милости об Иисусе перестали говорить в школах, их стараниями из зданий суда исчезли десять заповедей! Они выступают против рождественских елок и вертепов, плюют на самое святое – нашу веру. А потом они же, эти безбожники, не задумываясь пускают наши с вами деньги на доказательство того, что Библия – ложь, что вся наша христианская религия – пустая выдумка.

Поднялся гомон. Некоторые из прихожан вскочили с мест, их примеру последовали другие, а минуту спустя вся паства стояла на ногах. Голоса слились в единый рев протеста.

Экраны с подсказками были выключены. Сейчас их помощь не требовалась.

– Идет война против христианства, друзья мои! Смертельная война, а деньги на ее финансирование собирают с нас! Неужели мы позволим им оплевывать Иисуса Христа, еще и за наш с вами счет?

Преподобный Дон Т. Спейтс резко остановился посреди сцены и, тяжело дыша, взглянул на бурлящую публику, собравшуюся в огромном соборе в Виргиния-Бич. Реакция толпы поражала. Он слышал, видел и чувствовал горячую растущую волну праведного гнева. От всеобщей ярости, казалось, потрескивает воздух. Спейтс не верил своим ушам и глазам. Всю свою жизнь он бросал огромные камни, а на сей раз швырнул настоящую гранату. Свершилось то, о чем он молил и мечтал, чего так упорно добивался.

– Слава Господу и Иисусу Христу! – прокричал он, вскидывая руки, глядя на блестящий потолок и опускаясь на колени. – Господи Иисусе! – Его голос звучал громко и слегка дрожал. – С Твоей светлой помощью мы защитим Отца Твоего от грязных нападков. Мы уничтожим адскую машину и покончим с богохульством, нареченным «Изабелла».

Глава 7

Без четверти восемь Уайман Форд вышел из трехкомнатного домика и, вдыхая свежий вечерний воздух, приостановился во дворе. Во тьме желтели квадраты столовских окон. Спортивную площадку поливали оросителями. Сквозь шум водяных струй со стороны фактории доносилось фортепианное буги-вуги и приглушенный гул голосов. Кейт в воображении Форда так и осталась дерзкой студенткой последнего курса, любительницей поспорить и выкурить сигарету с марихуаной. Другой он ее не представлял. Но она явно изменилась, и немало, раз уж стала заместителем руководителя самого важного научного эксперимента в истории физики.

Воображение, чего и следовало ожидать, перенесло его в те дни, когда они были вместе, и, как нередко случается, сосредоточилось на минутах былой близости. Форд поспешно запихнул воспоминания обратно – в тот уголок памяти, где они хранились все эти годы. «Не с этого, – строго сказал он себе, – следует начинать расследование».

Обойдя спортивную площадку, он приблизился ко входу в бывшую факторию, мгновение помедлил и вошел внутрь. Из комнаты отдыха, располагавшейся справа, лился яркий свет и звучала музыка. Ученые играли в карты и в шахматы, кто-то сидел с книгой в руке, кто-то – перед ноутбуком. Выглядели все расслабленными и довольными.

Хазелиус играл на пианино. В последний раз пробежав по клавишам своими маленькими руками, он вскочил с табурета.

– Уайман! Привет, привет! Ужин готов. – Он пошел к Форду. Они встретились посередине зала, Хазелиус взял Форда за руку и повел его в столовую. Остальные последовали за ними.

В столовой тотчас привлекал к себе внимание большой деревянный стол, уставленный свечами, серебряной посудой и букетами полевых цветов. В каменном камине горел огонь. Стены украшали ковры навахо. «Сотканы в стиле Накай-Рок», – тотчас определил Форд, взглянув на геометрические узоры. На столе стояло несколько откупоренных бутылок вина, из кухни тянуло жареным мясом.

Хазелиус взял на себя роль радушного хозяина и принялся рассаживать коллег, смеясь и отпуская шуточки. Форда он подтолкнул к месту посередине, рядом с худенькой блондинкой.

– Мелисса? Познакомься с Уайманом Фордом, антропологом. Это Мелисса Коркоран, наш специалист по космологии.

Форд и Коркоран обменялись рукопожатиями. По плечам Мелиссы рассыпались волны густых волос, на вздернутом носу темнела россыпь веснушек. Коркоран была в рубашке, джинсах и расшитом бусинами индейском жилете – простом, но очень стильном. Она с любопытством взглянула на соседа сине-зелеными, как море, глазами, воспаленными от переутомления.

Место с другой стороны было свободно.

– Пока ты не заболтала Уаймана, – сказал Хазелиус, обращаясь к Коркоран, – позволь я представлю ему остальных, с кем он еще не знаком.

– Да, конечно.

– Жюли Тибодо, специалист по квантовой электродинамике, – произнес Хазелиус.

Женщина, что сидела напротив Форда, обронила небрежное «здравствуй» и продолжила ворчливый монолог, глядя на светловолосого соседа, похожего на гнома. Выглядела Тибодо как типичная женщина-ученый: была неказиста, с короткими неухоженными волосами и в поношенном лабораторном халате. Невзрачную картину дополнял набор ручек в прозрачном клеенчатом кармашке. Форд прочел в досье, что она страдает недугом, называемым «пограничное личностное расстройство». Ему было любопытно узнать, как эта болезнь проявляется.

– А собеседник Жюли – Харлан Сен-Винсент, наш инженер-электрик. Когда

«Изабелла» работает на полную мощность, сюда, благодаря Харлану, поступает девятьсот мегаватт электричества. Суший Ниагарский водопад!

Сен-Винсент поднялся с места, нагнулся над столом и протянул Форду руку:

– Рад познакомиться, Уайман.

Тибодо продолжила говорить о некоем явлении – так называемом конденсате Бозе-Эйнштейна.

– Вон тот господин в конце стола – Майкл Чеккини, специалист по физике элементарных частиц.

Со стула поднялся и протянул руку невысокий мрачный человек. Форд пожал ее, с любопытством и удивлением глядя в тусклые темно-серые глаза Чеккини. Казалось, ничего живого в нем не осталось, и вялое рукопожатие лишь усиливало это впечатление. Однако Чеккини уделял немало внимания своей наружности, будто в знак протеста собственному равнодушию ко всему прочему. Его рубашка была ослепительно белой, на брюках красовались идеально выглаженные стрелки, блестящие волосы лежали безукоризненно, а пробор, казалось, ровняли с помощью линейки. Даже руки он, судя по их виду, холил и лелеял. Светлые и нежные, они напоминали тщательно замешенное тесто, а ногти были обработаны пилкой и отполированы, как у модели. От Чеккини пахло изысканным лосьоном после бритья. Однако внешний лоск не затмевал безысходности, которой он был пропитан.

Хазелиус представил Форду всех и скрылся на кухне. Ученые пустились что-то обсуждать, каждый со своим соседом.

Кейт так и не появлялась. Форд уже начинал гадать, не произошло ли странное недоразумение.

– По-моему, мне еще ни разу в жизни не доводилось общаться с антропологом, – заговорила с ним Мелисса Коркоран.

– А мне – со специалистом по космологии, – ответил он.

– Ты и представить себе не можешь, сколько людей полагают, будто моя работа – приводить в должный вид ногти и волосы. – Она улыбнулась. Как показалось Форду – с кокетством. – Чем конкретно тебе предстоит тут заниматься?

– Надо познакомиться с местными жителями и объяснить им, что происходит.

– А сам-то ты понимаешь, что здесь происходит? – Коркоран определенно с ним заигрывала.

– Пока не совсем. Поможешь мне в этом разобраться?

Она улыбнулась в ответ, немного наклонилась вперед и взяла бутылку.

– Вина?

– Спасибо.

Коркоран стала рассматривать наклейку.

– «Вилла ди Капеццана, Карминьяно, 2000 год». Понятия не имею, что это значит, но вино вкусное. Джордж Иннс – великий ценитель вин. Джордж, расскажи нам, пожалуйста, об этом.

Иннс, сидевший на другом конце стола, прервал разговор. Его лицо озарила довольная улыбка. Он приподнял бокал.

– Мне повезло, что удалось раздобыть этот ящик. Сегодня вечером хотелось побаловать себя и всех остальных чем-нибудь особенным. «Капеццана» – одно из моих любимых вин. Его производят в горах, в старом имении, расположенном чуть западнее Флоренции. У этого вина исключительный цвет и глубокий аромат красной и черной смородины с оттенком вишни.

Коркоран с деланной улыбкой повернулась к Форду:

– Джордж – винный сноб, порой даже пугает. – Она чуть ли не до краев наполнила бокал Форда, долила вина в свой и подняла его. – Ред-Меса рада тебя приветствовать. Ужасное место.

– Это еще почему?

– Я приехала сюда с кошкой – не могла с ней надолго разлучаться, а через два дня

услышала дикий вой и увидела, как мою кошку уносит в зубах койот.

– Кошмар.

– Ты на них еще насмотришься. Шелудивые хитрозадые твари. Кроме них тут водятся тарантулы, скорпионы, медведи, рыси, дикобразы, сунсы, гремучие змеи и пауки «черные вдовы». – Казалось, Коркоран перечисляет названия грозных тварей не без удовольствия. – Ненавижу здешние места! – со вкусом заключила она.

Форд улыбнулся, надеясь, что его улыбка покажется растерянной, и задал глупейший вопрос. Впрочем, лучше предстать перед этими людьми недалеким.

– А для чего, собственно, создана эта «Изабелла»? Я не очень понимаю. Мое дело – антропология.

– Теоретически тут все проще простого. «Изабелла» сталкивает друг с другом элементарные частицы, движущиеся почти со скоростью света. Так воссоздаются состояния материи, в которых она пребывала сразу после Большого Взрыва. Это что-то вроде гонки на уничтожение. Два отдельных пучка мчат навстречу друг другу в огромной цилиндрической трубе. Длина ее окружности – сорок семь миль. Пучки частиц бегут быстрее и быстрее и в итоге развивают скорость девяносто девять целых и девяносто девять сотых процента от скорости света. Самое веселье начинается в то мгновение, когда мы сталкиваем их «лоб в лоб». Это и есть имитация Большого Взрыва.

– А какие частицы вы сталкиваете?

– Материю и антиматерию – протоны и антипротоны. Когда они встречаются – бабах! Е равно mc^2 . В этот момент возникает масса разнообразных частиц. Их определяют детекторы, благодаря которым можно вычислить, что собой представляет каждая частица и каким образом она появилась.

– А откуда вы берете антиматерию?

– Заказываем ее в Вашингтоне и получаем по почте.

Форд улыбнулся:

– А я думал, у них есть только черные дыры.

– Если серьезно, мы создаем антиматерию прямо здесь – при помощи золотой пластинки и альфа-частиц. Антипротоны собираем во вспомогательном кольце, потом запускаем их в главное.

– Зачем же здесь нужен специалист по космологии?

– Я изучаю все темное! – Коркоран с мрачным видом подняла глаза к потолку. – Темную материю и темную энергию. – Она сделала еще глоток вина.

– Звучит устрашающе.

Она засмеялась, беззастенчиво рассматривая собеседника. Форд задумался: «Сколько ей лет? Тридцать три? Тридцать четыре?»

– Лет тридцать назад астрономы начали сознавать, что большая часть материи во Вселенной – это не то, что можно увидеть и пощупать. Ей дали название «темная материя». Похоже, темная материя окружает нас повсюду. Она невидима, проходит сквозь человека незаметно, как «тенивая» вселенная. Галактики расположены посреди огромных морей темной материи. Что это такое, зачем оно и откуда взялось – неизвестно. Поскольку темная материя, должно быть, возникла вместе с обычной материей во время Большого Взрыва, я надеюсь благодаря «Изабелле» выяснить что-нибудь конкретное.

– А темная энергия? Что она собой представляет?

– О! Это вещь прекрасная и страшная. В девяносто девятом году космологи обнаружили, что некое неизвестное энергетическое поле заставляет Вселенную увеличиваться, быстрее и быстрее, раздувает ее, как гигантский воздушный шар. Они назвали это темной энергией. Никто не имеет ни малейшего представления о том, что она такое и откуда появилась. Ясно одно: темная энергия – средоточие зла.

Волконский, что сидел по другую сторону стола, насмешливо фыркнул:

– Средоточие зла? Вселенная бесчувственный. Ей плевать до всех нас.

– Настанет день, и темная энергия все уничтожит, – продолжала Коркоран. –

Произойдет так называемый Большой Разрыв.

– Большой Разрыв? – До этой минуты Форд лишь притворялся незнающим, а о Большом Разрыве в самом деле ничего не слышал.

– Это новая теория об участии мироздания. Очень скоро Вселенная разрастется настолько, что распадутся скопления галактик, потом разрушится все – планеты, люди. Даже атомы. Все исчезнет. Раз – и нет! Так Вселенная прекратит свое существование. Статью для «Википедии» по этому поводу написала я. Если интересно, почитай.

Коркоран сделала очередной глоток. Форд заметил, что вино потягивает далеко не она одна. Все оживленно беседовали, а полдюжины бутылок стояло пустыми.

– Ты сказала «очень скоро»?

– Не раньше чем через двадцать – двадцать пять миллиардов лет.

– Значение слово «скоро» зависит от того, с какой точки зрения на него посмотреть, – сказал Волконский с язвительной усмешкой.

– Мы, космологи, способны заглядывать в далекое будущее.

– А мы, компьютерщики, считать миллисекунды.

– Миллисекунды? – надменно переспросила Тибодо. – Для нас, специалистов в области квантовой электродинамики, важна каждая фемтосекунда.

Из кухни появился Хазелиус с блюдом, нагруженным кровавыми бифштексами. Он водрузил блюдо на стол под хор одобрительных возгласов.

За ним следом вошла Кейт Мерсер с горой картошки фри на таком же огромном блюде. Не глядя на Форда, она поставила блюдо посередине стола и снова удалилась на кухню.

Форд в жизни не подумал бы, что в эти первые после долгой разлуки минуты Кейт произведет на него столь сильное впечатление. В тридцать пять она казалась еще красивее, чем была в двадцать три. Жаль только, что каскад ее непослушных черных волос сменился весьма стильной стрижкой. Необузданная студентка последнего курса в джинсах и мужской рубашке превратилась во взрослую женщину. Последний раз Форд видел ее двенадцать лет назад. А ему казалось, прошло всего несколько дней.

Что-то кольнуло у него внутри. Маскируя странные чувства, он повернулся к Коркоран. Та подавала ему блюдо с бифштексами.

– Надеюсь, ты не вегетарианец, Уайман?

– Совершенно нет. – Он взял аппетитный кусок мяса и передал блюдо дальше, стараясь казаться невозмутимым. Вид Кейт взволновал его больше, чем можно было ожидать.

– Не подумай, будто мы тут каждый день так питаемся, – сказала Коркоран. – Это праздничный ужин в честь твоего появления.

Ложка звякнула о стекло. Хазелиус встал, поднимая руку с бокалом. Разговоры стихли.

– Я подготовил тост в честь новичка... – Он оглядел сидящих за столом. – А где заместитель руководителя?

Распахнулась кухонная дверь. Кейт поспешно подбежала к столу и села рядом с Фордом, по-прежнему не глядя на него.

– Я как раз говорю, что подготовил тост по случаю приезда Уаймана. Уайман Форд, добро пожаловать в нашу команду!

Форд неотрывно смотрел на Хазелиуса, но все его внимание было приковано к стройной Кейт, сидевшей совсем рядом, к ее теплу и аромату.

– Вы все прекрасно знаете, что Уайман – антрополог, – продолжал Хазелиус. – Предмет его изучения – человек. А это, друзья, гораздо более сложная штука, чем все то, над чем корпим мы с вами. – Он выше поднял руку с бокалом. – Надеюсь, мы очень скоро и благополучно познакомимся ближе, Уайман. Добро пожаловать от нас всех!

Остальные зааплодировали.

– А теперь, прежде чем сесть, я хотел бы сказать пару слов о неприятности, приключившейся вчера ночью... – Хазелиус помолчал. – Мы вовлечены в напряженный процесс поиска, начавшийся с тех пор, как наши предки впервые взглянули на звезды и задались вопросом: что это? Стремление найти ответы на подобные вопросы – одна из

величайших заслуг человечества. Люди научились разводить огонь, а века спустя открыли кварк. Это и есть то, что зовется человеческой сущностью. Мы – все тринадцать здесь присутствующих – истинные наследники Прометея, который похитил у богов огонь и передал его людям.

Он многозначительно помолчал.

– Вы прекрасно помните, какая участь постигла Прометея. В наказание боги навеки приковали его к скале. Каждый день прилетает орел и выклевывает его печень, но за ночь она снова отрастает. Умереть Прометей не может, ибо он бессмертен, поэтому и вынужден страдать бесконечно.

В комнате стояла такая тишина, что слышалось потрескивание огня в камине.

– Поиски истины – немыслимо тяжелый труд. Мы с вами знаем это по собственному опыту. – Хазелиус снова поднял бокал. – Выпьем же за наследников Прометея!

Остальные молча осушили бокалы.

– Следующий запуск запланирован на среду, ровно в полдень. Попрошу каждого из вас в оставшееся время сосредоточить на своих задачах максимум внимания.

Хазелиус сел. Все взяли ножи и вилки, и разговоры мало-помалу возобновились. Когда беседа потекла оживленнее, Форд тихо произнес:

– Привет, Кейт.

– Привет, Уайман. – По взгляду Кейт было сложно что-либо понять. – Никак не ожидала тебя здесь увидеть.

– Ты замечательно выглядишь.

– Спасибо.

– Заместитель руководителя. Звучит внушительно. – Изучая ее досье, Форд в некотором смысле чувствовал себя извращенцем, но ничего не мог с собой поделать и вчитывался в каждое слово. Жизнь Кейт с тех пор, как они расстались, складывалась отнюдь не благополучно.

– А ты? Почему махнул рукой на работу в ЦРУ?

– С ЦРУ покончено.

– Теперь занимаешься антропологией?

– Да.

На том разговор и прекратился. Звук ее голоса, его напевность, живость, даже едва заметная шепелявость взволновали Форда сильнее, чем привлекательная наружность. Перед его глазами вновь воскресли воспоминания. Смешно, ведь они расстались сотню лет назад. У Форда за это время было с полдюжины романов и законный брак. К тому же они разошлись с Кейт не тихо и мирно, не предложили друг другу остаться друзьями, а наговорили такого, чего вовек не забудешь.

Кейт отвернулась и завела беседу со вторым соседом. Форд, глубоко погруженный в мысли, сделал глоток вина. Память перенесла его в тот день, когда он впервые увидел Кейт в Массачусетском технологическом институте. Как-то раз, придя после занятий в библиотеку, он отправился на поиски тихого уголка и заметил лежащую под столом девушку. Зрелище, само собой, поразило его необычностью. Стройная и свеженькая, с тонкими чертами лица, которые свидетельствовали о смеси азиатской и европейской кровей, она спала, подложив под щеку руку, и походила на отдыхающую газель. Длинные блестящие волосы рассыпались по ковру. Ямка у основания ее белой шеи показалась тогда Форду чрезвычайно эротичной. Он бесстыдно рассматривал девушку, упиваясь безмятежностью и красотой ее сна. Прикоснуться к ней он даже не думал, а просто разглядывал каждую ее черточку.

На щеку незнакомке села муха. Девушка приподняла голову, распахнула темно-карие глаза и взглянула прямо на Форда. Он почувствовал себя правонарушителем, застигнутым на месте преступления.

Она покраснела и неловко выползла из-под стола.

– Чего тебе?

– Мне показалось, тебе плохо, – пробормотал Форд.

Ее взгляд потеплел.

– Да, странно, наверное... – смущенно пробормотала она. – Лежу себе на полу... Обычно в это время тут никого. А мне, чтобы взбодриться, достаточно подремать минут десять.

Форд заверил ее, что он всего лишь испугался за ее здоровье. Она, будто между прочим, сказала, что, прежде чем засесть за учебники, сходит и выпьет двойной эспрессо. Он ответил, что тоже не откажется от чашечки. Так и состоялось их первое свидание.

Они были слишком разные. Отчасти поэтому, наверное, и понравились друг другу. Кейт родилась и выросла в небольшом городишке, в небогатой семье. Форд был представителем столичной элиты. Она слушала «Блонди», он любил Баха. Она, бывало, курила марихуану, он не признавал наркотиков. Он был католиком, она – завзятой атеисткой. Он умел быть сдержанным, она слыла бунтарем, даже сорвиголовой. На втором свидании не он, а она первая его поцеловала. И при всем при этом ей среди студентов удавалось быть лучшей из лучших. О ней отзывались почти как о гении. Ее блестящий ум пугал и вместе с тем притягивал Форда. Она была одержима идеей познать суть человеческой природы, смело выступала против несправедливости, участвовала в демонстрациях и писала письма редакторам газет. Порой они спорили на политические или религиозные темы ночь напролет. Кейт с поразительной чуткостью умела разгадывать загадки человеческой психики, хоть и высказывала свою точку зрения излишне эмоционально.

Как только Форд решил работать в ЦРУ, их отношения прекратились. Кейт придерживалась мнения, что даже самые порядочные люди, связавшись с разведывательными службами, автоматически становятся подлецами. ЦРУ она именovala не иначе как «центр распространения ужасов», причем в те минуты, когда старалась не выражаться грубо.

– Почему ты ушел из управления? – спросила Кейт.

– Что? – вздрогнув, переспросил Форд.

– Я спрашиваю, почему ты оставил карьеру разведчика. Что случилось?

Форд хотел бы ответить честно: «Потому что моя жена погибла в машине, в которую встроили взрывное устройство. Мы вместе выполняли секретное задание», – но ушел от прямого ответа.

– Не сложилось.

– Понятно. Но... твои взгляды на это дело остались прежними?

«А твои?» – мысленно спросил Форд. Кейт не изменилась: как и раньше, невзирая ни на что, без обиняков переходила к тому, что ее особенно волновало. Форд любил ее за это и ненавидел.

– Ужин потрясающий, – заметил он, пытаясь сменить тему. – Раньше ты готовила исключительно на скорую руку. Главным образом в микроволновке.

– От пицц и хот-догов я стала полнеть.

Разговор снова прекратился.

Форд почувствовал легкий тычок в ребра с другой стороны. Мелисса Коркоран держала в руке бутылку и предлагала вновь наполнить его бокал. У нее покраснели щеки.

– Бифштекс – просто объедение, – пропела она. – Кейт, ты умница!

– Спасибо.

– С кровью. Я такой обожаю. Но... Эй! – воскликнула она, глядя на тарелку Форда. – А ты к своему даже не притронулся!

Форд отрезал кусочек бифштекса и отправил его в рот, но почувствовал, что совсем потерял аппетит.

– Готова поспорить, Кейт тебе объясняет, что такое теория струн. Послушать занятно, однако это чистой воды домыслы.

– Темная энергия, конечно, совсем другое дело, – с нотками сарказма парировала Кейт.

Форд мгновенно почувствовал, что его соседки недолюбливают друг друга.

– Темную энергию, – невозмутимо протянула Коркоран, – открыли экспериментально.

Путем наблюдений. А теория струн – это всего-навсего несколько уравнений. В ней невозможно ни что-либо просчитать, ни проверить. По сути, это не наука.

Волконский низко наклонился над столом, и в нос Форду ударил застарелый запах табака.

– Да хватит вам: темная энергия, струны! Кого они волновать? Лучше давайте спрошу, чем занимается антрополог.

Форд обрадовался, что Волконский невольно пришел ему на выручку.

– Обычно мы ездим в разные отдаленные места, поселяемся в каком-нибудь племени и задаем его представителям пропасть глупых вопросов.

– Ха-ха! – засмеялся Волконский. – Может, ты слышать и о том, что сюда, на нашу гору, собираются краснокожие? Надеюсь, они не затеял устроить вечеринку со снятием скальпов? – Он издал индейский вопль и огляделся по сторонам, надеясь, что его выходку одобряют.

– Не вижу в этом ничего смешного, – ядовито заметила Коркоран.

– Да уймись ты, Мелисса. – Волконский внезапно озлобился, вскинул голову и затряс патлами. – И без нотаций!

Коркоран повернулась к Форду:

– Иначе себя вести он не умеет. Докторскую защищал в каком-то там гадючнике.

«И тут распри, – отметил Форд. – Надо быть поосторожнее и побыстрее выяснить, кто как к кому относится».

Волконский объявил:

– По-моему, Мелисса очень уж охотно угостился сегодня вином. Впрочем, как обычно.

– Да, канеш-на, – протяжно произнесла Коркоран, имитируя акцент Волконского. – Зато, в отличие от некоторых, я не глушу на ночь водку! *Za vas!* – Она подняла бокал и в два счета осушила его.

– Простите, что вмешиваюсь, – профессионально спокойным голосом произнес Иннс. – Но если кому-нибудь нужно прямо теперь излить чувства, я готов предложить...

Хазелиус взмахом руки велел ему умолкнуть и строго посмотрел на Коркоран и Волконского. Воцарилась тишина, которую нарушало лишь потрескивание пламени. Волконский откинулся на спинку стула. Форд заметил, что уголки его губ нервно подрагивают. Коркоран скрестила руки на груди.

Хазелиус выждал минуту и произнес:

– Мы все немного устали и отчаялись. – Его голос звучал тихо и довольно мягко. – Петр?

Волконский не ответил.

– Мелисса?

Лицо Коркоран пылало. Она лишь быстро кивнула на слова Хазелиуса.

– Успокойтесь. – Непродолжительное молчание. – Ничего не принимайте близко к сердцу! – Молчание. – Простите друг друга и постарайтесь быть великодушными. – Молчание. – Ради нашего общего дела.

Говорил Хазелиус утешительно, негромко и гипнотически, как дрессировщик, который работает с норовистой лошастью. Но если Иннс, предлагая свои услуги, как будто делал одолжение, Хазелиус ни на миг не оставлял чисто дружеского тона.

– Правильно! – воскликнул Иннс, врываясь в умиротворение, искусно созданное Хазелиусом, и разрушая его. – Совершенно верно! Настоятельно рекомендую воспользоваться этими советами. Подробнее поговорить о данных методах можно на следующем групповом занятии. И, как я уже сказал, если у кого что наболело, я готов выслушать каждого.

Волконский так резко вскочил, что его стул с грохотом повалился на пол. Скомкав салфетку, он бросил ее на стол и проворчал:

– Пошли они, эти твои беседы и групповые занятия! У меня море работа.

Он ушел, хлопнув дверью.

Воцарилось молчание, разбавленное шумом перелистываемой страницы: Эдельштайн, покончив с ужином, увлеченно читал «Поминки по Финнегану».

Глава 8

Пастор-миссионер Расс Эдди вышел из трейлера, перекинул полотенце через костлявое плечо и замер посреди двора. Занималась волшебная заря. Восходящее солнце струило прозрачно-лимонный свет на песчаную долину, золотя сухие ветви мертвых тополей у небольшого дома-трейлера. Позади, у самого горизонта, высилась гигантом Ред-Меса – громадная колонна красного пламени в лучах утреннего солнца.

Пастор взглянул на небо, сложил руки перед грудью, склонил голову и произнес высоким громким голосом:

– Благодарю тебя, Господи, за новый день.

Посмаковав благодатную тишь, он отправился к насосу «Ред Джэкет», установленному тут же, во дворе, повесил полотенце на деревянный столбик старой ограды, поработал скрипучей насосной ручкой, и в оцинкованный таз набралась холодная вода. Расс зачерпнул ее сложенными чашкой ладонями, омыл лицо, вспенил кусок мыла, побрился, почистил зубы, помыл руки и шею. Он энергично вытерся полотенцем и изучил свое отражение в зеркале, висевшем на ржавом гвозде на другом столбике забора. У пастора было маленькое невзрачное лицо, его волосы торчали в разные стороны короткими пучками. Он ненавидел свою заморышную наружность. Много лет назад врачи сказали его матери, что у ребенка «заторможенное развитие». Расс до сих пор не мог отделаться от мысли, что в своей физической слабости виноват только он сам.

Старательно зачесав волосы так, чтобы прикрыть уродливые проплешины, бедняга поморщился и рассмотрел в зеркале свои кривые желтые зубы. Вставить новые он не мог из-за крайнего недостатка денег. Ему вдруг вспомнился сын Люк, которому шел двенадцатый год, и на душе стало еще горше. Расс не видел Люка шесть лет и должен был платить алименты, но не имел такой возможности. Перед его глазами возникла картинка: жарким летним днем худышка Люк носился под брызгами водораспылителя. К горлу Расса будто приставили нож. Он почувствовал себя ягненком, которого как-то раз на его глазах зарезала женщина из племени навахо. Из ягнячьей шеи хлестала кровь. Малыш еще жил и вместе с тем был уже мертв.

Расс содрогнулся, задумавшись о том, насколько несправедлива и сурова жизнь. Его изводили материальные затруднения, его существование до сих пор отравляли измены жены и воспоминания о болезненном разводе. Не совершая никакого зла, он вновь и вновь становился жертвой печальных обстоятельств. Сюда он приехал без гроша в кармане, лишь с неугасимой верой и двумя картонными коробками книг. По-видимому, бытовыми трудностями и постоянным недостатком денег Господь проверял, истинна ли его набожность. Мысль о том, что он должен всем и каждому, особенно индейцам, убивала Эдди. Однако спасала уверенность в великой мудрости Господней, и шаг за шагом он обзавелся паствой. Впрочем, ему нередко казалось, что прихожан больше интересует одежда, которую он им раздавал, нежели его религиозные проповеди. На пожертвования ни один из них ни разу не выделял более нескольких долларов. Порой за целую неделю у Эдди набиралась всего двадцатка. Многие из прихожан ездили в католическую миссию, где нагружались бесплатными лекарствами, или в мормонскую церковь Святых Последних Дней в Раф-Рок, за дармовой едой. Вот почему работать с навахо было весьма нелегко: они не видели большой разницы между Богом и мамоней.

Эдди огляделся вокруг, проверяя, нет ли поблизости Лоренцо. Нет, его помощник-навахо еще не появился. Вспомнив про Лоренцо, пастор побагровел от злости. С тарелки для пожертвований уже в третий раз исчезали деньги. Теперь он не сомневался, что их крадет Лоренцо. Пусть в общем пропало всего пятьдесят с лишним долларов, но Эдди эти деньги были крайне нужны для миссионерской работы. Более того, в них нуждался сам

Господь. Из-за несчастных пятидесяти долларов Лоренцо ставил под угрозу собственную душу.

Эдди страшно устал от этой наглости. На прошлой неделе он твердо решил уволить помощника, однако для этого требовались доказательства. Теперь они были у Эдди почти в кармане. Накануне вечером, сразу после службы, он пометил купюры на тарелке для пожертвований желтым маркером и попросил лавочника в Блю-Гэпе проследить, кто принесет ему меченые бумажки.

Напялив футболку, Эдди размял костлявые руки и оглядел свое нищенское обиталище со смешанным чувством любви и отвращения. Трейлер, в котором он жил, дышал на ладан. Рядом темнел разборный сарай для сена, который Эдди купил у фермера из Шипрока и переделал в церковь. О том, сколько адского труда пришлось вложить в это жалкое сооружение, было страшно вспоминать. Роль церковных скамей играли составленные рядами разнокалиберные пластмассовые стулья всевозможных цветов. Полноценная стена в «церкви» была лишь одна. Во время вчерашней проповеди поднялся сильный ветер, и прихожан обсыпало песком. Единственная настоящая ценность Эдди стояла в трейлере: это был компьютер «Ай-Мак Интел Кор Дуо» с двадцатидюймовым экраном, подаренный заезжим туристом-христианином, которого восхитила миссионерская деятельность Эдди. Компьютер был для него даром самого Господа, окном в цивилизованный мир. Эдди просиживал за ним час за часом, посещая сайты христианских объединений, болтая в чатах, отправляя электронные письма с призывами отдавать ему в дар ненужную одежду.

Войдя в церковь, он принялся поправлять стулья и небольшой щеткой сметать песок с сидений. Работая, он думал о бессовестном Лоренцо, то и дело в сердцах бил кулаком по стульям и снова выравнивал ряды. Подобными делами должен был заниматься не он, а его помощник.

Покончив со стульями, Эдди принес швабру и стал подметать то место, где обычно стоял, читая проповедь. Тут появился Лоренцо. Наконец-то! Две мили от самого Блю-Гэпа он каждый день проходил пешком и возникал возле церкви неслышно, как привидение.

Эдди выпрямил спину и оперся на швабру.

– Здравствуй, Лоренцо, – произнес он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Благослови тебя Господь и наставь на путь истинный.

Лоренцо перебросил через плечо длинные косы.

– Привет.

Эдди взглянул помощнику в глаза, желая проверить, не одурманен ли тот наркотиками или алкоголем, но Лоренцо потупил взгляд, без слов забрал у пастора швабру и принялся мести пол. Все навахо отличались скрытностью, но Лоренцо был хуже других: одиночка, молчун, себе на уме. Угадать, не замышляет ли он чего дурного, совершенно не представлялось возможным. Единственное, что наверняка никогда не покидало его мысли, были наркотики и выпивка. Эдди в жизни не слышал, чтобы Лоренцо произнес законченное предложение, и ума не мог приложить, как такой дикарь пусть всего полгода, но учился в Колумбийском университете.

Отойдя в сторону, Эдди стал наблюдать за Лоренцо. Мел индеец хуже некуда, оставляя за собой целые полосы песка. Эдди насилу подавил в себе порыв теперь же заговорить об исчезающих деньгах. Ему даже на еду едва хватало средств, а чтобы заплатить за бензин, предстояло снова у кого-нибудь брать в долг. Лоренцо же, вне всякого сомнения, спускал украденные у Господа деньги на разного рода отраву. Представляя, что необходимо вывести негодяя на чистую воду, Эдди приходил в сильное волнение. Но для выяснения отношений еще не настало время: сначала следовало получить доказательства от лавочника. В противном случае мальчишка – отъявленный лгун – отвергнет любые обвинения. Что тогда делать Эдди, если будет нечем подтвердить свою правоту?

– Когда дометешь, пожалуйста, рассортируй одежду. – Он указал на несколько коробок, прибывших в пятницу из церкви в Арканзасе.

Лоренцо что-то проворчал себе под нос, из чего Эдди заключил, что его просьбу

услышали. Он еще некоторое время наблюдал за нерадивым помощником. Лоренцо, высокий и стройный, без зазрения совести воровал деньги на разные гадости у человека, который едва сводил концы с концами.

Эдди трясло от гнева, однако он, не сказав ни слова, вышел из церкви и направился в трейлер, чтобы приготовить скудный завтрак.

Глава 9

Форд приостановился у входа в конюшню. В прозрачном свете утра кружили пылинки. В хлеву, причмокивая губами, завтракали кормом и пофыркивали лошади. Форд вошел внутрь, остановился у первого стойла и взглянул на коня. Тот, пережевывая овес, стал рассматривать незнакомца.

– Как тебя зовут, дружок?

Конь негромко заржал в ответ, наклонил голову и набрал в рот следующую порцию овса.

В противоположном конце конюшни загремело ведро. Форд повернулся и увидел высовывающуюся из последнего стойла голову. Кейт Мерсер.

Несколько мгновений они, не мигая, смотрели друг на друга.

– С добрым утром, – произнес Форд, заставляя себя улыбнуться.

– С добрым утром.

– Заместитель руководителя проекта, специалист по теории струн, отменный повар... еще и ухаживаешь за лошадьми? У тебя море талантов. – Форд старался говорить в непринужденно-дружеском тоне, а сам думал о том, что ему известно и о других дарованиях Кейт, о которых теперь вспоминать не следовало.

– Можно сказать, да.

Она выпрямилась, провела по лбу рукой в резиновой перчатке и, взяв ведро с зерном, направилась в сторону Форда. В ее блестящих волосах желтела соломинка. На ней были узкие джинсы и старая джинсовая куртка поверх белоснежной мужской рубашки с расстегнутыми верхними пуговицами. Форд взглянул на выглядывавшую из-под рубашечной ткани округлую грудь, сглотнул слюну и почувствовал, что надо срочно что-нибудь сказать.

– Ты подстриглась.

– Волосы растут, как у всех нормальных людей.

Отвечать на остроту Форд не стал.

– Тебе идет, – мягко сказал он.

– Это моя личная версия традиционной японской прически.

Волосы Кейт всегда были больной темой. Ее мать-японка не хотела, чтобы Кейт вела себя хоть в чем-нибудь по-японски, а потому не позволяла никому в доме разговаривать на японском и настаивала на том, чтобы Кейт ходила с распущенными волосами, как американки. Кейт с матерью не спорила, но бунтовала, когда та начала прозрачно намекать, что Форд может стать прекрасным американским мужем ее дочери.

До него вдруг дошло, с чем связана перемена, произошедшая с волосами Кейт.

– Твоя мама?..

– Умерла четыре года назад.

– Сочувствую.

Они немного помолчали.

– Хочешь прокатиться? – спросила Кейт.

– Да, для того и пришел сюда.

– Ты умеешь ездить верхом?

– Научился этому десятилетним мальчишкой, когда проводил лето за городом, на ферме.

– Что ж, прекрасно. Только не советую брать Фыркуна. – Она кивнула на коня, с которым беседовал Форд. – Куда собираешься съездить?

Он достал из кармана карту местности и развернул ее.

– Надо бы разыскать знахаря в Блэкхорсе. На машине, насколько я понимаю, придется целых двадцать миль пилить по кошмарным дорогам. Если же спуститься вниз по тропе на противоположной стороне горы, путь сократится до шести миль.

Кейт взяла карту и рассмотрела ее.

– Это же Полуночная тропа. Она по зубам только опытным наездникам.

– Но так я сэкономлю уйму времени.

– Я на твоём месте, несмотря ни на что, поехала бы в Блэкхорс на джипе.

– Не хочу показываться Бегею на глаза в машине с правительственными знаками.

– Хм-м... Что ж, это верно.

Они вновь помолчали.

– Хорошо, – сказала Кейт. – Бери Бэлью. – Она сняла с крюка недоуздок и вывела из стойла пузатого бурого конька с оленьей шеей.

– Выглядит так, будто не годится даже на собачий корм.

– Не суди о лошади по ее наружности, – произнесла Кейт. – Надежнее нашего старины Бэлью днем с огнем не сыщешь. Он умница, прекрасно знает, что по Полуночной тропе надо спускаться крайне осторожно. Возьми седло.

Они почистили Бэлью, надели на него упряжь и вывели коня из хлева.

– Как забираться на лошадь, знаешь? – спросила Кейт.

Форд взглянул на нее в некоторой растерянности:

– Ставишь ногу в стремя и запрыгиваешь. Правильно?

Она подала ему поводья. Форд покрутил их в руках, набросил петлей на лошадиную шею, поправил стремя и поставил в него ногу.

– Подожди, перво-наперво нужно... – начала было Кейт.

Но Форд уже запрыгивал наверх. Седло скользнуло вбок, Форд полетел вниз и уселся задом в песок. Бэлью стоял как ни в чем не бывало, не обращая ни малейшего внимания на съехавшее ему на ребра седло.

– Я только хотела сказать: сначала проверь подпругу, – произнесла Кейт, с трудом сдерживая смех.

Форд поднялся и отряхнул пыль с брюк.

– Вот какими методами ты воспитываешь тут мужчин.

– Я же говорю, хотела тебя предупредить.

– Ладно, забудем об этом. Я поехал.

Кейт покачала головой:

– До сих пор поверить не могу, что тебя занесло не куда-нибудь, а именно сюда.

– По-моему, ты не слишком этому рада.

– Не рада совершенно.

Форд хотел было ответить очередной колкостью, но оставил ее при себе. Следовало подумать о деле.

– Лично я давно пришел в себя после того, что с нами было. Придешь и ты.

– Не беспокойся. Я тоже давным-давно совершенно пришла в себя. А говорю, что не могу поверить, потому что сейчас, как никогда, хотела бы обойтись без осложнений.

– Каких еще осложнений? – спросил Форд.

– Не бери в голову.

Форд помолчал. Он и не собирался вступать с Кейт в любовную связь. Следовало предельно сосредоточиться на задании.

– Сегодня опять пойдешь в Бункер? – спросил он.

– К сожалению, да.

– Так много проблем?

Кейт опустила глаза. Как показалось Форду – настораживаясь.

– Проблем хватает.

– Каких?

Кейт взглянула на него и тут же снова отвела взгляд в сторону.

- Неполадки с оборудованием.
- А Хазелиус сказал – с программным обеспечением.
- И с ним тоже. – Она вновь бросила на Форда быстрый взгляд и отвернулась.
- Могу я чем-нибудь помочь? – спросил он.

Кейт посмотрела на него встревоженными глазами, явно о чем-то умалчивая.

- Нет.
- Надо понимать... неполадки очень серьезные?

Она мгновение-другое помолчала в нерешительности.

- Ты лучше занимайся своей работой, Уайман. А со своей мы разберемся сами.

Договорились?

Резко повернувшись, она пошла назад к конюшне. Форд смотрел ей вслед до тех пор, пока ее не поглотил царивший внутри полумрак.

Глава 10

Скачка постепенно успокоила Форда. Он старался отвлечься мыслями от Кейт, о которой раздумывал недопустимо часто и слишком подолгу. Стоял один из последних теплых дней, приправленных легкой грустью, живо напоминавшей о том, что грядут холода. Среди сухой травы желтели листья горца и утесника, а верхушки стеблей фаллуджии сменили цвет на красно-белый. Все вокруг говорило о наступлении осени.

Асфальт закончился, и Форд продолжил путь по бездорожью, ориентируясь с помощью компаса. Спутанные кусты можжевельника и причудливые формы камней, следы чьих-то лап на песке, оставленные будто первобытным человеком, медвежья тропа... Форду казалось, он попал в доисторическую пору. «Медведь» на языке навахо – «shush» – всплыло в его памяти давно позабытое слово.

Через сорок минут он подъехал к обрыву. Внизу, в нескольких сотнях футов, желтели уступы из песчаника, ведущие к поселению Блэкхорс, где жил знахарь. Отсюда, с расстояния в полмили, деревня казалась несколькими геометрическими фигурами, вычерченными посреди пустыни.

Форд спешил, обследовал край горы и вскоре нашел то место, где начиналась Полночная тропа. На карте тропка обозначалась как дорога, используемая для геологоразведочных работ, однако нередкие обвалы и оползни превратили ее в адский аттракцион. Дорожка круто шла вниз, пересекала несколько выступов и продолжалась вновь по обрывистому склону. Форд представил себе, как будет спускаться по ней, почувствовал легкое головокружение и пожалел, что не прислушался к совету Кейт и не поехал на джипе. Но останавливаться на полпути было не в его правилах.

Подведя Бэлью к краю, Форд ступил на тропу. Конь невозмутимо склонил голову, негромко фыркнул и последовал за ним. Немыслимое бесстрашие Бэлью поразило Форда настолько, что он проникся к коню уважением.

Полчаса спустя они почти сошли вниз. Форд взобрался на Бэлью и последний участок тропы, пролежавший по заросшему тамариском каньону, ехал верхом.

Несколько коровников и загонов, ветряная мельница, цистерна с водой и дюжина старых трейлеров – вот что представлял собой индейский поселок Блэкхорс. Позади одного из трейлеров темнели несколько восьмиугольных хижин – бревенчатых сооружений с глинобитными крышами. Посередине деревни стайка детей дошкольного возраста качалась на доисторических скрипучих качелях. Их звонкие голоса разносились по пустынной округе. Позади трейлеров стояли грузовики-пикапы.

Дул сильный ветер. Форд легонько толкнул Бэлью пятками, и старый конь медленно вошел в Блэкхорс. Ребятня, увидев незнакомца, замерла, будто окаменев, и спустя мгновение-другое с визгом бросилась врассыпную.

Форд остановил Бэлью футах в пятидесяти от ближайшего трейлера и принялся ждать.

Он помнил еще со студенческих времен: личное пространство навахо начинается далеко за пределами входной двери. Минуту спустя с шумом раскрылась дверь одного из трейлеров и из нее, прихрамывая, вышел поджарый кривоногий мужчина в ковбойской шляпе. Приблизившись, он взмахнул рукой и прокричал сквозь вой ветра:

– Привяжите лошадь вот сюда!

Форд спрыгнул с Бэлью, привязал его и ослабил боковую подпругу. Индеец прикрыл глаза от солнца.

– Вы кто такой?

Форд протянул руку и произнес:

– Ya' at' eeh shi ен Уайман Форд uinishye.

– Ну вот, еще один Bilagaana² пытается говорить на навахо! – весело прокричал местный житель. – У вас хоть акцент не такой сильный, как у всех остальных!

– Спасибо.

– Чем могу быть полезен?

– Я ищу Нельсона Бегея.

– Вы его нашли.

– Уделите мне минутку-другую?

Бегей поморщился и внимательнее рассмотрел Форда.

– Вы что, спустились с той столовой горы?

– Да.

– Ага.

Последовало молчание. Наконец Бегей сказал:

– А тропа там довольно опасная.

– Когда идешь по ней с таким конем, совсем не страшно.

– Ишь ты! Умен. – Еще одна пауза. – Стало быть... вас прислало правительство?

– Да.

Бегей бросил на Форда косой взгляд, фыркнул, поковылял назад к трейлеру и скрылся в нем, громко хлопнув дверью. В Блэкхорсе воцарилась тишина, лишь ветер со свистом крутил вокруг Форда столбы желтой пыли.

«И что теперь? – раздумывал он, стоя в песчаной спирали и чувствуя себя дураком. – Постучать в дверь? Бегей не откроет. А я лишь подтвержу, что я нахальный Bilagaana. С другой стороны, я явился сюда затем, чтобы поговорить с ним, и должен во что бы то ни стало добиться своего. Рано или поздно он снова выйдет из своего чертова трейлера».

Время поползло мучительно медленно. Ветер не унимался. Пыль кружила и кружила.

Прошло минут десять. По песку перед Фордом важно прошествовал усатый жук, направляясь по каким-то таинственным делам. Вскоре насекомое превратилось в едва заметную точку и исчезло из вида. Мысли Форда вернулись к Кейт. Он думал о ней, об их отношениях и о том, сколько всего случилось с тех пор, как они расстались. В памяти воскресли воспоминания о жене. Ее гибель отняла у него всякую веру в стабильную жизнь. Теперь он осознавал жестокость судьбы, верил, что трагедия может приключиться и с ним, но упрямо шел вперед.

Заметив движение занавески на окне, он понял, что Бегей за ним наблюдает. «Интересно, когда до упряма дойдет, что, пока мы не поговорим, я не сдвинусь с места?» – мелькнуло у него в голове.

Он надеялся, что его мучения закончатся скоро. Песок проникал ему под брюки, набивался в ботинки, просачивался через носки.

Снова хлопнула дверь. Бегей, скрестив руки на груди и шумно ступая, вышел на деревянное крыльцо, окинул Форда крайне недовольным взглядом и спустился по шатким ступеням.

² Так индейцы навахо именуют посторонних.

– Терпения вам не занимать. Я таких белых еще не встречал! Что ж, пойдемте в дом. Только отряхнитесь, не то испортите мой новый диван.

Форд стряхнул с одежды пыль, проследовал за хозяином в гостиную и сел на диван.

– Кофе?

– Спасибо, не откажусь.

Бегей удалился и вернулся с чашками, наполненными жидкостью, которая напоминала цветом некрепкий чай. Форд вспомнил, что в целях экономии навахо используют кофейную гущу несколько раз подряд.

– Молоко? Сахар?

– Нет, благодарю.

Бегей насыпал себе в чашку несколько полных ложек сахара и налил до самых краев молока из картонной коробки.

Форд огляделся по сторонам. Диван, обтянутый потертой бархатистой тканью, выглядел далеко не новым. Сам Бегей уселся в сломанное кресло. В углу темнел огромный экран дорогого телевизора – единственной ценной вещи в доме. На стене пестрели семейные фотографии. На большинстве из них были изображены молодые люди в военной форме.

Форд с любопытством взглянул на Бегея. Знахарь оказался совсем не пылким юношей и не морщинистым старцем, а долговязым мужчиной лет за сорок, с аккуратной стрижкой. В отличие от большинства мужчин-навахо, проживавших в городе Рама, Бегей носил не ковбойские сапоги, а старые выцветшие кеды с высоким верхом и отклеивавшимися резиновыми пластинками на носках. О том, что он коренной житель Америки, говорило лишь ожерелье из крупных бирюзовых бусин.

– Итак, чего же вы от меня хотите? – Говорил Бегей спокойным голосом, напоминавшим звучание деревянного духового инструмента, и с неповторимым акцентом навахо, что придавало вес каждому его слову.

Форд кивнул на стену с фотографиями:

– Ваша семья?

– Племянники.

– Служат?

– Да, в армии. Один в Южной Корее. Второй, Лоренцо, побывал в Ираке, а теперь... – Секундная заминка. – Теперь вернулся домой.

– По-видимому, они ваша гордость.

– Да.

Последовало непродолжительное молчание.

– Я слышал, вы готовите демонстрацию против «Изабеллы».

Бегей не ответил.

– Поэтому-то я и приехал. И готов поговорить обо всем, что вас тревожит, – спокойно произнес Форд.

Бегей скрестил руки на груди.

– Не о чем нам разговаривать. Теперь слишком поздно.

– Может, все же попробуем?

Бегей опустил руки на колени и наклонился вперед:

– Никто не удосужился спросить у нас, нужна ли нам эта «Изабелла». Сделку заключили в Уиндоу-Роке, там же оговорили все условия. Теперь они получают денежки, а мы ровным счетом ничего. Нам пообещали, что наши люди смогут устроиться на работу, но вы, ребята, привезли своих строителей. Заявили, что поправятся дела, однако продовольствие возят из Флагстаффа и продуктов ни разу не купили ни у нас в Блю-Гэпе, ни в Раф-Роке. Строите дома в долине Анасази, оскверняете могилы, отняли у нас пастбища, которыми мы до недавних пор пользовались! И ничего не даете взамен. А теперь еще пошли слухи о столкновении атомов и радиации.

Он сложил на коленях крупные руки и с вызовом взглянул на незваного гостя.

Форд кивнул:

– Понимаю.

– Надо думать! Ведь не дурак же! Вам на нас настолько глубоко наплевать, что, готов поспорить, вы, например, даже не знаете, который теперь час. – Бегей вопросительно вскинул брови. – Ну? Сколько сейчас времени?

Форд сразу понял, что сейчас угодит в ловушку, но ответил:

– Девять утра.

– А вот и нет! – победно воскликнул Бегей. – Десять.

– Десять?

– Именно! Мы, навахо, в отличие от прочих жителей этого штата, полгода живем в другой временной зоне. Летом у нас с ними разница в целый час. Да, конечно, все эти часы и минуты пришли к нам вместе с вторжением Bilagaana. Но дело не в этом. Главное в том, что вы, гении, там, наверху, так мало знаете о нас, что даже не удосужились перевести часы.

Форд посмотрел хозяину прямо в глаза.

– Мистер Бегей, если вы согласитесь сотрудничать со мной, чтобы добиться ощутимых перемен к лучшему, обещаю, я сделаю все, что в моих силах. Ваши жалобы вполне обоснованны.

– А кто вы такой? Ученый?

– Я антрополог.

Бегей внезапно притих. Потом откинулся на спинку кресла и, сотрясаясь всем телом, рассмеялся:

– Антрополог! По-вашему, мы что-то вроде первобытнообщинного племени, так? Умора, честное слово! – Он оборвал смех. – А я, к вашему сведению, такой же американец, как и вы. Мои родственники бесстрашно сражаются за спокойствие нашей страны. Мне очень не по душе, ребята, то, что вы явились на нашу столовую гору, соорудили тут агрегат, который всех только пугает, наобещали с три короба, но благополучно забыли о своих обещаниях. А теперь еще и антрополога прислали! Будто мы дикари с кольцами в носах.

– Меня направили сюда лишь только потому, что я бывал в городе Рама. У меня к вам предложение: поедemте со мной на экскурсию. Поближе познакомитесь с проектом «Изабелла», побеседуете с руководителем, Грегори Хазелиусом, и с остальными членами команды, посмотрите, чем мы там занимаемся.

Бегей покачал головой:

– Раньше надо было проводить экскурсии. – Он помолчал и нехотя спросил: – А что это вы там исследуете? Об этом вашем проекте рассказывают престранные вещи.

– Мы изучаем Большой Взрыв.

– Это что?

– Теория о том, что тринадцать миллиардов лет назад Вселенная возникла в результате взрыва. И с тех пор разрастается.

– Иными словами, вы суете свои носы в дела Создателя?

– Для того он и наделил нас мозгами.

– Может, вы вообще не верите, что появление Вселенной – дело его рук?

– Я католик, мистер Бегей. С моей точки зрения, именно ему было угодно, чтобы произошел Большой Взрыв.

Бегей вздохнул:

– В общем, я уже сказал: говорильней мы сыты по горло. В пятницу мы приедем на столовую гору, так и передайте своей команде. А теперь, уж извините, у меня важные дела.

* * *

Форд подъехал на Бэлью к Полуночной тропе. Теперь он знал, что коню известно, как становиться на поразительно узкие уступы и в каких местах следует соблюдать предельную осторожность. Не было смысла взбираться наверх пешком – можно было не спрыгивать с мудрого коня.

Часом позднее они поднялись наверх, и Бэлью, который мечтал скорее вернуться в конюшню, перешел на рысь. Испуганный Форд вцепился в луку седла, радуясь, что вокруг никого нет и никто не видит его растерянную физиономию. Около часа дня впереди показался Накай-Рок и невысокие холмы, окружавшие долину. В тополиной роще Форд услышал громкий смех и заметил Волконского, размашисто шагавшего от «Изабеллы» к домикам. Его длинные жирные космы трепал ветер. Программист выглядел взбешенным, но в то же время скалил зубы, надрывно хохоча точно сумасшедший.

Форд остановил Бэлью, спрыгнул на землю и поставил коня так, что тот преградил собою путь Волконскому.

– Привет.

– Прошу прощения, – проворчал программист, пытаясь обогнуть Бэлью.

– Хороший денек, не находишь? – как ни в чем не бывало спросил Форд.

Волконский резко затормозил и уставился на него, содрогаясь от яростного веселья:

– Спрашивать, хороший ли день? Я отвечаю: просто потрясающий.

– Что-то случилось? – поинтересовался Форд.

– Тебе какой дело, мистер антрополог? – Волконский запрокинул голову и оголил темные от курения зубы в неестественно счастливой улыбке.

Форд приблизился к нему на расстояние вытянутой руки.

– А выглядишь ты так, будто для тебя этот день один из худших.

Волконский наигранно положил руку на плечо Форду и наклонился вперед. Форда окутало мерзкое табачно-перегарное облако.

– Раньше я переживать. А теперь все хорошо. – Волконский подался назад и вновь разразился диким хохотом. На его небритой шее заходил ходуном кадык.

Сзади послышались шаги. Волконский резко выпрямился.

– А-а, Петр, – сказал, приблизившись, Уордлоу. – И Уайман Форд. Доброго здоровья. – Он произнес последние слова учтивым голосом, но со странной иронией.

Волконский вытаращил глаза.

– Ты из Бункера, Петр? – Казалось, вопрос Уордлоу таит в себе некую угрозу.

Волконский снова оскалился как ненормальный, но его взгляд изменился. Наполнился тревогой. Или же страхом?..

– Судя по записи в журнале, ты пробыл там всю ночь, Петр, – продолжал Уордлоу. – Я всерьез за тебя волнуюсь. Надеюсь, ты сейчас же отправишься спать.

Волконский, не ответив ни слова, обошел коня и продолжил путь.

Уордлоу повернулся к Форду и спросил таким тоном, будто не произошло ничего из ряда вон выходящего:

– Прекрасный денек для прогулки верхом, верно?

– Мы как раз говорили об этом с Петром, – бесстрастно сказал Форд.

– Куда ты ездил?

– В Блэкхорс, поговорить со знахарем.

– И?..

– Поговорил.

Уордлоу покачал головой:

– Этот Волконский... вечно из-за чего-нибудь на взводе. – Он уже сделал шаг вперед, но вновь остановился и спросил: – Вы больше ни о чем... не разговаривали?

– Что ты имеешь в виду? – спросил Форд.

Уордлоу пожал плечами:

– Не знаю. Наш программист немного... неуравновешен. Мало ли чего... мог брякнуть.

Форд проследил, как Уордлоу, засунув ручки в карманы брюк, уходит прочь по тропе. Он, подобно всем остальным, тоже был на грани срыва, однако лучше других скрывал это.

Глава 11

Эдди стоял возле трейлера со стаканом холодной воды в руке и смотрел на солнце, что опускалось к далекому горизонту. Лоренцо поблизости не было. Он исчез около полудня, так же тихо и внезапно, как появился, не доделав дела. На столе пестрела гора нерассортированной одежды, а у церкви желтела кучка неубранного песка. Эдди всматривался в горизонт, кипя от возмущения. Не следовало поддаваться уговорам и нанимать Лоренцо. Парень побывал в тюрьме за непреднамеренное убийство – пырнул кого-то ножом в пьяной уличной разборке в Гэллапе. Отсидел всего лишь полтора года. Эдди взял его себе в помощники по просьбе местной семьи. Лоренцо, согласно условиям досрочного освобождения, надлежало где-нибудь работать.

Эдди совершил большую ошибку.

Глотнув воды, он постарался унять в себе гнев. Лавочник из Блю-Гэпа до сих пор молчал, однако Эдди не сомневался в том, что вскоре получит долгожданные вести. Тогда можно будет навеки избавиться от Лоренцо. Пусть отправляется назад в тюрьму! Там его место. Всего полтора года за убийство! Неудивительно, что уровень преступности в резиденции навахо невысказанно высок.

Отхлебнув воды, Эдди с удивлением заметил человека, приближающегося к церкви, прищурился и внимательнее в него всмотрелся.

Лоренцо.

Индеец шел пошатываясь – видно, успел набраться. Эдди скрестил руки на груди. При мысли, что возможность разобраться с наглецом выдается уже теперь, его сердце забилося вдвое чаще. Тянуть дальше было некуда.

Лоренцо приблизился к воротам, оперся на столбик забора, мгновение-другое помедлил и вошел во двор.

– Лоренцо?

Навахо медленно повернул голову. Его глаза налились кровью, дурацкие косички наполовину расплелись, бандана на голове съехала набок. Выглядел он ужасно. И весь сгорбился, будто ему на плечи легли все мирские беды.

– Пожалуйста, подойди, – попросил Эдди. – Мне нужно с тобой поговорить.

Лоренцо, едва взглянув на него, отвернулся.

– Лоренцо, ты слышал, что я сказал?

Индеец, не отвечая, поплелся к куче с одеждой. Эдди подскочил и преградил ему путь. Лоренцо остановился и взглянул на пастора, дыша ему в нос запахом бурбона.

– Лоренцо, ты же прекрасно знаешь, что распитие алкогольных напитков запрещено условиями твоего досрочного освобождения.

Навахо молча смотрел на Эдди.

– К тому же ты исчез, не закончив работу. Мне нужно докладывать властям, будто ты тут исправно трудишься, но я больше не могу лгать. Все, с меня довольно. Ты уволен.

Лоренцо уронил голову на грудь. В первую секунду Эдди было подумал, что его непутевый помощник раскаивается, но тут услышал харкающий звук и увидел выплескивающуюся изо рта индейца слюну. Сгусток, точно сырая устрица, шлепнулся в песок к ногам пастора.

Его сердце заколотилось быстрее прежнего.

– Попрошу не плевать, когда я с вами разговариваю, мистер! – воскликнул он, повышая голос и трясясь от ярости.

Лоренцо сделал шаг в сторону, пытаясь обойти Эдди, но тот снова встал у него на пути.

– Слышишь, что я тебе говорю, или не в состоянии понимать человеческую речь?

Индеец молчал.

– Где ты взял деньги на спиртное?

Лоренцо приподнял руку и тяжело опустил ее.

– Я задал тебе вопрос!

– Занял у одного парня, – прохрипел навахо.

- Серьезно? У кого же?
- Не знаю, как его зовут.
- Не знаешь, как его зовут, – повторил Эдди.

Лоренцо предпринял еще одну вялую попытку обойти пастора, но тот снова не позволил ему это сделать. У него дрожали руки.

- Я знаю, откуда ты взял деньги. Ты их украл. С тарелки для пожертвований.
- Ни фиги.
- Да, украл! Больше пятидесяти долларов!
- Ни черта я не крал.

– Не чертыхайся при мне, Лоренцо! Я все видел. – Ложь соскользнула с языка Эдди прежде, чем он осознал, что вынужден прибегнуть к ней. Впрочем, можно было считать, что он и правда все видел: индеец не признавался в содеянном, но правда высвечивалась на его лице. – Ты присвоил пятьдесят долларов, в которых эта церковь крайне нуждается. Но ты украл их не только у нее. И не только у меня. Ты украл их у Господа!

Лоренцо молчал.

– Как, по-твоему, Господь на это ответит? Ты подумал об этом, а, Лоренцо? «И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну».

Лоренцо быстро развернулся и направился к городу. Эдди догнал его и схватил за рукав. Лоренцо вырвался и продолжил путь. Потом вдруг резко остановился и направился к трейлеру.

- Ты куда? – закричал Эдди. – Не смей туда входить, слышишь?

Лоренцо поднялся на крыльцо и вошел внутрь. Эдди взбежал по ступеням вслед за ним, но остановился у самой двери.

– Немедленно выходи! – Опасаясь, что негодяй нападет на него, заходить в трейлер он не решался. – Вор! Вот ты кто! Самый настоящий вор! Сейчас же выходи из моего дома, или я вызову полицию!

Из кухни послышался шум. Судя по звукам, индеец выдвинул и швырнул на пол ящик со столовыми приборами.

- За нанесенный ущерб ты заплатишь! Все до последнего цента!

Снова раздался грохот. По кухне разлетелась еще какая-то домашняя утварь. Эдди всем сердцем рвался в дом, однако его удерживал страх. Хорошо еще, что индеец прошел в кухню, а не в спальню, где стоял драгоценный компьютер.

– Выходи, я тебе говорю! Несчастный алкоголик! Паразит! Сор в глазах Иисуса! Я все расскажу твоему надзирателю, и ты отправишься обратно в тюрьму! Я обещаю!

Лоренцо внезапно возник на пороге с большим кухонным ножом в руке. Эдди попятился назад и сошел по ступеням вниз.

- Лоренцо. Нет.

Индеец остановился на крыльце, слегка покачиваясь, щурясь в лучах вечернего солнца и размахивая оружием. Спускаться он как будто не собирался.

- Брось нож, Лоренцо, – произнес Эдди. – Брось, кому говорят!

Индеец опустил руку.

- Брось сию секунду.

Крепко сжатые вокруг рукояти пальцы навахо немного расслабились.

- Брось, или Иисус покарает тебя!

Из груди Лоренцо вырвался вопль ярости:

– Да имел я твоего Иисуса в задницу! Вот так! – Он с таким остервенением пронзил ножом воздух, что едва не потерял равновесие и еле удержался на крыльце.

Ошарашенный, Эдди отпрянул.

– Да как... ты... смеешь... столь гадостно... богохульствовать?! Ты больной... погрязший в грехах человек! И будешь гореть в аду! Сатана! Ты... – Эдди задохнулся от негодования.

Лоренцо засмеялся сиплым бесстрастным смехом и стал неистово размахивать ножом, будто упиваясь ужасом Эдди.

– Да, да! В задницу!

– Гореть тебе в аду! – проревел Эдди в приступе неожиданной храбрости. – Ты будешь упрашивать Иисуса смазать твои обуглившиеся губы, но он тебя не услышит! Потому что ты мерзавец. Гадкий презренный человечиска!

Лоренцо снова сплюнул.

– Ну...

– Господь тебя накажет, помяни мое слово! Он уничтожит тебя, проклянет, жалкий богохульник! Ты украл у него, грязный индеец, ничтожество, вор!

Лоренцо бросился на него, но щедедушный Эдди был весьма юрок. Пока нож прочерчивал в воздухе широкую неровную дугу, пастор отпрыгнул в сторону и обеими руками вцепился в предплечье индейца. Тот хотел было вновь замахнуться, но Эдди, будто терьер, не выпускал его руку и изо всех сил дергал ее, чтобы навахо выронил нож.

Лоренцо зарычал и напрягся, однако не мог собраться с силами. Мало-помалу его рука совсем ослабла, но Эдди лишь яростнее тряс ее.

– Брось нож.

Лоренцо не знал, как ему быть. Эдди почувствовал, что перевес сил на его стороне, ударил противника плечом, выхватил у него нож и, не устояв на ногах, повалился на спину. Лоренцо упал на него, грудью прямо на нож, рукоять которого Эдди крепко сжимал пальцами. Ему на руку хлынула теплая кровь. Лезвие вошло аккуратно в сердце индейца. Пастор вскрикнул, выпустил нож и стал выбираться из-под навахо.

– Нет!

Невероятно, но Лоренцо встал на ноги с торчащим из груди ножом. Собрал остаток сил, он схватился за рукоятку обеими руками и попытался выдернуть нож. На его лице по-прежнему ничего не отражалось, глаза были затуманены. Он дернулся вперед и упал лицом в песок. Нож пронзил его насквозь, и кончик лезвия вышел из спины.

Эдди смотрел на индейца расширенными от ужаса глазами. Его губы сводило судорогой. Сухой песок под обмякшим телом пропитывался кровью – на поверхности оставались лишь алые сгустки.

Эдди в голову пришла первая осознанная мысль: «Опять становиться жертвой я не намерен».

На земле царила темень и ночная прохлада. Эдди копал яму в сухом рассыпчатом песке. Копать пришлось долго. Очень долго.

Эдди вздохнул, вытер пот со лба, содрогнулся всем телом, выбрался на поверхность, достал лестницу и ногами толкнул тело вниз. Оно приземлилось на дне с приглушенным ударом.

Предельно сосредоточившись, Эдди сбросил в яму окровавленный песок – все до последней песчинки. Потом снял с себя одежду и кинул ее сверху. За нею последовала вода из ведра, в котором он мыл руки, само ведро и полотенце, которым он вытирался.

Совершенно нагой, пастор замер на краю громадной ямы и задумался. Стоит ли помолиться? Нет, богохульник того не заслуживает. И поможет ли ему молитва, если он уже теперь корчится и стонает в адском пламени? «Я предрек ему кару Господню, и Бог тут же его умертвил. По сути, он убил богохульника его же рукою. Я стал тому свидетелем. Случилось чудо».

Все еще голый, Эдди стал закапывать яму, лопата за лопатой, работая быстро, чтобы не мерзнуть. К полуночи с кошмарным делом было покончено. Разложив по местам орудия труда и заметя последние следы произошедшего, он вошел в трейлер.

В ту ночь он молился так отчаянно, как не молился всю свою жизнь. За окнами, как обычно, свистел и выл ветер, сыпая в стекла песок и стуча по выцветшим стенам трейлера. «К утру двор будет подметен и выровнен, – подумал Эдди. – О том, что стряслось, мне не

напомнит ничто. Сам Господь перегоняет песок с места на место. Он же простит меня и очистит от греха мою душу».

Вновь и вновь содрогаясь, пастор лежал в кровати и в первый раз в своей жизни чувствовал себя победителем.

Глава 12

Метрдотель провел Букера Кроули в тускло освещенный дальний зал стейк-хауса, расположенного в Маклине, штат Виргиния. Преподобный Дон Т. Спейтс уже сидел за столиком и изучал увесистое меню в кожаной папке.

– Преподобный Спейтс, безмерно рад снова вас видеть. – Кроули протянул руку.

– И я вас, мистер Кроули.

Лоббист опустил в кресло, взмахнул полотняной салфеткой, сложенной в виде веера, и расстелил ее на коленях.

К столику неслышно подплыл официант.

– Чего желаете выпить, джентльмены?

– «Семь и семь», виски с газировкой, – сказал преподобный.

Кроули поморщился, радуясь, что они встретились в таком месте, где нет никого из его знакомых. От преподобного разило дешевым одеколоном «Олд Спайс», а его бакенбарды были слишком уж длинные. В действительности он выглядел на двадцать лет старше, чем на телеэкране. Его лицо покрывали пигментные пятна, кожа была красная с синеватым отливом, как у всех любителей выпить, а оранжевые волосы жутко горели в неярком свете лампы. «Как столь известный человек может расхаживать с такой убогой прической?» – мелькнуло в мыслях Кроули.

– А вы, сэр?

– Коктейль «Мартины» с джином «Бомбейский сапфир» и лимонной цедрой.

– Непременно, господа.

Кроули изобразил на лице дружелюбную улыбку.

– Смотрел вчера ваше шоу. Вы были великолепны!

Спейтс кивнул, похлопывая по столу пухлой рукой с профессионально обработанными ногтями.

– Мне помог Господь.

– Я вот все раздумываю: откликнулся ли народ на ваш вчерашний призыв?

– Разумеется, откликнулся. За последние сутки на электронный адрес в мой офис пришло восемьдесят тысяч писем.

Кроули помолчал.

– Восемь тысяч?

– Нет, сэр, – ответил Спейтс. – Восемьдесят.

Кроули ошеломленно моргнул.

– От кого же? – спросил он, опять немного помолчав.

– От зрителей, конечно.

– Наверняка вы не рассчитывали на подобный успех? Или я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь. Но мое вчерашнее выступление задело их за живое. Впрочем, ничего удивительного тут нет. Если правительство пускает собранные с населения деньги на то, чтобы доказать, будто Господь лжец, то христиане, несомненно, восстанут.

– Да, само собой. – Кроули снова растянул губы в улыбке. Восемьдесят тысяч! Узнай об этом хоть самый храбрый конгрессмен, тотчас перепугался бы до смерти.

Официант принес напитки, и Кроули подождал, пока он не удалится. Спейтс схватил запотевший стакан и жадно отхлебнул.

– Перейдемте к вопросу о судьбе «Времени Господнего» и прочих моих дел.

– Да, конечно. – Кроули похлопал по пиджаку в том месте, где с внутренней стороны располагался карман. – Все, что вас интересует, при мне.

– Что говорят в Вашингтоне?

Из своих источников Кроули знал, что многие конгрессмены тоже получили пропасть электронных сообщений и что им целые сутки пытаются дозвониться, однако лоббист не спешил порадовать Спейтса, чтобы тот не заломил несусветную цену.

– Через толстые вашингтонские стены подобные новости пробиваются не так скоро.

– А масса моих зрителей заявляют, что отправили копии писем и конгрессменам.

– Несомненно, – поспешил исправить ошибку Кроули.

У столика вновь возник официант. Спейтс и Кроули сделали заказы.

– Если не возражаете, – сказал Спейтс, – я хотел бы забрать деньги сейчас. А то принесут еду и обляпаем их жиром.

– Да-да, естественно. – Кроули достал из кармана конверт, будто между прочим положил его на скатерть и чуть покривился, когда Спейтс перегнулся через стол и открыто схватил деньги. Из-под манжета выглянуло мясистое, поросшее оранжевыми волосами запястье. «Стало быть, этот отвратный цвет – его натуральный», – отметил Кроули. Удивительно. Самое немыслимое в этом толстяке – самое естественное. Может, это далеко не единственная его странность? Кроули постарался не обращать внимания на свою неприязнь к сотрапезнику.

Спейтс разорвал конверт, ковырнув бумагу отманикюренным ногтем, извлек чек, поднес его ближе к свету и внимательно изучил.

– Десять тысяч долларов, – медленно прочитал он.

Кроули осмотрелся и вздохнул с облегчением: в этой части ресторана они до сих пор сидели одни. О сдержанности и хороших манерах преподобный как будто не имел понятия.

Спейтс крутил чек в руках.

– Десять тысяч долларов, – повторил он.

– Надеюсь, сумма вас устраивает? – полушутливым тоном спросил лоббист.

Преподобный вернул чек на место, засунул конверт в карман пиджака и, не отвечая на вопрос собеседника, произнес:

– Знаете, сколько у меня затрат? Каждый день христианских трудов обходится мне в пять тысяч долларов. Неделя – в тридцать пять. А год – почти в два миллиона.

– Суммы внушительные, – ровным голосом произнес Кроули.

– Вашей проблеме я посвятил целый час своего драгоценного времени. В пятницу я собираюсь снова поднять этот вопрос. Смотрите «Америка за круглым столом»?

– В обязательном порядке. – Кроули знал о связях Спейтса с кабельным христианским каналом и о ток-шоу, в котором он участвовал, однако не смотрел это шоу ни разу в жизни.

– Буду повторять об этом еще и еще раз, – произнес Спейтс. – Пусть вся страна содрогнется от праведного христианского гнева.

– Очень вам благодарен, преподобный.

– Сами понимаете, что десять тысяч долларов за подобное одолжение – капля в море.

«Чертов святоша», – подумал Кроули. Он ненавидел иметь дело с подобными пронырами.

– Простите, преподобный... Мне казалось, мы оговорили конкретную и окончательную сумму.

– Так оно и есть. Я оказал вам единичную услугу и беру столько, сколько запросил. А теперь предлагаю долгосрочное сотрудничество. – Спейтс поднес бокал к влажным губам, выпил остатки коктейля, поставил бокал с кубиками льда на стол и вытер рот.

– Я подкинул вам блестящую идею. Есть смысл развить ее, даже... гм... без дальнейших вложений извне, – проговорил Кроули.

– Мой друг, речь об истинной войне, о защите веры. Мы сражаемся с безбожниками на нескольких фронтах. Я в любую минуту могу сменить местоположение. Если вы желаете, чтобы я боролся на вашем участке, будьте добры, вкладывайте в операцию требуемые средства.

Официант принес заказ. Спейтс заказал себе хорошо прожаренный бифштекс из

вырезки, и теперь кусок мяса за тридцать девять долларов цветом, размером и формой напоминал хоккейную шайбу. Преподобный потер руки и наклонился над тарелкой. До Кроули с секундным опозданием дошло, что его сотрапезник благодарит Господа за еду, а не нюхает ее.

– Чего-нибудь еще, господа? – спросил официант.

Спейтс поднял голову и взял бокал.

– Повторите. – Он проводил удаляющегося официанта внимательным взглядом слегка прищуренных глаз. – По-моему, этот человек – гомосексуалист.

Кроули глубоко вздохнул, чтобы не выходить из себя.

– Какого рода сотрудничество вы предлагаете, преподобный?

– Дайте подумать. Надо сделать так, чтобы и вы, и я оставались довольны.

Кроули терпеливо ждал.

– Скажем, пять тысяч в неделю, с условием, что я буду упоминать об «Изабелле» во время каждой проповеди и посвящу ей по крайней мере одно ток-шоу.

«Ну уж нет», – подумал Кроули.

– Десять тысяч в месяц, – твердо сказал он. – При условии, что во время каждого выступления вы будете говорить о проекте не менее десяти минут. Что же касается ток-шоу... Первое посвятите «Изабелле» полностью, а на всех последующих можете просто упоминать о ней. Платить я буду в конце месяца, после проделанной работы. А оформлять платежи как благотворительные вклады по всем установленным правилам и прикладывать к каждому соответствующее письмо. Это мое первое, последнее и единственное предложение.

Преподобный Дон Т. Спейтс печально взглянул на собеседника. Внезапно его лицо расплылось в радушной улыбке, а на стол легла веснушчатая рука, вновь демонстрируя оранжевую шерсть.

– Бог отблагодарит вас, мой друг.

Глава 13

Во вторник рано утром, перед завтраком, Форд сидел на кухне в своем домике и изучал стопку досье. Естественно, незаурядные умственные способности никого не спасают от превратностей судьбы. Однако на долю здешних ученых их выпало больше, чем можно было вообразить. Кто-то в детстве страдал от крайней нужды, кому-то достались непутевые родители, кто-то не мог определиться с половой ориентацией, многие познали на собственном опыте, что значит нервный срыв, двое даже становились жертвами банкротства. Тибодо уже в двадцать лет поставили диагноз «пограничное личностное расстройство», и она с тех самых пор сидела на специальных медпрепаратах. Чеккини подростком вовлекли в некую религиозную секту. Эдельштайн время от времени впадал в глубокую депрессию. Сен-Винсент был алкоголиком. Уордлоу страдал посттравматическим стрессовым расстройством, после того как в пещере, в афганских горах Тора-Бора, у него на глазах его командир отстрелили голову. Тридцатичетырехлетняя Коркоран успела дважды побывать замужем и дважды развестись. Иннс получил строгий выговор с занесением в личное дело за то, что спал с пациентами.

Одной Рей Чен было как будто нечего скрывать. Ее мать, китаянка, много лет назад переселилась в Америку и теперь владела рестораном. Долби тоже вроде бы казался относительно нормальным, если не заострять внимания на том, что он родился и вырос в одном из самых неблагополучных районов Уоттса, и на том, что его брат, случайно получив пулю в уличной перестрелке, был парализован.

Досье Кейт тоже изобиловало неприглядными подробностями. Его Форд читал с нездоровым увлечением и чувством вины. Ее отец спустя некоторое время после их расставания покончил жизнь самоубийством – потеряв работу, выстрелил себе в висок. Мать быстро сдала, а в семьдесят лет перестала узнавать собственную дочь и угодила в специальную лечебницу. После ее смерти Кейт на два года исчезла: заплатила вперед за съем

квартиры в Техасе и куда-то уехала. Где она жила и чем занималась все это время, ни ФБР, ни ЦРУ так и не выяснили, что поражало и озадачивало Форда. На их многочисленные вопросы Кейт отказывалась отвечать, поэтому ей даже не хотели давать допуск к секретной информации, связанной с «Изабеллой», но эту проблему решил Хазелиус. Понятное дело почему. У них с Кейт был роман. Похоже, их связывала больше дружба, нежели страсть. Роман закончился мирно и по взаимному согласию.

Отодвинув папки, Форд поморщился при мысли, что он по указке правительства вторгается в чужую личную жизнь, и задумался, как, долгие годы работая в ЦРУ, он мирился с подобными мерзостями. Уединение в монастыре изменило его больше, чем ему казалось.

По дороге из Вашингтона он бегло просмотрел досье Хазелиуса, а теперь раскрыл его и принялся изучать куда более внимательно. Перечисленные в нем события шли в четком хронологическом порядке. Перед глазами Форда строчка за строчкой вырисовывалась вся фантастическая жизнь физика-гения. Как ни удивительно, Хазелиус был выходцем из довольно состоятельной семьи среднего класса, проживавшей в Миннесоте, куда его предки переселились со Скандинавского полуострова. Хазелиус был единственным ребенком владельца магазина и домохозяйки – людей добропорядочных, ничем не приметных и набожных. Странно, что в столь заурядных условиях родился и вырос такой многогранный талант. Гениальность Хазелиуса проявилась еще в раннем детстве. В семнадцать лет он с отличием окончил университет Джонса Хопкинса, в двадцать – защитил докторскую в Калифорнийском технологическом, в двадцать шесть профессорствовал в Колумбийском, а в тридцать получил Нобелевскую премию.

Несмотря на блестящие академические заслуги, Хазелиус вовсе не походил на скучных теоретиков и слуг науки. Студенты в Колумбийском университете обожали его за остроумные шутки, сангвинический темперамент и интригующую склонность к мистицизму. Он играл буги-вуги и страйд на фортепиано в составе группы «Кваркстеры» в одном баре на Сто десятой улице. Послушать его собирались толпы очарованных студентов. Порой они всей компанией под его предводительством ездили в стриптиз-клубы. Он разработал теорию «необъяснимого притяжения» ценных бумаг, продал свою идею одному фонду рискованного инвестирования и заработал на ней миллионное состояние.

Получив Нобелевскую премию за работу по квантовой диспозиции, Хазелиус с легкостью принял мантию «наследника Ричарда Фейнмана, светила физической науки». Он опубликовал свыше тридцати статей о несовершенстве квантовой теории, пошатнув ее основы основ. За доказательство третьей гипотезы Лапласа Хазелиус получил награду и медаль Филдса и, таким образом, стал единственным лауреатом и Нобелевской, и Филдсовской премий. Список его заслуг дополнил Пулитцер, присужденный за сборник необыкновенно поэтичных стихов, сочетавших в себе выразительность языка, математические уравнения и научные теоремы. Он разработал программу по оказанию медицинской помощи в тех районах Индии, где больных девочек по традиции оставляли умирать. Программа предусматривала и краткий образовательный курс, направленный на изменение общественного отношения к женщине. Хазелиус вложил не один миллион в кампанию против женского обрезания в Африке. И запатентовал изобретение новой мышеловки – более эффективной и вместе с тем гуманной (тут Форд от души посмеялся).

Его фотографии нередко появлялись на шестой странице «Вашингтон пост», в светской хронике, среди снимков богачей и знаменитостей. На них Хазелиус был неизменно изображен в «фирменных» костюмах – старомодных пиджаках с широкими лацканами и огромных галстуках. Он хвастливо заявлял, что покупает одежду в магазинах «Армии спасения» и никогда не тратит на шмотки более пяти долларов. Его нередко приглашали на «Шоу Леттермана», где он горячо выступал с бунтарскими, неполиткорректными заявлениями – «неудобоваримой правдой», как он сам их называл, – и красноречиво распространялся о своих утопических проектах.

В тридцать два года он произвел фурор, женившись на Астрид Ганд – недалекой юной красавице, бывшей модели «Плейбоя». Она везде сопровождала мужа, появляясь с ним на

всех его публичных выступлениях. В студиях Хазелиус поедал ее глазами, а Ганд беззаботно высказывалась на политические темы. Обсуждая события одиннадцатого сентября, она как-то раз заявила: «А чего они подняли такой шум? Об этом давно пора забыть».

Общественность вновь и вновь негодовала, но Хазелиус на этом не остановился и выкинул номер, сравнимый с утверждением «“Битлз” популярнее Иисуса». Однажды некий репортер спросил у физика, почему он женился на женщине, «чье интеллектуальное развитие настолько ниже вашего». Хазелиус оскорбленно заорал на репортера:

– На ком мне было жениться? Интеллектуальное развитие всех вокруг намного ниже моего! Астрид по крайней мере знает, как любить. В отличие от всех прочих идиотов.

Словом, один из умнейших современников обозвал остальных дураками. Общественному возмущению не было предела. В «Вашингтон пост» появилась передовица под названием, впоследствии ставшим классикой: «Хазелиус – всему миру: “Вы идиоты!”».

Ведущие передач и ток-шоу, имевшие столь большое влияние на общественное мнение, задыхались от гнева. Хазелиуса перестали приглашать куда бы то ни было, объявили антиамериканцем, безбожником, мизантропом, не ведающим, что значит патриотизм, сделали презренным изгоем, недостойным быть принятым в приличном обществе.

Форд отложил бумаги и налил себе еще кофе. Тот Хазелиус, с которым он знакомился – миротворец, дипломат, лидер группы, взвешивающий каждое слово, – ничуть не походил на человека, о котором рассказывало досье. Впрочем, Форд знал его слишком мало.

К тому же несколько лет назад Хазелиус пережил трагедию. Вероятно, именно она настолько изменила его. Форд пролистал досье и нашел то место, где описывалось несчастье.

Несколько лет назад, когда Хазелиусу было тридцать шесть, Астрид внезапно скончалась от кровоизлияния в мозг. Ее смерть потрясла ученого. Какое-то время он, подобно Говарду Хьюзу, провел в затворничестве, потом вдруг снова дал о себе знать, задумав создать «Изабеллу», и вернулся в общество совершенно другим человеком. Теперь его не интересовали ни ток-шоу, ни громкие заявления, ни утопические проекты, ни недостижимые цели. С бывшими друзьями он давно не общался и больше не носил уродливых костюмов. Грегори Норт Хазелиус наконец повзрослел.

Проявляя невероятную ловкость, терпение и такт, он стал шаг за шагом продвигать свой новый проект: собрал команду ученых, выбил значительные суммы и вошел в доверие к представителям власти. При каждом удобном случае он напоминал американцам о том, что в области ядерной физики они отстают от Европы, убедил правительство, что «Изабелла» – эффективный путь к удовлетворению энергетических нужд, не требующий больших затрат, и не раз подчеркивал, что все патенты и ноу-хау навек останутся в руках американцев. Таким образом он добился невозможного: в далеко не лучшие времена выколотил из конгресса сорок миллиардов долларов.

Складывалось впечатление, что Хазелиус – непревзойденный мастер убеждать, талантливый организатор и предусмотрительный мечтатель, который тем не менее готов смело пойти на огромный риск. Именно с таким Хазелиусом Форд мало-помалу знакомился.

«Изабелла» была изобретением Хазелиуса, его детищем. Он лично объездил всю страну и выбрал самых достойных из лучших физиков, инженеров и программистов. Все шло как по маслу. До некоторых пор.

Форд закрыл папку и призадумался. Ему все еще казалось, что он не имеет понятия о том, кто такой настоящий Хазелиус: гений, шоумен, музыкант, мечтатель-утопист, преданный муж, надменный изгой, блестящий физик, терпеливый лоббист... Кто он на самом деле? Или истинная суть ученого пряталась где-то глубже, а в обществе он появлялся то в одной, то в другой маске?

Отчасти судьба Хазелиуса напоминала Форду его собственную. Они оба внезапно и при ужасающих обстоятельствах потеряли жен, оба переживали беду в уединении. Когда погибла супруга Форда, для него вместе с нею взорвался весь прежний мир, и он почувствовал себя так, будто до гробовой доски будет вынужден блуждать среди развалин. На Хазелиуса смерть жены повлияла иначе: он, напротив, предельно сосредоточился. Форд

утратил смысл своего существования, а Хазелиус обрел его.

Форд представил себе, что написано в его досье. В том, что оно существует, и в том, что с ним, как и со всеми остальными, ознакомился Локвуд, он ни капли не сомневался. «Как описали мою жизнь?» – задумался он. Привилегированная семья, частная школа Чоут, Гарвард, Массачусетский технологический институт, ЦРУ, женитьба. А дальше – бомба.

Что потом? Монастырь. И наконец частное детективное агентство «Охранно-разведывательная служба». Название вдруг показалось ему слишком громким. Объявления о предоставлении услуг он разместил четыре месяца назад и за все это время получил единственный заказ. Конечно, работу ему подкинули стоящую, но упоминать о ней в качестве рекламы строго запретили.

Он посмотрел на часы: так, завтрак едва не пропустил, а все из-за того, что убивал время на глупые раздумья о своей несчастной доле.

Форд убрал досье в портфель, защелкнул замок и направился к столовой. Солнце только-только поднялось над красными вершинами холмов: лучи струились на листву тополей, и деревья, казалось, были сделаны из желто-зеленого стекла.

В столовой царствовали ароматы бекона и булочек с корицей. Хазелиус сидел на своем коронном месте, во главе стола, и увлеченно разговаривал с Иннсом. На другом конце Кейт, рядом с Уордлоу, наливала кофе. Увидев ее, Форд почувствовал волнение в груди.

Усевшись на единственное свободное место, возле Хазелиуса, он положил себе с большого блюда кусок яичницы с беконом.

– Доброе утро! – воскликнул Хазелиус. – Как спалось?

– Замечательно.

За столом были все, кроме Волконского.

– Послушайте, а где Петр? – спросил Форд. – У него во дворе нет машины.

Разговоры внезапно стихли.

– Доктор Волконский, похоже, нас покинул, – сказал Уордлоу.

– Покинул? Почему?

Последовало всеобщее молчание. Его нарушил Иннс, произнеся неестественно громким голосом:

– Я психолог. Наверное, мне и придется ответить. Полагаю, что не нарушу профессионально-этические нормы, если скажу прямо: Петр с самого начала чувствовал себя здесь несколько не в своей тарелке. Его угнетала уединенность и напряженный график работы. Ему очень не хватало жены и ребенка, которых пришлось оставить в Брукхейвене. Неудивительно, что он не выдержал и решил уехать.

– Тони сказал «похоже, покинул». Значит, полной уверенности в этом нет? – спросил Форд.

– Мы пришли к такому выводу, – невозмутимым тоном произнес Хазелиус. – Машина Петра пропала, исчез чемодан и большая часть одежды.

– Он что, никому не сказал ни слова?

– А чего ты так разволновался, Уайман? – спросил Хазелиус, пристально всматриваясь в Форда.

Тот одернул себя. Со столь чертовски умным и наблюдательным человеком следовало быть похитрее.

– Не разволновался, а просто удивился.

– Я чувствовал, что все идет к тому, – сказал Хазелиус. – Петр не годен для подобной жизни. Наверняка он даст о себе знать, когда доберется домой. Ты лучше расскажи нам про вчерашний визит к Бегею, Уайман.

Взгляды всех присутствующих устремились на Форда.

– Бегей очень зол. У него целый список претензий.

– Каких же?

– Если кратко, им много чего пообещали, но обещания эти не выполнили.

– Мы никому ничего не обещали, – сказал Хазелиус.

– По-видимому, министерство энергетики уверило их в том, что здесь появится масса рабочих мест и всяческих экономических и социальных благ.

Хазелиус в негодовании покачал головой:

– За министерство энергетики я не в ответе. Хотя бы от этой демонстрации ты его отговорил?

– Нет.

Хазелиус нахмурился:

– Надеюсь, ты все же что-нибудь придумаешь.

– По-моему, пусть они лучше соберутся и приедут сюда.

– Уайман, случись хоть малейшая неприятность, о ней тут же узнает вся страна. Нельзя допускать ничего подобного! – воскликнул Хазелиус.

Форд посмотрел на него бесстрашно и строго:

– Вы поселились на горе, работаете над секретным правительственным проектом и избегаете всяческого общения с местным населением. Само собой разумеется, о вас пошли дурные слухи. А чего еще вы ожидали? – Он произнес эти слова чуть более резко, чем намеревался.

Остальные уставились на него так, будто он прилюдно осыпал проклятиями священника. Хазелиус заставил себя расслабиться. Расслабились и другие члены команды.

– Ладно, признаю, я получил выговор вполне заслуженно, – произнес Хазелиус. – Ты прав. Нам следовало с самого начала подумать об этом. Но... что же делать?

– Я навещу здешнего предводителя навахо в Блю-Гэпе, попробую устроить городское собрание, на котором должен появиться и ты, Грегори.

– Не знаю, смогу ли я выкроить время.

– Боюсь, тебе придется его выкроить.

Хазелиус взмахнул рукой:

– Побеседуем об этом серьезнее, когда ты с ними договоришься.

– Мне бы хотелось, чтобы кто-нибудь поехал со мной и сегодня.

– Кто именно?

– Кейт Мерсер.

Хазелиус повернул голову.

– Кейт? У тебя ничего срочного?

Щеки Кейт вспыхнули.

– Я занята.

– Если Кейт не может, тогда поеду я, – с улыбкой заявила Мелисса Коркоран, тряхнув светлыми волосами.

Форд посмотрел на Кейт, потом на Коркоран. Он не желал появляться в Блю-Гэпе с высокой голубоглазой сексапильной блондинкой, но прямо об этом сказать не мог. Черноволосая Кейт с полуазиатским лицом по крайней мере походила на коренных жительниц.

– Может, все-таки отложишь дела, Кейт? – спросил Хазелиус. – Ты же сказала, что почти завершила расчеты. Этот вопрос немаловажный, а ты как-никак заместитель руководителя.

Кейт с невозмутимым лицом посмотрела на Коркоран. Та выдержала ее взгляд.

– Да, к расчетам я, пожалуй, вернусь позже, – произнесла Кейт.

– Отлично, – кивнул Форд. – Через час заеду за тобой на джипе. – Он встал с места и направился к выходу, почему-то радуясь.

Коркоран усмехнулась, бросила на него косой взгляд и пробормотала:

– Значит, в другой раз.

Вернувшись в дом, Форд запер дверь, взял портфель, прошел в спальню и занавесил окно, после чего достал телефон и позвонил Локвуду.

– Здравствуйте, Уайман. Есть какие-нибудь новости?

– Вы знакомы с Петром Волконским, инженером по программному обеспечению?
– Да.
– Вчера вечером он исчез. Его машина пропала, говорят, и одежда тоже. Разузнайте, пожалуйста, появился ли он дома, и сообщите мне.
– Постараюсь.
– Только, пожалуйста, как можно скорее.
– Позвоню вам немедленно.
– И еще кое-что.
– Слушаю.
– Майкл Чеккини... В его досье сказано, что подростком он вступил в какую-то секту. Об этом хотелось бы узнать поподробнее.
– Понял. Что-нибудь еще?
– Рей Чен. Она кажется... гм... как бы объяснить? Слишком нормальной.
– А что конкретно вас смущает?
– Еще раз поинтересуйтесь ее биографией, посмотрите, нет ли в ней каких-нибудь странностей.

Через десять минут на телефонном аппарате замигала лампочка. Форд нажал на кнопку приема и вновь услышал голос Локвуда. Теперь он звучал гораздо более напряженно.

– Что касается Волконского – мы позвонили его жене и коллегам в Брукхейвене... Он никому не давал о себе знать. Говорите, он исчез вчера вечером? В котором часу?

– По моим предположениям, около девяти.

– Мы отправим полиции данные о его машине. Он живет в штате Нью-Йорк, на дорогу домой у него уйдет часов сорок. Если он в пути, мы быстро его обнаружим. Что-нибудь случилось?

– Вчера я встретил его на улице. Он провел у «Изабеллы» целую ночь и, видимо, пил. Он был истерично весел. Сказал: «Раньше я переживать. А теперь все хорошо». Только мне показалось, что с ним творится что-то странное.

– Что он имел в виду? У вас есть какие-либо предположения?

– Никаких.

– Осмотрите его жилье.

Форд задумался.

– Хорошо. Сделаю это сегодня ночью.

Закончив разговор, Форд посмотрел на тополя за окном. Ложь, вынюхивания, ухищрения... А теперь еще и взлом с незаконным вторжением. Хорошо же он начинает жизнь за пределами монастыря!

Глава 14

Блю-Гэп можно было окинуть одним взглядом. Городишко лежал в пыльном углублении, окруженном зубчатыми скалами и скелетами засохших кедров, и представлял собой несколько построек да два перекрестка проселочных дорог, асфальтированных лишь на ярд в каждую сторону от пересечения. Рядом с бетонным зданием автозаправочной станции стоял магазинчик с треснутым окном. На ограде заправки хлопали на ветру пластиковые пакеты для продуктов. Чуть дальше располагалась средняя школа, опоясанная оградой из цепей. К северу и востоку от нее тянулись неровные ряды типовых хибар, возведенных по стандартному проекту департамента жилищного строительства и городского развития.

Пурпурная Ред-Меса, оставшаяся чуть в стороне, казалась художественным оформлением неприглядной сцены.

Джип въехал на асфальт и остановился.

– Итак, – произнесла Кейт. – Каков твой план?

– Заправиться.

– Заправиться? У нас еще полбака. К тому же мы получаем бензин бесплатно.

– Делай, что я скажу, договорились?

Форд приблизился к заправке, вышел, наполнил бак и постучал в окно, привлекая внимание Кейт.

– Деньги есть?

Она растерянно взглянула на него:

– Я не взяла кошелек.

– Прекрасно.

Они вошли в магазин. У кассы стояла высокая женщина-навахо. На товар, разложенный по полкам, глазели несколько других посетителей – все местные. Форд взял упаковку жвачки, банку колы, пакетик чипсов и «Навахо таймс», подошел к кассе и положил их перед продавщицей. Та пробила чек, включив в него и стоимость бензина.

Форд засунул руку в карман, скривил гримасу и принялся шарить по остальным карманам, делая вид, будто что-то ищет.

– Проклятие! Забыл бумажник. – Он взглянул на Мерсер: – У тебя есть деньги?

Она посмотрела на него с упреком:

– Знаешь ведь, что нет.

Форд развел руками и извинительно улыбнулся кассирше:

– Представляете, не взял бумажник!

Она строго глядела на него.

– Вы должны заплатить. Хотя бы за бензин.

– А сколько с меня?

– Восемнадцать пятьдесят.

Форд снова пустился разыгрывать сценку, обшаривая карманы. Остальные посетители с любопытством наблюдали за ним.

– Нет, это немыслимо! Не взял ни цента! Мне ужасно неудобно.

Последовало напряженное молчание.

– Мне положено взять с вас деньги, – произнесла кассирша.

– Пожалуйста, извините меня. Мне крайне неловко. Послушайте, давайте я съезжу домой, возьму бумажник и тут же вернусь. Обещаю. Черт! Надо же было так оплошать!

– Я не могу вас отпустить, пока вы не заплатите, – сказала женщина. – Это моя работа.

К кассе подошел щуплый высокий, нервного вида человек с черными как вороново крыло волосами по плечи, в тускло-серой ковбойской шляпе и мотоциклетных ботинках. Он достал из кармана джинсов выдавший виды бумажник на цепочке и извлек из него двадцатку.

– Дорис? Вот возьми.

Форд повернулся к незнакомцу:

– Как великодушно с вашей стороны! Я верну вам эти деньги.

– Конечно, вернете, об этом даже не волнуйтесь. А когда приедете в следующий раз, сразу платите Дорис. Сейчас я вам помог, а в следующий раз вы меня выручите. – Индеец наклонил голову набок, подмигнул и указал на Форда пальцем.

– Само собой. – Форд протянул руку. – Уайман Форд.

– Уилли Бесенти. – Они обменялись рукопожатиями.

– Вы хороший человек, Уилли.

– Ваша правда! Хороший я, а, Дорис? Лучше всех в Блю-Гэпе!

Дорис подняла глаза к потолку.

– А это Кейт Мерсер, – сказал Форд.

– Привет, Кейт. Как дела? – Бесенти наклонил голову, схватил руку Кейт и поцеловал.

– Мы ищем главу правления, – сказал Форд. – Хотели бы с ним побеседовать.

– Не с ним, а с ней, – поправил его индеец. – Ее зовут Мария Атситти. Ступайте вниз по дороге и поверните направо там, где кончается асфальт. Возле водонапорной башни увидите старое деревянное здание с жестяной крышей. Передайте Марии привет от меня.

По дороге Форд объяснил Кейт:

- С навахо этот номер проходит всегда. Они самые щедрые люди в мире.
- За цинизм и артистичность ставлю тебе пять с плюсом.
- Я преследую благородные цели.
- А он и сам очень смахивает на жулика. Как ты думаешь, зачем он это сделал?

Они свернули на стоянку возле здания местного правления и остановились рядом с несколькими пыльными пикапами. К парадной двери кто-то прикрепил одну из листовок Бегея с призывом устроить демонстрацию. Второй такой же лист трепетал на ближайшем телефонном столбе.

Форд и Кейт вошли внутрь и спросили, можно ли увидеться с главой правления. Ею оказалась опрятная полная женщина в бирюзовой блузке и коричневых брюках. Форд и Кейт обменялись с ней рукопожатиями и приветственными фразами.

- Уилли Бесенти передает вам привет.
- Вы знакомы с Уилли? – Атситти удивилась и как будто обрадовалась.
- В некотором смысле – да. – Форд виновато усмехнулся. – Он одолжил мне двадцать долларов.

Мария Атситти покачала головой:

- Эх, Уилли, Уилли! Отдаст последнюю двадцатку неизвестно кому, а потом вломится в магазин, чтобы возместить убытки. Входите, выпейте кофе.

Форд и Кейт подошли к столу, где стоял кофейник, получили по чашке жидкого кофе и проследовали за предводительницей в тесный кабинетик, битком набитый бумагами.

- Итак, чем могу быть полезна? – спросила она, широко улыбаясь.
 - Наверное, вам будет не очень приятно услышать, но мы с горы Ред-Меса.
- Улыбка растаяла на губах Атситти.
- Понятно.
 - Кейт – заместитель руководителя проекта «Изабелла», а я присоединился к ним только что. Моя задача – наладить контакт с местными жителями.

Атситти не ответила.

- Мне известно, что ваши люди хотят знать о ходе наших дел, – сказал Форд.
- Совершенно верно.
- Нам нужна ваша помощь. Если вы соберете жителей здесь, в здании правления, – допустим, как-нибудь вечером, на этой неделе, – тогда я приеду с Грегори Нортон Хазелиусом. Он лично ответит на все вопросы и объяснит, чем мы занимаемся.

Атситти долго молчала, потом нехотя произнесла:

- На этой неделе не получится. Давайте на следующей. В среду.
- Отлично. Все переменится, обещаю. С сегодняшнего дня мы станем приезжать сюда и в Раф-Рок за продуктами и прочими покупками, будем заправлять у вас машины.
- Уайман, по-моему, мы не... – начала было Кейт, но Форд мягко опустил руку ей на плечо.

- Что ж, это совсем другой разговор, – сказала Атситти.

Они встали и обменялись рукопожатиями.

Джип, сопровождаемый тучей пыли, выехал из Блю-Гэпа. Мерсер повернулась к Форду:

- В среду на следующей неделе – это слишком поздно. Значит, демонстрации не избежать.

- А я и не намереваюсь предотвращать ее.
- Если ты полагаешь, что мы станем закупаться в их магазинах и есть на ужин «Доритос», баранину и консервированную фасоль, значит, ты просто сумасшедший.

– Тут тебе не Нью-Йорк и не Вашингтон, – сказал Форд. – А сельская местность, Аризона. Эти люди – наши соседи. Следует показаться им, убедить их в том, что мы не кучка чокнутых ученых, задумавших уничтожить мир. Заодно принесем им какую-никакую прибыль.

Мерсер покачала головой.

– Кейт, – произнес Форд, – куда подевались твои прогрессивные взгляды? Что случилось с твоим сочувствием бедным и угнетенным?

– Только не читай мне нотаций.

– Прости, – сказал Форд, – но в данном случае без них не обойтись. Ты принимаешь участие в крупной программе, которая на всех наводит ужас, и даже не знаешь об этом. – Он беспечно засмеялся, стараясь обернуть свои слова в шутку, но понял, – увы, слишком поздно, – что оскорбил чувства Кейт.

Мерсер опалила его гневным взглядом, поджала побледневшие губы и уставилась в окно. Они поднялись вверх по Дагвей и направились к «Изабелле».

На полпути Форд скинул скорость и стал во что-то всматриваться сквозь ветровое стекло.

– Что там еще?

– Как будто целое полчище канюков.

– И что с того?

Форд остановил машину и указал на асфальт:

– Взгляни. Свежие следы колес резко сворачивают на запад. Как раз туда, где собрались канюки.

Мерсер даже не повернула головы.

– Я схожу взгляну, что там творится, – сказал Форд.

– Замечательно. А я буду целую ночь возиться с расчетами.

Форд поставил машину в тени тополей и пошел по странному следу. Под ногами похрустывал песок и гравий. От земли поднимался жар, скопившийся за день. Форд заметил вдали койота, ускользящего прочь с какой-то добычей в зубах.

Минут через десять он подошел к узкому глубокому оврагу и заглянул в него. На дне лежала перевернутая машина. В ветвях сухого кедра терпеливо выжидали канюки. Сквозь дыру в разбитом лобовом стекле показалась голова койота – сцепив челюсти, он пытался оторвать от чего-то кусок. Заметив Форда, койот разжал окровавленную пасть, выскочил и помчался прочь.

Форд спустился по булыжникам вниз, закрывая нижнюю часть лица краем задранной рубашки, чтобы в нос не била вонь смерти, смешанная с резким запахом бензина. Канюки закружили у него над головой, взволнованно хлопая крыльями. Форд присел на корточки и заглянул в разбитую машину.

Тело лежало на боку, в неестественной позе. Глаз и губ не было. Кисть отгрызена, на руке, вытянутой в сторону лобового стекла, заметны следы зубов. Форд сразу узнал мертвеца.

Волконский.

Сохраняя спокойствие, Форд внимательно рассмотрел чудовищную картину, подмечая все до мельчайших подробностей. Он отошел назад, стараясь ничего не нарушить, повернулся и взобрался наверх. Немного придя в себя, Форд глубоко вздохнул и побежал назад к дороге, заметив в стороне двух койотов, vzdорящих из-за куска мяса, что лежал чуть в стороне.

Добежав до машины, Форд наклонился к открытому окну. Мерсер сердито взглянула на него.

– Там Волконский, – выдохнул Форд. – Кейт, он погиб!

Мерсер ахнула:

– Боже мой... Неужели?

Форд кивнул.

У нее скривились губы.

– Авария? – спросила она хриплым голосом.

– Нет.

Подавив в себе приступ тошноты, Форд достал из заднего кармана брюк сотовый и

набрал телефон Службы спасения.

Глава 15

Локвуд неслышно ступил на толстый ковер, устлавший пол Овального кабинета. Мысль о том, что он соприкасается с высшей властью, правящей миром, как обычно, отзывалась в его душе приступом волнения.

Президент Соединенных Штатов вышел из-за стола и, как и подобает настоящему политику, в знак приветствия протянул руку.

– Стэнтон! Рад вас видеть! Как Бетси? Как дети?

– Хорошо, спасибо, господин президент.

Обменявшись с гостем рукопожатиями, президент указал на ближайшее к столу кресло. Локвуд сел и положил на колени папку. За окнами, выходившими на восток, нежился в предвечернем тепле розарий Белого дома. Соседнее кресло занял Роджер Мортон, глава администрации президента. В третьем кресле Джин, секретарь президента, приготовила блокнот для стенограммы.

Гордон Гэлдон, толстяк в темно-синем костюме, без приглашения расположился рядом с президентом. Он руководил президентской предвыборной кампанией, и Локвуд его не переваривал. В последнее время Гэлдон мелькал повсюду, посещал каждую встречу, был вездесущим. Без его благословления не принималось ни единого решения.

Президент вернулся за стол.

– Что ж, Стэн, пожалуйста, начинайте.

– Да, мистер президент. – Локвуд достал тонкую папочку. – Вы знакомы с проповедником по имени Дон Т. Спейтс? Он каждую неделю читает телевизионные проповеди в Виргиния-Бич. Его передача называется «Время Господне».

– Это тот самый, который развлекался с двумя проститутками?

Все собравшиеся сдержанно хихикнули. Президент, бывший адвокат с Юга, умел высказаться хлестко и с юмором.

– Да, сэр, тот самый. В прошлое воскресенье, выступая в ток-шоу по кабельному христианскому каналу, он поднял вопрос о проекте «Изабелла». И твердил о нем все эфирное время. Его главная мысль: правительство потратило сорок миллиардов общественных денег на опровержение книги Бытия.

– Книга Бытия и проект «Изабелла» никоим образом не соприкасаются.

– Да, конечно. Но беда в том, что народ по-настоящему всполошился. Сенаторам и конгрессменам поступают электронные письма и телефонные звонки. Теперь эта волна докатилась и до нашего офиса. Она настолько мощная, что, боюсь, нам придется как-нибудь отреагировать.

Президент повернулся к руководителю администрации:

– А ваши радары что-нибудь улавливают, Роджер?

– Нам поступило двадцать тысяч сообщений, девяносто шесть процентов из них – враждебные.

– Двадцать тысяч?

– Да, сэр.

Локвуд посмотрел на Гэлдона. На его физиономии ничего не отражалось. Он всегда выжидал до последнего и говорил решающее слово. Локвуд ненавидел таких людей.

– Следует заметить, – сказал он, – что пятьдесят два процента американцев не верят в эволюцию. В том числе ее не признают шестьдесят восемь процентов тех, кто считает себя сторонниками республиканцев. Нападки на «Изабеллу» вполне объяснимы. Война может разрастись до небывалых размеров и повлечь за собой весьма печальные последствия.

– Откуда эти данные?

– От специалистов из Гэллапа. Они провели специальный опрос общественного мнения.

Президент покачал головой:

– Увы, изменить ничего нельзя. Проект «Изабелла» играет крайне важную роль в развитии американской науки и технологий. Мы много лет подряд не могли похвастать никакими особыми достижениями, и вот наконец обошли и Европу, и Японию. «Изабелла» повысит уровень экономики, оздоровит бизнес, будет значительным шагом вперед во многих областях. Кроме того, станет прекрасным решением энергетических вопросов, позволит нам значительно снизить поставки нефти из стран Ближнего Востока. Стэн, ваша задача – составить убедительное сообщение для печати, организовать пресс-конференцию. Поднимите шумиху. И докажите, что мы делаем это ради народа.

– Хорошо, господин президент.

Настал черед Гэлдона. Он приосанился.

– Наша позиция значительно укрепилась бы, если бы об «Изабелле» поступили хорошие вести. Вам известно, доктор Локвуд, когда закончится вереница проблем?

– Через неделю или даже раньше, – ответил Локвуд. – Мы почти нашли выход.

– Неделя – срок немалый, – произнес Гэлдон. – Особенно когда противник вроде Спейтса так рьяно бьет в тамтамы и запасается оружием.

Локвуд моргнул.

– Уверяю вас, мы делаем все, что от нас зависит.

Круглое лицо Гэлдона искривилось в неодобрительной гримасе.

– Неделя! Вы только подумайте – целая неделя!

Со стороны входа послышался чей-то голос. У Локвуда замерло сердце: в Овальный кабинет вошла его личная помощница. Прервать беседу с самим президентом могли лишь в случае крайней необходимости. Секретарь подошла к боссу, с комичным благоговением склонив голову, быстро вручила ему записку и удалилась. Локвуд, не помня себя от страха, развернул листок.

Он попытался сглотнуть, задумался, стоит ли сообщать новость президенту, и решил: лучше сразу, чем потом.

– Мистер президент, мне только что сообщили, что одного из ученых, который входил в команду «Изабеллы», нашли в овраге без признаков жизни. ФБР уже в курсе. Их поставили об этом в известность около получаса назад. Агенты направляются на место происшествия.

– Что произошло?

– Выстрел в голову.

Президент побагровел и уставился на него. Выражение его лица повергло Локвуда в ужас.

Глава 16

Форд наблюдал за солнцем, исчезающим за облаками цвета виски. На асфальте, мигая огнями, с визгом затормозили фургон и четыре патрульные машины: приехали представители племенной полиции навахо.

Из первой машины вышел высокий широкогрудый детектив лет шестидесяти. На кривоватых ногах красовались пыльные ковбойские сапоги. Следом выскочила команда полицейских «страны навахо». Вся компания прошла по следам на асфальте, приблизилась к оврагу и принялась отмечать место происшествия полицейской лентой.

Хазелиус и Уордлоу приехали на другом джипе, остановились сбоку дороги, вышли, взглянули на работающих полицейских и повернулись к Форду:

– Говоришь, его застрелили?

– В висок. В упор.

– Откуда ты это знаешь?

– На коже видны частицы пороха, – ответил Форд. – Характерный след огнестрельного ранения.

Уордлоу внимательно посмотрел на него, с подозрением прищуривая глаза:

– Вы что, часто смотрите по телевизору передачи об убийствах, мистер Форд? Или ваше хобби – обследовать места преступления?

Детектив, обозначив участок, направился к ученым, держа в руке диктофон. Шел он медленно и осторожно, будто каждое движение причиняло ему боль. На нагрудном знаке чернело его имя и звание: лейтенант Биа. Он был в больших зеркальных солнцезащитных очках, поэтому казался несколько заторможенным. Однако Форд сразу почувствовал, что ума ему не занимать.

– Кто обнаружил покойного? – спросил Биа.

– Я.

Очки повернулись к нему.

– Ваше имя? – В голосе детектива звучали нотки подозрения.

– Уайман Форд.

– Как вы его обнаружили?

Форд описал обстоятельства.

– Значит, вы заметили канюков, увидели следы, тут же решили остановиться, пройти четверть мили по жаре в сотню градусов и выяснить, в чем дело. Я правильно понимаю?

Форд кивнул.

– Хм-м... – Биа, поджав губы, сделал несколько пометок и повернулся к Хазелиусу: – А вы?..

– Грегори Норт Хазелиус, руководитель проекта «Изабелла». А это Уордлоу, старший офицер охранной службы. Вы будете возглавлять расследование?

– Частично. Но основную ответственность возьмет на себя ФБР.

– ФБР? А когда они появятся?

Биа кивнул на небо:

– Сейчас.

На юго-западе, будто материализовавшись из воздуха, возник вертолет. Послышался нарастающий грохот. Вертолет подлетел ближе, завис в огромном облаке пыли на удалении нескольких сотен ярдов и приземлился на дорогу. Из вертолета выпрыгнули двое: оба в солнцезащитных очках, рубашках с короткими рукавами и бейсболках с надписью «ФБР». Они выглядели как братья-близнецы, несмотря на разницу в росте и цвете кожи.

Высокий, приблизившись, достал жетон ФБР.

– Специальный агент Дэн Грир, – сказал он. – Отделение Флагстаффа. А это специальный агент Франклин Альварез. – Убрав жетон в карман, он кивнул детективу: – Лейтенант.

Биа ответил кивком.

Хазелиус сделал шаг вперед.

– Меня зовут Грегори Норт Хазелиус, я руководитель проекта «Изабелла». – Он пожал Гриру руку. – Погиб ученый из моей группы. Я желаю знать, что здесь произошло и при каких обстоятельствах. Как можно быстрее.

– И узнаете. Как только мы проведем расследование. – Грир повернулся к Биа: – Место происшествия огорожено?

– Да.

– Хорошо. Доктор Хазелиус и остальные участники проекта «Изабелла», вас я попрошу вернуться на свою базу и собраться всей группой в каком-нибудь одном месте, скажем... – Грир взглянул на небо, потом на часы. – В семь часов. Я приеду и побеседую с каждым.

– Мне очень жаль, но это исключено, – ответил Хазелиус. – Мы не можем отвлечься от работы все вместе. Придется вам брать показания в два захода.

Грир снял очки и посмотрел на Хазелиуса в упор.

– В семь часов вся команда должна находиться в одном месте. Ясно? – Он говорил жестко, четко произнося каждое слово.

Хазелиус выдержал его взгляд, ничуть не пугаясь.

– Мистер Грир, я в ответе за машину, что расположена внутри этой горы. Ее стоимость

сорок миллиардов долларов. Мы проводим крайне важный научный эксперимент. Сорвать его не в ваших интересах. Ведь в таком случае я буду вынужден доложить охранной службе министерства энергетики, что это вы приказали нам оставить оборудование без присмотра. Сегодня вечером три члена нашей команды будут работать в центре управления. Поговорить с ними вы сможете завтра утром.

После продолжительного молчания Грир кивнул:

– Ладно.

– К семи мы соберемся в бывшей фактории, – произнес Хазелиус. – Это длинное старое здание, вы его сразу увидите.

Форд и Кейт вернулись в джип и выехали с обочины на дорогу.

– Поверить не могу, – пробормотала Кейт дрожащим голосом. Бледная как полотно, она достала из кармана носовой платок и вытерла глаза. – Это ужасно. Я просто... не могу поверить.

Они тронулись с места, и Форд снова увидел двух койотов, которые, подкрепившись мясом, ошивались поблизости в надежде, что им повторно улыбнется удача.

«Ред-Меса прекрасное, но очень уж страшное место», – подумал он.

Ровно в семь часов в бывшую факторию Накай-Рок вошли Грир, Альварез и лейтенант Джозеф Биа. Индейцу тотчас вспомнилось детство. В ту пору здесь обитал старик торговец по фамилии Вайндорфер. Детектива охватила тоска по прошлому. Он до сих пор мог ясно представить себе старый магазин: кадка с мукой, трубы, уздечки, лассо, леденцы и карамель в развес. У дальней стены раньше лежали свернутые ковры, которые старик Вайндорфер обменивал на некоторые товары. В середине пятидесятых половина овец погибли от засухи, но к этому времени земля уже истощилась. Угледобывающая компания «Пибоди коул» извлекала из недр по двадцать тысяч тонн в день. Совет племени, получив от них денежки, переселил всех, кто жил на горе, в Блю-Гэп и Раф-Рок – в хибары, возведенные по проекту департамента жилищного строительства и городского развития. Переехали отсюда и родители Биа. За пятьдесят лет он ни разу не поднимался на гору. Фактория очень изменилась, тем не менее ему казалось, что он и сейчас чувствует запах горящих дров, многолетней пыли и овечьей шерсти.

Девять ученых, настороженные и печальные, молча ждали. Выглядели они ужасно. Взглянув на их лица, Биа сразу определил, что тревожит их не только смерть Волконского. Тут творилось нечто странное, причем уже давно. Биа досадовал, что расследование поручили Гриру. Когда-то он был отличным агентом, но в один прекрасный момент его постигла участь, уготованная всем достойным специалистам бюро: его повысили, и он утратил былые способности, ибо теперь большую часть времени перекладывал с места на место разного рода бумажки.

– Добрый вечер, – сказал Грир, снимая очки и многозначительным взглядом веля детективу сделать то же самое.

Биа остался в очках. Он не любил, когда ему указывали, как себя вести. То была их семейная черта. Даже странную фамилию он получил из-за дедова упрямства. Когда пришло время отправлять внука в школу, старик заявил, что желает придумать ему другое имя. В школьных документах он стал значиться «Биа». Фамилия возникла от сокращения BIA – Bureau of Indian Affairs, то есть Бюро по делам индейцев. Многие навахо последовали их примеру, и фамилия Биа стала одной из самых распространенных в резервации. Детектив гордился своим именем. Все Биа, хоть и не были кровными родственниками, отличались этой особенностью: не любили, когда ими помыкали.

– Надеюсь, мы не отнимем у вас много времени, – сказал Грир. – Будем беседовать с вами по одному, в алфавитном порядке.

– Что-нибудь удалось выяснить? – спросил Хазелиус.

– Кое-что, – ответил Грир.

– Доктора Волконского убили?

Биа напряг внимание, гадая, что скажет Грир. Тот, как и следовало ожидать, не удостоил ученого ответом. Они начали расследование с нуля, однако, прежде чем что-либо заявлять, следовало провести анализы и получить соответствующие результаты. Биа не сомневался, что его ознакомят лишь с кратким финальным отчетом. К этому делу его подключили лишь потому, что какому-то бюрократу в ФБР требовалось вписать в один из бланков чью-нибудь фамилию, чтобы впоследствии небезосновательно утверждать, будто расследование проводилось с участием племенной полиции.

Биа сказал себе, что его это не особенно интересует, ведь дело касалось не индейцев, а посторонних.

В библиотеке Альварез расставил вокруг стола несколько стульев и включил диктофон. Вопросы задавали Грир и Альварез; Биа лишь слушал и кое-что записывал. Дело продвигалось быстро: один ученый уходил, и являлся следующий. Очень скоро выяснилось, что работали они по очень напряженному графику и столкнулись с рядом проблем, что Волконский был человеком неуравновешенным, тяжело переносил здешние трудности, запил, возможно, принимал наркотики.

Иннс, психолог, подчеркнул, что Волконскому было особенно сложно терпеть удаление от привычного ему мира, поэтому он и пребывал в состоянии постоянной депрессии.

– Мелисса Коркоран? – объявил Грир.

Поднялась высокая крепкая блондинка, похожая больше на профессиональную теннисистку, нежели на ученую даму. Она сказала, что однажды ночью Волконский стучался к ней с намерением переспать.

Уордлоу, разведчик, поведал, что программист был с причудами и не заботился о безопасности.

Осмотр жилища убитого свидетельствовал о том же. Небольшой дом кишел пустыми бутылками из-под водки, переполненными пепельницами и дисками с порнографией. В ступке обнаружили остатки порошка амфетамина.

Показания совпадали, звучали весьма правдоподобно и отличались одно от другого лишь незначительными подробностями. Проработав в резервации много лет, Биа знал, что самоубийства здесь не редкость, а нынешнее было почти закономерно. Смущало в нем лишь несколько обстоятельств. Крайне непросто выстрелить себе в висок и одновременно съехать в автомобиле на дно оврага. С другой стороны, если Волконского убили, тогда почему не подожгли машину? Быть может, убийца отличался редким умом. Большинству преступников мозгов не хватало.

Биа покачал головой. Он размышлял, а надо было слушать. Дурацкая привычка!

К половине девятого вечера показания взяли у всех. Хазелиус проводил агентов и детектива до парадного входа, где Биа, все это время помалкивавший, вдруг остановился, снял очки, постучал ногтем большого пальца по стеклу и произнес:

– Доктор Хазелиус?

– Да?

– Вы сказали, что Волконский и все остальные пребывали в сильном напряжении. А с чем это связано?

– Мы построили агрегат стоимостью сорок миллиардов долларов, – спокойно ответил физик, – а он отказывается работать должным образом. – Он улыбнулся. – Я ответил на ваш вопрос, лейтенант?

– Спасибо. Да, и еще кое-что. Если вы, конечно, не возражаете.

– Лейтенант, – вмешался Грир. – По-вашему, мы спросили не обо всем, что важно для расследования?

Биа даже не взглянул на него.

– Кто будет выполнять обязанности мистера Волконского? Вы наймете нового человека?

Хазелиус мгновение колебался.

– Нет. Его делами займемся мы с Чен.

Биа снова надел очки и пошел прочь. Было в этом деле что-то очень странное, но детективу не стоило ломать над этим голову.

Глава 17

В три часа ночи Форд осторожно открыл заднюю дверь и выскользнул в темноту с рюкзаком на спине. В небе сияло море звезд. Где-то вдали завывали и стихли койоты. Луна была почти полная, а воздух столь прозрачный, что все вокруг серебрил лунный свет. «Прекрасная ночь, – подумалось Форду. – Как жаль, что нет времени полюбоваться ею!»

Он осмотрелся. Обитатели других домов, очевидно, спали, лишь расположенный с самого краю дом Хазелиуса смотрел в ночную тьму желтым квадратом занавешенного окна в спальне.

Жилище Волконского располагалось по другую сторону петли.

Форд быстро пересек освещенный луной двор, нырнул в тень тополей, тихо и медленно обходя лужицы света, дошел до дома Волконского и вновь огляделся, но никого не увидел и не услышал ни звука.

Обойдя дом, он прижался к окутанной тенью задней стене. Дверь была опечатана полицейской лентой. Форд достал из рюкзака перчатки и нож, взялся за дверную ручку и потянул ее на себя. Дверь, естественно, была заперта на замок. Форд быстро взвесил все «за» и «против» и решил пойти на риск.

Разрезав ленту, он достал из рюкзака полотенце, обмотал камень и прижал его к стеклу. Несколько минут спустя оно не выдержало и треснуло. Форд аккуратно убрал осколки, засунул руку внутрь, открыл дверь и скользнул в дом.

Ему в нос ударила вонь предельного отчаяния – затхлый запах табака, марихуаны, дешевой выпивки, вареного лука и прогорклого масла. Он достал фонарик, опустил руку и посветил вокруг. На кухне царил жуткий бардак. Картонную тарелку с капустой и перцами покрывала серо-зеленая плесень. Мусорное ведро было битком набито бутылками из-под пива и водки. На покрытом старой мексиканской плиткой полу поблескивали разогнанные по углам осколки.

На полу в гостиной лежал грязный ковер и стоял обляпанный диван. На стенах не висело ни картин, ни фотографий, лишь на двери красовались два детских рисунка. На одном был изображен космический корабль, на другом грибообразное облако взрыва атомной бомбы. Других напоминаний о семье Форд не обнаружил.

«Почему Волконский не снял рисунки? – задумался он. – Может, потому, что не питал к ребенку особенно теплых чувств? Представить его отцом вообще сложно».

Дверь в спальню стояла наполовину открытой, воздух внутри был тошнотворно спертый. Кровать выглядела так, будто ее не заправляли ни разу в жизни, а простыни – словно их никогда не меняли. Корзина для грязного белья была переполнена. В полупустом платяном шкафу висел костюм. Форд пощупал материю – весьма добротная шерсть – и осмотрел остальные вешалки. Волконский привез в эту глушь немало одежды, в том числе и вполне приличной, во всяком случае, для него. По-видимому, он не давал себе отчета в том, на какую жизнь себя обрекает. Почему же тогда не забрал эти вещи, отправившись домой?

Форд прошел по коридору ко второй спальне, превращенной в подобие кабинета. Компьютера не было, но шина USB и шина сверхбыстрой передачи данных остались на месте, так же как и принтер, высокоскоростной модем и базовая станция широкополосной радиосвязи. Повсюду валялись диски. Казалось, их просматривали второпях, забирая нужные и откидывая все остальные.

В верхнем ящике письменного стола обнаружилась невообразимая коллекция потекших ручек, обгрызенных карандашей и распечаток с замысловатыми входными кодами программ, на изучение которых могло уйти несколько лет. Во втором ящике хранилась пачка замызганных папок с разного рода бумагами. Форд бегло просмотрел их – снова коды,

записи на русском, блок-схемы – и перевернул стопку. В прозрачной тонкой папке лежал разорванный надвое запечатанный конверт с маркой, но без адреса.

Форд извлек обе части и достал изнутри листок, на котором был наспех нацарапан шестнадцатеричный компьютерный код. Вверху стояла дата – день исчезновения Волконского.

В голове Форда закружились вопросы. Зачем Петр сделал эту запись, а потом разорвал конверт? Почему наклеил марку, но не отправил письмо? Зачем оставил здесь? Что значит этот код? И, самое главное, почему Волконский записал его от руки? Компьютерные коды обычно печатают, дабы сэкономить время и снизить вероятность ошибки.

Форду на ум пришла догадка: на территории, где расположен столь засекреченный объект, как «Изабелла», невозможно скопировать информацию, распечатать ее, передать или отправить по электронной почте тайно от окружающих. Если же переписываешь данные от руки, в компьютере не остается ни единого следа. Форд засунул обрывки в карман. В любом случае они обещали пролить свет на некую тайну.

Со стороны черного хода послышался скрип песка и чьи-то шаги.

Форд выключил фонарик и замер. Тишина. И вдруг – едва уловимый треск стекла или какого-то другого мусора между подошвой и кухонным полом.

Выскользнуть из дома незамеченным – через парадный вход или черный – у Форда не было возможности.

Снова тихий хруст, ближе. Кто бы это ни был, он знал, что Форд внутри, и шел к нему не торопясь.

Форд бесшумно пересек покрытый ковром пол, приближаясь к окну. Нижняя задвижка поднялась без проблем, а верхняя застопорилась.

Времени почти не оставалось.

Форд дернул сильнее, и задвижка подскочила вверх. Как раз в это мгновение кто-то вошел в комнату. Форд нырнул в окно. За спиной прозвучали два хлопка выстрелов, сделанных из легкого огнестрельного оружия с глушителем. Уайман упал на землю, поливаемый дождем осколков.

Он вскочил и рванул прочь, вычерчивая зигзаги на затененной тополями земле. Рожица закончилась, и ему пришлось бежать по открытому участку. Луна светила так ярко, что он видел мчащуюся рядом собственную тень.

Мимо его уха просвистела пуля. Должно быть, его преследовал Уордлоу – у остальных здешних обитателей не было ни пистолетов, ни тем более глушителей.

Домчавшись до густой тени Накай-Рока, Форд резко свернул влево и понесся вверх, к невысоким холмам. Чуть в стороне, жужжа как оса, пролетела еще одна пуля. Форд преодолел остаток пути быстрее прежнего и принялся взбираться на верхушку холма, ступая на булыжники и стараясь не шуметь. Ноги жгло от напряжения. Наверху он приостановился и оглянулся. В двухстах ярдах вслед за ним быстро поднималась чья-то темная фигура.

Форд помчался по голому гребню холма. Тут не росло ни кустов, ни травы и было совершенно негде укрыться. С другой стороны, не оставалось отпечатков, а впереди темнело несколько небольших зигзагообразных оврагов, что вели к краю горы. Через считанные секунды он достиг первого оврага, спрыгнул вниз, что было мочи помчал вперед, резко затормозил, вжался в каменистую стену и оглянулся. Преследователь остановился у оврага, присел на корточки и принялся обследовать обрыв с помощью фонарика.

Да, это был Уордлоу.

Выпрямившись, охранник спрыгнул вниз и двинулся вперед.

Стараясь не попадать в поле его зрения, Форд вскарабкался наверх, где все же на миг обнаружил себя. Послышалось еще два выстрела. Одна пуля вонзилась в песчаник, откалывая мелкие куски.

Форд помчался по голой каменистой местности, надеясь достичь укрытия прежде, чем Уордлоу взберется на край оврага. Бежал он с такой немыслимой скоростью, что казалось, кто-то режет его легкие ножом. Участок был предельно опасный, однако впереди темнели

причудливых форм камни, суля защиту и, возможно, избавление от верной гибели. Перепрыгнув через очередной бархан, Форд собрал остатки сил, но тут заметил еще кое-что и вмиг изменил свой план.

Немного в стороне, у основания невысокого холма, темнела глубокая яма, в которой можно было спрятаться. Форд резко свернул, прыгнул в нее и прижался ко дну. Укрытие не отличалось особой надежностью: Уордлоу стоило лишь посветить внутрь фонариком. Но вероятнее всего, он полагал, что Форд предпочтет укрыться за непробиваемой стеной камней.

Спустя несколько минут послышался звук шагов Уордлоу и его учащенное дыхание. Охранник пробежал мимо.

Форд досчитал до шестидесяти и осторожно выглянул наружу. За камнями, продвигаясь все дальше и дальше вглубь, прыгал с места на место луч фонарика «Мэглайт».

Форд выскочил из ямы и понесся назад, к долине Накай.

Прodelав хитроумно запутанный путь, он подполз к черному ходу своего дома, огляделся по сторонам, с удовлетворением отметил, что Уордлоу поблизости нет, и бесшумно вошел внутрь. Луна побледнела, на востоке уже занимался рассвет. По всей горе раскатился отдаленный рев пумы.

Форд вошел в спальню, надеясь хоть самую малость вздремнуть перед завтраком, но замер возле кровати. На подушке лежал конверт. Крупным размашистым почерком на листке было выведено: «Хотелось тебя увидеть». Внизу стояла подпись – «Мелисса».

Форд отбросил записку и подумал о том, что настоящие сложности его задания лишь начинают о себе заявлять.

Глава 18

Часом позднее Форд пришел на завтрак. Ароматы кофе, бекона и оладий придали ему сил. На пороге он приостановился. Группа была не в полном составе. Некоторые дежурили в Бункере, у кого-то как раз брали показания. Хазелиус сидел на обычном месте во главе стола.

Глубоко вздохнув, Форд вошел в зал. Ученые и прежде выглядели изможденными, сегодня же, молчаливые, с покрасневшими глазами и устремленными в пустоту взглядами, они вообще походили на зомби. Особенно поражало осунувшееся лицо Хазелиуса.

Форд налил себе кофе. Несколько минут спустя появился Уордлоу. Форд стал краем глаза наблюдать за ним. Удивительно, но в отличие от остальных охранник казался вполне отдохнувшим, невозмутимым и необыкновенно приветливым. Проходя к своему месту, он приветствовал всех кивками.

Кейт то и дело удалялась на кухню и приносила новые блюда с едой. Форд старался не смотреть на нее. Завели отрывочный разговор на посторонние темы. Упомянуть о Волконском никто не желал.

На свободный стул рядом с Фордом опустилась Коркоран. Он почувствовал, что она пристально смотрит на него, повернул голову и увидел на ее губах многозначительную улыбку.

– Где ты был ночью?

– Вышел прогуляться.

– Понятно. – Она усмехнулась и перевела взгляд на Кейт.

«Считает, что у нас интрижка», – подумал Форд.

Коркоран обвела коллег взглядом и громко сказала:

– О нас сегодня трещат в «Новостях». Слыхали?

Все замерли.

– Неужели никто не видел? – Коркоран торжествующе посмотрела на остальных. – Нет-нет, это не то, что вы думаете. О Петре Волконском не говорят ни слова. Во всяком

случае, пока.

Она окинула всю группу взглядом, довольная, что к ней приковано всеобщее внимание.

– Речь совсем о другом. Вообще это очень странно. Знаете проповедника Спейтса из Виргинии? Он выступает по телевидению? На сайте «Таймс» сегодня появилась статья о нем и о нас.

– Говоришь, Спейтс? – спросил с другого конца Иннс, немного наклоняясь вперед. – Это тот самый, которого застукали с проститутками? А мы тут при чем?

Коркоран улыбнулась еще шире.

– Прошлую воскресную проповедь он полностью посвятил «Изабелле».

– С какой это стати? – изумился Иннс.

– Он заявляет, что мы кучка ученых-безбожников, которые стремятся опровергнуть книгу Бытия. Эту проповедь, от начала и до конца, можно посмотреть в записи, на его сайте. «При-иветствую всех вас от и-имени нашего Го-оспода и Спаси-ителя, Иису-уса Христа!» – процитировала Коркоран, прекрасно имитируя протяжный южный говор.

– Ты что, шутишь? – спросил Иннс.

Коркоран легонько толкнула Форда ногой:

– А ты об этом не слышал?

– Нет.

– Ни у кого нет времени на блуждания по Интернету, – злобно проворчала Тибодо. – Лично мне и на работу-то его не хватает!

– Что-то я ничего не пойму, – произнес Долби. – Каким таким образом мы стремимся опровергнуть книгу Бытия?

– Мы исследуем Большой Взрыв – атеистическую теорию, которая утверждает, что Вселенная возникла без Божьего участия. Стало быть, мы объявили войну верующим. И считаемся ненавистниками Христа.

Долби покривился и покачал головой.

– Если верить «Таймс», проповедь вызвала взрыв негодования, – продолжала Коркоран. – Конгрессмены с Юга требуют провести расследование и грозят закрыть наш проект.

Иннс повернулся к Хазелиусу:

– Ты об этом знал, Грегори?

Хазелиус устало кивнул.

– Что же делать?

Руководитель поставил на стол чашку с кофе и провел рукой по глазам.

– По шкале интеллекта Стэнфорда-Бине умственное развитие семидесяти процентов человечества не превышает среднего уровня. Иными словами, две трети всего населения планеты – середнячки и круглые идиоты.

– К чему это ты? – спросил Иннс.

– К тому, что так устроена жизнь, Джордж. Нам остается лишь мириться с этим.

– Но ведь надо как-нибудь ответить на обвинения, опровергнуть их, – сказал Иннс. – Лично я убежден, что теория о Большом Взрыве прекрасно сочетается с верой в Бога. Одно не исключает другого.

Эдельштайн поднял глаза от книги. В них блеснули огоньки.

– Если ты в самом деле так считаешь, Джордж, значит, не понимаешь ни веру в Бога, ни суть Большого Взрыва.

– Подожди-ка, Алан, – возразил Кен Долби. – Но ведь можно доказывать теории, в том числе и о Большом Взрыве, и при этом верить, что произошло любое событие по воле Господа.

Эдельштайн перевел на него взгляд своих темных глаз.

– Если теория полноценная, то есть такая, какой и должна быть, тогда Бог тут совершенно ни при чем. Он представляется пассивным наблюдателем. А кому нужен совершенно бесполезный Господь?

– Может, выскажешь свои соображения, а, Алан? – с нотками сарказма спросил Долби.
– Вне всякого сомнения, – профессионально громким голосом произнес Иннс, – мир достаточно велик, чтобы вмещать в себя и Бога, и науку.

Коркоран закатила глаза.

– Лично я против любого заявления об отношении к Богу, сделанного от имени проекта «Изабелла», – заявил Эдельштайн.

– Хватит спорить, – сказал Хазелиус. – Никаких заявлений мы делать не станем. Пусть об этом позаботятся политики.

Открылась библиотечная дверь, и в столовую вошли трое не опрошенных вчера ученых, специальные агенты Грир и Альварез и лейтенант Биа. Воцарилось молчание.

– Хотел бы поблагодарить всех за содействие, – жестко произнес Грир, держа в руке блокнот и обращаясь ко всей группе. – Мои координаты у вас есть. Если что-нибудь потребуется или вспомните какие-нибудь подробности, пожалуйста, позвоните.

– Когда будет известно, что произошло? – поинтересовался Хазелиус.

– Через два-три дня.

Снова помолчали. Хазелиус спросил:

– Можно задать несколько вопросов?

Грир перевел на него взгляд.

– В машине было оружие?

Грир замаялся, но ответил:

– Да.

– Где именно?

– Рядом с водительским сиденьем.

– Насколько я понимаю, доктор Волконский сидел за рулем и получил пулю в правый висок. Правильно?

– Да.

– А окна были открыты? Хотя бы одно из них?

– Нет. Все были закрыты.

– Кондиционер в салоне был включен?

– Да.

– Двери закрыты?

– Закрыты.

– Ключ был в замке зажигания?

– Да.

– На правой руке доктора Волконского обнаружили пороховой нагар?

Непродолжительное молчание.

– Мы еще не получили результаты анализа, – сказал Грир.

– Спасибо.

Форд сразу догадался, к чему клонит Хазелиус. Грир явно тоже мгновенно понял его. Агенты и детектив удалились, и завтрак продолжился в напряженной тишине. Казалось, в воздухе висит никем не произнесенное слово «самоубийство».

Перед уходом Хазелиус встал и обвел взглядом присутствующих.

– Позвольте, я скажу несколько слов. Прекрасно понимаю, что вы потрясены. Я тоже.

Ученые заерзали на стульях. Форд посмотрел на Кейт. Она выглядела не то чтобы просто потрясенной – на ней не было лица.

– Петру из-за неполадок с «Изабеллой» пришлось особенно тяжело, – продолжил Хазелиус. – Мы все знаем почему. Для устранения проблем с программным обеспечением он прилагал нечеловеческие усилия. По-видимому, ему не хватило выдержки. Хотелось бы в память о нем прочесть несколько строк из стихотворения Китса, посвященных волшебным мгновениям открытия:

Так звездочет вдруг видит, изумлен,

В кругу светил нежданный метеор;
Вот так Кортес, догадкой потрясен,
Вперял в безмерность океана взор,
Когда, преодолев Дарьенский склон,
Необозримый встретил он простор.³

Хазелиус помолчал и взглянул на коллег.

– Как я уже говорил, любое открытие, которое имеет пусть даже небольшое значение, дается человеку ой как непросто. Всякая серьезная попытка изучить непознанное таит в себе опасность и может нанести вред – душе и телу. Вспомните первое кругосветное плавание Магеллана, экспедиции капитана Кука, программу «Аполлон» или, например, «Спейс шаттл». Вчера мы с вами, измученные суровыми условиями исследовательской работы, потеряли товарища. Лично я независимо от результатов расследования, – думаю, большинство из нас примерно знают, какими они будут, – буду всегда считать Петра героем.

Он умолк, словно преисполненный чувств, прокашлялся и продолжил:

– Следующий запуск «Изабеллы» запланирован на завтра, ровно в полдень. Каждый прекрасно знает, что должен делать. Те из нас, кто будет еще не в центре, соберутся здесь в одиннадцать тридцать и отправятся к «Изабелле» группой. В одиннадцать сорок пять двери Бункера запрут. На сей раз, господа, клянусь, каждый из нас почувствует себя Кортесом, вперяющим взор в безмерность океана.

Форда поразил его взволнованный голос – голос человека, всем сердцем верящего в победу.

Глава 19

В это же самое утро преподобный Дон Т. Спейтс сидел в кресле в своем кабинете и для максимального удобства регулировал положение спинки и подлокотников. Настроение его было прекрасное. Разговор о проекте «Изабелла» будоражил умы. Заводить его в телеэфире мог только Спейтс. Эта тема словно была его собственностью. Денежки текли рекой, телефоны разрывались. Загвоздка заключалась лишь в том, как преподнести «фирменное блюдо» слушателям на ток-шоу «Америка за круглым столом». Во время проповеди можно было играть на чувствах, устраивать целое мелодраматическое представление. С ток-шоу дело обстояло иначе. Тут надлежало быть разумнее и сдержаннее, ведь передача весьма серьезная. Словом, для шоу требовались факты, а их у Спейтса – раз, два и обчелся, если не брать в расчет те, которые имелись на официальном сайте проекта «Изабелла». Работая в этом направлении, проповедник отменил несколько встреч, назначенных чуть ли не месяц назад, и разыскал физика, с которым мог поговорить об «Изабелле» намного обстоятельнее. Однако и этого было мало. Спейтс желал ошеломить публику.

В кабинет вошел Чарлз с папками в руке.

– Распечатки электронных писем, которые вы просили, преподобный. Другие сообщения. И план. – Он быстро и бесшумно разложил папки перед Спейтсом.

– Где мой кофе?

Вошла секретарша.

– С добрым утром, преподобный! – бодро воскликнула она. Ее начесанные и залитые лаком волосы поблескивали в свете утреннего солнца. Она поставила перед проповедником поднос с серебряным кофейником, чашкой, сахарницей, сливочником, ореховым печеньем и свежим выпуском «Виргиния-Бич дейли пресс».

– Когда выйдешь, закрой дверь поплотнее.

Оставшись один, Спейтс спокойно налил себе кофе, откинулся на спинку кресла,

³ Пер. С. Сухарева.

поднес чашку к губам и сделал первый восхитительно-горький глоток. Он с удовольствием посмаковал его, выдохнул, опустил чашку на поднос и взял папку с распечатками электронных писем. Каждое утро Чарлз и еще три помощника просматривали тысячи сообщений и выбирали те, которые приходили от прихожан, готовых пожертвовать значительные суммы, от политиков и крупных бизнесменов, нуждавшихся в большей известности. На такие письма Спейтс отвечал лично, благодарил за пожертвования или же называл свою сумму.

Он взял первую распечатку, просмотрел текст, нацарапал ответ, взял второй лист и таким образом проработал всю стопку.

Четверть часа спустя его внимание привлекло письмо с пометкой Чарлза: «Весьма любопытно». Спейтс откусил кусочек печенья и стал читать внимательнее.

«Уважаемый преподобный Спейтс!

Приветствую вас любовью Христа. Пишет вам пастор Расс Эдди из Блю-Гэпа, штат Аризона. В 1999 году я занялся миссионерской деятельностью в «стране навахо» и с тех пор несу здешним людям Благую весть.

Ваша проповедь, посвященная проекту «Изабелла», глубоко тронула меня. Объясню почему. Мы с «Изабеллой», можно сказать, соседи. Пишу вам это письмо и вижу из окна столовую гору Ред-Меса, в которой и расположена «Изабелла». Мои прихожане говорят о ней много и со страхом. Да-да, они по-настоящему ее боятся. Их ужасает то, что творится в горе.

Не буду отнимать у вас драгоценное время, преподобный. Хочу лишь выразить благодарность за то, что вы открыто выступаете против адской машины и поднимаете христиан на праведную войну. Да поможет вам Бог!

Искренне ваши, пастор Расс Эдди.

Миссия «Во Имя Твое»,

Блю-Гэп, Аризона».

Спейтс перечел письмо еще раз. Он допил кофе, поставил чашку на стол, прижал большой палец к последней маслянистой крошке печенья, слизнул прилипшую крошку и призадумался. В Аризоне было четверть восьмого утра. «Сельские пасторы повсюду встают рано», – мелькнула мысль в голове Спейтса.

Он поднял трубку с телефонного аппарата и набрал номер, указанный в письме. После нескольких гудков ответил писклявый голос:

– Пастор Расс.

– Здравствуйте, пастор Расс! Вас беспокоит преподобный Дон Т. Спейтс из Виргиния-Бич. Как поживаете?

– Хорошо, спасибо. – В голосе Рассы прозвучали нотки сомнения, даже испуга. – Кто, простите?..

– Преподобный Дон Т. Спейтс! Я читаю проповеди в телевизионной передаче «Время Господне».

– О! Преподобный Спейтс! Никак не ожидал... Наверное, вы получили мое письмо.

– Конечно, получил. Оно меня очень заинтересовало.

– Благодарю вас, преподобный.

– Пожалуйста, зовите меня просто Дон. То, что вы находитесь столь близко к этой машине, по-моему, дар Господа.

– Почему вы так считаете?

– Мне нужно, чтобы там был свой человек, который следил бы, как развиваются события. Вероятно, Господь решил, что вы и должны быть этим человеком. Ведь неспроста вы написали мне, верно я говорю, Расс?

– Да, сэр. Точнее, нет – неспроста. Я слушаю ваши проповеди каждое воскресенье. Телевидения здесь нет, однако у меня есть доступ к высокоскоростному спутниковому Интернету, так что я слушаю вас в интернет-трансляции.

– Очень рад это слышать, Расс. Замечательно, что теперь нас могут слушать во всех

уголках страны. Вы написали, что люди постоянно говорят об «Изабелле». Что же именно они говорят?

– Много чего. Болтают, будто там проводят радиоактивные эксперименты, что-то взрывают, издеваются над детьми. И что создают каких-то монстров. Местные жители убеждены, что правительство испытывает новое оружие и готовится уничтожить мир.

У Спейтса от разочарования все замерло в груди. Этот так называемый пастор нес какой-то бред, напоминая сумасшедшего. Еще бы! Жить в такой глуши, среди индейцев!

– А чего-нибудь... гм... более существенного не говорят?

– Вчера произошло ЧП. Одного из ученых нашли с пулей в голове.

– Серьезно? – Это обнадеживало. Слава Господу! – А откуда вы об этом узнали?

– По такой малозаселенной местности, как наша, подобные вести разлетаются быстро. На горе вчера собралось без счета агентов ФБР.

– Вы их видели?

– Конечно. Они появляются здесь лишь в тех случаях, когда совершается убийство. Все остальные преступления расследует племенная полиция.

По спине Спейтса пробежал холодок приятного волнения.

– У одного из моих прихожан брат работает полицейским, – сказал Эдди. – Болтают, что ученый наложил на себя руки. Но это еще не точно.

– А как звали этого ученого?

– Не знаю.

– Вы уверены, что это ученый, Расс, а не кто-нибудь посторонний?

– Если бы это был навахо, я знал бы наверняка. Тут все друг с другом знакомы.

– С кем-нибудь из ученых вы общаетесь?

– Нет. Они ни с кем не идут на контакт.

– А познакомиться с ними вы могли бы?

– Конечно. Думаю, не страдется большой беды, если я схожу туда, представлюсь, скажу, что я местный священник. По-дружески.

– Блестящая мысль, Расс! Мне бы хотелось узнать побольше сведений о руководителе «Изабеллы», человеке по фамилии Хазелиус. Слышали о нем?

– По-моему, да.

– Он объявил себя самым умным на земле. Сказал, что все мы стоим гораздо ниже его, назвал нас толпой идиотов. Помните?

– Что-то припоминаю.

– Да, представьте себе, эти слова слетели с уст человека, который не верит в Господа!

– Меня это не удивляет, преподобный. Мы живем в мире, превозносящем зло.

– Да, сын мой. Могу я рассчитывать на вашу помощь?

– Конечно, преподобный. Разумеется, можете.

– Но очень важно поторопиться. Тогда я бы использовал полученные сведения во время выступления на ток-шоу «Америка за круглым столом» в следующую пятницу. Вы когда-нибудь видели его?

– С тех пор как появилась возможность смотреть передачи с вашим участием по Сети, я не пропускаю ни единой.

– В этот раз я приглашу в студию физика, который верит в Бога. И мы поговорим об «Изабелле» более конкретно. Но мне нужно собрать побольше информации, причем не той, которую раскручивают в Интернете, а неприглядной правды. Возьмем, к примеру, эту смерть. Что там у них стряслось? Поговорите с этим копом-навахо, о котором вы упомянули, Расс. Вы понимаете меня?

– Прекрасно понимаю! И сделаю все, что смогу, преподобный.

Спейтс положил трубку на рычаг и задумчиво выглянул во двор. Все складывалось как нельзя более удачно. Милость Господа не знала границ.

Вернувшись с завтрака, Форд хотел войти в дом, но у него на пути, выскользнув откуда-то сбоку, возник Уордлоу. Форд был готов к подобному повороту.

– Поговорим? – спросил Уордлоу фальшиво дружеским тоном. Он жевал жвачку, и над его ушами то выпирали, то прятались бугорки мышц.

Форд ждал. Устраивать разборки было не время, но если бы потребовалось, он пошел бы и на это.

– Не знаю, что за игру ты ведешь, Форд, и кто ты такой на самом деле, но догадываюсь, что ты действуешь по указке некой полуофициальной структуры, понял это в день твоего появления.

Форд молчал.

Уордлоу подошел так близко, что Форд почувствовал запах его лосьона после бритья.

– Моя задача – охранять «Изабеллу», даже от тебя. Наверняка ты шифруешься, потому что какой-то бюрократ в Вашингтоне прикрывает свою задницу. Стало быть, у тебя самого защиты почти никакой, правильно?

Форд по-прежнему молчал, позволяя разведчику высказаться.

– О твоей ночной проделке я не собираюсь никому рассказывать. А ты, само собой, намерен отчитаться перед своей верхушкой. Если правда всплывет, сам понимаешь, что я скажу. Ты незаконно проник в чужой дом, а мне в подобных случаях можно смело стрелять. Или ты рассчитываешь, что разбитое стекло собьет с толку Грира? Ничего подобного не случится, потому что окно уже в полном порядке. В общем, будет лучше, если все останется между нами.

Уордлоу продумал все до мелочей. Форд удивился и где-то даже обрадовался. Иметь дело с умным противником гораздо приятнее, чем с глупцом. Тупицы всегда непредсказуемы.

– Выступление окончено? – спросил Форд.

На плотной шее Уордлоу пульсировала сонная артерия.

– Словом, будь поосторожнее, коп, – произнес он, отступая чуть в сторону и освобождая Форду путь.

Тот сделал шаг вперед и приостановился. С такого расстояния можно было спокойно двинуть охраннику коленом в пах. Взглянув Уордлоу в глаза, он невозмутимо произнес:

– Знаешь, что во всем этом самое смешное? Я не имею ни малейшего понятия, о чем ты тут распространялся.

На лице Уордлоу мелькнула тень сомнения. Форд вошел в дом и громко хлопнул дверью. Теперь он знал: охранник не слишком уверен в том, что ночью гонялся именно за ним, Фордом. Значит, впредь будет осмотрительнее и оставит свой пренебрежительный тон. А Форду, хоть его положение и сильно пошатнулось, можно продолжать работать.

Удостоверившись в том, что Уордлоу ушел, он в отчаянии упал на диван. За четыре дня ему не удалось вывести почти ничего такого, чего он не узнал еще в кабинете Локвуда.

А в самом начале казалось, что задание не особенно сложное. Надлежало прибегнуть к тому, без чего он надеялся обойтись.

Час спустя Форд нашел Кейт в конюшне. Остановившись в дверном проеме, он стал наблюдать, как она наполняет ведра овсом, разрывает мешки с люцерной и кладет по пучку в каждое стойло. Несмотря на измождение, всякое движение ее стройного гибкого тела поражало уверенностью и изяществом. Форд, глядя, как она выполняет свои нехитрые обязанности, чувствовал себя тем пареньком, что двенадцать лет назад глазел на нее, спавшую под столом.

Негромко звучала рок-музыка. Кейт положила последний пучок травы, повернула голову и тут заметила Форда.

– Снова решил прокатиться? – глухим голосом спросила она.

Он шагнул в прохладную тень конюшни.

– Как ты себя чувствуешь, Кейт?

Она на мгновение прижала к губам руку в перчатке.

– Неважно.

– Ужасно жаль Петра.

– Да.

– Тебе помочь?

– Я уже все сделала.

Музыка продолжала тихо играть. Форд узнал песню.

– «Блонди»?

– Я часто их слушаю, когда вожусь с лошадьми. Они тоже любят музыку.

– А помнишь, как... – начал было Форд.

Кейт перебила его:

– Да.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга. Учась в МТИ, Кейт нередко с самого утра врубала на всю катушку «Атомик». Форд часто заставлял ее самозабвенно танцующей, в наушниках и с чашкой кофе в руках. Кейт нравилось устраивать представления. Как-то раз ее даже посетила мысль влить в фонтан пинту бензина и поджечь воду. Воспоминания о безвозвратно ушедшем прошлом болью отзывались в сердце Форда. В ту пору Кейт переполняли наивные иллюзии. Ей казалось, что жизнь дана для бунтарства и смеха. Она и не подозревала о том, насколько судьба обожает помучить. На долю Кейт страданий выпало особенно много.

Прогнав мельтешившие перед глазами картинки, Форд постарался сосредоточиться на деле. С Кейт всегда было лучше действовать прямо. Она терпеть не могла тех, кто ходит вокруг да около. Форд проглотил слюну и задумался, простит ли он себя когда-нибудь за то, что собирался сделать.

– Что вы все тут скрываете?

Кейт посмотрела ему в глаза, не пытаясь прикидываться удивленной, возражать или отнекиваться.

– Это тебя не касается.

– Как это не касается? Я ведь член вашей команды.

– Тогда поговори с Грегори.

– Ты, я знаю, не станешь влиять. А Хазелиус... если честно, я совершенно не понимаю, что он за человек.

Взгляд Кейт смягчился.

– Поверь мне, Уайман, тебе ни к чему это знать.

– Но я хочу быть в курсе всего. Это важно для работы. Поверить не могу, Кейт, – ты, и так скрытничаешь!

– С чего ты взял, что мы скрытничаем?

– Я, как только приехал, сразу почувствовал, что у вас тут какие-то тайны. Волконский на это намекал, да и ты тоже. С «Изабеллой» серьезные проблемы, правильно?

Кейт покачала головой:

– Боже! Уайман, ты никогда не изменишься. Был до чертиков любопытным, таким и остался. – Она наклонила голову, смахнула с плеча соломинку и нахмурилась.

Последовало продолжительное молчание. Наконец Кейт взглянула на Форда умными темно-кариыми глазами, и стало ясно, что она приняла какое-то решение.

– Да, с «Изабеллой» проблемы. Но какие именно, ты и представить себе не можешь. Это совершенно безынтересно. И глупо. К тому же никак не связано с твоей работой. Не хочу посвящать тебя в подробности, потому что... гм... потому что это повлечет за собой новые неприятности.

Форд ждал продолжения. Кейт сухо хохотнула.

– Ладно, но пеняй на себя. И не надейся, что я сообщу нечто невероятное.

Форд почувствовал приступ стыда, но подавил его, пообещав себе, что с последствиями

разберется после.

– Сейчас ты поймешь, почему мы секретничаем, – сказала Кейт, открыто глядя на него. – Кто-то задумал сорвать наши планы. Над нами издевается какой-то хакер.

– Как так?

– Кто-то умудрился установить на нашем суперкомпьютере вредоносную программу. Это нечто вроде «логической бомбы», которая срабатывает, когда мощность «Изабеллы» приближается к ста процентам. Сначала на визуализаторе появляются странные изображения, потом вырубается сам компьютер, а на экране высвечивается какая-нибудь глупость. Все это жутко изматывает и грозит огромной опасностью. Если пучки при такой энергии рассеются, может произойти взрыв, и тогда нам не уцелеть. Хуже того: внезапное изменение энергии наверняка приведет к тому, что возникнут опасные частицы или миниатюрные черные дыры. Эта программа – сушая «Мона Лиза» хакерства, шедевр, творение чертовски умного компьютерщика. Обнаружить ее нам не удастся.

– А какие высвечиваются надписи?

– То «Доброго здоровья!», то «Привет!», то «Есть кто-нибудь?».

– Это как в ИИ-программировании: «Привет, мир».

– Именно. Нечто вроде шутки для своих.

– Что происходит потом?

– Ничего.

– А других надписей не появляется?

– Для других надписей нет времени. Как только вырубается компьютер, мы вынуждены в аварийном порядке выключать всю систему.

– А разговаривать с этой программой вы не пробовали? Пусть бы рассказала что-нибудь еще.

– Шутишь? До болтовни ли, когда вот-вот взорвется машина стоимостью сорок миллиардов долларов? И потом, вряд ли это поможет. Я уверена, что ничего, кроме полной ерунды, мы не увидим. К тому же, если «Изабелла» работает, а компьютер нет, это все равно что нестись ночью по мокрой дороге на сотне миль в час и с выключенными фарами. Болтать с этой программой стали бы разве что сумасшедшие.

– А изображение? Что оно собой представляет?

– Нечто крайне странное. Сложно описать, но картинка завораживает. Кажется, что она очень глубокая и вся подрагивает, будто привидение. Тот, кто это создал, своего рода талантливый художник.

– Говоришь, найти программу вам так и не удалось?

– Нет. Она немыслимо умная. И, похоже, перемещается из одного места в другое по всей системе, замата за собой следы, чтобы не попасться.

– Почему вы не сообщаете об этом в Вашингтон? Прислали бы вам команду первоклассных специалистов, и все проблемы решились бы.

Кейт, поразмыслив, ответила:

– Теперь слишком поздно. Если станет известно, что нас водит за нос хакер, вспыхнет неслыханный скандал. Конгресс и так одобрил проект с большим скрипом... Тогда пиши пропало.

– Надо было с самого начала рассказать всю правду. К чему эти тайны?

– Мы собирались! – Кейт смахнула со лба прядь волос. – Но потом решили, что попробуем устранить проблему сами, и доложим, что сложности были, но теперь все в порядке. Прошел день, другой, еще и еще, но поймать программу не удавалось. Промелькнула неделя, десять дней... Потом до нас дошло, что мы молчали слишком долго и что теперь выставим себя врунами, не желавшими признать ошибку.

– Зря вы так.

– Может быть. Но, честное слово, я понятия не имею, как так вышло... Наверное, дело в том, что мы валились с ног от усталости, а на полный цикл работы уходит самое меньшее сорок восемь часов...

– Кто же это устроил? У вас есть какие-нибудь предположения?

– Грегори считает, что здесь задействована высококвалифицированная хакерская группа, которая намерена совершить преступный акт саботажа. Но есть и другая версия, которую почти не высказывают вслух... Хакером может быть любой из нас... – Она помолчала, тяжело дыша. – Понимаешь, в каком мы положении, Уайман?

В густой тени стояла негромко заржала лошадь.

– Так вот почему Хазелиус убежден, что Волконский сам наложил на себя руки, – произнес Форд.

– Естественно, сам. Инженер по программному обеспечению стал жертвой хакерства и чувствовал себя особенно униженным. Бедняга. Он был так чувствителен! Настоящий гиперактивный, впечатлительный и незащищенный подросток в футболках на два размера больше. – Кейт покачала головой. – Он просто не выдержал. Еще бы! Ведь совершенно не спал, просиживал за проклятым компьютером день и ночь, а найти код все никак не мог. Это его убивало. Вот он и запил, а может, стал травиться и более серьезными гадостями. Если выяснится, что это так, я ни капли не удивлюсь.

– А Иннс? Он же психолог и несет ответственность за психическое состояние всей группы.

– Иннс. – Кейт сдвинула брови. – Он очень старается, но от него мало толку. Понимаешь, все эти еженедельные «разговоры по душам» и призывы высказывать все, что скопилось на сердце, быть может, хороши с нормальными людьми, а нам – как мертвому припарки. Мы давно изучили все его хитрости и стратегии, знаем наперед, о чем он спросит. Петр его на дух не переносил. – Тыльной стороной руки, обтянутой перчаткой, Кейт вытерла со щеки слезинку. – А самого Петра все любили.

– За исключением Уордлоу, – сказал Форд. – И Коркоран.

– Уордлоу... Знаешь, его раздражаем мы все, кроме Хазелиуса. Однако это вполне понятно: на его плечах еще более тяжелый груз. Он охранник, обязан обеспечивать полную безопасность. Если о происходящем узнают, Уордлоу отправится за решетку.

«Теперь понятно, почему он так взвинчен», – подумал Форд.

– Что же касается Мелиссы, она цапается со многими из нас. Я бы... посоветовала тебе быть с ней поосторожнее.

Форд вспомнил про записку, но вслух ничего не сказал.

Кейт стянула с рук перчатки и бросила их в корзину, что висела на стене.

– Ну, теперь доволен? – немного нервно спросила она.

«Доволен ли?» – раздумывал Форд, возвращаясь к своему дому.

Глава 21

Пастор Расс залез в старенький «форд-пикап» и уставился на указатель уровня бензина, подсчитывая, хватит ли на дорогу до столовой горы и обратно. На дороге появилось облако пыли, свидетельствовавшее о приближении машины. Пастор вылез, прислонился спиной к пикапу и стал ждать.

Чуть погода напротив трейлера, овеваемого спиралью пыльного ветра, остановился автомобиль племенной полиции навахо. Открылась дверца, изнутри показался пыльный ковбойский сапог. Мгновение-другое спустя над Эдди высился полицейский.

– Доброе утро, пастор, – произнес он, прикасаясь двумя пальцами к краю фуражки.

– Доброе утро, лейтенант Биа, – ответил Расс, стараясь говорить непринужденно и бодро.

– Куда-то собираетесь?

– Нет, просто проверил, сколько у меня бензина, – сказал Эдди. – А чуть позже хотел бы съездить на гору, познакомиться с учеными. Что-то не нравятся мне их эксперименты.

Биа осмотрелся по сторонам – зеркальные стекла очков отражали бесконечный горизонт.

– Лоренцо не появлялся?

– Нет, – сказал Эдди. – В последний раз он приходил в понедельник утром.

Биа подтянул брюки, и набор полицейских орудий на поясе звякнул, словно брелоки на гигантском браслете.

– Странное дело: в понедельник около четырех он сказал родителям, что идет сюда доделать какую-то работу. Потом его видели на дороге. И вдруг он пропал.

– Не знаю, – произнес Эдди с секундной заминкой. – Тут его не было. Точнее, он был, но утром, а около полудня или даже раньше ушел и с тех пор больше не показывался. Вообще-то считается, что он у меня работает и...

– Жарко сегодня, а? – Биа улыбнулся пастору и взглянул на трейлер.

– Выпьете чашечку кофе? – предложил тот.

– С удовольствием.

Биа проследовал за хозяином на кухню и сел за стол. Эдди налил в кофейник свежей воды и поставил его на плиту. Навахо использовали гущу несколько раз. Эдди решил, что Биа не станет возражать против такой экономии.

Полицейский снял фуражку и положил ее на стол. Его волосы прилипли к вспотевшей голове.

– Вообще-то я приехал не для того, чтобы разговаривать о Лоренцо. Лично я полагаю, что он снова ушел в загул. По словам его родителей, в тот день он был сильно пьян.

Эдди согласно кивнул:

– Я давно заметил, что он прикладывается к бутылке.

Биа покачал головой:

– Ужасно. Чего парню надо? Казалось бы, все сложилось как нельзя более удачно. Если он не объявится в ближайшее время, то снова загремит в тюрьму.

Эдди снова закивал:

– В самом деле ужасно.

Забулькал кофе. Эдди расставил на столе чашки, сахар и сухие сливки; радуясь возможности отвлечься от беседы, разлил кофе и сел.

– Но приехал я, чтобы поговорить о другом, – сказал Биа. – Вчера я встретился с торговцем из Блю-Гэпа, и он поведал мне... о том, что у вас пропадают деньги.

– Да. – Эдди глотнул кофе, обжигая язык.

– По его словам, вы пометили купюры и поручили ему запомнить, кто их принесет.

Эдди замер в ожидании.

– В общем, вчера ему принесли часть денег.

– Ага. – Эдди сглотнул. Вчера?

– История вышла странная, – произнес Биа, – поэтому торговец не стал звонить вам и решил поговорить со мной. Надеюсь, вы все поймете правильно и не станете об этом распространяться.

– Конечно.

– Знаете старушку Беналли? Элизабет Беналли?

– Разумеется. Это моя прихожанка.

– Так вот, Беналли каждое лето пасла овец на столовой горе, у нее была хижина, возле Пайюте-Спрингс. Земля эта ей не принадлежит, и у нее нет никаких прав, однако она провела там почти всю жизнь. Когда правительство решило отдать гору под проект «Изабелла», Беналли лишилась пастбища и ей пришлось продать овец.

– Бедняга.

– Да нет, для нее все закончилось не так уж и плохо. Ей уже хорошо за семьдесят, ее поселили в Блю-Гэпе, в приличном доме. Однако в таких домах надо платить за электричество, воду... Понимаете, к чему я клоню? Она в жизни не ведала, что такое счета. А доходов теперь не имеет и живет лишь на скудную пенсию.

Эдди сказал, что все прекрасно понимает.

– На этой неделе ее внучке исполняется десять лет. Вчера старушка купила ей в

подарок «Геймбой», даже попросила обернуть его и все такое прочее. – Биа помолчал, пристально глядя на Эдди. – Она заплатила вашими купюрами.

Эдди молча таращил глаза.

– Понимаю ваше удивление. – Биа достал из заднего кармана бумажник, извлек оттуда пятьдесят долларов, положил деньги на стол и придвинул к Эдди. – Надеюсь, вы согласитесь, что не стоит поднимать по этому поводу шум.

Эдди не мог пошевелинуться. Биа убрал бумажник.

– Если подобное повторится, сообщите мне, и я возмещу убыток. А наказывать старушку, как я уже сказал, давайте не будем. Порой мне всерьез кажется, что она выживает из ума. – Он нахлобучил фуражку на потные, тронутые сединой волосы. – Спасибо за понимание, пастор. – У выхода полицейский остановился. – Как увидите Лоренцо, дайте мне знать, ладно?

– Конечно, лейтенант.

Биа вышел, а пастор Расс повернулся к окну и проводил гостя долгим взглядом. Лейтенант пересек двор, где лежало тело, поднимая сапогами пыль.

Эдди взглянул на засаленный полтинник и почувствовал приступ тошноты. Потом вдруг его охватила злость – такая, что даже в глазах потемнело.

Глава 22

Форд вошел в гостиную и замер у окна, глядя на уступчатый Накай-Рок, что возвышался над тополиной рощей. По сути, он выполнил задание, но мучился вопросом: стоит ли рассказывать правду Локвуду?

Тяжело опустившись в кресло, он прижал ладони к лицу. Кейт верно сказала: просочись подобная новость за пределы горы, и проекту конец. Мало того, всем здешним ученым придется поставить крест на карьере, в том числе и Кейт. В сфере науки ложь вроде этой – непростительный грех.

«Доволен?» – в который раз спросил у себя Форд.

Поднявшись на ноги, он принялся нервно расхаживать по комнате. Локвуд с самого начала знал, что ответ на его вопрос даст Кейт, и нанял Форда отнюдь не потому, что считал его смекалистым бывшим агентом ЦРУ и толковым детективом, а исключительно потому, что Уайман двенадцать лет назад встречался с определенной женщиной. Следовало сразу отказаться от этого сомнительного задания. Нет же! Оно заинтриговало Форда, и он возомнил о себе бог весть что. И, если уж совсем начистоту, возгорелся желанием снова увидеть Кейт.

На миг Форд пожалел, что уехал из монастыря. Два с половиной года жизнь казалась незатейливой и чистой. В уединении и тиши он почти забыл о том, какой безжалостной и коварной бывает судьба, но стать монахом никогда не смог бы. Ему казалось, монастырская бытность вновь научит его твердо стоять на ногах и во что-то верить. Получилось совсем иначе.

Склонив голову, он попытался помолиться, но слова повисали в пустоте.

Быть может, больше не существовало ни зла, ни справедливости. Люди жили, поступая так, как считали нужным.

Наконец Форд принял решение. Ставить под угрозу будущее Кейт он не намеревался – ударов судьбы ей и так хватило с лихвой. Следовало отыскать чертову программу, и как можно скорее. Уайман подозревал, что злоумышленник – один из ученых. Вероятность того, что до секретных сведений добрался кто-то извне, почти исключалась.

Форд вышел на улицу через парадное крыльцо, свернул за угол, делая вид, что просто дышит воздухом, и осторожно проверяя, не ошивается ли поблизости Уордлоу, вернулся в дом, прошел в спальню и открыл портфель.

Локвуд ответил так быстро, будто сидел возле аппарата и ждал звонка.

– Какие новости? – выпалил он.

– Новостей не много.

Локвуд шумно вздохнул.

– Вы пробывали там целых четыре дня, Уайман.

– «Изабелла» отказывается работать. По-моему, вы ошибаетесь, Стэн. Ничего они не скрывают. Тут масса проблем, вот и все.

– Черт возьми, Форд! Не верю я в эти сказки!

Локвуд громко и тяжело задышал. Над его карьерой тоже нависла опасность. Однако до консультанта по науке Форду не было особого дела. Его волновала судьба Кейт. Он мог выиграть еще несколько дней и принять личное участие в поисках дурацкой программы. Посвящать в подробности Локвуда не имело смысла.

– Вы слышали о проповеднике Спейтсе и его выступлениях? – спросил Локвуд.

– Да.

– Из-за него сроки сокращаются до двух, самое большее до трех дней, а там пиши пропало. Выясните, что происходит, Уайман. Слышите?

– Слышу.

– В доме Волконского вы побывали?

– Да.

– Что-нибудь нашли?

– Ничего особенного.

Локвуд помолчал и произнес:

– Я только что получил предварительное заключение судебной экспертизы по Волконскому. Похоже, он застрелился.

– Понятно.

Из трубки послышался шелест бумаг.

– И еще. Я узнал то, о чем вы просили. Что касается Чеккини... Секта называлась «Врата рая». Может, помните, в девяносто седьмом году ее члены совершили массовое самоубийство, надеясь, что их души поднимутся на борт инопланетного космического корабля, который приблизился к Земле следом за кометой Хейла-Боппа? Чеккини стал членом секты в девяносто пятом, пробыл в ней менее года и вышел из ее состава до массового самоубийства.

– А сейчас он ни во что подобное не верит? До сих пор немного похож на робота.

– Секты больше не существует, и нет никаких свидетельств того, что Чеккини по сей день одержим их идеями. Он живет вполне нормальной жизнью, правда слишком уединенной. Не пьет, не курит, не заводит подружек, почти не общается с друзьями. И всецело отдается работе. Физик он, каких поискать. Очень предан своему делу.

– А Чен?

– В досье говорится, что ее отец, необразованный работяга, умер до того, как она с матерью переселилась в США. Это не так. Он физик, испытывает ядерное оружие в районе озера Лобнор. До сих пор жив.

– Как так вышло, что в досье оказалась неверная информация?

– Так написано в иммиграционных документах. И так рассказывает сама Чен.

– Значит, она лжет?

– Может, и нет. Мать увезла ее из Китая двухлетним ребенком. Вероятно, лжет старшая Чен. Однако этот обман очень просто объясняется: если бы она сказала правду, то не получила бы визу на въезд в США. Дочь, возможно, и не подозревает о том, что ее отец жив. Судя по имеющимся у нас данным, так оно и есть.

– Хм-м...

– В общем, времени в обрез, Уайман. Продолжайте поиски. Я знаю, что они хитрят. Просто знаю!

Связь прервалась.

Форд вернулся к окну и уставился на Накай-Рок. Теперь он тоже хитрил. Лгал всем.

Глава 23

Двадцать минут двенадцатого пастор Расс Эдди ехал по новенькому асфальту горной дороги на выдавшем виды пикапе, выпущенном в восемьдесят девятом году. Ветер, влетая в раскрытые окна, листал Библию, что лежала на соседнем сиденье. У Эдди от волнения и злобы громко колотилось сердце. Как выяснилось, деньги крал не Лоренцо. Однако он пил, нахальничал и чудовищным образом богохульствовал. К тому же сам себя убил – Эдди к его смерти не имел никакого отношения. А по большому счету все случилось так, как было угодно Богу. Он знал, что делает.

Пути Господни неисповедимы.

Эдди повторил эту строчку еще и еще раз. Всю свою жизнь он ждал знамения. Верил, что наступит день, когда Господь объяснит ему, в чем смысл его жизни. Дорога была долгой и тернистой. Бог отнял у него жену, ребенка и даже чувство собственного достоинства, но не наградил ни деньгами, ни успехом.

И в довершение всего впутал в дело с Лоренцо. Индеец оскорбил Господа неслыханно гнусным образом, и Господь на глазах у Эдди лишил богохульника жизни. Прямо у него на глазах! Но, как оказалось, вором Лоренцо не был, стало быть, Эдди несправедливо его обвинил. Что это значило? Какой смысл вкладывал в эту путаницу Бог? Чему пытался научить Эдди?

Пути Господни неисповедимы.

Пикап прогрохотал по блестящей асфальтовой дороге, проехал между песчаными холмами и свернул вниз, где среди тополей виднелись глинобитные домики. Справа, на удалении мили, тянулись две взлетно-посадочные полосы и высились ангары. Дальше, на самом краю столовой горы, располагался комплекс проекта «Изабелла», огороженный двойным забором.

Впрочем, сама «Изабелла» находилась глубоко под землей. Вход к ней, по-видимому, был где-то внизу, за оградой.

«Отец Небесный, пожалуйста, укажи мне верный путь», – молился Эдди.

На противоположном краю зеленой долины стояло длинное здание старой фабрики Накай-Рок. К ней направлялись двое мужчин и женщина. Остальные ждали у дверей. Господь, будто специально для Эдди, собрал их всех в одном месте.

Глубоко вздохнув, пастор сбавил скорость и остановился перед зданием. Над входом висела табличка с выведенной вручную надписью: «Фабрика Накай-Рок, 1888».

Внутри, за сетчатой дверью, находилось восемь человек. Приостановившись у порога, пастор постучал по деревянному косяку. Никто не отозвался. Эдди постучал громче. Один из мужчин обернулся, и Эдди замер, увидев его глаза необыкновенного голубого цвета – они словно били электрическим разрядом.

Хазелиус. Наверняка это он.

Расс прочел коротенькую молитву и вошел внутрь.

– Что вам угодно? – спросил голубоглазый.

– Меня зовут Расс Эдди. Я пастор миссии «Во Имя Твое», что неподалеку от Блю-Гэпа. – Говорил Эдди торопливо, а чувствовал себя глупо и ужасно неуверенно.

Ученый, тепло улыбаясь, отошел от стула, на спинку которого опирался, и приблизился к двери.

– Грегори Норт Хазелиус, – сказал он, радушно пожимая гостю руку. – Приятно познакомиться, Расс.

– Спасибо, сэр.

– Что вас привело к нам?

К горлу Рассы поднялась удушливая волна. Придумал ли он, что говорить, когда ехал сюда по Дагвей? Внезапно подобранные заранее слова сами собой всплыли в памяти.

– Я слышан о проекте «Изабелла», вот и решил познакомиться с вами, предложить вам услуги духовника. Мы собираемся каждое воскресенье в десять часов. Это в двух милях

на восток от водонапорной башни.

– Большое спасибо, Расс, – сказал Хазелиус неподдельно дружелюбным голосом. – Мы обязательно посетим вашу церковь в ближайшее время. И, если пожелаете, проведем для вас экскурсию по «Изабелле». А сейчас, пожалуйста, простите, но у нас очень важное собрание. Может, приедете на следующей неделе?

К лицу Расса подступил жар.

– Да, сэр, то есть... нет. Подождите... Знаете, моих прихожан, да и меня самого, очень беспокоит то, что здесь происходит. Хотелось бы задать вам несколько вопросов.

– Прекрасно понимаю, Расс. Поверьте, я все понимаю. – Хазелиус взглянул на высокого угловатого и некрасивого человека, который стоял в двух шагах от него. – Позвольте представить вам Уаймана Форда. Его работа – общаться с местными жителями.

Форд приблизился, протягивая руку.

– Очень приятно, пастор.

– Да, но я бы хотел побеседовать с ним, а не с вами, – произнес Эдди писклявым, дребезжавшим от волнения голосом, указывая на отошедшего Хазелиуса.

Ученый обернулся:

– Прошу прощения, Расс. Поверьте, мы не желаем никого обидеть, но сейчас слишком заняты... Может, встретимся завтра, в это же время?

– Нет, сэр.

– Позвольте узнать, почему вы так стремитесь побеседовать немедленно?

– Потому что, насколько мне известно... вас постигла тяжелая утрата. По-моему, это нельзя оставлять без внимания.

Хазелиус внимательно посмотрел на пастора.

– Вы о гибели Петра Волконского? – тихо спросил он.

– Если Петр Волконский – это тот, кто покончил самоубийством, значит, да, сэр. Я говорю о нем.

Долговязый по имени Форд снова сделал шаг вперед.

– Пастор, я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы. Ученые готовятся к очередному запуску «Изабеллы». Доктор Хазелиус – руководитель группы. Он непременно побеседовал бы с вами, однако сейчас у него нет ни минуты свободного времени. Я же полностью к вашим услугам.

Эдди не желал, чтобы ему пудрил мозги какой-то там пиарщик.

– Я же сказал, что хочу задать вопросы ему, а не вам. Это ведь он объявил себя самым умным человеком на свете? А остальных назвал идиотами? Он изобрел адскую машину и бросил вызов Слову Божьему?

Последовало непродолжительное молчание.

– Проект «Изабелла» не имеет никакого отношения к религии, – произнес пиарщик. – Это чисто научный эксперимент.

В Эдди закипал гнев. Гнев на Лоренцо, на неверную бывшую жену, на суд по бракоразводным делам, на всю земную несправедливость. Наверное, примерно так себя чувствовал Иисус, изгоняя менял из храма.

Эдди указал на Хазелиуса дрожащим пальцем:

– Господь снова накажет вас!

– Довольно... – жестким тоном начал было пиарщик, но Хазелиус перебил его:

– Что значит «снова»?

– Я все про вас знаю, – заявил Эдди. – Читал и про вашу жену. Она фотографировалась обнаженной для журнала «Плейбой», выставилась напоказ и жила в свое удовольствие, как вавилонская блудница! Господь покарал вас, забрав ее. Но вы и после этого не раскаялись в былых грехах.

Воцарилось убийственное молчание. Секунду-другую спустя пиарщик попросил:

– Уордлоу, будьте добры, проводите пастора за пределы территории.

– Нет, минуточку, – сказал Хазелиус и повернулся к Эдди с ужасающей улыбкой, от

которой у того все заledenело внутри. – Значит, вы, пастор, занимаетесь здесь миссионерской деятельностью?

– Да.

– А к какой конфессии вы относитесь?

– Мы стоим особняком. Мы евангелисты.

– А сами вы кто? Протестант? Католик? Мормон?

– Ни первое, ни второе, ни третье. Мы возрожденные христиане, фундаменталисты.

– Что это значит?

– То, что мы впустили в наши сердца Иисуса Христа как Бога и Спасителя, возродились и встали на единственно правильный путь. Мы верим, что каждое слово в Священном Писании – пророческое и безошибочное слово Господа.

– Стало быть, по-вашему, протестанты и католики не настоящие христиане и Бог отправит их в ад. Верно я понимаю?

Эдди корбила сама мысль об изложении фундаментальных догм иными словами. Однако если самый умный человек в мире желал побеседовать на эту тему, Эдди вполне мог поддержать разговор.

– Если они не возродились, то – да.

– А евреи? Мусульмане? Буддисты? Индусы? А те, кто не знает, во что верить? Те, кто ищет свой путь, отчаявшиеся? Получается, им всем гореть в адском пламени?

– Да.

– Значит, большую часть обитателей этой жалкой планеты на самом отшибе невзрачной галактики ждут муки ада. В рай попадете лишь вы и горстка вам подобных личностей?

– Но вы же понимаете...

– Для того я и задаю вопросы, Расс, – чтобы понять. В общем, вы думаете, что большинство людей Бог отправит в ад?

– Да.

– По-вашему, это неопровержимая истина?

– Да. Это неоднократно подтверждается Священным Писанием. «Кто будет веровать и креститься, спасен будет».

Хазелиус повернулся к остальным ученым:

– Леди и джентльмены, перед вами насекомое... нет, бактерия, полагающая, что ей доподлинно известны помыслы Господа.

Лицо Эдди побагровело. От потуг придумать достойный ответ у него, казалось, закипел мозг.

Неприглядный человек по имени Форд повернулся к Хазелиусу:

– Грегори, пожалуйста, успокойся. Нам и так хватает проблем.

– Я всего лишь задаю вопросы, Уайман.

– Они могут повлечь за собой серьезные неприятности. – Форд снова повернулся к охраннику: – Уордлоу? Еще раз прошу, проводите мистера Эдди с нашей территории.

– Главный среди нас – Хазелиус, – ровным голосом произнес охранник. – Приказы я принимаю только от него. – Он взглянул на руководителя: – Сэр?

Хазелиус не ответил.

Эдди еще не высказал всего, что намеревался. Усилием воли он подавил злость, взглянул в голубые глаза и произнес с неколебимой уверенностью:

– Вы считаете себя умнее всех на свете. Но вы верите, что мир возник из-за какого-то случайного взрыва, после которого все атомы вдруг соединились и возникла жизнь – без малейшего Божьего участия. Умно ли это? Будь на то моя воля, я тотчас бы отправил вас в ад. Вы разожгли войну против веры, вы и ваши сатанинские теории! Все вы стремитесь отделиться от христианского государства, созданного нашими отцами-основателями, и превратить страну в общество секулярных гуманистов, где позволено любое безобразие: гомосексуализм, аборт, наркотики, добрачные сексуальные связи, порнография. Но ведь вы

уже пожинаете плоды своих деяний. Один из вас наложил на себя руки. Вот к чему приводит богохульство и ненависть к Богу. Он повторно найдет на вас небесную кару, Хазелиус. «Мне отмщение, и аз воздам».

Эдди замолчал, тяжело дыша. Ученый смотрел на него странным взглядом. Его глаза поблескивали и, казалось, превратились в лед. Он произнес неожиданно сдавленным голосом:

– По-моему, вам пора оставить нас.

Эдди не ответил. К нему направился здоровяк охранник.

– Идемте.

– Не надо, Тони, – сказал Хазелиус. – Расс выступил с речью, а теперь и сам понимает, что должен уйти.

Охранник все же подошел к пастору.

– Не беспокойтесь, – торопливо произнес Эдди. – Я мечтаю поскорее покинуть это безбожное место.

Из-за сетчатой двери вслед пастору донеслось:

– Бактерия выпустила жгутик и пришла в движение.

Эдди приостановился, прижал к сетке горящее лицо и прочитал:

– «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». Евангелие от Иоанна, глава восьмая, стих тридцать второй.

Он резко повернулся и пошел к своему пикапу. Левая сторона его лица подергивалась от унижения и безграничного, ослепляющего гнева.

Глава 24

Сухопарый пастор прошел через парковку и остановился возле старого жалкого пикапа. С помощью единомышленников он наверняка нанесет «Изабелле» сокрушительный удар. Форд досадовал, что Хазелиус разжег ярость пастора, и чувствовал, что этим визитом дело не кончится.

Хазелиус с невозмутимым видом смотрел на часы.

– Опаздываем, – бодро сказал он, снимая с крючка белый халат. – Идемте. – Его взгляд остановился на Форде. – А ты, уж не обессудь, следующие двенадцать часов будешь коковать в одиночестве.

– Вообще-то я хотел бы пойти с вами, – ответил Форд.

Хазелиус надел халат и взял портфель.

– Прости, Уайман, но это невозможно. В Бункере каждый занимается своим делом. Работа идет в крайне напряженном режиме. Посторонние нам мешают, ты же понимаешь.

– Грегори, честное слово, я не намерен вам мешать. Но у меня свои задачи, и я считаю, что, дабы выполнить их должным образом, мне необходимо присутствовать при запуске.

– Что ж, хорошо. Но давай как-нибудь в другой раз, а? У нас море проблем, из-за этого мы все на грани срыва. До тех пор пока все не придет в норму, допускать в центр управления кого бы то ни было мы просто не имеем права.

– Тем не менее я сегодня же хотел бы спуститься в Бункер вместе с вами, – спокойно и твердо произнес Форд.

Хазелиус помолчал. Остальные напряженно наблюдали сцену.

– Каким образом запуск повлияет на выполнение твоих задач? – спросил Хазелиус.

– Меня наняли для того, чтобы я объяснил местным жителям, насколько безопасна «Изабелла», но сначала мне нужно самому в этом убедиться.

– Ты что же, сомневаешься в ее безопасности?

– Я знаю об этом исключительно с чьих-то слов.

Хазелиус медленно покачал головой.

– Я скажу людям навахо, что являюсь участником проекта, что от меня ничего не скрывают, но лгать им не намерен, – стоял на своем Форд.

– Как старший офицер безопасности, – внезапно подключился к разговору Уордлоу, – я хотел бы сообщить мистеру Форду о том, что он не имеет официального доступа к Бункеру. Тема закрыта.

Форд повернулся к нему:

– По-моему, не в ваших интересах ставить антропологу палки в колеса.

Хазелиус снова покачал головой:

– Уайман, я прекрасно тебя понимаю. Но беда в том...

– Если вы боитесь, что он узнает о хакерской программе, – перебила его Кейт Мерсер, – успокойтесь. Он уже в курсе.

Все в ужасе уставились на нее.

– Я обо всем ему рассказала, – заявила Кейт. – По-моему, он должен знать, в чем суть наших проблем.

– Что ж! Замечательно, – протянула Коркоран, поднимая глаза к потолку.

Кейт строго взглянула на нее:

– Уайман – член нашей команды. У него есть право знать. Я ручаюсь за него головой. Он никому не выдаст наш секрет.

Щеки Коркоран вспыхнули.

– А мне кажется, дело совсем в другом! В чем именно, все догадываются.

– Ты ошибаешься, – холодно возразила Мерсер.

Коркоран усмехнулась:

– Пожалуй, нет.

Хазелиус прокашлялся.

– Хорошо, хорошо. – Он повернулся к Форду и приятельским жестом положил руку ему на плечо. – Стало быть, Кейт тебе все рассказала?

– Да.

Хазелиус кивнул:

– Раз так... – Он задумался, взглянул на Кейт и улыбнулся ей. – Ты правильно сделала. Но ловлю тебя на слове. – Он взглянул на Форда: – Я знаю, что ты человек честный. Добро пожаловать в нашу команду! На сей раз – по-настоящему. Теперь и ты должен хранить тайну. – Его глаза пристально всматривались в Форда.

Тот старался сохранять спокойствие и не краснеть. На лице Кейт отразилось странное чувство: не то надежда, не то опасение, но определенно не гнев.

– Поговорим об этом позднее, Уайман. – Хазелиус убрал руку с плеча Форда и повернулся к Уордлоу: – Тони, похоже, мистер Форд все же составит нам компанию.

Охранник с бесстрастным лицом молчал.

– Тони?

– Да, сэр, – последовал сдержанный ответ. – Понял.

Проходя мимо, Хазелиус многозначительно посмотрел на Уордлоу. Тот ответил ему равнодушным холодным взглядом.

Глава 25

Огромная титановая дверь опустилась и с гулким грохотом автоматически заперлась. Перед лицом Кена Долби покачивался влажный воздух, пахнувший пещерами, мокрым камнем, теплым электронным оборудованием, машинным маслом и угольной пылью. Долби глубоко вдохнул хмельной, пьянящий запах. Запах «Изабеллы».

Ученые направились к «мостику». Долби остановил Хазелиуса.

– От магнита сто сорок поступил сигнал тревоги. Думаю, ничего страшного не приключилось. Поеду взгляну на него.

– Сколько на это уйдет времени? – спросил Хазелиус.

– Меньше часа.

Хазелиус дружески похлопал Долби по спине:

– Хорошо, Кен. Как только справишься, дай нам знать. Будем ждать от тебя вестей. С запуском повременим.

Долби кивнул и остановился посреди пещеры. Группа ученых скрылась в центре управления. Дверь за ними закрылась, и по огромному пространству разнеслось эхо.

В наступившей тишине Долби еще раз вдохнул ароматный воздух. Он возглавлял группу проектирования «Изабеллы» – давал указания дюжине инженеров, кандидатов наук, разрабатывавших отдельные подсистемы и суперкомпьютер. Команда была довольно большая, однако руководил ею с самого начала один он, поэтому знал каждый дюйм «Изабеллы», каждый ее изгиб, каждую вогнутость. Она была его творением, его машиной.

Овальный вход в туннель «Изабеллы» светился бледно-голубым сиянием. Извилистые ленты пара расползались во все стороны и постепенно исчезали. В туннеле, прямо возле входа, темнела сине-серая экранирующая оболочка из обедненного урана, за которой билось сердце «Изабеллы».

Нулевая точка, «Си-Зеро», размером с булавочную головку, где взрывались, сталкиваясь, пучки материи и антиматерии, которые неслись со скоростью света. При работе «Изабеллы» на полную мощность эта точка становилась самым ярким, самым горячим местом Вселенной – триллион градусов. «Если, конечно, не найдется немыслимо умных существ, которые придумали машину посерьезнее нашей», – с улыбкой подумал Долби.

Он надеялся, что таковых на свете нет.

Большинство энергии, возникавшей в нулевой точке во время взрыва, по знаменитой формуле Эйнштейна $E = mc^2$, тотчас снова материализовывалось, становясь россыпью экзотических субатомных частиц. Некоторые из них не появлялись с зарождения Вселенной, то есть почти четырнадцать миллиардов лет.

Долби закрыл глаза и представил себя атомом, который благодаря чудо-магнитам развивает скорость, близкую к скорости света. Он воображал, как несется по изгибам туннеля, ускоряясь все быстрее и быстрее... Картинки, мелькавшие перед его глазами, в который раз потрясали воображение. Вот мимо него, буквально в полудюйме, пронесся пучок антипротонов, на такой же немыслимой скорости, только в противоположном направлении...

Ему представился миг столкновения. В том самом месте размером с булавочную головку его пучок врежется во встречный, материя со скоростью света ударяет об антиматерию. Все аннигилируется, а он рождается заново – в виде новой частицы – и движется в каком-то направлении, а детекторы фиксируют и изучают его и всех его собратьев.

Десять триллионов частиц в секунду!

Долби открыл глаза, возвращаясь к действительности и чувствуя себя несколько глупо. Проверив, не завалилось ли в карманах монет или других металлических предметов, он прошел к тележкам. Сверхпроводящие магниты «Изабеллы» были в тысячи раз мощнее тех, что используют в магниторезонансных томографах. Они могли вытянуть никель прямо сквозь человека или вспороть ему живот пряжкой от ремня.

«Изабелла» была опасна и требовала к себе уважения.

Сев за руль, Долби нажал кнопку, включил сцепление и тронулся в путь на первой передаче.

Эти удобные тележки он спроектировал сам. Несмотря на то что скорость они развивали лишь до двадцати пяти миль в час, стоила каждая из них не меньше «феррари», главным образом потому, что изготавливали их из немагнитных материалов – пластика, керамики и диамагнитных сплавов. В каждой тележке имелись системы коммуникации, встроенный компьютер, сенсоры и контроллеры радиолокационного оповещения, датчики радиации и наличия металла, а также специальная платформа для транспортировки хрупких научных инструментов.

Долби пересек выложенный плитами пол, въехал в овальный проем и остановился.

– Здравствуй, «Изабелла».

По туннелю тянулась бетонная дорожка с углублениями для колес. Долби свернул на нее, добавил скорости и поехал дальше. Два ряда флуоресцентных ламп наверху освещали туннель зелено-голубым сиянием. Долби, не останавливаясь, стал рассматривать самую крупную трубу, отбортованную и скрепленную болтами через каждые шесть футов. Внутри поддерживался полный вакуум.

Долби поехал еще быстрее. Резиновые колесики, катясь по углублениям, чуть слышно пошептывали. Магниты располагались на расстоянии ста футов друг от друга, и каждый из них был охлажден до температуры четыре с половиной градуса выше абсолютного нуля. Они будто дышали паром. Долби то въезжал, то выныривал из туманного облака, сопровождаемый подобием вихря.

Слева то и дело мелькали стальные двери – входы в старые шахтерские туннели, точнее, запасные выходы, предусмотренные на случай аварии. Однако теперь аварий быть не могло. Теперь тут обитала «Изабелла».

Магнит 140 располагался в восьми милях от овального входа. На поездку до него уходило двадцать минут. Долби знал, что не стряслось ничего серьезного, и радовался возможности побыть один на один со своим детищем.

– Неплохо, – громко произнес он вслух, – для сына автомеханика из Уоттса. Правда, «Изабелла»?

Он задумался об отце, который мог отремонтировать любой двигатель в мире, но зарабатывал жалкие гроши. Было трудно поверить, что столь талантливый механик всю жизнь едва сводил концы с концами. Долби дал себе слово, что изменит положение дел, – и сдержал обещание.

В семилетнем возрасте он получил в подарок от отца набор «Юный физик». Спаяв и свинтив кучку пластиковых и металлических шурупов, он сделал настоящее радио, и ему показалось, что сотворилось чудо. К десяти годам Кен соорудил свой первый компьютер, а чуть погодя – телескоп. При помощи интегральных схем он подключил к телескопу компьютер и стал наблюдать за астероидами. Потом, используя электроннолучевую трубку старого телевизора, собрал настольный акселератор и осуществил мечту любого алхимика – то, что не удавалось, быть может, даже Исааку Ньютону. Долби бомбардировал электронами кусок свинцовой фольги, превратив сотню атомов свинца в золото. Его бедняга отец – упокой Господь его душу! – выкраивал из своих скудных заработков сколько мог и покупал сыну запчасти, инструмент и прочее. Кен Долби желал создать самую крупную, самую дорогую, самую умную машину в истории человечества.

Теперь его мечта сбылась.

«Изабелла» поражала совершенством. Портила все дело лишь какая-то сволочь, что сумела добраться до программного обеспечения.

Подъехав к магниту 140, Долби резко затормозил, достал специальный ноутбук из отсека для инструментов, подсоединил его к панели на магните, присел на корточки и, разговаривая сам с собой, ввел несколько команд. Он отвинтил металлическую пластинку с оболочки магнита, прикрепил к нему красными и черными проводками небольшое устройство и взглянул на компьютерный экран. Его лицо помрачнело.

– Чтоб тебя! – Криогенный насос изоляционной системы вот-вот выйдет из строя. – Хорошо, что я вовремя спохватился.

Он убрал инструменты, положил ноутбук в неопределенную сумку, сел за руль тележки и снял с приборной панели радиопередатчик.

– Долби.

– Уордлоу, – послышалось из динамика.

– Я бы хотел переговорить с Грегори.

Мгновение-другое спустя раздался голос Хазелиуса.

– Запускайте «Изабеллу», – сказал Долби.

– А сигнальная температурная лампочка до сих пор светится красным, – произнес

Хазелиус.

Долби ответил после секундного молчания:

– Ты же знаешь, что я в жизни не подвергну риску свою машину, Грегори.

– Хорошо. Запускаем.

– Надо будет заменить криогенный насос, но спешить некуда. Этот выдержит как минимум еще два запуска.

Долби отключил связь, сцепил руки на затылке в замок, откинулся на спинку сиденья и положил ноги на верхнюю панель, что защищала приборную доску. В воцарившейся тишине он прислушался к едва уловимым звукам: система принудительного воздушного охлаждения что-то нашептывала, криогенный насос издавал приглушенное гудение, жидкий азот шипел, двигатель тележки, остывая, поскрипывал, охала и потрескивала и сама гора.

Долби закрыл глаза и замер в ожидании. Вот к прежним звукам добавился новый, похожий на пение низким звучным голосом.

«Изабелла» заработала.

«Я создал машину, способную заглянуть в момент сотворения. Вернее, повторить его», – подумал Долби, содрогнувшись от неопишуемого изумления и благоговейного восторга.

Божественную машину.

«Изабеллу».

Глава 26

Форд вытряхнул из кружки горькую черную гущу и взглянул на часы: почти полночь. Запуск изрядно ему надоел. Ученые битый час что-то куда-то подсоединяли и что-то проверяли. Наблюдая за ними, Форд недоумевал: неужели один из них и впрямь саботажник?

К нему подошел Хазелиус.

– Сейчас столкнутся пучки. Смотри на визуализатор – вон тот большой экран.

Он произнес какую-то команду, и мгновение спустя посередине монитора возникло пятно яркого света. От него, подрагивая, поплыли в разные стороны цветные лучи.

Форд кивнул на экран:

– А что означают все эти цвета?

– Компьютер с места столкновения передает все, что там происходит. Каждый цвет – отдельный тип частиц, широкие полосы – их траектории, а ленты – уровни энергии. Так удобнее: взглянули на монитор, и все понятно, не надо возиться с цифрами.

– Умно.

– Эту систему придумал Волконский. – Хазелиус хмуро покачал головой.

– Мощность – девяносто процентов, – услышался голос Кена Долби.

Хазелиус приподнял пустую кружку:

– Будешь еще?

Форд скривился:

– Почему бы вам не обзавестись приличной кофеваркой?

Хазелиус слегка усмехнулся и отошел. Иннс от нечего делать мерил шагами пол, Эдельштайн читал в углу «Поминки по Финнегану», а все остальные сосредоточенно выполняли свои задания. Мусорное ведро, что стояло у входа, было доверху набито коробками из-под замороженной пиццы, которой команда подкрепилась во время ужина. На разного рода светлых поверхностях тут и там темнели коричневые следы от кофейных чашек. Бутылка с шампанским так и лежала на прежнем месте.

Двенадцать часов показались Форду недель. Продолжительные периоды несносной тоски сменялись коротенькими вспышками безумной активности, за которыми снова следовало убийственное затишье.

– Пучки сфокусированы и коллимированы. Энергия – четырнадцать целых девять

десятих тераэлектрон-вольт. – Чен сгорбилась у компьютера. Ее блестящие черные волосы волнистым покровом спадали на клавиатуру.

Форд прошелся взад-вперед, разгоняя дремоту. Уордлоу, сидевший на охранном пункте, бросил на него сдержанно-враждебный взгляд. Форд холодно улыбнулся в ответ. Разведчик продолжал наблюдать за ним.

– Повышай до девяноста пяти, Рей, – спокойно велел Хазелиус.

Негромко застучали компьютерные клавиши.

– Ситуация под контролем, – сообщила Чен.

– Харлан? Как мощность?

Над экраном возникла гномья физиономия Сен-Винсента.

– Нарастает как прилив: ровно и с напором.

– Майкл?

– Пока все нормально. Никаких странностей.

Хазелиус задавал вопросы каждому по очереди, все тем же невозмутимым голосом. В этом режиме работа шла уже битый час, однако Форд чувствовал, что волнение усиливается.

– Мощность – девяносто пять процентов, – произнес Долби.

– Пучки сфокусированы. Коллимированы.

– Энергия – семнадцать тераэлектрон-вольт.

– Итак, ребята, мы вновь приближаемся к неизведанной территории, – объявила Чен, колдуя над пультом.

– К стране монстров, – добавил Хазелиус.

Экран полыхал яркими красками, будто неувядающий цветок. Форда картинка зачаровывала. Неподалеку Кейт работала за сетевым компьютером «Пауэр Мак». Форд посмотрел поверх ее плеча на экран, где пестрело замысловатое изображение.

– Не помешаю?

Кейт вздохнула:

– Нет. Я как раз собираюсь закруглиться и понаблюдать за последними столкновениями.

– Что это? – Форд кивнул на экран.

– Одиннадцатимерное пространство Калуцы-Кляйна. Я делала кое-какие расчеты по микроскопическим черным дырам.

– Насколько я знаю, одна из задач «Изабеллы» – изучить энергию черных дыр?

– Да, правильно. Только бы преодолеть проблемы.

– Откуда здесь взяться черным дырам?

Кейт бросила быстрый нервный взгляд на Хазелиуса.

– Как оказалось, «Изабелла» вполне способна создавать миниатюрные черные дыры, – произнесла она. – Стивен Хокинг доказал, что они испаряются и теряют энергию.

– Иными словами, взрываются.

– Да.

– Значит, есть вероятность того, что «Изабелла» создаст черную дыру, которая может взорваться?

Мерсер взмахнула рукой:

– Ну, не совсем так. Если «Изабелла» и создаст черные дыры, то они будут настолько малы, что мгновенно испарятся, а энергии при этом возникнет меньше, чем от лопнувшего мыльного пузыря.

– Но ведь не исключается и возможность более серьезных взрывов?

– Если предположить, что миниатюрная черная дыра просуществует, скажем, несколько секунд, то есть так долго, что ее масса возрастет... тогда взрыв будет существеннее.

– Насколько?

– Сложный вопрос. Скажем, его можно сравнить со взрывом небольшой ядерной бомбы.

К ним подплыла Коркоран, строя глазки Форду.

– Но это не самый страшный расклад, – сказала она.

– Мелисса, – предупреждая произнесла Кейт.

Коркоран вскинула брови и с невинным видом уставилась на нее.

– Насколько я поняла, мы решили ничего не скрывать от Уаймана. – Она вновь повернулась к Форду. – По-настоящему пугает вероятность того, что «Изабелла» создаст такую миниатюрную черную дыру, которая не исчезнет. В таком случае она переместится в центр Земли, застрянет там и будет разрастаться до тех пор, пока не... Ба-бах! Прощай, планета...

– Это возможно? – спросил Форд.

– Нет, – раздраженно ответила Кейт. – Мелисса тебя просто дразнит.

– Девяносто семь процентов, – объявил Долби.

– Энергия – семнадцать целых девяносто две сотых тераэлектрон-вольт.

– Кейт? – позвал Форд, понизив голос. – А тебе не кажется, что даже малая вероятность – это слишком опасно? Речь ведь не о каких-нибудь пустяках, а о судьбе всего человечества.

– Нелепые предположения не причина для того, чтобы отказываться от научных исследований.

– И тебя это не волнует?

– Черт! – вспыхнула Кейт. – Конечно, волнует, Уайман! Я ведь тоже живу на этой планете. По-твоему, я пошла бы на такой риск, если бы серьезно опасалась за последствия?

– Если существует даже ничтожно малая вероятность, значит, ты рискуешь.

– Ее не существует. – Кейт крунулась в кресле, внезапно поворачиваясь к Форду спиной.

Он выпрямился и заметил, что Хазелиус до сих пор наблюдает за ними. Поднявшись с кресла, руководитель с улыбкой направился к Форду.

– Уайман? Позволь, я успокою тебя. Если бы у черных дыр был столь длинный век, то мы сталкивались бы с ними повсюду. Даже те, что возникли во время Большого Взрыва, до сих пор здравствовали бы. В общем, их было бы так много, что они давно поглотили бы все вокруг. Однако мы живы и здоровы. Это лучшее доказательство того, что черные дыры исчезают.

Коркоран, глядя на Форда из-за спины Хазелиуса, усмехнулась, довольная, что ее слова так его встревожили.

– Да, но это доказательство... не очень-то убедительное, – пробормотал Уайман.

Хазелиус положил руку ему на плечо.

– «Изабелла» в принципе не может создать черную дыру, способную уничтожить Землю. Это исключено.

– Мощность равномерная, – сказал Сен-Винсент.

– Пучки коллимированы. Энергия – восемнадцать целых две десятых тераэлектрон-вольт.

Центр управления ожил. Форд уловил странный звук – отдаленное негромкое пение.

– Слышишь? – спросил Хазелиус. – Этот звук производят триллионы частиц, которые мчатся по «Изабелле». Вообще-то не очень понятно, почему они поют. Пучки находятся в полном вакууме. По-видимому, возникает вибрация, которая передается сильными магнитными полями.

Атмосфера становилась все более напряженной.

– Кен, увеличь мощность до девяноста девяти и на этом пока остановись, – попросил Хазелиус.

– Хорошо.

– Рей?

– Энергия – чуть больше девятнадцати и постоянно повышается.

– Харлан?

– Все в норме.

– Майкл?

– Без отклонений.

По центру раскатился громкий встревоженный голос Уордлоу:

– Незванный гость!

– Что? – Хазелиус замер. – Где?

– Возле ограды, в районе лифта. Сейчас увеличу изображение.

Хазелиус подскочил к охранному пункту, за ним следом подошел и Форд. На одном из экранов Уордлоу возникло изображение зеленоватого забора, за которым наблюдала камера, установленная на лифтовой башне. Вдоль ограды беспокойно расхаживал человек.

– Можно узнать, кто это такой?

Уордлоу щелкнул переключателем, и на экране высветилось более крупное изображение, передаваемое другой камерой, расположенной на заборе.

– Проповедник! – воскликнул Хазелиус.

– Я с ним разберусь. – Уордлоу поднялся.

– Нет, не стоит, – возразил Хазелиус.

– Но ведь он задумал незаконно проникнуть на территорию!

– Пусть попытается. Он безвреден. Попробует взобраться на ограду, тогда попросишь его убраться через громкоговоритель.

– Слушаюсь, сэр.

Хазелиус повернул голову:

– Кен?

– Удерживаемся на девяноста девяти.

– Что с суперкомпьютером, Рей?

– Пока порядок. Слежу за потоком частиц.

– Кен, добавь одну десятую.

Цветок на экране запылал, подрагивая и переливаясь всеми цветами радуги. Околдованный, Форд не мог отвести от него глаз.

– Появляются первые признаки резонанса, – сообщил Майкл Чеккини.

– Увеличим мощность еще на одну десятую, – сказал Хазелиус.

Цветок на мониторе исказился, краски стали более насыщенными. По бокам внезапно возникли красные лопасти, которые то расширялись, то опадали.

– Все системы продолжают работать, – сказал Сен-Винсент.

– Еще одну десятую, – произнес Хазелиус.

Чен ударила по клавиатуре.

– А у меня снова то же! Искривление пространства и времени в месте столкновения.

– Еще десятую, – негромко произнес Хазелиус.

– Вон она! – вскрикнула Чен.

– Видишь? – обратилась Кейт к Форду. – Черная точка там, где сталкиваются частицы.

Такое впечатление, что струя на миг исчезла и вновь вернулась в нашу Вселенную.

– Двадцать два и пять тераэлектрон-вольт. – Даже всегда невозмутимая Чен сидела как на иголках, едва сдерживая волнение.

– Девяносто девять и четыре, без изменений.

– Добавь еще одну десятую.

Цветок скрутился в спираль и стал разбрасывать во все стороны разноцветные пятна и полосы. Темная дыра в середине постепенно разрасталась, ее неровные края дрожали. По щеке Хазелиуса сползла капелька пота.

– Это источник заряженных частиц при двадцати двух и семи тераэлектрон-вольт, – сказала Кейт Мерсер.

– Еще одну десятую.

Дыра расширялась, странно пульсируя и напоминая бьющееся сердце. В самом центре она была черной, как непроглядная ночь. Форд смотрел в эту черноту будто загипнотизированный.

– Искривление усиливается, – сказала Чен.

Дыра поглотила большую часть экрана. Внезапно Форд увидел в ней движение, напоминавшее рябь на поверхности воды, когда на глубине проплывает рыба.

– Что с компьютером? – резко спросил Хазелиус.

– Помехи, – отозвалась Чен.

– Еще одну десятую, – сказал руководитель.

Помех стало больше. К равномерно нараставшему звуку добавилось шипение, похожее на змеиное.

– С компьютером странности, – напряженным голосом произнесла Чен.

– Какие?

– Взгляни.

К этому мгновению вся команда, за исключением Эдельштайна, который продолжал читать, стояла перед большим монитором. В черноте что-то материализовывалось, меняя форму и цвет, дрожа сильнее, приближаясь из глубины и принимая все более четкие очертания. Картинка казалась настолько странной, что Форд не мог сказать наверняка, верно ли его мозг воспринимает информацию.

Хазелиус рывком выдвинул полку с клавиатурой и быстро ввел какую-то команду.

– «Изабелла» не справляется с управлением пучков. Рей, отключи проверочные программы, чтобы облегчить ей задачу.

– Подождите, – сказал Долби. – Эти программы – наша предупреждающая система.

– Иными словами, всего лишь запасной вариант для запасного варианта. Рей, пожалуйста, сделай, что я говорю.

Чен ввела команду.

– Без толку, Грегори.

– Я поддерживаю Кена, – произнесла Кейт. – По-моему, надо включить проверку.

– Включим, но чуть погодя. Кен, добавь еще одну десятую.

Долби не двигался.

– Еще одну десятую, – повторил Хазелиус.

– Хорошо, – неуверенно ответил Долби.

– Харлан?

– Все чисто и на должном уровне.

– Рей?

– Опять! – воскликнула Чен исполненным отчаяния голосом. – Компьютер выходит из-под контроля, как у Волконского!

Помехи усиливались.

– Пучки по-прежнему коллимированы. Энергия – двадцать четыре и девять. Тут все в полном порядке, – сказал Чеккини.

– Девяносто девять и восемь, – сообщила Чен.

– Еще на одну десятую.

– Грегори, ты уверен?.. – произнес Долби непривычно напряженным голосом.

– Еще на одну десятую.

– Компьютер вырубается. Все, меня он больше не слушается. Опять двадцать пять!

– Это невозможно. Увеличь мощность еще на одну десятую!

– Почти девяносто девять и девять. – Голос Чен дрогнул.

Пение – хор голосов – звучало громче и громче и теперь напоминало Форду звук, издаваемый монолитом в фильме «Космическая одиссея 2001 года».

– Добавь еще пять сотых.

– Все! Он больше не воспринимает ни одной команды! – Чен в отчаянии так тряхнула волосами, что они взметнулись черным облаком.

Хазелиус, Чеккини, Чен и Сен-Винсент были словно прикованы каждый к своей клавиатуре. Изображение в центре экрана – глубокий трехмерный круговорот цвета – еще быстрее колебалось, выплевывало и вбирало в себя багряные стрелы.

Возникало чувство, что это живое существо.

– Господи, – невольно вырвалось у Форда. – Что это такое?

– Ничего, – невозмутимо произнес Эдельштайн, не отрывая глаз от книги.

Внезапно экран погас.

– О нет! Боже мой... нет, – простонал Хазелиус.

Посередине экрана возникла надпись: «Доброго здоровья!»

Хазелиус стукнул по клавиатуре:

– Сукин сын!

– Компьютер умер, – сказала Чен.

К ней повернулся Долби:

– Сбросим мощность! Рей! Сию секунду!

– Нет! – вскрикнул Хазелиус. – Наоборот, увеличим ее до ста процентов!

– Ты с ума сошел? – заорал Долби.

Хазелиус неожиданно успокоился.

– Кен, необходимо отыскать проклятую программу. Похоже, она автоматическая. И все время перемещается, а не сидит только в главном компьютере. Где она сейчас, черт возьми? В детекторы встроены микропроцессоры – программа разгуливает и по детекторам. Ее можно поймать. Давайте блокируем выход из каждого детектора и загоним ее в угол. Верно я говорю, Рей?

– Совершенно верно! Блестящая мысль.

– Ради Бога, – взмолился Долби. Его лицо сплошь покрывал пот. – Не теряйте разум! Если пучки деколлимируются, они прорвутся сюда, прикончат всех нас, не говоря уже о детекторах стоимостью двести пятьдесят миллионов долларов.

– Кейт? – позвал Хазелиус.

– Я согласна с любым твоим решением, Грегори.

– Увеличь мощность до ста процентов, Рей, – ровно произнес Хазелиус.

– Хорошо.

Долби рванул к клавиатуре, но Хазелиус успел преградить ему путь.

– Кен, послушай меня, – быстро проговорил он. – Если бы компьютеру угрожала серьезная опасность, то он окончательно сломался бы еще в первый раз. Но ведь программное обеспечение контроллера до сих пор работает, просто мы этого не видим. Дай мне десять минут, и я поймаю эту гадость.

– Исключено.

– Тогда пять минут. Пожалуйста. Это не сумасбродное решение. Мой заместитель согласна со мной, а за исход эксперимента в ответе мы вдвоем.

– За свою машину ответственность несу только я. – Долби, тяжело дыша, опалил гневным взглядом Хазелиуса и Мерсер, сжал кулаки и повернулся к своему блоку управления.

Хазелиус посмотрел на экран.

– Кейт? Давай попробуем то, что мы с тобой обсуждали. Введи какой-нибудь вопрос. Или любое слово. Посмотрим, можно ли эту заразу разговорить.

– Какой смысл? – спросил Долби. – Если даже она и ответит, все равно это всего лишь программа.

– Однако не исключено, что это поможет нам выйти на самую «логическую бомбу».

Долби удивленно раскрыл глаза.

– Рей, – сказал Хазелиус, – если этот номер пройдет, проследи за детекторами и попробуй уловить сигнал.

– Ладно. – Чен вскочила со стула, перешла на другую рабочую станцию и начала печатать.

Остальные стояли будто парализованные, словно оправляясь от сильнейшего потрясения. Даже Эдельштайн наконец-то отложил книгу и замер в ожидании. В его взгляде загорелось подобие любопытства.

Хазелиус и Долби продолжали спорить. Хазелиус преграждал собой доступ к пульта управления мощностью.

«Здравствуй», – впечатала Кейт.

Надпись на экране дрогнула и погасла. Тут вдруг возник ответ:

«Рад поговорить с тобой».

– Реагирует! – вскрикнула Кейт.

– Рей? Что-нибудь заметила? – воскликнул Хазелиус.

– Да, – взволнованно произнесла Чен. – Ты прав: сигнал идет от детектора. Продолжайте!

«И я рада с тобой пообщаться», – напечатала Кейт.

– Черт! Больше ничего не приходит в голову!

– Спроси, кто это, – подсказал Хазелиус.

«Ты кто?» – написала Кейт.

«За неимением иного слова я Бог».

Хазелиус пренебрежительно усмехнулся:

– Придурки-хакеры!

«Если ты в самом деле Бог, – напечатала Кейт, – докажи это».

«Для доказательств у нас мало времени».

«Я загадала число от нуля до десяти. Угадай его».

«Ты загадала трансцендентное число е».

Кейт сняла руки с клавиатуры и опустила в кресло.

– Рей? Ну что там? – спросил Хазелиус.

– Выхожу на след! Продолжайте разговор!

Кейт расправила плечи, наклонилась вперед и впечатала новое предложение:

«Теперь я загадала число между нулем и единицей».

«Число Чейтина: омега».

Мерсер резко вскочила с кресла и, прижимая руку ко рту, отошла на несколько шагов от клавиатуры.

– В чем дело? – спросил Форд.

– Печатайте дальше! – прокричала Чен, не расправляя ссутуленных плеч.

Кейт, бледная как полотно, отходила от компьютера все дальше и дальше.

– Почему остановились, черт побери?! – заорала Чен.

Хазелиус повернулся к Форду:

– Уайман, займи место Кейт.

Форд подошел к машине.

«Если ты Бог, то... – О чем следовало спросить? – Скажи, зачем существует Вселенная?» – быстро закончил он предложение.

«Точного ответа я не знаю».

– Скоро поймаю! – объявила Чен. – Не останавливайтесь!

«Замечательно, – написал Форд. – Бог, и не знает, в чем смысл всего!»

«Если бы я знал это, Вселенной было бы незачем существовать».

«Как это так?»

«Если бы в самом начале было известно, каков будет финал – если мы все были бы лишь составляющими некоего детерминистского ряда заданных условий, – то Вселенной не имело бы смысла возникнуть».

– Довольно, – произнес Долби низким угрожающим тоном. – Ваше время истекло. Верните мне «Изабеллу».

– Кен, нельзя останавливаться на полпути, – ответил Хазелиус.

Долби попытался обойти физика, но тот не дал ему такой возможности.

– Нет.

– Еще чуть-чуть! – завизжала Чен. – Подождите еще хотя бы минутку! Ради Бога!

– Нет! – рявкнул Долби. – Я сбрасываю мощность!

– Руководитель – я, – отрезал Хазелиус. – Уайман, продолжай!

«Объяснись», – быстро напечатал Форд.

«Если ты там, где хочешь быть, тогда зачем куда-либо ехать? Если знаешь ответ, незачем задавать вопрос. Вот почему будущее есть и должно быть загадкой, даже для Бога. В противном случае существование Вселенной не имело бы смысла».

«Это метафизический спор, а не разговор по существу», – заметил Форд.

«Если говорить по существу, ни одна составляющая Вселенной не в состоянии совершать расчеты быстрее, чем сама Вселенная. Она «предсказывает будущее» с той скоростью, какую способна развить».

Долби снова попытался обойти Хазелиуса, но тот резко подался в сторону, преграждая ему путь.

– Не останавливайтесь! Я почти у цели! – прокричала Чен, в безумном темпе набирая на клавиатуре последовательность команд.

«А что такое Вселенная? – спросил Форд, суматошно придумывая вопросы. – Кто мы? Что мы здесь делаем?»

Долби отшвырнул Хазелиуса в сторону и устремился к пульту управления. Физик, устояв на ногах, подскочил к инженеру сзади и с поразительной силой оттащил его прочь.

– Ты что, с ума сошел? – проревел Долби, пытаясь высвободиться. – Задумал угробить мою машину?

Завязалась борьба. Невысокий худощавый физик повис на широкой спине инженера как обезьяна. Оба повалились на пол, со страшным шумом опрокидывая стулья.

Остальные, пораженные стычкой, не знали, что делать.

– Чокнутый отморозок!.. – ревел Долби, катаясь по полу и пытаясь вырваться из цепких рук физика.

На экране визуализатора продолжали высвечиваться фразы «логической бомбы».

«Вселенная – неостановимый масштабный компьютерный процесс, что продвигается к состоянию, о котором мне ничего не ведомо. Ее конечная цель – достичь этого состояния. Оно для меня загадка. Так и должно быть, ведь если бы я что-то о нем знал, тогда ничто не имело бы смысла».

– Пусти! – завопил Долби.

– Кто-нибудь, да помогите же! – крикнул Хазелиус. – Не позволяйте ему приближаться к пульту!

«Что ты имеешь в виду под «компьютерным процессом»? – напечатал Форд. – По-твоему, мы все – составные части компьютера?»

«Я имею в виду раздумья. Все, что есть во Вселенной, все, что происходит – падающий лист, волна у берега, мерцание звезды, – просто мои раздумья».

– Есть! – победно воскликнула Чен. – Я... ой, подождите-ка... что за черт?..

«А о чем ты раздумываешь?» – спросил Форд.

Долби рывком высвободился и устремился к пульту управления.

– Нет! – завизжал Хазелиус. – Не выключай! Подожди!

Долби, тяжело дыша, сделал шаг назад.

– Мощность идет на спад.

Пение, заполнявшее собой центр, зазвучало тише, а экран перед Фордом замигал и надпись исчезла. В самом центре возникло диковинное изображение, но мгновение спустя монитор погас.

Хазелиус пожал плечами, отряхнулся, повернулся к Чен и спросил спокойным голосом:

– Рей? Ну что?

Чен смотрела на него.

– Рей? Ты обнаружила ее?

– Да, – ответила она. – Обнаружила.

– В каком процессоре?

– Ни в каком.

В центре воцарилась тишина.

– Как понять «ни в каком»?

– Ответы поступали из того места, где сталкиваются частицы. Из нулевой точки. Из «Си-Зеро».

– О чем ты?

– О том самом. Информация поступила из пространственно-временной дыры.

Форд, онемев от потрясения, разыскал глазами Кейт. Она, ужасно бледная, стояла одна в дальнем конце. Он быстро подошел к ней и спросил:

– Кейт? Как ты?

– Оно знало. Знало, – прошептала Мерсер и дрожащей рукой вцепилась в руку Форда.

Глава 27

Эдди, с полотенцем на плече и бритвенными принадлежностями в руке, вышел из трейлера и устоял на коробках с одеждой, которые привезли на этой неделе. После поездки на столовую гору он не мог уснуть и ночь напролет просидел за компьютером, болтая в христианских чатах.

Он набрал в таз холодной воды и умылся, стараясь взбодриться. В голове от недосыпания стоял гул.

Намылившись и побрившись, пастор ополоснул в тазу бритву и вылил воду в песок – сухая почва впитала воду, и на поверхности остались только клочки пены. Сцена внезапно напомнила ему кровь Лоренцо. Охваченный паническим страхом, он попытался отделаться от воспоминаний. Это Господь убил Лоренцо, не Эдди. Не по его вине парень ушел из жизни – по Божьей воле. А любое деяние Бога несет в себе глубокий смысл. Значит, и проект «Изабелла» с Хазелиусом существовали не зря.

Хазелиус. Эдди снова и снова проигрывал в воображении вчерашний разговор с физиком, то краснея, то бледнея. Руки пастора слегка дрожали. Он раздумывал о том, что еще мог сказать, поэтому его воображаемая отповедь раз от разу становилась все красноречивее и продолжительнее, а каждое слово переполнял праведный гнев. Хазелиус в присутствии своих подчиненных назвал пастора насекомым, бактерией. И только лишь потому, что он христианин. Физик воплощал в себе все самое скверное, чем страдала нынешняя Америка, он был первосвященником в храме безбожного гуманизма.

Взгляд Эдди скользнул на коробки, которые привезли позавчера. Теперь все миссионерские обязанности выполнял он один. Четверг считался «днем одежды», когда Эдди бесплатно раздавал индейцам дары благотворительных организаций. Их привозили согласно договоренностям, заключенным через Интернет с дюжиной церковью в Арканзасе и Техасе, которые собирали старые вещи для малоимущих индейских семей.

Вскрыв перочинным ножиком верхнюю коробку, Эдди принялся рассортировывать обноски и развешивать их по вешалкам или раскладывать по пластмассовым столикам, расставленным у сеного сарая. Утро было прохладное и свежее. Пастор старательно расправлял пиджаки, джинсы и прочее тряпье, вешал его или сворачивал. Залитая утренним светом пурпурная Ред-Меса возвышалась в отдалении. Мысли Эдди крутились вокруг Хазелиуса и их разговора. Господь продемонстрировал пастору праведную расправу с богохульником Лоренцо. Какую кару он уготовил Хазелиусу?

Эдди взглянул на зловеющий силуэт возвышавшейся вдаль горы и вспомнил мрак и безотрадность прошедшей ночи, гудение и потрескивание электропроводов, запах озона. Он ясно чувствовал там присутствие Сатаны.

На дороге показалось облако пыли. Эдди прищурился, ослепленный восходящим солнцем, моргнул и рассмотрел сквозь пыльную завесу пикап, подпрыгивающий на ухабистой дороге. Машина, содрогаясь, остановилась, и из нее вышли высокая индианка и два мальчика. Один держал в руках игрушечное оружие из «Звездных войн», другой – пластмассовый пистолет-пулемет «узи». Оба рванули к зарослям лебеды, увлеченно стреляя

друг в дружку. Эдди наблюдал за ними, вспоминая о сыне, который рос без отца, и в его душе разгорался гнев.

– Привет, пастор! – весело воскликнула женщина. – Как поживаете?

– Приветствую во Христе, Мьюриэл.

– Что у вас сегодня интересненького?

– Смотрите сами.

Мальчики засели по разные стороны зарослей и продолжали друг в друга стрелять.

На трейлере забренчал колокольчик, извещавший хозяина о том, что звонит телефон. Эдди понесся внутрь и суетливо вырыл аппарат из-под груды книг.

– Алло? – произнес он в трубку запыхавшимся голосом. Звонили ему крайне редко.

– Пастор Расс Эдди? – поинтересовался Дон Спейтс.

– Доброе утро, преподобный Спейтс! Да пребудет с вами Хрис...

– Мне хотелось бы знать, вывели ли вы что-нибудь новенькое, как пообещали.

– Да, преподобный. Вчера ночью я снова ездил на гору. В поселке и в домах не было ни души. Высоковольтные линии электропередачи громко гудели. У меня чуть волосы не встали дыбом.

– Seriously?

– А около полуночи слышался странный вибрирующий звук, нечто вроде пения. Он раздавался из-под земли. Это продолжалось минут десять.

– А за ограду вам удалось пробраться?

– Я... не осмелился.

Преподобный буркнул что-то неразборчивое. Последовало молчание. Эдди услышал шум подъезжающих к трейлеру машин, кто-то позвал его, но он не откликнулся.

– Послушайте, – наконец произнес Спейтс, – завтра в шесть вечера я выступаю на телевидении, в ток-шоу «Америка за круглым столом». У меня будет гость, физик из университета. Мне нужна свежая информация о проекте «Изабелла».

– Понимаю, преподобный.

– В общем, как я уже говорил, необходимо раздобыть какие-нибудь любопытные сведения. Вы мой человек на месте преступления. Самоубийство – лишь малая толика. Этого очень мало. Нужно вызнать что-нибудь такое, чтобы люди по-настоящему испугались. Чем они там занимаются, эти ученые? Отравляют воздух радиацией? Верны ли те слухи, о которых вы мне рассказывали? Может, не сегодня завтра Земля и впрямь взорвется?

– Не знаю...

– То-то и оно, Расс! Отправляйтесь туда еще раз и все разузнайте. Даже если придется нарушить закон, это лишь для того, чтобы защитить Закон Божий. В общем, я на вас рассчитываю.

– Благодарю вас, преподобный. Спасибо. Я все сделаю.

Закончив разговор, пастор Расс вернулся в яркий солнечный свет и прошел туда, где полдюжины прихожан – в основном одинокие мамы с детьми – рылись в кучах старой одежды. Эдди вскинул руки:

– Прошу прощения, но придется закруглиться. Кое-что случилось.

По кучке навахо прокатился ропот разочарования. Эдди и самому было ужасно неловко. Он прекрасно знал, что некоторые мамы приехали издалека, а бензин стоил недешево.

Когда все разошлись, он вывесил табличку, сообщая остальным, что «день одежды» отменяется, залез в пикап и взглянул на указатель уровня бензина. Бак был заполнен лишь на одну восьмую. Для поездки на гору и обратно топлива не хватало. Эдди достал бумажник и заглянул в него. Внутри лежало всего три доллара. На автозаправочных станциях в Блю-Гэпе и Раф-Роке он уже задолжал по паре сотен. Надеяться оставалось лишь на то, что ему продлят кредит в городишке Пиньон. Впрочем, в долг навахо давали весьма охотно.

Ехать к «Изабелле» днем не имело смысла – его могли заметить. Он решил, что отправится туда после захода солнца, поставит пикап за Накай-Роком, а сам попытается

что-нибудь вынюхать. Пока же можно было расспросить жителей Пиньона о самоубийстве ученого.

С губ пастора слетел глубокий вздох удовлетворения. Наконец-то Господь его заметил и призвал на помощь. Норту Хазелиусу, желчному богоненавистнику, следовало преподать урок.

Глава 28

Форд уютно устроился в кожаном кресле в столовой. На завтрак потихоньку подтягивались остальные, усталые и разбитые после тяжелой работы в Бункере. Лучи восходящего солнца заполняли зал ярким светом. Ученые опускались на стулья и рассеянно смотрели в пустоту. Последним пришел Хазелиус. Приблизившись к камину, он подбросил дров в разожженное пламя.

Поначалу сидели молча. Тишину нарушало лишь потрескивание огня. Наконец Хазелиус медленно поднялся на ноги, приковывая к себе взгляды всех остальных. Он крепко сжал бледные губы и посмотрел на собравшихся усталыми, покрасневшими глазами:

– У меня есть план.

Объявление встретили молчанием. В камине громко треснуло полено, и все испуганно вздрогнули.

– Завтра в полдень мы произведем очередной запуск, – продолжал Хазелиус, – на стопроцентной мощности. Пока не обнаружим программу, не вычислим ее код, мы ее рабы.

Кен Долби промокнул лицо носовым платком.

– Послушай, Грегори, ты чуть не уничтожил мою машину. Ничего подобного я больше не допущу, так и знай.

Хазелиус наклонил вперед голову.

– Кен, я прошу прощения. Знаю, порой я слишком настойчив, а ночью так просто взбесился от отчаяния как умалишенный. Пожалуйста, прости меня. – Он протянул руку.

После секундного колебания Долби пожал ее.

– Мир?

– Да, конечно, – ответил Долби. – Но я все равно не позволю еще раз запустить «Изабеллу» на полную мощность. Сначала надо найти и устранить хакерскую программу.

– А как прикажешь искать ее без запуска на стопроцентной мощности?

– Может, настало время во всем признаться, рассказать о наших проблемах Вашингтону. Пусть их решает кто-нибудь другой.

Последовало продолжительное молчание. Наконец Хазелиус спросил:

– У кого на этот счет другие соображения?

Мелисса Коркоран повернулась к Долби:

– Кен, но если мы во всем признаемся, на карьере придется поставить крест. Не знаю насчет всех остальных, однако лично я приняла возможность поработать над этим проектом как подарок судьбы. Взять и все перечеркнуть я, естественно, не желаю.

– Еще кто-нибудь хочет высказаться? – спросил Хазелиус.

Со стула поднялась Рей Чен. Ее миниатюрная хрупкая фигурка едва возвышалась над сидящими. Но само желание Чен обратиться к коллегам стоя добавляло веса ее выступлению. Она обвела присутствующих взглядом темных глаз.

– Я выросла на кухне китайского ресторана, в Калвер-Сити, штат Калифорния. Моя мать, чтобы выучить меня в колледже, а потом в аспирантуре, вкалывала так, что каждый день валилась с ног от усталости. Теперь она гордится мной, потому что я образованный и полноправный гражданин Соединенных Штатов. Теперь я здесь, и за нами наблюдает весь мир. – Ее голос дрогнул. – Я умру, прежде чем сдамся. Вот что я хотела сказать. Умру.

Она резко села.

Неловкое молчание нарушил Уордлоу:

– Я прекрасно знаю, чего ждать от министерства энергетики. Если мы расскажем

правду сейчас, нас обвинят в сокрытии и заведут уголовные дела.

– Уголовные дела? – переспросил Иннс, сидевший в дальнем конце зала. – Боже мой! Тони, только давай без нелепостей!

– Я говорю вполне серьезно.

– Ты паникерствуешь, вот как это называется! – Уверенный голос Иннса никак не соответствовал жуткой бледности его лица. Его взгляд перепрыгивал с одного коллеги на другого. – Впрочем, даже если не так, я всего лишь психолог. Докладывать о положении дел надлежало не мне.

– Да, но ты ведь прекрасно знал, что остальные скрывают правду, но ни слова не вымолвил. – Уордлоу прищурился. – Не теши себя напрасными иллюзиями. Ты понесешь наказание вместе со всеми.

Снова помолчали, слушая щебет птиц за окном.

– Кто-нибудь согласен с Кеном? – спросил наконец Хазелиус. – Кто еще считает, что пора сдать?

Никто не ответил. Долби огляделся вокруг.

– Задумайтесь, на какой риск мы идем! – вскрикнул он. – Мы погубим «Изабеллу»! Нельзя запускать ее и позволять работать вслепую!

– Все правильно, Кен, – согласился Хазелиус. – Я думал об этом, когда составлял свой план. Хотите узнать, в чем его суть?

– Да, разумеется. Но это не значит, что все его примут, – сказал Долби.

– Естественно. Как вам известно, все компьютеры «Изабеллы» подключены к трем сверхсовременным серверам «IBM p5 595», которые объединяются в локальную вычислительную сеть. С их помощью мы связываемся с внешним миром, отправляем и получаем электронные сообщения и так далее. Эти машины невообразимо мощные и могли бы заменить собой все компьютеры Пентагона. Я подумал, а не перенастроить ли их? – Хазелиус повернулся к Рей: – Это возможно?

– Думаю, да. – Чен взглянула на Эдельштайна: – Алан, как ты думаешь?

Тот медленно кивнул.

– А как вы предлагаете это сделать? – спросил Долби.

– Самая серьезная проблема – это программа безопасности, – сказала Чен. – Придется прервать все связи с наружным миром, включая стационарную и сотовую телефонию. Потом мы объединим все компьютеры и подключим их непосредственно к «Изабелле». Это нам вполне по силам.

– Но мы останемся вообще без средств связи!

– На то время, пока работает «Изабелла», – да. Если программное обеспечение «Изабеллы» обнаружит какую угодно связь с миром извне, оно тотчас вырубится из соображений безопасности, а отключить защитную систему невозможно.

– Кен?

Долби, барабанил по столу пальцами, нахмурился.

Хазелиус посмотрел на остальных:

– У кого какие соображения? – Его взгляд остановился на Кейт Мерсер, которая сидела с таким видом, будто обсуждение ее не касалось. – Кейт? Что ты обо всем этом думаешь?

Молчание.

– Кейт? Что с тобой?

– Оно знало, – едва слышно произнесла она.

В наступившем молчании раздался бойкий голос Коркоран:

– Наверняка все не так удивительно, как кажется. Скорее всего это программа вроде «Элизы». Кто-нибудь помнит «Элизу»?

– Ты имеешь в виду фортран-программу, созданную в восьмидесятые, с которой можно было общаться как с психоаналитиком? – спросил Чеккини.

– Ее самую, – подтвердила Коркоран. – На самом же деле тут все очень просто: «Элиза» выдает вопросы, основываясь на предыдущих фразах собеседника. Например,

говоришь ей: «Мать меня не любит». А она спрашивает: «А почему тебе кажется, что она тебя не любит?» И так до бесконечности.

– Я общалась не с «Элизой», – сказала Кейт. – Оно читало мои мысли.

– Да здесь же все просто как дважды два! – воскликнула Мелисса, высокомерно глядя на Кейт. – Хакер, который создал эту «логическую бомбу», прекрасно знает, что мы компания сумасшедших ученых, так? Ему известно, что мы мыслим не как все нормальные люди. То есть он мог предположить, что кто-то из нас задаст вопрос типа «Угадай, какое я задумал число». И сразу смекнул, что это будет не обязательно целое, даже не обязательно рациональное число, что всезнайка охватит все числа между нулем и десятью. А какое из них самое интересное? Конечно, либо π либо e . Если сравнить первое и второе, то e , само собой, более загадочное. – Очень довольная собой, Коркоран осмотрелась по сторонам.

– А во втором случае?

– Во втором все произошло по тому же сценарию. Какое число между нулем и единицей наиболее странное? Ответ прост: определенное, но не вычислимое число ω . Верно ведь, Алан?

Алан Эдельштайн кивнул.

Мелисса, сияя от радости, взглянула на Кейт:

– Вот видишь?

– Бред.

– По-твоему, мы что же, разговаривали с Богом?

– Не выделяйся! – раздраженно воскликнула Кейт. – Я говорю одно: оно знало.

– Послушайте, я не намерена охать и ахать, – произнесла Рей Чен, – но информация поступала прямо из места столкновения, это совершенно точно. Не из детектора и не с какого-либо жесткого диска, а именно из таинственного информационного облака, из пространственно-временного разрыва.

– Рей, – произнес Хазелиус, – ты же прекрасно понимаешь, что это невозможно.

– Это факт. Информационное облако посылало детекторам бинарные коды. К тому же оттуда поступало больше энергии, чем должно было. Расчеты вот здесь. – Чен придвинула к Хазелиусу папку.

– Невероятно. Такого быть не может.

– Что ж, в следующий раз занимайся этим сам. – Чен развела руками.

– Поэтому-то я и говорю, что надо повторить опыт, – заявил Хазелиус. – Но без паники, без каких-либо ограничений. Дадим Рей столько времени, сколько потребуется, чтобы она нашла настоящее местоположение проклятой «бомбы».

– Я все время был у третьего пульта и почти ничего не видел, – сказал Эдельштайн. – У кого-нибудь есть запись? Хотелось бы почитать, что выдавала эта программа.

– Какой в этом толк? – спросил Хазелиус.

Эдельштайн пожал плечами:

– Просто любопытно.

Хазелиус окинул коллег вопросительным взглядом:

– Кто-нибудь записывал «беседу»?

– У меня где-то есть, – пробормотала Чен. – Я сделала распечатку вместе со всеми остальными. – Она просмотрела листы в папке, вытянула один из них и передала Хазелиусу.

– Прочти вслух, – попросил Сен-Винсент. – Я тоже много чего пропустил.

– И я, – сказала Тибодо.

Остальные кивнули.

Хазелиус откашлялся и принялся отчетливо читать:

«Доброго здоровья!»

«Здравствуй».

«Рад поговорить с тобой».

«И я рада с тобой пообщаться».

«Ты кто?»

«За неимением иного слова я Бог».

Хазелиус поднял глаза.

– Вот выловим сукина сына, который забросил в нашу систему чертову «логическую бомбу», и я придушу его собственными руками.

Тибодо нервно засмеялась.

Хазелиус мгновение-другое помедлил и продолжил:

«Если ты в самом деле Бог, докажи это».

«Для доказательств у нас мало времени».

«Я загадала число от нуля до десяти. Угадай его».

«Ты загадала трансцендентное число е».

«Теперь я загадала число между нулем и единицей».

«Число Чейтина: омега».

«Если ты Бог, то... Скажи, зачем существует Вселенная?»

«Точного ответа я не знаю».

«Замечательно. Бог, и не знает, в чем смысл всего!»

«Если бы я знал это, Вселенной было бы незачем существовать».

«Как это так?»

«Если бы в самом начале было известно, каков будет финал – если мы все были бы лишь составляющими некоего детерминистского ряда заданных условий, – то Вселенной не имело бы смысла возникать».

«Объяснись».

«Если ты там, где хочешь быть, тогда зачем куда-либо ехать? Если знаешь ответ, незачем задавать вопрос. Вот почему будущее есть и должно быть загадкой, даже для Бога. В противном случае существование Вселенной не имело бы смысла».

«Это метафизический спор, а не разговор по существу».

«Если говорить по существу, ни одна составляющая Вселенной не может совершать расчеты быстрее, чем сама Вселенная. Она «предсказывает будущее» с той скоростью, какую способна развить».

«А что такое Вселенная? Кто мы? Что мы здесь делаем?»

«Вселенная – неостановимый масштабный компьютерный процесс, что продвигается к состоянию, о котором мне ничего не ведомо. Ее конечная цель – достичь этого состояния. Оно для меня загадка. Так и должно быть, ведь если бы я что-то о нем знал, тогда ничто не имело бы смысла».

«Что ты имеешь в виду под «компьютерным процессом»? По-твоему, мы все составные части компьютера?»

«Я имею в виду раздумья. Все, что есть во Вселенной, все, что происходит – падающий лист, волна у берега, мерцание звезды, – просто мои раздумья».

«А о чем ты раздумываешь?»

Хазелиус опустил листок.

– Все.

Эдельштайн пробормотал:

– Очень странно.

– Напоминает глупости «Нью-эйдж», рассчитанные на дешевый успех, – сказал Иннс. – *«Все... просто мои раздумья»!* Все это отдает инфантилизмом. А чего еще ожидать от малообразованного хакера-компьютерщика?

– Ты так думаешь? – спросил Эдельштайн.

– Разумеется.

– Но, позвольте отметить, программа прошла тест Тьюринга.

– Тест Тьюринга?

Эдельштайн взглянул на Иннса искоса:

– Наверняка ты о нем слышал.

– Прости, но я всего лишь психолог.

– Впервые об этом тесте написали именно в психологическом журнале «Майнд».
Лицо Иннса сделалось профессионально бесстрастным.
– Ты одержим идеей самоутверждения, Алан. Тебе стоит всерьез задуматься об этом.
– Тьюринг, – сказал Эдельштайн, – один из величайших гениев двадцатого века. Идея создать компьютер посетила его еще в тридцатые годы. Во время Второй мировой войны он расшифровывал сообщения немцев, закодированные шифровальной машиной «Энигма». Потом выяснилось, что он гомосексуалист, и его стали жестоко унижать. Тьюринг покончил с собой – съел отравленное яблоко.

Иннс нахмурился:

– Он явно страдал серьезным психическим расстройством.
– По-твоему, гомосексуализм – это психическое расстройство?
– Нет, конечно, нет, – быстро проговорил Иннс. – Я о том, как он ушел из жизни.
– Тьюринг спас Англию от нацистов – если бы не он, англичане проиграли бы войну. В знак благодарности соотечественники пустились над ним издеваться. В том положении, в котором он оказался... По-моему, его поступок вполне понятен. Что же касается того, каким образом он это сделал... Все случилось быстро, чисто и весьма символично.

Иннс покраснел.

– Может, вернемся к нашим проблемам, Алан? Думаю, они интересуют всех присутствующих гораздо больше, чем Тьюринг.

– Свой тест он создал, пытаясь найти ответ на вопрос, способна ли машина думать, – спокойно продолжал Эдельштайн. – Суть теста состояла вот в чем: экспериментатор вступает в письменный разговор с двумя скрытыми от него собеседниками – машиной и человеком. Если по прошествии продолжительного периода он не может определить, кто есть кто, значит, машина считается «разумной». С помощью теста Тьюринга традиционно и безошибочно определяют искусственный интеллект, интеллект компьютерных программ.

– Да, это все очень интересно, – сказал Иннс, – но какое это имеет отношение к нашим неприятностям?

– Искусственного интеллекта до сих пор не существует – им не обладают даже самые сверхсовременные компьютеры. По-моему, то, что хакерская программа прошла тест Тьюринга, – просто невероятно. К тому же с ней разговаривали не о чем-нибудь, а о Боге и смысле жизни. – Он кивнул на распечатку. – Одним словом, ничего инфантильного здесь нет. Совершенно ничего. – Скрестив руки на груди, он взглянул на коллег.

– Что еще раз подтверждает мои слова: надо произвести очередной запуск, – сказал Хазелиус. – Будем разговаривать с программой до тех пор, пока Рей не установит ее источник.

Все заерзали на стульях.

– Итак? – произнес Хазелиус. – Я сделал предложение. Мы его обсудили. Давайте проголосуем: стоит устраивать запуск и ловить «бомбу» или не стоит?

Ученые неуверенно закивали, послышались приглушенные одобрительные возгласы.

Форд сказал:

– Завтра тут народ соберется на демонстрацию протеста.

– Тянуть дальше некуда. – Хазелиус пытливо заглянул в глаза каждому. – Итак? Кто за, поднимите руки.

Одна за одной поднялись руки. Форд, помедлив, последовал примеру остальных. По-прежнему не одобрял план Хазелиуса только Долби.

– Без тебя нам не обойтись, Кең, – негромко сказал Хазелиус. – «Изабелла» – твоё детище.

Долби помолчал и выругался:

– Черт знает что такое! Ладно, я тоже за.

– Единогласно, – произнес Хазелиус. – В общем, завтра в полдень начинаем запуск. К полуночи разгонимся до полной мощности – и можем хоть до утра отслеживать «бомбу». А сейчас давайте-ка отдохнем.

Форд шел к дому, а в голове у него все звучала и звучала фраза Кейт: «Оно знало».

Глава 29

На полпути Уаймана окликнули. Невысокий проворный Хазелиус пересек лужайку и подошел к Форду.

– Наверняка события прошлой ночи произвели на тебя неизгладимое впечатление, – сказал физик.

– Верно.

– И что ты обо всем этом думаешь? – Хазелиус немного наклонил голову набок и бросил на собеседника косой взгляд. Форду показалось, его рассматривают под микроскопом.

– Думаю, что зря вы не сообщили о проблемах сразу. Избежали бы всей этой нервотрепки.

– Время вспять не повернешь! Знаешь, я даже рад, что Кейт ввела тебя в курс наших безрадостных дел. Было как-то совестно тебе лгать. Надеюсь, ты понимаешь, почему мы не открыли тебе тайну сразу?

Форд кивнул.

– Я знаю, ты обещал Кейт держать язык за зубами. – Хазелиус многозначительно замолчал.

Форд не осмелился что-либо говорить, так как не был уверен, что сможет блестяще соврать.

– Прогуляемся? – спросил Хазелиус. – Покажу тебе древние индейские развалины в долине, вокруг которых разгорелись споры. Заодно поболтаем.

Они прошли тополиную рощу и быстро поднялись по сухому руслу реки, что ответвлялось от Накай-Уош. У Форда после тревожной бессонной ночи ныли руки и ноги, кружилась голова. Скалы из песчаника по обе стороны русла постепенно сужались, на них отчетливо виднелись узоры, выточенные рекой в древних камнях. Над верхушками холмов скользил беркут. Размах его крыльев был в рост человека. Хазелиус с Фордом приостановились полюбоваться пернатым хищником. Беркут исчез из вида, а Хазелиус прикоснулся рукой к плечу Форда и указал вверх. Там, на высоте пятидесяти футов, в углублении каменной стены, виднелись развалины постройки, сооруженной индейцами анасази. К ним вела вырезанная в камне древняя тропа.

– В молодости, – негромко заговорил Хазелиус, – я был самонадеянным придурком и считал себя умнее всех на свете. Мне казалось, что я особенный, что достоин лучшей жизни, чем люди со средними умственными способностями. Во что я верил – не знаю. Впрочем, это совершенно не важно. Я шагал вперед, собирая доказательства своей несравненности: Нобель, Филдс, почетные звания, похвалы, мешки денег... Все вокруг казалось мне декорациями в фильме, где главную роль играю я. Потом мне встретилась Астрид.

Он помолчал. Они приближались к началу индейской тропы.

– Астрид была единственным человеком на земле, которого я по-настоящему любил. Она помогла мне узнать самого себя. Потом ее не стало. Цветущая и красивая, она умерла у меня на руках. Я почувствовал себя так, будто наступил конец света. – Он на миг умолк и добавил: – Тем, кто не переживал ничего подобного, это трудно понять.

– Я подобное пережил, – сказал Форд, не успев задуматься, стоит ли так откровенничать. Невыносимый холод утраты сдавил его сердце.

Хазелиус оперся рукой на камень.

– У тебя тоже умерла жена?

Форд кивнул, не понимая, зачем он рассказывает о своем горе Хазелиусу, если избегал затрагивать эту тему даже на приемах у психиатра.

– Как тебе удалось пережить такой удар?

– Мне не удалось. Я сбежал в монастырь.

Хазелиус заглянул Форду в глаза.

– Ты набожен?

– Гм... не знаю. После смерти жены я перестал верить во что бы то ни было. Мне нужно было понять, где я, что я и смогу ли снова обрести веру.

– И?..

– Чем больше я старался, тем меньше что-либо понимал. А потом вдруг меня осенило, что точных ответов я никогда не найду и что свято во что-либо верить никогда не стану. Вот я и успокоился.

– По-моему, рассудительный и интеллектуально развитый человек вообще не может быть в чем-либо полностью уверен, – сказал Хазелиус. – Даже в отсутствии веры, как, например, в моем случае. Кто знает? Может, Господь этого пастора Эдди и правда где-то существует? Мстительный, страдающий садизмом, одержимый геноцидными идеями, готовый сжечь всякого, кто не верит в него.

– А ты?.. – спросил Форд. – Как ты пережил смерть жены?

– Я решил, что должен что-нибудь подарить миру. Поскольку я физик, то придумал «Изабеллу». Моя жена любила повторять: если уж умнейший на свете человек не может выяснить, как так случилось, тогда кто же может? «Изабелла» – моя попытка ответить на вопросы, о которых ты говоришь. И на многие другие. Она в некотором смысле моя вера.

На освещенном солнцем камне грелась крошка ящерица. Где-то наверху кричал беркут, и его пронзительный крик раскатывался эхом по каменистым холмам.

– Уайман, – сказал Хазелиус, – если мы не поймем хакерскую программу, то проект погорит, нам всем придется проститься с работой, а американская наука отодвинется на громадный шаг назад. Ты ведь знаешь об этом?

Форд промолчал.

– Очень тебя прошу, пожалуйста, не разглашай нашу тайну до тех пор, пока мы не решим проблему. Под угрозой будущее нас всех – в том числе и Кейт.

Форд резко повернул голову.

– Я заметил, что между вами что-то есть, – сказал Хазелиус. – Что-то светлое. Даже, если можно так выразиться, священное.

«Если бы», – мелькнуло у Форда.

– Дай нам еще двое суток, и мы спасем проект. Умоляю.

«Знает ли этот необыкновенный человек, – задумался Форд, – или догадывается ли, зачем я приехал сюда на самом деле? Впечатление создается такое, что знает».

– Двое суток, – тихо повторил Хазелиус.

– Хорошо, – ответил Форд.

– Спасибо, – пробормотал Хазелиус хрипловатым от избытка чувств голосом. – Лезем наверх?

Форд последовал за Хазелиусом по ненадежной тропе. Дождь и ветер побили и истерли ступени, поэтому и ступать по ним, и держаться за их края было непросто. Забравшись к развалинам, Форд и Хазелиус приостановились перед входом, переводя дыхание.

– Взгляни-ка. – Хазелиус указал на то место, где обитатель древнего жилища разровнял наружный слой глиняной обмазки. Большая часть глины раскрошилась и истерлась от времени, но возле деревянной балки до сих пор сохранился тонкий слой штукатурки со следами ладоней. – Если приглядеться, видны отпечатки пальцев, – сказал Хазелиус. – Им тысяча лет. С другой же стороны, это все, что осталось от человека. – Он повернулся лицом к голубому горизонту. – Вот что такое смерть. Приходит день, и – раз... все исчезает: воспоминания, надежды, мечты, дом, любовь, имущество, деньги. Родственники и друзья поплачут, устроят похороны, поминки, и жизнь пойдет своим чередом. А ты становишься желтеющими фотографиями в альбоме. Потом умирают и те, кто тебя любили, потом те, кто любил их, и вот уже никто не помнит, что когда-то на земле был и ты. Видел в антикварных лавках дагеротипы девятнадцатого века? Портреты мужчин, женщин, детей... Никому больше не известно, кто они такие. И о человеке, который оставил эти отпечатки, мы не

знаем ровным счетом ничего. Он ушел, и все. Зачем тогда жил?

День становился все теплее, однако Форд, когда они спускались вниз, поеживался, как от холода, при мысли, что и он когда-нибудь умрет.

Глава 30

Вернувшись домой, Форд заперся изнутри, задвинул шторы, взял из шкафа портфель и открыл кодовый замок.

«Поспи, дурак, поспи, тебе говорят!» – требовал его организм. Форд, пытаясь не обращать внимания на смертельную усталость, достал из портфеля ноутбук и записку Волконского. Наконец выдалась первая возможность поразмыслить над ней. Уайман сел на кровать, прислонившись спиной к деревянной спинке, и положил ногу на ногу. Он поставил компьютер на колени, открыл хекс-редактор и ввел в машину последовательность букв и цифр шестнадцатеричного кода. Теперь с ним можно было поработать.

Что скрывалось за этими значками? Коротенькая компьютерная программа, текстовый файл, некое изображение, первые аккорды Пятой симфонии Бетховена? Или персональный код доступа? В таком случае никаких тайн раскрыть не удастся, ведь ноутбук Волконского забрали агенты ФБР.

Форд тряхнул головой, отложил компьютер и пошел на кухню сварить кофе. Он не спал почти двое суток.

Насыпая в фильтр последнюю ложку молотых зерен, он вдруг почувствовал приступ боли в желудке. Все это время он накачивал себя только кофе. Не включая кофеварки, он обследовал буфет, нашел в глубине упаковку зеленого чая, залил кипятком два пакетика, десять минут спустя вернулся в спальню с кружкой настоявшегося ароматного напитка и продолжил впечатывать код.

Ему хотелось побыстрее покончить с этим заданием и вздремнуть перед поездкой в Блэкхорс, где он планировал еще раз побеседовать с Бегеем перед демонстрацией. Однако его глаза, что без конца перемещались с экрана на листок и обратно, то и дело заволакивало пеленой. Форд невольно делал ошибки, но тут же их исправлял.

Спешить не следовало.

К десяти тридцати код был полностью в ноутбуке. Форд, старательно борясь с дремотой, откинулся на спинку кровати и еще раз сверил вереницу цифр и букв на экране с записью на листке. Все верно. Сохранив файл, он активировал модуль распознавания.

На экране возник двоичный файл – целый блок из нулей и единиц. Форд наклонился вперед, активировал модуль преобразования двоичных чисел и, к своему великому удивлению, увидел перед собой обычный текст.

«Кто бы ты ни был, поздравляю. Ха-ха! Интеллект у тебя развит чуть лучше, чем у обыкновенного человека-идиота.

Итак. Я сваливаю из этой психушки и еду домой. Сяду на свою тощую задницу перед телевизором с бутылочкой холодной водки и косячком и посмотрю передачу про то, как обезьяны в зоопарке колотят по решетке. Ха-ха! И, может, напишу длинное письмо тете Наташе.

Я знаю правду, придурок. Я сумел рассмотреть ее через безумие.

В качестве доказательства назову имя: Джо Блитц.

Ха-ха!

П. Волконский».

Форд дважды прочел записку и снова откинулся на спинку кровати. Сочинил это бессвязное послание человек, лишившийся рассудка. Что подразумевалось под «безумием»? Хакерская программа? Или сами ученые? Почему Волконский решил зашифровать свое письмо, а не написал его открытым текстом?

И кто такой Джо Блитц?

Форд открыл поисковую систему, ввел имя в строку поиска, получил миллион ссылок, просмотрел несколько первых и не нашел никаких взаимосвязей.

Достав из портфеля спутниковый телефон, он уставился на него, раздумывая о том, что Локвуда он уже ввел в заблуждение, вернее – солгал, а Хазелиус взял с него обещание не заикаться о «логической бомбе».

Все шло черт знает как. С чего он решил, что, проведя два года в монастыре, сможет спокойно вернуться к уловкам и вранью, какими благополучно пользовался в ЦРУ? Локвуду надлежало рассказать хотя бы о записке. Быть может, консультанту по науке известно, кто такой этот загадочный Джо Блитц. Форд набрал номер.

– От вас сутки не было вестей, – раздраженно произнес Локвуд, не трудясь приветствовать звонившего. – Чем вы там занимаетесь?

– Я нашел записку в доме Волконского. Подумал, вам будет интересно узнать, что в ней.

– А почему вы не упомянули о ней вчера?

– Это всего лишь разорванный пополам клочок бумаги с компьютерным кодом. Я не думал, что он представляет собой что-нибудь особенное. А сейчас расшифровал код.

– И что же в этой записке?

Форд прочел текст вслух.

– Кто такой Джо Блитц?

– Я надеялся, что вы знаете.

– Поручу своим людям навести справки. Равно как и о тете Наташе.

Форд медленно убрал телефон от уха. Поражало в письме еще кое-что: не укладывалось в голове, что его написал человек, собравшийся покончить с собой.

Глава 31

Немного вздремнув и подкрепившись поздним ленчем, Форд отправился в конюшню. Следовало немедленно решить один вопрос с Кейт, ведь она поступила с ним в высшей степени честно, а теперь пришло время и Уайману признаться ей во всем.

Кейт наполняла лошадиные поилки водой из шланга. Услышав шум, она повернула голову. Ее лицо, по-прежнему ужасно бледное от тревоги, было почти прозрачным.

– Спасибо, что вчера пришла мне на помощь, – сказал Форд. – И прости, что из-за меня ты оказалась в столь щекотливом положении.

Кейт покачала головой:

– Не стоит. Я рада, что теперь мне нечего от тебя скрывать.

Форд стоял на пороге, собирая в кулак все свое мужество, чтобы открыть ей свою тайну. «Она не поймет, – подсказывал ему внутренний голос. – Разозлится. Расскажу ей чуть позже, когда поедem в Блэкхорс».

– Из-за Мелиссы все думают, будто мы с тобой спим. – Кейт взглянула на него. – Она невыносима. Сначала не давала прохода Иннсу. Потом Долби, теперь ей подавай тебя. Жаждет секса, вот в чем ее беда. – На ее губах мелькнуло подобие улыбки. – Может, вы, ребята, бросите жребий и поможете ей?

– Нет, спасибо. – Форд сел на тюк. В конюшне царила прохлада, перед глазами плавали пылинки. Снова играли «Блонди».

– Уайман, прости, что с самого начала я вела себя не очень-то дружелюбно. Я рада, что ты здесь. Просто неприятно вспоминать, как мы расстались.

– Да уж, расстались мы весьма неприглядно.

– Может, потому что были молодыми и глупыми. Лично я с тех пор очень повзрослела. Серьезно – очень.

Форд мог себе представить, сколько боли ей пришлось перетерпеть, и досадовал, что прочел ее досье.

– Я тоже повзрослел.

Кейт приподняла руки и тут же безвольно опустила.

– И вот мы оба тут. Опять встретились.

Она, стоя в пыльной конюшне, с соломинками в волосах, немыслимо красивая, смотрела на него исполненным надежды взглядом.

– Прокатимся? – спросил Форд. – Мне надо повидаться с Бегеем.

– Да, но... у меня столько дел...

– Вдвоем беседовать с навахо гораздо проще.

Кейт убрала с лица прядь волос, посмотрела на Форда долгим испытующим взглядом и наконец ответила:

– Хорошо.

Они оседлали лошадей и направились на юго-запад, туда, где на краю долины возвышались каменистые холмы. Кейт скакала немного впереди, уверенно держась в седле, ритмично покачиваясь и наводя Форда на неуместные мысли. Ее голову покрывала старая австралийская ковбойская шляпа, черные волосы трепал ветер.

«Боже! Как же ей все рассказать?» – мучительно раздумывал Форд.

Они приблизились к краю горы, к тому месту, где начиналась Полуночная тропа. Форд нагнал Кейт, и они остановились. Кейт беспокойным взглядом всматривалась в горизонт. Снизу резкими порывами налетал ветер, принося с собой невидимое облако пыли. Форд выплюнул песок, набившийся в рот, и сел поудобнее.

– Ты до сих пор размышляешь о том, что случилось прошлой ночью? – спросил он.

– Никак не могу отделаться от этих мыслей. Как оно могло знать, какие числа я задумала?

– Понятия не имею.

Кейт смотрела на бескрайнюю красную пустыню, простиравшуюся до синих гор, и на бескрайнее небо, затянутое тучами.

– Взглянешь на это все и запросто поверишь в Бога. – Она поправила волосы и грустно улыбнулась. – Я к тому... Кто знает? Может, мы и правда разговаривали с ним?

Форд не верил своим ушам. «Куда подевалась убежденная атеистка, какой ее знали в университете? Где она была и что переживала в те два года?» – опять задумался он.

Глава 32

Букер Кроули взял в рот сигару «Черчилль», окинул беглым взглядом бильярдный стол, уверенным движением ударил по шару и разбил пирамиду.

– Неплохо, – сказал его партнер по игре.

Шар закатился в лузу.

Сквозь шеренгу узких окон внутрь вливался отражавшийся от реки солнечный свет. Был четверг, приятное утро в клубе «Потомак». Большинство его членов в этот час работали. Работал и Кроули – во всяком случае, так он называл ублажение потенциального клиента, который желал, чтобы правительство выделило двадцать миллионов долларов на строительство моста к его острову близ мыса Гаттерас. Такой мост обещал сторицей окупить его затраты на приобретение этой недвижимости. А Кроули мог в два счета обстрять это дело. Младший сенатор штата Северная Каролина после совместной поездки в Сент-Эндрюс за счет Кроули считался его должником. На этого парня можно было положиться. Словом, от Кроули требовалось лишь сделать телефонный звонок – и получай вознаграждение. Если уж на Аляске построили мост почти в никуда, почему бы не обзавестись таким же и в Северной Каролине?

Владелец острова готовился ударить по шару. Он происходил из особой группы южан с многосоставными именами и римскими цифрами после фамилии. Звали его Сэффорд Монтагю Макгарт III. Высокий светловолосый стройный потомок шотландско-ирландских переселенцев был образцовым представителем аристократии южных штатов. Иначе говоря,

был глуп, точно корова под дождем. Сам Макгарт считал себя умным, как Вашингтон, со стороны же казался обычным деревенщиной. Кроули подозревал, что, когда речь пойдет о сумме вознаграждения, Макгарт затеет жаркий спор. Он производил впечатление человека, который не уходит с переговоров, пока не вымотает из партнера всю душу. В противном случае у него не встанет.

– Как поживает сенатор Стратем? – спросил Макгарт таким тоном, будто когда-то водил со старым чертом дружбу.

– Замечательно. Просто замечательно. – Кроули не сомневался, что старик совсем выжил из ума и его приходится кормить с ложечки. С сенатором Стратемом Кроули в жизни не сотрудничал; он просто выкупил у него фирму, «Стратем и компания», когда старик подал в отставку. Кроули сразу приобрел респектабельность и некую связь с добрыми старыми временами, что помогло ему выделиться среди множества прочих лоббистов, коих после последних выборов развелось на Кей-стрит точно грибов после дождя.

Шар, на который нацелился Макгарт, ударил в угол, отскочил к лузе и покатился дальше по зеленому сукну. Макгарт поджал губы и выпрямился.

Кроули мог обставить его с закрытыми глазами, но не намеревался этого делать. Следовало выдержать в том же духе до самого конца, а потом проиграть, чтобы Макгарт захмелел от внезапной победы. Вот тогда-то и наступит время заключить с ним сделку.

На этот раз Кроули промахнулся, дабы исход партии показался правдоподобным.

– Еще бы чуть-чуть, – заметил Макгарт. Затянувшись сигарой, он положил ее в мраморную пепельницу, наклонился, прицелился и ударил по шару. Очевидно, он считал себя отменным игроком в пул, однако снукер требовал большей аккуратности. Впрочем, в этот раз промазать было трудно. Шар закатился в лузу.

– Ого! – воскликнул Кроули. – С вами, того и гляди, продуеть, Сэффорд.

В зал вошел служащий с серебряным подносом, на котором белела записка.

– Мистер Кроули?

Кроули изящным жестом взял свернутый листок. «Верно поступают управляющие клубом, – с едва заметной улыбкой подумал он. – Как в старые добрые времена, держат на побегушках черных и велят им разносить записки на серебре. Будто и не было никакой гражданской войны! Получать новости так куда приятнее, чем из трезвонящего сотового телефона».

– Прошу прощения, Сэффорд.

Кроули развернул записку. На листке чернела пара строк: «Делберт Яззи, вождь «страны навахо», 11:35. Пожалуйста, перезвоните. Срочно». Далее шел номер.

Обхаживая потенциального клиента, Кроули любил показать, что у него есть по крайней мере еще один, которого он ценил выше. Как только клиент втемяшивает себе в голову, что он главнее всех на свете, то тут же начинает тебя презирать.

– Еще раз простите, Сэффорд, но мне срочно нужно перезвонить. А вы пока закажите для нас картины.

Он поспешно удалился в одну из старинных телефонных будок, расставленных на каждом этаже, закрыл дверь и набрал номер. Делберт Яззи ответил незамедлительно.

– Мистер Букер Кроули? – Глухой голос чуть дрожал, будто собеседник находился за тридевять земель.

– Как поживаете, мистер Яззи? – Кроули говорил дружелюбно, но вместе с тем сдержанно.

Непродолжительное молчание.

– По-моему, произошло нечто непредвиденное... Вы слышали о проповеднике Доне Т. Спейтсе?

– Конечно, слышал.

– Из-за его последней проповеди тут такое поднялось! Наши люди в панике. Вы наверняка знаете, что на территории «страны навахо» ведется активная миссионерская деятельность. Насколько я понимаю, и в Вашингтоне могут возникнуть серьезные проблемы.

– Да, – ответил Кроули. – Вы правильно понимаете.
– Мне кажется, проекту «Изабелла» грозит серьезная опасность.
– Разумеется. – В груди Кроули поднималась волна торжества. Он позвонил Спейтсу меньше недели назад. Похоже, дела стремительно шли в гору.

– Что же нам теперь делать?

Кроули выдержал длинную паузу.

– Не знаю, смогу ли я вам помочь. Мне показалось, что вы в наших услугах больше не нуждаетесь.

– Но ведь наш договор истекает только через полтора месяца. Мы заплатили вам до первого ноября.

– Мистер Яззи, мы не агентство недвижимости. В Вашингтоне свои порядки. Мне очень жаль. Премного сожалею, но наше сотрудничество по проекту «Изабелла» подходит к концу.

Из трубки послышался треск, потом шипение.

– Если «страна навахо» лишится правительственных выплат за «Изабеллу», это будет для нас настоящим ударом.

Кроули молчал, но не прерывал связь.

– Мне сообщили, что завтра вечером Спейтс вновь выступит на телевидении с речью о проекте, – продолжал Яззи. – Ходят слухи и о том, что ученые столкнулись с серьезными проблемами. Один из них покончил жизнь самоубийством. Мистер Кроули, я побеседую с советом племени и хотел бы продлить с вами договор. Похоже, мы действительно нуждаемся в вашей помощи.

– Мне очень жаль, мистер Яззи, но ваше место занял новый клиент. Простите, однако, если позволите напомнить... я предупреждал вас о том, что получится именно так. Весьма сожалею – и чисто по-человечески, и в профессиональном смысле, – но, увы... ничем не могу помочь. Свяжитесь с какой-нибудь другой фирмой. Если хотите, я порекомендую вам проверенных людей.

Трубка издавала странные звуки. Сквозь шум помех Кроули различал чей-то еще разговор. «Боже! Какой телефонной системой они там пользуются? – недоумевал он. – Наверное, телеграфными линиями, протянутыми еще Китом Карсоном!»

– Да, но... если мы обратимся в другую фирму, им потребуется слишком много времени, чтобы разобраться, что к чему. Мы хотим продолжать работать с «Кроули и Стратем». Нам нужны вы.

«Нам нужны вы», – волшебной музыкой звучало в ушах Кроули.

– Простите, мистер Яззи. Эта работа требует слишком много времени и массу усилий. А у нас все расписано по минутам. Чтобы вернуться к прежнему... Не знаю. Придется нанимать новых сотрудников, может, даже арендовать новые помещения.

– Мы бы с радостью...

– Мистер Яззи, – перебил его Кроули, – мне в самом деле безмерно жаль, но у меня сейчас крайне важная встреча. Может, перезвоните мне в понедельник, во второй половине дня, скажем, в четыре по восточному времени? Честное слово, мне хочется вам помочь. Обещаю, я серьезно подумаю об этом. Завтра же посмотрю шоу этого Спейтса. И вам, и совету племени настоятельно рекомендую его послушать. Надо знать, с чем именно нам предстоит бороться. Побеседуем в понедельник.

Он вышел из кабинки, зажег потухшую сигару и сделал глубокую затяжку. От сладкого аромата, будто от волшебных духов, слегка кружилась голова. Совет племени перед телевизорами – вот так потеха! Только бы Спейтс в этот раз не подкачал.

Кроули вплыл в бильярдный зал в облаке сигарного дыма, чувствуя себя на седьмом небе. Сэффорд, согнувшись над столом, изучал каждый угол. Кроули почувствовал приступ раздражения. Тянуть резину и продолжать строить глазки тупице не имело особого смысла.

Следующий ход был за Кроули. Макгарт по глупости расположил шары так, что только помог противнику.

Через пять минут игра закончилась. Сэффорд с треском продул.

– Что ж, мне наука! – Макгарт взял бокал с мартини и робко улыбнулся. – В следующий раз я дважды подумаю, прежде чем соглашусь играть с вами в бильярд. – Он выдавил ненатуральный смешок и продолжил совсем другим тоном: – А теперь давайте поговорим о деньгах. О сумме, которую вы указали в письме, не может быть и речи. Мы просто-напросто не располагаем такими средствами. И потом, если начистоту, работа того не стоит.

Кроули уложил кий на стойку, швырнул окурок сигары в цветочный горшок, прошел мимо бокала с мартини, даже не взглянув на него, и бросил через плечо:

– Простите, Сэффорд, но я вынужден отменить ленч с вами. Возникли непредвиденные дела.

Только теперь он посмотрел на потенциального клиента. Тот стоял с кием, мартини, сигарой – словом, весь из себя, – но с таким выражением лица, будто только что получил подзатыльник.

– Если передумаете насчет суммы, позвоните мне, – добавил Кроули, уходя.

Да, этой ночью у Сэффорда Монтагю Макгарта III явно не встанет.

Глава 33

Спустившись со столовой горы, Кейт и Форд направились в Блэкхорс. На полпути Уайман услышал лошадиное ржание и остановил Бэлью.

Из зарослей тамариска послышался топот копыт, а спустя мгновение-другое показался всадник – детектив Биа. Лейтенант племенной полиции остановился и в знак приветствия взялся за край фуражки.

– Решили прокатиться? – спросил он.

– Мы едем в Блэкхорс, – сказал Форд.

Биа улыбнулся:

– Вполне подходящий день для прогулки верхом. Не слишком жарко, и ветерок обдувает. – Он взялся за луку. – Наверняка держите путь к Нельсону Бегею?

– К нему, – ответил Форд.

– Хороший он человек, – сказал Биа. – Если бы я думал, что во время завтрашней демонстрации возникнут проблемы, то предложил бы вам услуги племенной полиции. Однако думаю, мы там ни к чему. Только помешаем.

– Согласен. – Уайман обрадовался, что имеет дело со столь прозорливым стражем порядка.

– Пусть поступают как задумали. Я за ними присмотрю, но осторожно.

– Спасибо.

Биа кивнул и наклонился вперед.

– Раз уж мы встретились, можно задать вам парочку вопросов?

– Конечно, – ответил Форд.

– Этот Петр Волконский... он со всеми ладил?

– Практически со всеми, – сказала Кейт.

– Может, с кем-нибудь все же ругался? Или был в чем-то не согласен?

– Петр был немного нервный, но мы старались не обращать на это внимания.

– А его работа играла важную роль?

– Он был одним из ключевых специалистов.

Биа поправил фуражку.

– Немного странно. Человек вдруг наспех собирает чемодан и отправляется в путь. Девять вечера, взошла луна. Через десять минут он сворачивает с дороги, проезжает четверть мили по пустынной местности, приближается к глубокому оврагу, дергает аварийный тормоз, глушит мотор, ставит рычаг переключения передач в нейтральное положение. Потом приставляет к виску пистолет правой рукой, левой отпускает тормоз, выстреливает – и

машина летит на дно оврага.

Он помолчал. Его глаза скрывала тень от козырька.

– По-вашему, все случилось именно так? – спросила Кейт.

– Так считают люди из ФБР.

– Но вы в эту версию не верите, – предположил Форд.

Биа пристально взглянул на собеседника:

– А вы?

– Меня немного озадачивает то, что Волконский, когда стрелял, съехал в овраг, – заметил Форд. Он подумал про записку. Не следовало ли рассказать о ней Биа? Нет, надлежало сначала дождаться вестей от Локвуда.

– А мне кажется, что в этом нет ничего особенного.

– Вас смущает чемодан с вещами?

– И это для самоубийцы вполне характерно. Из жизни нередко уходят во внезапном порыве отчаяния.

– Так что же вас удивляет?

– Мистер Форд, а откуда вы узнали, что там, в овраге, машина?

– Увидел на асфальте свежие следы шин и примятую полынь на поле. Еще заметил канюков.

– Но самого оврага вы не видели?

– Нет.

– С дороги его и не заметишь, как ни приглядывайся, – я проверял. Откуда же Волконский узнал, что там овраг?

– Ну... он был на грани срыва. Свернул с дороги, неожиданно решив уйти из жизни, увидел на пути овраг и подумал, мол, брошусь в него, чтобы уж наверняка. – Форду и самому это казалось неубедительным. Интересно, что о них думает Биа.

– Именно так рассуждают в ФБР.

– Но не вы.

Биа выпрямился и снова дотронулся до края фуражки.

– Еще увидимся.

– Подождите! – воскликнула Кейт.

Биа взглянул на нее.

– По-вашему, его убил кто-то из нас? – спросила она.

Лейтенант смахнул с брюк сухую веточку.

– Скажем так: если Волконский не сам ушел из жизни, значит, его очень искусно убрали.

С этими словами он в третий раз взялся за край фуражки, легонько ударил ногами по бокам лошади и поехал вперед.

«Уордлю», – подумал Форд.

Глава 34

Блэкхорс казался еще непригляднее, чем когда Форд увидел его впервые: несколько жалких пыльных трейлеров между столовой горой и низкими желтыми холмами. В воздухе пахло болиголовом. На площадке, где в прошлый раз играла ребятня, поскрипывали на ветру качели. Форд задумался о том, в какую школу ходят здешние дети. Возможно, ездят в Блю-Гэп, за тридцать миль отсюда.

При мысли, что кто-то взрослеет в этом забытом Богом местечке, брала тоска. С другой стороны, было в невзрачных поселениях навахо нечто притягательное. Индейцы, в отличие от других, не стремились нажить как можно больше добра. Даже их жилища поражали скудостью.

Форд и Кейт отправились к загонам, где Нельсон Бегей подковывал гнедого жеребца, привязанного к столбу. Стук молота разносился по всей округе.

Увидев гостей, Бегей с грохотом отложил инструмент и выпрямился.

Форд и Кейт спешили и привязали лошадей к ограде загона. Форд в знак приветствия поднял руку. Бегей жестом поманил их к себе.

– Познакомьтесь: доктор Кейт Мерсер, заместитель руководителя проекта «Изабелла».

Бегей, глядя на Кейт, приподнял шляпу. Кейт подошла и пожала ему руку.

– Вы физик? – спросил навахо, с сомнением рассматривая Кейт.

– Да.

Бегей удивленно приподнял бровь, повернулся к гостям спиной, уперся плечом в бок лошади, поднял ее заднюю ногу и стал примерять подкову к копыту. Потом вновь положил подкову на наковальню и несколько раз ударил по ней молотом.

Форд молча наблюдал за работой индейца. Кейт же сказала его клетчато-синей спине:

– Мы приехали побеседовать с вами.

– Ну беседуйте.

– Хотелось бы смотреть вам в глаза, а не в затылок.

Бегей бросил подкову и выпрямился.

– Знаете что, мэм? Я вас не звал и сейчас занят!

– Я вам не мэм. У меня есть степень – кандидат наук.

Бегей кашлянул, отложил инструменты и с бесстрастным выражением лица повернулся к непрошеным гостям.

– Так и будем стоять на жаре? – спросила Кейт. – Или вы все же пригласите нас на чашечку кофе?

Во взгляде Бегея промелькнуло раздражение, смешанное с весельем.

– Ладно, пойдемте.

Форд снова очутился в бедно обставленной гостиной с фотографиями на стене. Бегей стал разливать кофе, а Кейт и Форд сели на коричневый диван. Сам хозяин, покончив с хлопотами, опустился в сломанное кресло.

– Женщины-ученые все такие?

– Какие?

– Как вы. И как моя бабушка. Ответа «нет» для нее не существует. И для вас тоже, верно? А вы, случайно, не из наших?.. – Он подался вперед, вглядываясь в лицо Кейт.

– Я наполовину японка.

– Ага. – Бегей откинулся на спинку кресла. – Все понятно.

Форд молчал, ожидая, что Кейт начнет разговор. Она всегда умела найти верный подход к людям, как, например, сейчас, с Бегеем. Форду было любопытно, как она продолжит обрабатывать индейца.

– Меня всегда занимал вопрос: что конкретно означает слово «знахарь»? – произнесла Кейт.

– Это что-то вроде врача.

– Серьезно?

– Я провожу разного рода церемонии, лечу людей.

– Какие церемонии?

Бегей не ответил.

– Простите, если я чересчур любопытничаю, – сказала Кейт, одаривая индейца обезоруживающей улыбкой. – В каком-то смысле это моя работа.

– Ну, раз вы спрашиваете не из праздного любопытства, тогда я не против. Я провожу «Путь благодати», «Путь врага» и «Путь падающей звезды».

– А для чего все эти церемонии?

Бегей что-то проворчал себе под нос, сделал глоток кофе и вновь откинулся на спинку кресла.

– «Путь благодати» вновь наполняет жизнь человека красотой и гармонией – после проблем с алкоголем, наркотиками или после тюремного заключения. «Путь врага» – для воинов, вернувшихся с войны. Эта церемония снимает следы убийств. Если кого-либо

убиваешь, частица зла остается с тобой, даже если это происходит во время войны, где стрелять в людей разрешено – вернее, необходимо. Если не провести эту церемонию, зло мало-помалу сожрет тебя.

– Наши врачи называют это посттравматическим стрессовым расстройством.

– Да, – сказал Бегей. – Возьмем, например, моего племянника, Лоренцо, который служил в Ираке... Прежним ему уже никогда не стать.

– «Путь врага» помогает отделаться от ПТСР?

– В большинстве случаев.

– Очень, очень интересно. А «Путь падающей звезды»?

– Об этой церемонии мы не распространяемся, – сказал Бегей.

– А для человека со стороны, не навахо, вы могли бы провести церемонию?

– Имеете в виду для вас?

Кейт засмеялась:

– «Путь благодати» мне бы очень пригодился.

Бегей взглянул на нее с обидой:

– Не думайте, будто все это очень просто. Во-первых, к церемонии надо серьезно подготовиться. Во-вторых, чтобы она подействовала, необходимо в нее верить. Многие Bilagaana не способны принимать на веру то, чего они не могут увидеть или пощупать. Другие, например последователи «Нью-эйдж», просто не любят долгих приготовлений. Очищение в парной, пост, воздержание от половых связей – все это не для них. Однако, если потребуется, я проведу церемонию и для Bilagaana. Цвет кожи для меня не имеет значения.

– Да нет, не подумайте, что я смотрю на это свысока или насмешливо, – сказала Кейт. – Просто... вот уже долгое время раздумываю, зачем все это. То, что мы тут делаем...

Бегей кивнул:

– Не только вы над этим раздумываете.

После продолжительного молчания Кейт произнесла:

– Спасибо, что обо всем рассказали.

Бегей сложил руки на коленях.

– В нашей культуре высоко ценится обмен информацией. Я поведал вам о своей работе, теперь хотелось бы послушать о вашей. По словам мистера Форда, при помощи «Изабеллы» вы исследуете нечто под названием «Большой Взрыв»?

– Совершенно верно.

– Я долго размышлял об этом. Скажите, если Вселенная возникла после Большого Взрыва, что же было до него?

– Никто не знает. Многие физики полагают, что не было ничего. По сути, не существовало и никакого «до него». Бытие возникло непосредственно с Большого Взрыва.

Бегей присвистнул.

– Чем же тогда был вызван этот Взрыв?

– Очень сложно объяснить это не физику.

– А вы попробуйте.

– Согласно квантовой механике, те или иные явления могут происходить сами собой, без каких-либо предпосылок.

– Иными словами, вам эти предпосылки неизвестны.

– Нет, их может вообще не быть. Внезапное происхождение Вселенной не нарушает никаких законов, не противостоит и не противоречит науке. До Взрыва не было совершенно ничего. Ни пространства, ни времени, ни жизни. Потом вдруг все перевернулось, и возникло бытие.

Бегей посмотрел на Кейт изумленным взглядом и покачал головой.

– Вы рассуждаете, как мой племянник Лоренцо. Он умный парень, выиграл стипендию и бесплатно учился в Колумбийском университете, на математическом отделении. Но там испортился. Весь этот мир Bilagaana совершенно заморочил ему голову. В итоге его исключили, он поехал в Ирак, отслужил там и теперь не верит ни во что. В прямом смысле –

ни во что. Метет себе крохотную церковь и получает за это жалкие гроши. Точнее, мел, пока не сбежал.

– Вы обвиняете в этом науку? – спросила Кейт.

Бегей покачал головой:

– Нет, я ее не виню. Просто ваши рассуждения о том, что мир возник из ничего, напомнили мне о бреднях, которые выдает Лоренцо. Как мироздание могло возникнуть ни с того ни с сего?

– Попробую объяснить. Стивен Хокинг предположил, что до Большого Взрыва времени не существовало. А без времени ничто не может существовать. Хокинг сумел математически продемонстрировать, что небытие тоже обладает неким пространственным потенциалом и что при определенных необычных условиях пространство может превратиться во время и наоборот. Если же ничтожно малая часть пространства преобразовалась во время, то вполне вероятен Большой Взрыв, ибо появилась возможность движения, предпосылок, последствий, энергии. Для нас Большой Взрыв представляется взрывом пространства, времени и материи. Однако есть в этой теории и нестыковка. Если попытаться заглянуть в самую первую долю мгновения, убеждаешься в том, что это вовсе не начало всего. Кажется, что время существовало всегда. Словом, предположение о Большом Взрыве содержит в себе противоречие: с одной стороны, утверждает, будто время возникло в определенный момент, с другой – будто у него нет начала. То есть будто время вечно. И то и другое верно. Как только всерьез задумываешься над этим, становится ясно, что когда-то между бесконечностью и мгновением не было разницы. В общем, если время проникло в бытие, значит, оно существовало всегда. Периода без времени просто не было.

Бегей тряхнул головой:

– Это же чистой воды бред.

В убогой гостиной воцарилось неловкое молчание.

– А у навахо есть миф о сотворении Вселенной? – наконец спросила Кейт.

– Да, Dine Bahane. Сказание это нигде не записано, его передают из уст в уста. Чтобы его рассказать, а точнее, пропеть от начала до конца, требуется девять ночей. В этом и заключается ритуал «Путь благодати». Вдобавок это сказание исцеляет больных.

– Вы знаете его наизусть?

– Конечно. Мне передал его родной дядька. На обучение ушло пять лет.

– А я примерно столько училась на кандидата, – пробормотала Кейт.

Бегею это сравнение явно польстило.

– Не споете нам хотя бы несколько строк?

– «Путь благодати» не поют впустую, – сказал Бегей.

– По-моему, наш разговор отнюдь не пустой.

Индеец внимательно посмотрел на Кейт:

– Да, наверное.

Он закрыл глаза и высоким вибрирующим голосом завел мелодию, основанную на пентатонической шкале. Непривычный звукоязык и язык навахо – знакомы были только отдельные слова – всколыхнули в душе Уаймана тоску по чему-то неопределимому, но желанному.

Минут через пять Бегей замолчал. В его глазах стояли слезы.

– Это самое начало, – спокойно произнес он. – Более прекрасных стихов не сочинял никто и никогда. Во всяком случае, на мой взгляд.

– А перевести их для нас вы не могли бы? – попросила Кейт.

– Ох, лучше не просите. Ну да ладно... – Бегей глубоко вздохнул.

Он раздумывает об этом, раздумывает.

Давным-давно он об этом раздумывает.

О том, как возникнет мрак, он раздумывает.

О том, как возникнет Земля, он раздумывает.

О том, как возникнут голубые небеса, он раздумывает.
О том, как возникнет желтый рассвет, он раздумывает.
О том, как возникнут вечерние сумерки, он раздумывает.
О росах на мхах в ночной тьме он раздумывает, и о лошадях
он раздумывает.
О порядке он раздумывает, о красоте он раздумывает.
О том, как все умножится и ничто не убавится, он
раздумывает.

Бегей на миг умолк.
– На английском звучит неважно, но перевод примерно такой.
– Кто этот «он»? – спросила Кейт.
– Творец.
Кейт улыбнулась:
– Тогда ответьте на такой вопрос, мистер Бегей: кто создал самого Творца?
Бегей пожал плечами:
– Об этом легенды не рассказывают.
– Что же было до него?
– Кто знает?
– Получается, что наши с вами мифы творения не вполне совершенны.
Тишину нарушил плеск воды, бегущей в раковину. Бегей поднялся и, прихрамывая,
пошел на кухню закрутить кран.
– Беседа была увлекательная, – сказал он, вернувшись. – Однако за окном реальная
жизнь. А в этой жизни – конь, которому нужны новые подковы.
Они вышли на яркий солнечный свет и направились к загону. Форд сказал:
– Мы хотели предупредить вас, мистер Бегей: на завтра у нас запланирован очередной
запуск «Изабеллы». Группа ученых спустится под землю, так что встречу вас я один.
– Мы не в гости к вам приедем.
– Просто не хочется, чтобы вы подумали, будто мы относимся к вам без должного
уважения.
Бегей ласково похлопал по лошадиному боку.
– Послушайте, мистер Форд, у нас свои планы. Мы собираемся провести кое-какие
церемонии, побеседовать с землей. Беспорядков учинять не станем. Если явится полиция, мы
удалимся без сопротивления и шума.
– Полиция не явится, – сказал Форд.
На лице Бегея отразилось разочарование.
– Не явится?
– Хотите, чтобы мы ее вызвали? – шутливо спросил Форд.
Бегей улыбнулся:
– А я уж навоображал: арестуют, посадят! – Он отвернулся от собеседников, одной
рукой поднял лошадиную ногу и стал с помощью специального ножа чистить копыто. –
Ну-ну, мой мальчик. Спокойно, спокойно.
Форд посмотрел на Кейт и решил: «На обратном пути все ей расскажу».

Глава 35

Форд и Кейт забрались на гору. Солнце опустилось так низко, что казалось, на
горизонте горит костер. Они спокойно двинулись вперед. Форд в сотый раз прокручивал в
уме, какими словами расскажет Кейт все, что должен, но до сих пор молчал. Времени
оставалось не так много. Если протянуть еще чуть-чуть, они вернутся на базу и удобная
возможность ускользнет.

– Кейт? – окликнул он и подъехал поближе к ней.

Кейт оглянулась.

– Знаешь, я попросил тебя сопровождать меня не только затем, чтобы было проще беседовать с Бегеом...

Кейт с подозрением сощурилась. Ее волосы блестели на солнце как черное золото.

– Сдается мне, твои слова меня не порадуют.

– Я приехал сюда отчасти в качестве антрополога, а отчасти в качестве кое-кого еще.

– Почему я не догадалась об этом сразу? Что ж... И в чем заключается суть вашей миссии, господин секретный агент?

– Меня прислали... чтобы я выяснил, как тут обстоят дела.

– Иными словами, ты шпион.

Форд глубоко вздохнул.

– Да.

– Хазелиус в курсе?

– Об этом не знает никто.

– Все ясно... Ты прикинулся моим другом, чтобы раздобыть информацию.

– Кейт...

– Нет, погоди-ка... Все еще непригляднее: тебя наняли в надежде, что ты сможешь меня очаровать и в два счета разговорить.

Кейт, как обычно, поняла все прежде, чем Форд попытался что-либо объяснить.

– Когда я согласился взяться за это дело, я не признавал, что...

– Не признавал чего? Что я такая дура?

– Нет... что могут возникнуть осложнения.

Кейт остановила лошадь и уставилась на Форда:

– Осложнения? Что ты имеешь в виду?

У него вспыхнуло лицо. Почему жизнь вдруг стала казаться ему столь невыносимой? Что было отвечать?

Кейт тряхнула головой и убрала прядь волос со щеки.

– Ты до сих пор в ЦРУ, правильно?

– Нет. Я ушел оттуда три года назад, когда моя жена... моя жена... – Форд не смог договорить.

– Да, как же. Ушел! Значит, ты уже открыл им нашу тайну? Да?

– Нет.

– Врешь. Естественно, ты все рассказал. Я доверяла тебе, поручилась за тебя, а ты... Теперь нам всем хана.

– Я ничего никому не рассказал.

– Так я тебе и поверила! – Кейт легонько ударила пятками по лошадиным бокам.

– Кейт, прошу, выслушай меня... – Бэлью пустился вскачь. Форд, крепко держась одной рукой за луку, подпрыгивал в седле.

Кейт еще раз прищипорила лошадь.

– Оставь меня в покое!

Бэлью тоже прибавил скорости, хоть его об этом и не просили. Форд сильнее вцепился в луку. Его трясло, как лоскутную куклу.

– Кейт, пожалуйста... Остановись. Нам надо поговорить...

Кейт перешла на галоп, и Бэлью снова припустил, догоняя лошадь. По округе разлетался стук копыт. Форд, не на шутку перепуганный, держался за седло изо всех сил.

– Кейт! – Вожжи выскользнули у него из рук. Уайман попытался их поймать, но они упали под ноги Бэлью. Конь запнулся, и Форд слетел на травяной ковер.

Уайман пришел в себя, увидел над собой небо и не понял, что произошло. Перед ним возникло лицо Кейт. Теперь на ней не было шляпы, ее волосы бились на ветру, а во взгляде горела тревога.

– Боже мой! Ты жив?

Форд втянул воздух в легкие, закашлялся и попытался сесть.

– Нет-нет. Полежи, – пробормотала Кейт.

Уайман почувствовал что-то мягкое под головой и сообразил, что это шляпа Кейт. Мало-помалу мельтешащие перед его глазами звездочки исчезли, а память прояснилась.

– Боже мой, Уайман... На миг мне показалось, что ты умер.

Форд никак не мог собраться с мыслями. Он вдыхал и выдыхал, но воздуха не хватало. Кейт сняла перчатку и потрепала его по щеке прохладной рукой.

– Где болит? Переломов нет? Ой! Кровь... – Кейт сдернула с головы платок и прижала его ко лбу Форда.

– Помоги мне сесть, – попросил он, чувствуя, что туман в голове рассеивается.

– Нет, лежи спокойно. – Кейт плотнее прижала платок к его лбу. – Ты ударился головой. Наверное, у тебя сотрясение.

– Вряд ли, – простонал Форд. – Представляю, как нелепо я смотрелся со стороны. Слетел с лошади, как мешок с картошкой.

– Просто у тебя в этом деле маловато опыта. Это я во всем виновата. Не следовало мне вот так убегать. Но, знаешь, иной раз ты доводишь меня до бешенства.

Пульсация в голове Уаймана постепенно стихала.

– Я никому не выдал вашу тайну. И не собираюсь этого делать.

Кейт недоверчиво взглянула на него:

– Почему? Тебя ведь наняли именно для этого?

– Плевать мне, для чего меня наняли.

Кейт положила руку ему на грудь.

– Полежи еще чуть-чуть. Получше отдохни.

Форд успокоился.

– Мне в любом случае придется снова взбираться на коня.

– Бэлью поскакал к конюшне. Ничего страшного, все рано или поздно падают с лошади.

Кейт провела рукой по щеке Форда. Он полежал еще с минуту и медленно приподнялся на локте.

– Глупо получилось.

Кейт взглянула на него:

– Ты что-то упомянул про жену. Я... не знала, что у тебя семья.

– Была.

– Наверняка нелегко это – быть женой агента ЦРУ.

– Мы не развелись, – быстро проговорил Форд. – Она погибла.

Кейт прижала руку к губам.

– О... прости. А я, глупая...

– Не извиняйся. Мы оба были агентами, работали в одной команде. Ее убило в Камбодже. В машину заложили взрывное устройство.

– О Господи... Уайман... Какой ужас!

Форд думал, что он не сможет ей об этом рассказать, но все получилось само собой.

– Я уволился из ЦРУ и уехал в монастырь. Мне нужно было что-то найти – наверное, веру в Бога. Но она так и не пришла. Поэтому монахом я не стал, вернулся к мирской жизни и, чтобы не умереть с голоду, открыл частное агентство. Мне предложили это дело. Браться за него не следовало. Вот и все.

– На кого ты работаешь? На Локвуда?

Форд кивнул:

– Он прекрасно понимает, что вы темните, и поручил мне разузнать вашу тайну. По его словам, через два дня вам переключат кислород.

– Боже! – Кейт снова приложила к лицу Форда прохладную руку.

– Прости, что я лгал тебе. Если бы я сообразил, во что ввязываюсь, плюнул бы на это задание, и дело с концом. И потом... я ведь не думал, что... – Его голос стих.

– Что?

Форд не ответил.

– Что? – Кейт наклонилась к нему, и Форду на лицо упала ее тень. Он почувствовал свежий запах ее дыхания.

– Что снова влюблюсь в тебя, – слетело с его губ.

Где-то вдалеке, в сгущавшихся сумерках, ухнула сова.

– Ты это серьезно? – спросила Кейт после долгого молчания.

Форд кивнул. Кейт медленно наклонилась над ним, но не коснулась его губ, а изумленно вгляделась в его лицо.

– Когда мы встречались, ты никогда не говорил мне ничего подобного.

– Правда?

Кейт покачала головой:

– Слово «любовь» было тебе будто незнакомо. Почему же, по-твоему, мы расстались?

Форд моргнул.

– Неужели поэтому? – «А я считал, из-за того, что я пошел в ЦРУ», – подумал он.

– Я решила, что не смогу так жить.

– Тогда, может... попробуем снова?

Она смотрела на него, окруженная со всех сторон закатным золотом. Никогда в жизни он не видел ее такой красивой.

– Да.

Она поцеловала его – медленно, наслаждаясь каждым мгновением. Форд наклонился вперед, отвечая на поцелуй, но Кейт легонько оттолкнула его.

– Почти стемнело. А нам еще идти и идти. К тому же...

– Что?

Кейт взглянула на него с улыбкой на губах.

– Ничего. – Она еще раз поцеловала его, потом еще и еще, прижимаясь к нему мягкой теплой грудью. Рука Кейт скользнула вниз и принялась медленно расстегивать пуговицы его рубашки, потом ремень брюк. Поцелуи становились все глубже и нежнее, и казалось, ее губы навек сливаются с его губами. Вокруг сгущались сумерки.

Глава 36

Пастор Расс Эдди не без труда съехал с дороги и направился к невысокому холму, за которым можно было спрятать пикап. Ночь была ясная: светила почти полная луна, мерцали серебристые звезды. Пикап подпрыгивал и грохотал на голой каменистой почве, надоедливо дребезжал задний бампер. «Надо попросить инструменты у кого-нибудь в Блю-Гэпе: если не закрепить бампер, он и вовсе отвалится», – раздумывал Эдди, стыдясь, что все время берет у навахо займы то одно, то другое, да и за бензин не платит. Однако его утешала мысль, что он несет этим людям величайшее благо – спасение. Те, кто хотел, принимали его.

Целый день Эдди не мог отделаться от мыслей о Хазелиусе. Чем дольше он слушал слова физика, проигрывая их в уме снова и снова, тем больше вспоминалось стихов из Первого послания Иоанна: «...Вы слышали, что придет Антихрист... Это Антихрист, отвергающий Отца и Сына... Это дух Антихриста, о котором вы слышали...»

Перед глазами возник Лоренцо, распростертый на земле, и сгустки теплой крови, не желавшие впитываться в песок. Эдди моргнул. Почему эти ужасные картинки до сих пор всюду преследовали его? Пастор застонал и попытался прогнать видение. Он завел пикап за холм, так, чтобы его не увидели с дороги, и заглушил мотор. Эдди поставил машину на ручной тормоз, вышел и обложил колеса камнями, потом спрятал в карман ключи, глубоко вздохнул и направился к дороге. Луна светила так ярко, что не требовалось ни ламп, ни фонарика.

Никогда прежде Эдди не чувствовал себя настолько значимым. Господь призвал его, и он ответил: «Да». Все, что случилось раньше, все нескончаемые жизненные перипетии, оказывается, были лишь прелюдией. Господь испытывал его, и Эдди выдержал все

испытания. История с Лоренцо поставила точку в череде проверок. Умертвив индейца на глазах пастора, Бог предупредил его о том, что грядет нечто важное. Крайне важное.

И в Пиньон несколькими часами ранее Эдди направил не иначе как сам Господь. Там пастору бесплатно наполнили бак, а какой-то турист, спросив дорогу во Флагстафф, отблагодарил его десятидолларовой купюрой. Потом работник автозаправки поведал ему, что, по мнению Биа, ученый с «Изабеллы» не сам ушел из жизни, а стал жертвой убийцы. Убийцы!

Где-то вдалеке взвыл койот. Ему ответил второй. Их крики звучали словно вопли проклятых. Эдди осторожно спустился по тропе в долину Накай. Справа от него, точно горбатый демон, темнел Накай-Рок. Поселение внизу горело желтыми огнями. Старая фактория смотрела во тьму квадратами света.

Пастор, держась холмов и прячась в тенях тополей, бесшумно двинулся к фактории. Что он ищет и как это узнает, он еще не знал, но не сомневался: настанет час, и Господь пошлет ему знак, укажет верный путь.

В ночном воздухе дрожали звуки фортепиано. Эдди спустился вниз, пересек рощицу, бегом пробежал по траве и прижался к стене фактории. Сквозь старые балки и штукатурку до него донеслись приглушенные голоса. Пастор с предельной осторожностью подкрался к окну и заглянул внутрь. Ученые сидели за столом, пили кофе и разговаривали на повышенных тонах, будто споря. Хазелиус играл на фортепиано.

Увидев основного кандидата в Антихристы, Эдди почувствовал приступ страха и гнева. Он затаился под окном и вслушался в беседу, но Хазелиус играл так громко, что ничего разобрать не удавалось. Вдруг сквозь оконные стекла, фортепианную мелодию и осенний воздух до него донеслось единственное слово: «Бог».

То же самое произнес и кто-то другой.

Бог.

Хлопнула сетчатая дверь, послышались удаляющиеся за угол голоса: один высокий и напряженный, второй негромкий, настороженный. С бешено бьющимся сердцем пастор придвинулся поближе и затаил дыхание.

– ...Хотел спросить тебя с глазу на глаз, Тони... – Человек заговорил тише, и Эдди не расслышал окончания фразы, но подкрасться ближе не осмелился.

– Не ученые здесь только ты и я...

Собеседники вошли в тень деревьев, и их разговор стал совсем невнятным. Две темные фигуры застыли на тропе. Пастор выждал, собираясь с духом, пронесся через открытое пространство, нырнул в рощу и вдавился в шишковатый ствол дерева.

Его лицо обдало ветерком. «Должно быть, это Святой Дух, – решил он, – доносит до меня куски беседы».

– ...О возбуждении уголовных дел, но ведь я не имею никакого отношения к «Изабелле».

– Это самообман, – ответил низкий голос. – Ты понесешь такую же ответственность, как и все остальные.

– Я всего лишь психолог.

– Но правду скрывал вместе со всеми...

Скрывал правду? Эдди тихо перебежал к другому дереву.

– ...Как так вышло, что мы по уши погрязли в этой путанице? – спросил более высокий голос.

Что ответил низкий, Эдди не услышал.

– Но ведь это немыслимо: чертов компьютер заявляет, будто он Бог! Как в фантастическом романе, честное слово!

Ответ прозвучал слишком тихо. Эдди так старательно напрягал слух, что почти не дышал. Собеседники приближались к домам, в которых горел свет. Эдди следовал за ними как паук, а ветер доносил до него лишь обрывки фраз.

– ...Бог в проклятой машине... Волконский съехал в овраг... – произнес высокий голос.

– ...Разглагольствовать – только терять время... – ворчливо ответил низкий.

Разговор продолжился еще тише. Эдди ничего не слышал, и ему казалось, что он вот-вот сойдет с ума от напряжения. Психолог и его собеседник остановились под фонарем в конце подъездной дорожки. Эдди набрался смелости и подкрался ближе. Более высокий из собеседников выглядел раздраженным и как будто хотел избавиться от второго. Голоса зазвучали отчетливее.

– ...Выдает такие вещи, которые в уста Бога никто никогда не вкладывал. Все это – чистой воды бредни «Нью-эйдж». «Все, что есть во Вселенной, все, что происходит, – это мои раздумья». Где это слыхано? Странно, что на эту дешевую удочку попался Эдельштайн. Впрочем, он же математик. Ему положено быть со странностями. Нормальные люди не держат в доме гремучих змей... – Человек с высоким голосом говорил все громче, будто боялся, что собеседник вот-вот махнет на него рукой.

Крупный мужчина повернулся, и Эдди узнал в нем охранника.

Он тихо сказал что-то вроде «Пройдусь, проверю окрестности, и на боковую». Собеседники пожали друг другу руки. Психолог направился к своему дому, а охранник внимательно посмотрел в одну сторону, потом туда, где высились тополя, по-видимому, решая, откуда начинать проверку.

«О Господи!» Сердце Эдди неистово забилося, в висках оглушительно пульсировала кровь. На его счастье, охранник двинулся в противоположную сторону. Эдди, стараясь не ступить на ветки под ногами, устремился через рощу к темной тропе, что вела из долины.

Он выехал на Дагвей и издал ребяческий победный вопль. Ему удалось раздобыть именно то, что требовалось преподобному Спейтсу. В Виргинии была глубокая ночь, однако Эдди намеревался разбудить Спейтса и немедленно сообщить ему все новости. По такому случаю преподобный будет только рад прервать сон. Конечно же, будет рад.

Глава 37

В пятницу утром Нельсон Бегей стоял у входа в здание правления и наблюдал за наездниками, которые явились самыми первыми. Пыль, поднятая копытами, кружила тут и там золотистыми облаками. Всадники, позвякивая шпорами, разгружали и переседывали лошадей. Конь Бегея, Холод, полностью готовый к поездке на гору, стоял в тени единственного в округе живого кедра и жевал траву. В том, что засохли почти все хвойные деревья, Бегей с удовольствием обвинил бы Bilagaana, однако не мог поспорить с телевизионщиками, которые заявляли в выпусках новостей, что кедры погубила засуха да жуки-короеды.

К Бегею подошла Мария Атситти.

– Неплохо, – заметила она, окидывая взглядом собравшихся.

– Даже лучше, чем я думал. Поедешь с нами?

Атситти засмеялась:

– Вы готовы пустить в ход любой трюк, лишь бы увести меня с рабочего места.

– Где твоя лошадь?

– Ты что, с ума сошел? Я на машине.

Бегей снова взглянул на демонстрантов. Их лошади в основном были неказистые, неподкованные и тощие, и лишь три – две кобылы с ранчо и арабский скакун – радовали глаз. Сцена напомнила Бегею дом дяди Сильверса, который научил племянника проводить «Путь благодати» и вместе с тем был великолепным наездником. Он принимал участие в родео в Санта-Фе и Амарилло до тех пор, пока не повредил спину. Сильверс держал лошадей, на которых катались дети. В ту пору Бегей и научился уверенно сидеть в седле, тогда же познал и массу других тонкостей верховой езды.

Он покачал головой. Казалось, с тех времен минула целая вечность. Сильверс давно не было в живых, старые традиции отмирали, а нынешние дети не умели ни ездить верхом, ни говорить на родном языке. Дядя Сильверс с трудом уговорил Бегея изучить церемонию

«Путь благодати».

Сегодняшняя демонстрация была не только протестом против проекта «Изабелла», но и средством возвращения к той жизни, которую навахо так быстро утрачивали, напоминанием о традициях, о языке, о земле, доказательством того, что судьба племени в их собственных руках.

Перед зданием правления остановился древний пикап с прикрепленным к нему непомерно большим фургоном для скота. Из кабины с гиканьем выпрыгнул высокий тощий парень в рубашке с отрезанными рукавами. Он вскинул костлявую руку, еще раз радостно выкрикнул и пошел выводить лошадь.

– А вот и Уилли Бесенти, – заметила Атситти.

– Без Уилли никуда.

Уже оседланный жеребец Уилли вышел на тропу. Бесенти привязал его к кронштейну крепления.

– Он рвется в бой, – сказала Атситти.

– Вижу.

– Тебя это не пугает?

Бегей на мгновение-другое задумался. Уилли был заводным, но добрым и, когда не пил, чертовски выносливым. Пьянствовать во время демонстрации строго запрещалось – Бегей намеревался настоять на соблюдении этого требования.

– Да пусть едет, если хочется.

– Не дай Бог, натворит дел, – пробормотала Мария.

– Не натворит. Вчера я разговаривал с парочкой ученых. Никто не собирается поднимать шум.

– Ты с кем из них беседовал? – поинтересовалась Атситти.

– С Фордом – ну, он еще называет себя антропологом – и с женщиной по фамилии Мерсер, заместителем руководителя.

Атситти кивнула:

– Я с ними тоже разговаривала.

Проходящая мимо жительница Блю-Гэпа спросила:

– А вы уверены, что стоит затевать эту демонстрацию?

– Вот устроим, тогда и поймем, стоит или не стоит. Верно?

Глава 38

Кен Долби взглянул на часы: шесть вечера. Он повернулся к экрану – температура неисправного магнита оставалась почти прежней и была вполне допустимой. «Изабелла» работала должным образом. Мощность подняли до восьмидесяти процентов.

На дворе стоял прекрасный для запуска вечер. Когда «Изабелла» потребляла такое огромное количество энергии, любая, даже самая незначительная помеха – разряд молнии, перегоревший трансформатор, провисшие провода на линии электропередачи – могла вызвать сбой. Сегодня же погода радовала – нигде по всему юго-западу не предвиделось ни гроз, ни сильного ветра.

Долби казалось, что именно сегодня решатся все их проблемы и «Изабелла» покажет себя во всей красе.

– Кен, прибавь до восьмидесяти пяти, – попросил Хазелиус. Он сидел посередине центра в своем кожаном кресле.

Сен-Винсент, который следил за потоками энергии, вскинул руки с поднятыми большими пальцами и подмигнул.

– Понял.

Мощный энерготок создавал почти не ощутимую вибрацию. Пучки протонов и антипротонов, что на немыслимой скорости циркулировали в противоположных направлениях, еще не сталкивались друг с другом. Для этого следовало увеличить мощность

до девяноста процентов, а потом, шаг за шагом, дойти и до ста.

Стрелки измерительных приборов послушно остановились на восьмидесяти пяти.

– Чудесный день для запуска, – отметил Сен-Винсент.

Долби кивнул и в который раз порадовался, что именно Сен-Винсент контролирует потоки энергии. Этот спокойный, приятный, немногословный человек делал свое дело с четкостью и терпеливостью дирижера симфонического оркестра.

– Восемьдесят пять процентов, – сообщил Долби.

– Алан? Как оборудование? – осведомился Хазелиус.

– Все в порядке.

Хазелиус в сотый раз обошел центр управления, задавая вопросы то одному, то другому ученому. Запуск шел как по нотам.

Долби осмотрел приборы. Все работало на «отлично». Выбивался из общей картины лишь теплый магнит, но теплым его называли лишь потому, что его температура поднималась на три сотых выше нормы.

«Изабелла» подстраивалась под новую мощность, а Рей Чен регулировала состояние пучков. Долби обвел коллег беглым взглядом и задумался о том, какую блестящую команду подобрал для себя Хазелиус. Например, Эдельштайн, как догадывался Долби, был едва ли не гениальнее самого Хазелиуса, однако ум математика отличался некоторыми странностями. Алан производил немного жутковатое впечатление, а его мозг казался почти инопланетным разумом. Устрашала и страсть Эдельштайна к гремучим змеям. Людей с более чудными увлечениями Долби никогда не встречал. Коркоран походила на киноактрису Дэррил Ханна. Сам Долби никогда не любил высоченных и язвительных женщин, но мысль о том, что для ученого Коркоран слишком красива и слишком блондиниста, не раз приходила ему в голову. Словом, группа была исключительная. Прекрасно вписывался в нее даже робот Чеккини, который производил впечатление полусумасшедшего. Удивлял бестолковостью один Иннс. Нет, он был неплохой малый и явно старался, но проку от него не было почти никакого. Почему Хазелиус принимал самого психолога и его дурацкие беседы со всей серьезностью? Наверняка он притворялся, выполняя распоряжения министерства энергетики. Впрочем, возможно, увлечение теорией и безразличие к практическим результатам свойственно всем психологам. Иннс, казалось, подмечает каждую мелочь, но ничего не понимает. Он напоминал Долби приятеля матери, которым она обзавелась после смерти отца: шофер-дальнобойщик корчил из себя специалиста в области популярной психологии.

Рей Чен поражала блистательным умом и совершенно этим не кичилась. Долби от кого-то слышал, что в детстве она была чемпионкой по скейтбордингу. Рей Чен вела себя раскрепощенно и отличалась легким, веселым и сговорчивым характером. Создавалось впечатление, что для нее не существует никаких проблем. Может, так оно и было. Понять азиатов не так-то просто. В любом случае Долби с удовольствием закрутил бы с ней роман. Он посмотрел на нее. Рей низко склоняла голову над столом, и ее волосы свисали черным водопадом. Долби представил ее обнаженной...

В его мечты вклинился голос Хазелиуса:

– Пожалуй, самое время перейти на девяносто, Кен.

– Конечно.

– Алан? Как только «Изабелла» перестроится на новую мощность, займись компьютерами, всеми тремя.

Эдельштайн кивнул.

Долби сдвинул ручки настройки и проследил за реакцией «Изабеллы». Да, этот вечер был особенный. Казалось, все события его жизни происходили для того, чтобы он дожился до сегодняшнего дня. С увеличением мощности вибрация усилилась: казалось, энергией пропитана вся гора. Она урчала, как «бентли». Боже! До чего ему же была дорога эта машина! Его машина.

На фоне Накай-Рока в свете вечернего солнца появились первые всадники-демонстранты. Форд взял бинокль, подошел к окну спальни и увидел Нельсона Бега на породистом жеребце. Следом скакали остальные наездники.

Форд повернул голову – приступ боли напомнил о вчерашнем падении. Вернувшись на базу, они с Кейт больше почти не общались, потому что она спешила подготовиться к запуску.

На спутниковом телефоне строго по расписанию замигала лампочка.

– Есть новости? – спросил Локвуд.

– Ничего особенного. Вся команда сейчас в Бункере, опять запускают «Изабеллу». А я собираюсь встретить демонстрантов.

– Было бы замечательно, если бы вы нашли способ вообще предотвратить это собрание.

– Поверьте, так будет лучше. Вы узнали, кто такой Джо Блитц?

– Джо Блитцев хоть пруд пруди. Кого-то так зовут, кто-то так называет свою фирму, имение и так далее. Я составил список тех «блитцев», которые, как мне показалось, могут иметь к нашему делу какое-либо отношение.

– И что там?

– Во-первых, так называют игрушечного солдата.

– Тогда не исключено, что это Уордлоу. Волконский его терпеть не мог. А дальше?

– Это также имя режиссера на Бродвее. В сороковые он поставил два мюзикла: «Причуды помойного ведра» и «Шутка кратерного озера». Первый – о волокитах, второй – о колонии нудистов. Оба с треском провалились.

– Что еще?

– «Джо Блитц» – обанкротившееся представительство компании «Форд» в Огайо... «Джо Блитц» – парк в Медфорде, штат Орегон... «Джо Блитц» – хоккейный каток, провинция Онтарио, Канада... Джо Блитц – научно-фантастический писатель тридцатых – сороковых годов... Джо Блитц – застройщик из Чикаго... Джо Блитц – карикатурист.

– О писателе вам что-нибудь известно?

– В начале сороковых его научно-фантастические халтурки печатали в нескольких ширпотребных журналах.

– Как его работы назывались?

– Их тут целая коллекция. Минутку... Например, «Морской клык» или «Воздушные убийцы». Ну и все в таком духе.

– А романы он писал?

– Насколько мы можем судить – нет. Только рассказы.

– А карикатурист?

– Этот в конце пятидесятых создал комикс про толстяка и игрушечного пуделя. Нечто вроде «Гарфилда». Особым успехом он не пользовался. Подождите-ка... У меня тут этих Джо Блитцев еще штук двести, и чего они только не обозначают – от похоронного бюро до рецепта копченой рыбы.

Форд вздохнул:

– Это все равно что искать иголку в стоге сена. Хуже того: мы понятия не имеем, как она выглядит. А насчет тети Наташи ничего не удалось выяснить?

– У Волконского не было никакой тети Наташи. Может, это что-то вроде шутки? Знаете ведь, говорят, будто у каждого русского есть хоть одна тетя Наташа и по меньшей мере один дядя Борис.

Форд опять взглянул на всадников, которые уже спускались в долину.

– Похоже, эта записка – загадка, к которой нет разгадки.

– Судя по всему, да.

– Мне пора идти – демонстранты уже почти тут.

– Позвоните мне, как только завершится запуск.

Форд спрятал телефон, закрыл портфель на замок и вышел из дома. Вдали раздался рев

двигателя, и в долину спустился выдавший виды пикап, за которым следовал белый фургон со спутниковой тарелкой на крыше.

Форд прошел вперед, остановился возле спортивной площадки и стал наблюдать за приближением Бегея и остальных всадников на взмыленных лошадях. Фургон остановился, из него выскочили двое телевизионщиков и принялись фотографировать наездников. В пикапе приехала полная женщина – Мария Атситти.

Компания демонстрантов приблизилась к площадке, и оператор стал снимать их на видеокамеру. Один из всадников выскочил вперед, издал победный вопль и замахал в воздухе банданой. Форд узнал в нем Уилли Бесенти, человека, одолжившего ему денег. Другие, в том числе и Бегей, последовали его примеру и поскакали быстрее. Промчавшись по полю, наездники устремились на пыльную автостоянку у старой фактории. Уайман расположился неподалеку.

Бегей спрыгнул с коня. Подошедший репортер пожал ему руку и стал готовиться к интервью. Загорелся огонек видеокамеры. Телевизионщик поздоровался с демонстрантами и начал задавать Бегею вопросы. Остальные наездники встали вокруг, с любопытством наблюдая за происходящим.

Форд вышел из тени тополей и направился к индейцам. Те повернулись в его сторону. Репортер пошел навстречу, выставив вперед микрофон.

– Представьтесь, сэр!

Съемка не прерывалась.

– Уайман Форд.

– Вы ученый?

– Нет. Моя задача – наладить и поддерживать связи между проектом «Изабелла» и местными жителями.

– Да, неважно вы выполняете поставленные задачи, – сказал репортер. – Местные жители собрались на демонстрацию протеста.

– Я в курсе.

– Что вы думаете по этому поводу?

– Я полагаю, что мистер Бегей поступает верно.

Последовало некоторое замешательство.

– Что вы имеете в виду?

– Многое из того, о чем он говорит, правильно. «Изабелла» нагоняет страх на местное население, обещанных экономических благ проект не принес, ученые держатся особняком.

Еще одна короткая пауза.

– Что вы собираетесь предпринять?

– Перво-наперво выслушать все претензии и требования. Для этого я и пришел. А потом сделаю все, что в моих силах, дабы положение изменилось. Мы повели себя не лучшим образом, но, обещаю, исправим свои ошибки.

– Брехня! – разнесся по округе крик.

Уилли Бесенти привязал лошадь и направился к репортеру.

– Эй! – воскликнул телевизионщик. – Я беру интервью, что, не видишь?

– Все его обещания – бред собачий.

– Если будешь выражаться, тебя не пустят в эфир.

Бесенти резко остановился и уставился на Форда:

– Эй! Так это вы?

– Здравствуйте, Уилли. – Форд протянул руку.

Уилли будто не заметил ее.

– Значит, и вы с ними!

– Да.

– Вы задолжали мне двадцать баксов, уважаемый.

Форд полез в карман за бумажником. Бесенти покраснел от волнения.

– Нет, оставьте их себе! – с видом победителя воскликнул он. – Не нужны мне ваши

деньги!

– Уилли, я надеюсь, что мы решим все проблемы, если только станем прислушиваться друг к другу.

– Бред! Видите, вон там? – Индеец взмахнул костлявой татуированной рукой. – Там, среди этих скал, – остатки древних хижин и старое кладбище. Вы оскверняете могилы наших предков.

Камера продолжала работать.

– Что вы на это ответите? – встрял в разговор телевизионщик, подсовывая микрофон под нос Форду.

Форд собрался было подчеркнуть, что древние хижины строили не навахо, а анасази, но не стал этого делать.

– Если нам покажут, где именно расположено кладбище, то мы бы обнесли...

– Да оно повсюду. Везде! Души умерших страдают и бродят по горе. Грядет большая беда. Я это знаю. А вы? – Бесенти огляделся по сторонам. – Вы что-нибудь чувствуете?

Демонстранты закивали и стали переговариваться.

– Тут повсюду призраки. С тех пор как «Пибоди коул» изгнали душу горы, это страшное место.

– Страшное, страшное, – поддакнули другие.

– «Изабелла» – еще один пример того, как являются белые и присваивают индейскую землю. Верно я говорю?

Вокруг одобительно загомонили и оживленно закивали.

– У вас есть полное право оставаться при своем мнении, Уилли, – сказал Форд. – Однако позвольте мне кое-что объяснить. Часть проблемы состоит в том, что племенное правительство навахо заключило сделку, не посоветовавшись со здешними жителями.

– Племенное правительство навахо – кучка скотов, которых наняли Bilagaana, чтобы проворачивать свои грязные дела. Пока не явились Bilagaana, у нас не было никакого племенного правительства.

– Но этого не изменить. Здесь я совершенно бессилен. Однако если мы сумеем договориться, то сможем исправить наше положение. Что вы об этом думаете?

– Да пошли вы! – Бесенти с угрожающим видом подступил на два шага. Форд не двинулся с места. Индеец тяжело дышал, его тощая грудь поднималась и опускалась, а мышцы рук были напряжены.

Форд умудрялся сохранять полное спокойствие.

– Уилли, я на вашей стороне.

– Только не надо нам вашего снисхождения!

Бесенти был ниже Форда и гораздо худее, однако выглядел так, будто вот-вот ринется в бой. Форд взглянул на Бегея и понял по отсутствующему выражению его лица, что знахарь не станет вмешиваться, что бы ни случилось.

Камера продолжала снимать.

Бесенти жестом обвел долину:

– Только взгляните! Вы, Bilagaana, забрали нашу гору и вынули все ее нутро, чтобы вам жилось еще лучше. А моей тетке Эмме приходится ездить за тридцать миль за водой для овец да внуков. Как по-вашему, надолго ли в колодцах Блю-Гэпа и Блэкхорса хватит воды, а? А этот хантавирус? Всем известно, что никакого хантавируса у нас и в помине не было, а теперь он появился, откуда ни возьмись. Здесь вообще творится нечто крайне странное.

Несколько наездников поддержали товарища одобрительными возгласами.

– Мы знаем, что «Изабелла» нас отравляет. Не сегодня завтра начнут умирать наши дети. – Бесенти ткнул пыльным пальцем Форду в грудь. – Знаете, как мы вас станем звать, а, Bilagaana? Убийцами – вот как.

– Давайте побеседуем спокойно, Уилли. Мирно и со взаимным уважением.

– Мирно? С уважением? Так вот для чего вы жгли наши хижины и кукурузные поля? Вот для чего насиловали наших женщин? Вот для чего отправили нас в Форт-Самнер? Чтобы

добиться мира и взаимного уважения?

Форд знал с тех пор, как побывал в городе Рама, что навахо по сей день говорят о том, что произошло в шестидесятые годы девятнадцатого века, как о настоящем, хотя те ужасные события давно стали историей.

– Если бы я мог повернуть время вспять и что-либо изменить! – Форд вложил в свои слова больше чувства, чем намеревался.

В руке Уилли блеснул ловко извлеченный из кармана джинсов дешевый пистолет двадцать второго калибра.

Бегей тотчас вышел вперед.

– Дезвуд, выключи камеру, – резко велел он.

Репортер повиновался.

– Уилли, убери оружие!

– Нельсон, иди куда подальше! Я приехал драться, а не болтать.

Бегей ответил тихо и с расстановкой:

– Сейчас мы пройдем обряд очищения. Останемся здесь на ночь, мирно проведем церемонии, вернем себе гору с помощью молитв. Настало время поразмышлять и обратиться к высшим силам, а не лить кровь.

– Я думал, мы выступаем с протестом, а мы, оказывается, решили потанцевать, – проворчал Бесенти. Пистолет тем не менее он убрал.

Бегей указал на высоковольтные провода, что тянулись на полмили до самого края горы:

– Бороться будем вот с чем, а не с этим человеком.

Линии электропередачи гудели и едва слышно потрескивали.

– Похоже, ваша машина работает. – Бегей повернулся к Форду и бросил на него бесстрастный взгляд. – Думаю, вам лучше уйти, а мы займемся своими делами.

Форд кивнул и направился в сторону Бункера.

– Во-во! Проваливай! – крикнул Бесенти. – Пока я не всадил пулю тебе в задницу, Bilagaana!

Форд приблизился к охраняемому входу на территорию «Изабеллы». Потрескивание и гудение электропроводов усилилось, а от потустороннего, почти живого звука по спине Уаймана пробежал холодок.

Глава 40

Без пяти восемь Букер Кроули, сгорая от нетерпения, удобно устроился перед телевизором в уютном, обшитом деревянными панелями кабинете своего дома на Дамбартон-стрит, в Джорджтауне. Спейтс не шутил, пообещав, что сполна отработает деньги, и в воскресенье устроил проповедь, которая прогремела на всю страну точно неслыханной силы взрыв. Ток-шоу «Америка за круглым столом» обещало подобную же реакцию зрителей. Кроули с трудом верилось, что вся эта каша заварилась благодаря единственному телефонному звонку и довольно скромной проплате. Незаконного в сделке ничего не было: деньги оформили как пожертвование – разумеется, не облагаемое налогом.

Лоббист держал в руке бокал с традиционным вечерним кальвадосом. Он сделал первый глоток, и на экране под звуки патриотической музыки замелькали изображения американского флага, орлов и разного рода национальных символов. Вот наконец показался круглый стол на фоне Капитолия. За столом восседал Спейтс с печальным выражением серьезного лица и его гость – седовласый мужчина в костюме, с кустистыми бровями и плотно сжатыми губами, которые, казалось, хранят великую тайну мироздания.

Музыка стихла, и Спейтс повернулся к камере.

Этот человек не переставал удивлять Кроули. Неотесанный грубиян, на экране он смотрелся совершенно иначе. Даже его волосы теперь послушно лежали и вовсе не выглядели оранжевыми. Кроули в который раз поздравил себя. Как же здорово, что он

додумался вовлечь в это дело Спейтса!

– Добрый вечер, господа! Добро пожаловать на ток-шоу «Америка за круглым столом». Я, преподобный Дон Т. Спейтс, рад представить вам нашего сегодняшнего гостя, доктора Хендерсона Крокера, профессора физики из Линчбергского университета, штат Виргиния.

Профессор с важным видом кивнул в камеру.

– Я пригласил доктора Крокера, чтобы побеседовать с ним на сегодняшнюю тему, то есть о проекте «Изабелла». Для тех, кто не знает, о чем речь, поясню: «Изабелла» – машина, которую правительство установило в Аризоне, затратив на это сорок миллиардов долларов, собранных с народа в качестве налогов. «Изабелла» нагоняет на всех немало страха. Вот мы и решили пригласить в студию доктора Крокера, чтобы он объяснил нам, людям, далеким от физики, что происходит. – Спейтс повернулся к гостю: – Доктор Крокер, будьте так любезны.

– Благодарю, преподобный Спейтс. С удовольствием объясню, в чем дело. Фактически «Изабелла» – это ускоритель частиц, в котором сталкиваются атомы. При соударении на высокой скорости они распадаются, и можно изучить отдельные их части.

– Звучит пугающе.

– Да нет, в этом нет ничего страшного. Подобные исследования были крайне важны, например, при создании ядерного оружия и послужили фундаментом для развития атомной энергетики.

– А что вы можете сказать о нынешних экспериментах? Они таят в себе какую-либо угрозу?

Последовало многозначительное молчание.

– Да.

– Какую же?

– «Изабелла» отличается от прочих ускорителей частиц. Ее используют не в научных целях, а для того, чтобы распространить теорию о сотворении мира, созданную группой ученых-атеистов.

Спейтс вскинул брови.

– Как это?

– Я поясню.

– Будьте так добры.

– Да, конечно. Данная группа ученых-атеистов выдумала теорию о том, что Вселенная возникла из ничего, без какого-либо участия главной движущей силы. Они назвали эту теорию «Большой Взрыв». В наши дни большинство образованных людей, в том числе ученые, прекрасно понимают, что она основана на совершенном отсутствии научных доказательств. Теория базируется не на науке, а на твердом антихристианском убеждении, увы, широко распространенном в нашей стране.

Кроули сделал большой глоток согревающего кальвадоса. Спейтс снова был на высоте. Настолько умно все устроил! Из уст известного физика лились пустые разглагольствования, выраженные трезвым научным языком! Ловкий трюк, рассчитанный на дешевый успех, – американцев только таким и корми.

– В последние десять лет секулярные гуманисты и атеисты проникли во все правительственные и образовательные круги. Они решают судьбу разного рода денежных выплат и научных проектов, а несогласным просто затыкают рты. Этот фашизм определяет пути развития всего: ядерной физики, космологии, биологии и так далее. И, само собой, они с успехом насаждают идеи эволюции. Из-за таких вот ученых мир получил теории Дарвина и Лайеля, Фрейда и Юнга. Эти люди утверждают, что зачатие еще не означает жизнь. Они же проводят жуткие эксперименты со стволовыми клетками – живыми человеческими эмбрионами, выступают за аборты и называют это «планированием семьи».

Голос физика звучал искренне и убедительно. На мгновение Кроули отвлекся от выступления и представил себе, что возьмет с Яззи двойную плату, а тот без возражений подпишет любой контракт.

Шоу продолжалось в том же духе. Спейтс задавал вопросы, выслушивал ответы, обращался к зрителям с просьбой жертвовать деньги, снова о чем-то спрашивал физика, опять просил пожертвований. Голоса обоих звучали то тише, то громче, напоминая песнопение. «Бесконечное повторение – основной принцип христианского канала, – подумал Кроули. – Главное – втемашить любую мысль в тупые головы зрителей, и готово, гребни денежки».

Камера в который раз переместилась на Спейтса. Кроули слушал вполуха. Он убедился в том, что проповедник прекрасно справляется со своей ролью, и то и дело представлял себе торчащих перед телеэкранами членов совета племени. Ликованию Кроули не было предела.

– ...Бог, очевидно, отвел свою спасительную длань от Америки...

Кроули совершенно расслабился и смаковал состояние полного довольства и уюта. Ему не терпелось дожить до понедельника и дожидаться звонка. Он выжмет из этих обезьян миллионы. Миллионы!

– ...Я говорю вам, неверующим, сторонникам абортов, феминисткам, гомосексуалистам, коммунистам и либералам: когда последует очередной террористический акт, виновны в нем будете вы...

«Может, имеет смысл увеличить сумму контракта втрое, – счастливо размышлял Кроули. – Тогда будет чем похвастать перед приятелями в “Потомаке”».

– ...А теперь они построили эту Вавилонскую башню – «Изабеллу» – и бросили вызов самому Господу. Но Бог не трусливый слабак! Он нанесет ответный удар...

Кроули, упиваясь мечтами, очнулся, заслышав слово «убийство», и наклонился к экрану. О чем это толкует Спейтс?

– Да-да, – продолжал проповедник. – Четыре дня назад один из ведущих специалистов проекта «Изабелла», русский по фамилии Волконский, якобы добровольно ушел из жизни. Однако мои источники утверждают, что эти данные непроверенные и что Волконского скорее всего убили. Свои же коллеги. Зачем они это сделали? Чтобы навек заткнуть ему рот?

Кроули сидел, застыв в напряжении и не пропуская ни единого слова. Спейтс верно поступил, что приберег эту новость «на сладкое».

– Мне кажется, у меня есть ответ, – произнес Спейтс. – Из того же источника я получил и другие ужасающие сведения. В это невозможно поверить.

Театральным жестом идеально ухоженной руки он медленно поднял листок бумаги. Кроули сразу смекнул, что это хитрая уловка – Джозеф Маккарти с успехом пользовался ею еще в пятидесятые. Напечатанный на бумаге текст быстрее убеждает, будто то, о чем идет речь, – чистая правда.

Спейтс легонько потряс листком:

– Здесь все написано!

Очередное многозначительное молчание. Кроули позабыл о кальвадосе. К чему клонит Спейтс?

– Предполагалось, что «Изабелла» заработает несколько месяцев назад. Но этого не случилось, потому что у ученых возникли серьезные проблемы. О них никто не знает, за исключением моего осведомителя и меня. Сейчас я открою секрет и вам. – Преподобный снова потряс листком. – Мозг этой машины – мощнейший суперкомпьютер, который недавно объявил, что он... – Пауза. – Бог!

Спейтс положил листок, неотрывно глядя в камеру. Казалось, потрясен даже его гость. Пастор смотрел в объектив, явно зная, сколь ценно молчание. Особенно на телевидении.

Кроули сдвинулся на самый краешек кресла, быстро прикидывая, что все это значит. Его уникальный внутренний радар, способный улавливать признаки надвигающегося политического скандала, почувствовал, что грядет нечто грандиозное. Невероятное. Быть может, не стоило спускать с цепи Спейтса? Надо сегодня же связаться с Яззи и отправить ему по факсу копию нового договора...

Наконец Спейтс снова заговорил:

– Друзья мои, я никогда не стал бы делать столь громкое заявление, если бы у меня не

было достоверных данных. Мой источник – благочестивый христианин и проповедник, такой же, как я. Он честно служит народу там, где находится «Изабелла», и получил эти сведения непосредственно от ученых. Только вообразите: гигантская машина, называемая «Изабеллой», утверждает, что она Бог. Если мои заявления неверны, пусть ученые публично опровергнут их!

Спейтс поднялся с кресла. Его жест показался еще более драматичным благодаря мастерству оператора.

– Я прошу, даже требую, – воскликнул он, содрогаясь от праведного гнева, – чтобы Грегори Норт Хазелиус, руководитель проекта «Изабелла», предстал перед американским народом и открыто объяснился! Я требую этого! Мы, простые люди, отдали сорок миллиардов долларов, чтобы в Аризоне установили адскую машину для доказательства того, что Господа не существует! А теперь эта машина заявила, что она и есть Господь. Это неслыханное богохульство, друзья мои! Неслыханное богохульство!..

Глава 41

Форд пришел в центр управления в восемь вечера. Первым делом он посмотрел на Кейт, и их взгляды встретились. Они не вымолвили ни единого слова, но глаза сказали друг другу многое. Остальные увлеченно занимались делами, а Хазелиус отдавал распоряжения, сидя в своем вращающемся кресле.

Форда поприветствовали кивками и брошенными вскользь фразами. Уордлоу пристально взглянул на него и отвернулся к экранам охранных систем.

Хазелиус жестом подозвал Форда.

– Ну, как там дела? – спросил он.

– Думаю, проблем не возникнет.

– Ты как раз вовремя. Мы только собрались столкнуть пучки. Кен, что у тебя?

– Удерживаемся на девяноста процентах, – ответил Долби.

– Как магнит?

– В норме.

– Тогда, пожалуй, начнем, – сказал Хазелиус. – Рей? Пересядь к пульту управления детекторами. Как только «логическая бомба» даст о себе знать, сразу приступай к делу. Жюли, подстрахуй ее. – Он повернул голову. – Алан?

Эдельштайн медленно поднял глаза.

– Возьми на себя главный компьютер и вспомогательные серверы. Как только появятся первые признаки помех, перебрось управление «Изабеллой» на сервер p5 595. Не жди полного отключения.

Эдельштайн кивнул и пробежался пальцами по клавиатуре.

– Ты, Мелисса, в ответе за пространственно-временную дыру. При малейшем указании на то, что возникают проблемы – резонаны, сверхтяжелые или устойчивые частицы, – бей тревогу.

Коркоран подняла большие пальцы.

– Харлан? Необходимо удержать систему на ста процентах неопределенно долгое время. Твоя задача следить за тем, чтобы энергия поступала стабильно и равномерно.

– Да, конечно.

– Тони, даже при переходе на другой сервер система охраны будет функционировать. И не забывай, что наверху демонстранты, которые в любой момент могут выкинуть какой-нибудь номер. Главное, чтобы не проникли на огороженную территорию.

– Да, сэр.

Хазелиус огляделся.

– Джордж?

– Да? – отозвался Иннс.

– Обычно во время запусков у тебя не так много дел. Однако в этот раз тебе придется

следить за визуализатором, читать все послания «бомбы» и анализировать их с психологической точки зрения. Все эти фразы придуманы человеком. Не исключено, что они выведут нас на него самого. Поищи тайный смысл, общую идею, попытайся определить, не страдает ли этот умник какими-нибудь отклонениями. В общем, обращай внимание на все, что поможет нам найти его или вычислить местоположение «бомбы».

– Прекрасная мысль, Грегори. Сделаю все, что в моих силах.

– Кейт? А ты, пожалуйста, приготовься задавать вопросы.

– Я?.. – Кейт растерялась.

– В чем дело? – Хазелиус изогнул бровь.

– Может, поручить это кому-нибудь другому?

Взгляд голубых глаз внимательно изучил ее и скользнул на Форда.

– Тебе делать нечего, Уайман. Пообщаешься с «бомбой»?

– С удовольствием.

– Не важно, о чем у нее спрашивать. Главное, чтобы программа работала на полную катушку и Рей было легче напасть на ее след. Замысловатые и длинные вопросы не задавай, ограничивайся короткими. Кейт, если Уайман замешкается или не сможет придумать следующий вопрос, будь готова прийти ему на помощь. Нельзя терять ни секунды.

Кейт поднялась, уступая место Форду. Он прикоснулся к ее плечу, наклонился, будто рассматривая экран, и легонько сжал ей руку.

– Привет.

– Привет. – Кейт в нерешительности помолчала и тихо произнесла: – Пообещай мне, Уайман, что... что бы ни случилось сегодня ночью, мы попробуем еще раз... Ты и я. Скажи, что вчерашнее... было не просто так. – Пытаясь скрыть запывавшие щеки, она низко наклонила голову, и ей на лицо упали пряди волос.

Форд снова сжал ее руку.

– Обещаю.

Хазелиус обсудил массу вопросов с членами команды, вернулся на командирское место и обвел коллег внимательным взглядом своих магических глаз.

– Я уже не раз говорил об этом, но повторю еще раз – мы входим в неизвестные воды. Не стану вас обманывать: это опасно, но другого выхода у нас нет. Мы приперты к стенке. Давайте отыщем проклятую «логическую бомбу» и уничтожим ее. Сегодня.

Последовало продолжительное молчание, разбавляемое лишь пением машины.

– На несколько часов мы отключим все связи с внешним миром, – добавил Хазелиус, глядя то на одного, то на другого ученого. – Вопросы есть?

– Да, – сказала Жюли Тибодо. Ее лицо поблескивало от пота, глаза, обведенные темными кругами, казались бездонными дырами, волосы спутались и болтались веревками.

Хазелиус посмотрел на нее:

– Да?

– Я... – Голос Тибодо стих.

Хазелиус, терпеливо ожидая, шевельнул бровью. Тибодо отодвинула стул, поднялась на ноги, споткнулась о задравшийся угол ковра и чуть не упала.

– Послушайте, это же безумие, – громко произнесла она. – У нас неисправен один из магнитов, барахлит компьютер, в нем чертова хакерская программа, и при всем при этом мы собираемся вкачивать в машину такое количество энергии! Того и гляди, взорвется вся гора. Я выхожу из игры.

Хазелиус бросил быстрый взгляд на Уордлоу и вновь посмотрел на Тибодо:

– Слишком поздно, Жюли.

– Что значит «поздно»?! – воскликнула она. – Я ухожу.

– Дверь в Бункер закрыта и опечатана. Ты же знаешь здешние правила.

– Глупости! Форд ведь как-то прошел!

– С ним мы договорились заранее. В общем, до рассвета отсюда не выйдет никто, даже я. Это предусмотрено системой безопасности.

– Вздор! А вдруг вспыхнет пожар или приключится другое несчастье? – Тибодо дрожала всем телом, но вызывающе глядела Хазелиусу в глаза.

– Коды известны единственному человеку – Тони. Открыть дверь в случае пожара или аварии может только он. Тони?

– Выходить запрещено, – бесстрастно произнес Уордлоу.

– Меня это не устраивает! – вновь повысила голос Тибодо.

– Увы, таковы правила, и их следует соблюдать, – сказал Хазелиус.

– Тони, я хочу выйти! Слышишь ты или нет? – заверещала Тибодо.

– К сожалению, ничем не могу помочь, – ответил Уордлоу.

Тибодо бросилась к нему. Он глазом не моргнул и ловко перехватил вскинутые кулаки женщины.

– Выпусти меня, сволочь! – Она забилась в истерике.

– Эй, полегче.

– Я не хочу умирать из-за какой-то там машины! – Тибодо обмякла, привалилась к Уордлоу и зарыдала.

Глаза Форда изумленно распахнулись.

– Да выпустите же ее!

Уордлоу окинул его враждебным взглядом.

– Это не предусмотрено протоколом.

– Если она уйдет, опасности не возникнет. Вы только посмотрите на нее! С ней же истерика.

– Правила разработаны не просто так, – процедил Уордлоу. – Во время запуска «Изабеллы» выйти можно лишь в том случае, если возникает угроза для жизни.

Форд повернулся к Хазелиусу:

– Но ведь это неправильно. – Он огляделся по сторонам. – Наверняка со мной многие согласны. – На лицах ученых читалось не согласие, а растерянность и страх. – Нельзя держать ее здесь против воли.

До этой минуты он не осознавал, насколько вся команда подчинена чарам Хазелиуса.

– Кейт? А ты что молчишь? Хоть ты-то понимаешь, что это неверно?

– Уайман, мы все, в том числе и Жюли, ознакомились с правилами и подписались под ними.

Хазелиус кивнул Уордлоу. Разведчик, придерживавший Тибодо, передал ее в руки Хазелиусу. Она попыталась вырваться, но он не позволил ей это сделать и обнял ее – крепко и вместе с тем ласково. Рывания пошли на спад, превратились во всхлипывания и шмыганья носом. Хазелиус стал почти любовно поглаживать ее по голове. Тибодо прижалась к его груди и заплакала – беззвучно, как ребенок. Он нежно вытирал с ее щек слезинки и все время что-то нашептывал на ухо. Через несколько минут она успокоилась и прошептала:

– Простите.

Хазелиус с чувством провел рукой по ее оплывшей спине, аккуратно расправил неужоженные волосы.

– Ты нужна нам, Жюли. Ты нужна мне. Без тебя нам не обойтись, ты ведь знаешь.

Тибодо снова шмыгнула носом.

– Нервы не выдержали. Простите меня. Такого больше не повторится.

Хазелиус держал ее в объятиях до тех пор, пока она совершенно не пришла в себя. Наконец он разжал руки, и она, глядя в пол, отступила назад.

– Жюли, все будет хорошо, обещаю.

Тибодо кивнула.

Форд, изумленно наблюдавший за происходящим, вдруг заметил устремленный на него печальный, добрый взгляд Хазелиуса.

– Все в порядке, Уайман?

Форд заглянул в голубые глаза и ничего не ответил.

Глава 42

Пастор Расс Эдди сидел в трейлере перед экраном компьютера. Ток-шоу «Америка за круглым столом» только-только подошло к концу. Мозг Эдди пылал, в груди горело, а в ушах все еще звучали слова преподобного Спейтса. Именно он, Рассел Эдди, был тем самым источником, «благочестивым христианином», открывшим тайну «Изабеллы». «Проповедник, такой же как и я», – заявил преподобный Спейтс миллионам зрителей. Это он, Расс Эдди, с Божьей помощью отважился на громадный риск и раздобыл важную информацию. Нет, времена были не обычные. Праведный гнев Господа, со всей его невиданной мощью, уже устремлялся на землю. Безбожников-ученых не спасла бы даже самая высокая гора в мире.

Эдди сидел перед голубым компьютерным экраном и дивился Божьему всемогуществу. Наконец-то он дожид до этих дней и начал понимать, какая роль ему отведена Господом. Все началось со смерти индейца, которого Бог покарал в знак того, что его гнев вот-вот обрушится на безбожников и настанет конец всему. «Ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?»

Мало-помалу сознание Эдди вернулось в действительность. В бедной спальне царствовал покой. Казалось, не произошло ничего особенного. Однако все переменялось. Господь явил ему свой великий план. Но что делать дальше? Чего Бог ждал от Эдди теперь?

Знак... Ему непременно подадут знак. Господь покажет, по какому пути двигаться.

Дрожащими от волнения руками Эдди схватил Библию, перевернул ее корешком вниз и не глядя раскрыл. Книга распахнулась ближе к концу. Взгляд Эдди упал на строчку: «И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно...»

По спине пастора побежали мурашки. В этом стихе, как ни в одном другом, ясно и однозначно говорилось об Антихристе.

Вот оно, подтверждение.

Глава 43

Несмотря на истерику Тибодо, очередной запуск показался Форду еще скучнее предыдущего. К десяти часам «Изабелла» работала на мощности девяносто девять с половиной процентов. Все шло по знакомому сценарию: пространственно-временная дыра, странное изображение посередине визуализатора. Машина гудела, а гора вибрировала.

Вот, будто по расписанию, экран погас и на нем появилась первая надпись:

«Мы снова общаемся».

– Давай, Уайман! – воскликнул Хазелиус.

«Расскажи о себе», – напечатал Форд. Кейт за его спиной – он это чувствовал – подалась вперед, следя за его руками.

«Я не могу объяснить тебе, кто я, как и ты не можешь объяснить жуку, кто ты».

– Рей? – позвал Хазелиус. – Как дела?

– Отслеживаю.

«Может, все же попытаешься?» – написал Форд.

«Лучше объясню, почему ты не можешь меня понять».

– Джордж? – осведомился Хазелиус.

– Есть контакт, – ответил Иннс, довольный, что с ним считаются. – Умно, черт возьми. Говорит, что мы ничего не поймем, просто чтобы не вдаваться в подробности и случайно не выдать себя.

«Хорошо», – напечатал Форд.

«Вы живете в мире, ограниченном диаметром Вселенной и планковской длиной».

– Похоже, это программа-робот, – сказал Эдельштайн, просматривая данные на экране. – Она копирует саму себя, появляется в другом месте, уничтожает оригинал и замечает следы.

– Точно, – подтвердила Чен. – Я запустила целую стаю программ-хищников, которые

шныряют по «Изабелле» в поисках «логической бомбы».

«Ваш мозг настроен исключительно на управление этим миром, а не на осмысление сути реальности. В процессе эволюционного развития вы обрели способность швырять камни, а не сталкивать друг с другом кварки».

– Вышла на след! – Чен склонилась над столом, как шеф-повар над кастрюлей, не переставая бегать пальцами по клавишам. На четырех экранах проносились цифры кода.

– Главный компьютер отказывает, – ровным голосом сообщил Эдельштайн. – Переключаю управление «Изабеллой» на запасные машины.

«Ваш эволюционный путь привел к чрезвычайно неверному восприятию окружающего мира. Например, вы убеждены, что живете в трехмерном пространстве, где предметы движутся по заранее просчитанному кривым в том, что вы называете временем. Для вас это все – действительность».

– Переключение завершено.

– Отсоедини главный компьютер от сети.

– Подождите! – резко воскликнул Долби. – Мы же так не договаривались.

– Надо убедиться, что программа не в нем. Вытащи вилку из розетки, Алан.

Эдельштайн с холодной улыбкой повернулся к компьютеру.

– Черт возьми! Подождите же!.. – Долби подскочил к нему, но было слишком поздно.

– Готово. – Эдельштайн нажал одну из клавиш.

Половина экранов погасла. Долби стоял, не зная, что делать. Прошло мгновение, другое. «Изабелла» спокойно гудела.

– Все в порядке, – сказал Эдельштайн. – Расслабься, Кен.

Долби окинул его недовольным взглядом и пошел назад к своему блоку.

«Значит, ты считаешь, – напечатал Форд, – что наша действительность – иллюзия?»

«Да. Естественный отбор подарил вам иллюзию: вам кажется, будто вы понимаете, в чем суть реальности. Но это не так. Ведомая ли суть реальности жуку? Или шимпанзе? Вы такие же животные. Вы точно так же развиваетесь, производите на свет себе подобных, у вас у всех есть нервная система. Вы отличаетесь от шимпанзе всего лишь двумя сотнями генов. Как при столь ничтожном различии вы намереваетесь постичь тайны Вселенной, если шимпанзе не в состоянии изучить даже свойства песчинки?»

– Нет, честное слово! – вскричала Чен. – Поток информации поступает с места столкновения.

– Это невозможно, – возразил Хазелиус. – Наверняка эта дрянь прячется где-нибудь в детекторе. Перезагрузи процессоры детекторов, каждый по очереди.

– Попробую.

«Если хочешь, чтобы наш разговор принес какую-то пользу, оставь всякую надежду понять меня».

– Опять напускает тумана, – сказал Иннс. – По большому счету ничего конкретного не сказано.

Форд почувствовал нежное прикосновение чьей-то руки к своему плечу.

– Уступишь мне место, на минутку? – попросила Кейт.

Он поднялся со стула.

«Что представляют собой наши иллюзии?» – напечатала она.

«Ваше развитие предполагает, будто мир состоит из отдельных предметов. Но это не так. С самого первого мгновения все на свете – единое целое. То, что вы называете пространством и временем, – всего лишь стихийно возникающие свойства глубинной реальности, в которой нет ничего отдельного: ни времени, ни пространства. Все, что есть, – едино».

«Поясни», – напечатала Кейт.

«Ваша квантовая механика, хоть и ошибочна, свидетельствует о том, что Вселенная – единое целое».

«Ладно, пусть так, – написала Кейт. – Но какое это имеет значение для нашей

нынешней жизни?»

«Огромное. Каждый из вас воображает себя индивидуальностью с отдельным уникальным мозгом. Вам кажется, что вы рождаетесь и умираете. Всю свою жизнь вы чувствуете себя одинокими, порой предельно одинокими. Вы боитесь смерти, потому что не желаете терять индивидуальность. Все это – иллюзия. Ты, он, она, все, что вас окружает, одушевленное и неодушевленное, звезды, галактики, пустое пространство между ними – все это не отдельные объекты. Они изначально едины. Рождение и смерть, боль и страдание, любовь и ненависть, добро и зло – все иллюзорно. Это атавизмы эволюционного процесса. На самом деле их нет».

«Значит, это нечто вроде буддизма, где считается, что все – иллюзия?»

«Нет. Реальность – абсолютная истина – существует. Однако если человек хоть раз на нее взглянет, его мозг разрушится».

За спинами Мерсер и Форда внезапно возник Эдельштайн.

– Алан, почему ты оставил пост?.. – начал было Хазелиус.

– Если ты Бог, – произнес Эдельштайн с полуулыбкой на губах, держа руки сцепленными за спиной и глядя на визуализатор, – тогда давай пообщаемся без клавиатуры. Ты должен и так слышать меня.

«Слышу вполне отчетливо», – возник на визуализаторе ответ.

– По-видимому, где-то тут встроен микрофон, – сказал Хазелиус. – Мелисса, займись-ка поисками. Найди его.

– Конечно.

Эдельштайн невозмутимо продолжал:

– Ты утверждаешь, что все едино? А как же цифры? Один, два, три?.. Ну что? Я победил?

«Один, два, три... Это очередная иллюзия. Ничто не поддается счету».

– Ты говоришь безосновательно, – с нотками раздражения произнес Эдельштайн. – А я только что счетом доказал свою правоту. – Он поднял руку. – Или вот, пожалуйста: пальцев ровно пять. Целое число.

«Ты показал не целое число пять, а руку с пятью пальцами. Ваша система счета не существует независимо от реального мира. Это просто замысловатая метафора».

– Хотелось бы услышать доказательства этого смехотворного утверждения.

«Выбери наугад число на вещественной числовой оси. С вероятностью единица можно утверждать, что у него не будет ни названия, ни определения, его нельзя ни вычислить, ни записать. То же самое верно о якобы определимых числах, например о квадратном корне из двух. Вычислить их точное значение не в силах даже компьютер размером с целую вселенную, работай он хоть бесконечно долго. Ответ же, Эдельштайн: зачем утверждают, что эти числа существуют? Для чего нужны окружности и квадраты, с которыми их увязывают? Возможно ли наличие пространства, имеющего столько-то измерений, если измерить его нельзя? Ты, Эдельштайн, все равно что обезьяна, которая, пустив в ход все свои умственные способности, научилась считать до трех, а найдя четыре камешка, вообразила, что познала бесконечность».

Форд потерял нить рассуждения и изумленно посмотрел на Эдельштайна. Тот, бледный от потрясения, выглядел так, словно ему нанесли сокрушительный удар.

– Ты так считаешь? – выкрикнул Хазелиус, подходя к экрану и отстраняя Эдельштайна. – Говоришь, даже слово «Бог» не очень-то подходит, чтобы описать твое величие? Хорошо, но докажи это! Докажи, что ты Бог.

– Не надо, – пробормотала Кейт. – Не проси его об этом.

– А почему, черт возьми?

– Он может выполнить твою просьбу...

– Очень сомневаюсь! – Хазелиус вновь повернулся к экрану: – Ну же! Слышишь меня? Докажи, что ты в самом деле Бог.

Последовало некоторое молчание. Тут на экране появился ответ:

«Сам придумай, какое хочешь получить доказательство, Хазелиус. Но предупреждаю: это станет последним тестом. У нас много важных дел и слишком мало времени».

– Что ж, хорошо.

– Подожди! – воскликнула Кейт.

Хазелиус взглянул на нее.

– Грегори, если тебе этого так хочется, сделай все правильно, чтобы не оставалось ни сомнений, ни неопределенности. Спроси его о том, что известно одному тебе и больше никому на всем белом свете. О чем-нибудь сокровенном, об очень личном. О том, что, помимо тебя, известно одному только Богу.

– Ты совершенно права. – Хазелиус на минуту умолк. – Придумал.

Воцарилось молчание. Все позабыли о своих заданиях. Хазелиус повернулся к визуализатору и медленно произнес:

– Моя жена, Астрид, перед самой смертью забеременела. Мы едва успели об этом узнать. И ни с кем – ни с кем в целом мире – мы не поделились своей новостью. Мой вопрос такой: какое имя мы решили дать ребенку?

Последовало молчание, нарушаемое лишь неземным пением детекторов. Экран не загорался. Шли секунды. Хазелиус усмехнулся:

– Теперь все ясно. Лично я в этом и не сомневался.

Внезапно, словно откуда-то издалека, на мониторе медленно высветилось имя.

«Мальчика назвали бы Альберт Лейбниц Ганд Хазелиус».

Хазелиус замер. На его лице ничего не отражалось. Все уставились на него, ожидая опровержения, но руководитель молчал.

– А если бы это была девочка? – прокричал Эдельштайн, подходя ближе к визуализатору. – Если бы девочка? Как бы назвали ее?

«Розалинда Кюри Ганд Хазелиус».

Хазелиус мягко и медленно, будто во сне, опустился на пол.

Глава 44

Стэнтон Локвуд вошел в Овальный кабинет, где президент мерил пол шагами, будто лев в клетке. Роджер Мортон, глава администрации, и вездесущий Гордон Гэлдон, руководитель предвыборной кампании президента, стояли у стен напротив друг друга словно арбитры. Безмолвная секретарша Джин сжимала в руках блокнот для стенографических записей. Локвуд взглянул на плоский настенный экран, разделенный надвое, и изумился, увидев на первой половине изображение советника по национальной безопасности, а на второй – Джека Стрэнда, директора ФБР.

– Стэнтон. – Президент схватил Локвуда за руку. – Хорошо, что вы так быстро приехали.

– Как же иначе, господин президент.

– Садитесь.

Локвуд опустился в кресло, а президент остался стоять.

– Я собрал вас, Стэн, потому что с нашим проектом в Аризоне творится что-то невероятное. Мне только что сообщил об этом Джек. Около восьми часов по горному стандартному времени связь с «Изабеллой» прервалась, равно как и связь с горой Ред-Меса. Ответственный за проект представитель министерства энергетики попытался связаться с учеными по аварийной линии, по сотовой связи, позвонил даже на обычные, местные номера. Безрезультатно. «Изабелла» работает на полной мощности, команда, судя по всему, в Бункере, но совершенно изолирована от внешнего мира. Новость передали наверх, а директор Стрэнд связался со мной.

Локвуд кивнул. Происходило нечто крайне странное. Для связи с «Изабеллой» было предусмотрено огромное количество запасных каналов. Ничего подобного случиться не могло.

– Послушайте, по-моему, виной всему какой-нибудь сбой, – сказал президент. – Быть может, проблемы с электричеством. Я не собираюсь поднимать вокруг этого шум, особенно в теперешние напряженные времена.

«Напряженными временами» президент называл предвыборный период.

Он продолжал ходить взад и вперед.

– Проблем у нас и без того хватает. Джин, будь добра.

С потолка опустился еще один экран. Послышался шум помех, и на мониторе возникло изображение преподобного Дона Т. Спейтса, который восседал за круглым деревянным столом. Из шоу оставили всего восемь минут, выбрав все самое важное. Говорил Спейтс с великим убеждением, его голос звучал из акустической системы как раскаты грома. Запись подошла к концу. Президент остановился и взглянул на Локвуда:

– А вот на это нельзя не обратить внимания.

Локвуд вдохнул поглубже.

– Господин президент, на мой взгляд, не стоит придавать речам Спейтса особого значения. Это же глупости. В них верят только малообразованные и недалекие люди.

Президент повернулся к главе администрации:

– Роджер, пожалуйста, расскажи, как обстоят дела.

Мортон поправил лопатообразными руками галстук и взглянул на Локвуда бледно-серыми глазами:

– Ток-шоу «Америка за круглым столом» не успело закончиться, а в Белый дом уже поступила почти сотня тысяч электронных сообщений. Полчаса назад эта цифра возросла до двухсот тысяч. О нынешнем положении сказать ничего не могу, потому что наши компьютеры вышли из строя.

Локвуд в ужасе поежился.

– За все время своей политической деятельности я не сталкивался ни с чем подобным, – сказал президент. – И именно в этот опасный момент мы теряем связь с «Изабеллой»!

Локвуд взглянул на мрачного Гэлдона, но тот, как всегда, выжидал.

– Может, стоит туда кого-нибудь отправить? – спросил Локвуд. – Пусть проверят, в чем там дело.

– Мы как раз обдумываем этот вопрос, – подключился к беседе через систему телеконференции директор ФБР. – Пожалуй, стоит послать небольшую команду... на случай, если... положение совсем плачевное.

– Совсем плачевное?

– Существует вероятность того, что мы имеем дело с выходками террористов или, допустим, местных повстанцев. Конечно, эта вероятность мала, однако нельзя не принимать ее в расчет.

Локвуду показалось, что он выпал из действительности и куда-то летит по спирали.

– Стэнтон, – произнес президент, сцепляя за спиной руки, – главный ответственный за этот проект – вы. Может, объясните нам хоть что-нибудь?

Консультант по науке прокашлялся.

– События развиваются престранно и не по плану – это все, что я могу сказать. Предположить могу единственное...

– Что? – спросил президент.

– Что ученые намеренно отключили все системы связи.

– Можно ли узнать, так ли это?

Локвуд на мгновение-другое задумался.

– В Лос-Аламосе живет человек по имени Бернارد Вульф. Он был правой рукой Кена Долби – главного инженера, который спроектировал «Изабеллу». Вульф знает ее в мельчайших подробностях. Ему известно, из каких она состоит систем, какие компьютеры ею управляют, как все это взаимодействует. И у него есть все чертежи.

Президент повернулся к главе администрации:

– Свяжитесь с ним и отправьте его на объект.

Мортон что-то сказал своему помощнику, и тот торопливо удалился из кабинета. Мортон прошел к окну и остановился. Его лицо побагровело, на шее едва заметно пульсировали вены. Он посмотрел прямо в глаза Локвуду.

– Я несколько недель подряд твердил тебе, Стэн, что с «Изабеллой» проблемы. Какого черта ты до сих пор ничего не предпринял?

Локвуда ошарашил его тон – так грубо с ним уже давно никто не разговаривал. Он попытался сохранить самообладание.

– Я работаю над этой проблемой день и ночь, даже отправил туда своего агента.

– Агента? А я почему об этом не знаю?

– Разрешение дал я, – резко произнес президент. – Попрошу говорить по существу и обходиться без оскорблений!

– И чем же этот агент занимается? – спросил Мортон, не обращая на президента особого внимания.

– Изучает обстановку, пытается выяснить, что происходит, – ответил Локвуд.

– И?..

– Я надеюсь узнать что-нибудь к завтрашнему дню.

– Каким образом вы с ним связываетесь?

– У него есть спутниковый телефон, – сказал Локвуд. – Впрочем, если вся команда сейчас в Бункере, до него не дозвонишься.

– Давайте попробуем.

Локвуд дрожащей рукой записал на листке бумаги номер и отдал его Джин.

– Включите громкую связь, – попросил Мортон.

Послышался гудок, пять, десять, пятнадцать.

– Довольно. – Мортон окинул испепеляющим взглядом Локвуда и медленно повернулся к президенту: – Если позволите, господин президент, я предлагаю переместиться в зал переговоров. Думаю, встреча затянется.

Локвуд уставился на ковер с изображением большой государственной печати. Все происходило будто не с ним. «Неужели Форд обо всем узнал, – подумал он, – но, как остальные, врет и хранит секрет?»

Глава 45

Хазелиус упал на покрытый линолеумом пол. Форд рванул к нему, его примеру последовали и все остальные. Уайман опустился на колени и нащупал пульс на сонной артерии Хазелиуса. Она билась быстро, часто и сильно. Кейт схватила Хазелиуса за руку.

– Грегори? Грегори!

– Дайте мне фонарик, – попросил Форд.

Уордлоу протянул ему фонарь. Форд разжал веки Хазелиуса и посветил на глаз. Зрачок сузился.

– Воды.

Кто-то всунул ему в руку пластиковый стаканчик с водой. Форд достал из кармана носовой платок, намочил его и протер лицо Хазелиуса. Плечи физика дрогнули, глаза распахнулись. Он встревоженно и смущенно осмотрелся.

– Что?..

– Все в порядке, – ответил Форд. – Обычный обморок.

Хазелиус, ничего не понимая, продолжал озираться вокруг. Мало-помалу в его глазах стало появляться осознание того, что происходит. Он попытался сесть.

– Не волнуйся, – сказал Форд, удерживая его рукой. – И лежи. Пусть голова окончательно прояснится.

Хазелиус уставился в потолок.

– Господи Боже, – простонал он. – Не может такого быть. Просто не может быть!

В душном воздухе пахло нагретыми электроприборами. Со всех сторон продолжали

доноситься потусторонние звуки, будто гора причитала по мертвецу.

– Помогите мне сесть, – задыхаясь, попросил Хазелиус.

Кейт с Фордом взяли его под руки и усадили в кресло.

Хазелиус оперся ладонями на подлокотники и обвел коллег долгим взглядом. Глаза его светились неестественным голубым светом.

– Так это правда? – потребовал Эдельштайн. – Он правильно назвал имена? Мне нужно знать!

Хазелиус кивнул.

– Нет, это какой-то фокус! У него должна быть разгадка!

Хазелиус покачал головой.

– Наверняка ты кому-нибудь об этом рассказывал, – произнес Эдельштайн. – Кто-нибудь проведал...

– Нет.

– А врач, который наблюдал твою жену? Может, она поделилась вашей тайной с ним?

– Она всего лишь прошла домашний тест, – прохрипел Хазелиус. – Мы только-только узнали о ребенке... А через час ее не стало.

– Но ведь она могла кому-нибудь позвонить? Например, матери?

Хазелиус мотнул головой:

– Исключено. Я все время был с ней рядом. Мы вместе узнали результат теста и заговорили об именах. Вот так. Болтали об этом целый час. Никуда не выходили, никому не звонили. Она чересчур обрадовалась. Из-за этого у нее и расширились сосуды. Внезапный прилив счастья, скачок кровяного давления, и... кровоизлияние в мозг.

– Да нет же... что-то здесь не так, – продолжал спорить Эдельштайн.

Чен тряхнула длинными волосами, и они взметнулись черным водоворотом.

– Алан, данные поступают из пространственно-временной дыры, а не откуда-нибудь из системы. Я обнаружила это в первый раз, потом во второй, затем перезагрузила процессоры всех детекторов и сделала всевозможные тесты. Ошибки быть не может.

Хазелиус вздохнул, содрогаясь всем телом.

– Он знал, о чем я думаю. А в прошлый раз угадал мысли Кейт. Нет, Алан, это не фокус. И не какая-нибудь случайность. Кто бы это ни был, он читает наши самые сокровенные мысли.

Никто не смел пошевелинуться. Форд предельно напрягал мозг, пытаясь подыскать разумное объяснение происшедшему.

Хазелиус снова заговорил, негромко и деловито:

– Машина работает сама по себе. Возвращайтесь на места.

– Мы что... не будем скидывать мощность?

– Нет.

«Изабелла» продолжала гудеть, потребляя громадное количество электроэнергии и работая на «автопилоте». По экранам шли помехи. Детекторы пели свою странную песню. Электронное оборудование потрескивало. Казалось, предельное напряжение ученых передалось машинам, даже самой «Изабелле».

– Алан, возвращайся к компьютерам и следи, чтобы все шло ровно. Кейт, сделай расчеты по пространственно-временной дыре. Куда она ведет? Во что перетекает? Мелисса, поработай с Кейт. Сделайте все возможные вычисления, проанализируйте все, что только сможете. Узнайте, черт возьми, что это такое!

– А с хакерской программой что? – спросил Долби таким тоном, будто никак не мог взять в толк, о чем идет речь.

– Кен, неужели ты не понимаешь? Никакой хакерской программы нет.

Лицо Долби сделалось еще более озадаченным.

– Ты что же... думаешь, что это в самом деле... Бог?

Хазелиус посмотрел на него со странным выражением.

– Полагаю, «Изабелла» входит в контакт с чем-то настоящим. Бог ли это и что вообще

подразумевается под этим словом – судить пока рано. У нас слишком мало информации. Поэтому-то и следует продолжать работу.

Форд огляделся. Никто толком не понимал, с чем имеет дело. По лицу Уордлоу катились капли пота. Кейт и Сен-Винсент смертельно побледнели.

Уайман взял Кейт за руку.

– Как ты?

Она покачала головой:

– Не знаю.

Хазелиус обратился к Долби:

– Как ты думаешь, сколько у нас времени?

– Так долго работать на полной мощности... Это же чертовски опасно, Грегори.

– Я спросил, есть ли у нас время, а не о том, опасно это или нет.

– Часа два, самое большее три.

– Подождите, – сказал Иннс. – Давайте не будем пороть горячку. Надо разобраться, что тут происходит.

Хазелиус взглянул на него:

– Если бы с тобой заговорил сам Бог, Джордж, ты что же, развернулся бы и вышел?

– Грегори, что с тобой? Ты и впрямь веришь, что с нами беседует сам Бог?

– Я сказал «если бы».

– Не желаю отвечать на столь нелепые вопросы.

– Да пойми же, Джордж, если мы вышли на связь с неким универсальным интеллектом, нельзя все бросить и махнуть на это рукой. Нам дается шанс. Сейчас, здесь. Его ни в коем случае не следует упускать.

– Но ведь это безумие, – тихо произнес Иннс.

– Нет, Джордж, это не безумие. Мы попросили доказательство и получили его. Дважды. Возможно, это действительно сам Бог. Или что-то еще. Я не знаю, но лично я собираюсь доехать на этом поезде до конечной станции. – Хазелиус обвел коллег горящим взглядом. – Желаете составить мне компанию?

Центр наполняло пение «Изабеллы». Экраны мигали. Никто не произносил ни слова, но Форд видел ответ во взгляде каждого.

Глава 46

В девять часов вечера пастор Рассел Эдди закрыл Библию, водрузил ее на одну из неровных книжных стопок, возвышавшихся на письменном столе, отодвинул в сторону грудку книг, что беспорядочно лежали перед компьютером, и приготовился к работе. Задремавший монитор очнулся, и спальня осветилась голубым сиянием.

Никогда прежде в голове Эдди не бывало настолько ясно. Бог ответил на его молитвы и указал единственно верный путь.

Минут пять пастор смотрел в экран, собираясь с мыслями. Внешне он оставался спокоен, но его сердце билось так, будто в нем поселился сам Святой Дух. Как оказалось, не зря жизнь забросила его на край света и заставила служить в нищенской церквушке. Не зря умер Лоренцо. Господь привел сюда Рассела Эдди ради великой службы, назначил его своим помощником и поручил ему решающую роль в преддверии конца света.

Полчаса Эдди сидел, почти не двигаясь и напряженно раздумывая о том, что следует написать в письме. Его мозг работал до странного четко, а слова складывались в предложения без особого труда.

Наконец он почувствовал, что готов приступить к делу, пробормотал коротенькую молитву и положил пальцы на клавиатуру.

«Друзья во Христе!

Сегодня многие смотрели ток-шоу «Америка за круглым столом», которое

ведет преподобный Дон Т. Спейтс, и слышали его рассказ о проекте «Изабелла». Слышали и о том, что секретную информацию он получил из «своего источника», от «благочестивого христианина и проповедника».

Этот «источник» – я. Господь попросил меня донести до вас тайные сведения. Как вы ими распорядитесь – дело ваше и Бога.

Зовут меня Рассел Эдди, я пастор церкви «Во Имя Твое» в резервации индейцев навахо. Наша скромная христианская миссия расположена у подножия горы Ред-Меса, в десяти милях от «Изабеллы».

Друзья, у меня есть еще одна весть – необычайная и пугающая, но при этом радостная. Событие, которого христиане ждали две тысячи лет, уже свершается. Сейчас, в минуты, когда я печатаю это письмо.

Пришел конец света. Пророчества Апокалипсиса сбываются уже сегодня, в этот вечер. Я говорю правду. Это не шутка.

Знаю, многие встречали подобные утверждения и прежде. Немало лжепророков заявляли: грядет конец. И к моим словам вы отнесетесь с недоверием... Что ж, я вас понимаю, но прошу об одном: выслушайте. «Кто имеет уши слышать, да слышит!»

Не совершайте ошибку, не удаляйте это послание, не прочтя его. И Господь в день Страшного суда зачтет вам. Выслушайте меня, помолитесь и лишь после принимайте решение.

У меня есть две вести.

Первая: Антихрист здесь, среди нас. Я лично встречался с ним. Он в самом деле существует и претворяет в жизнь свои давние замыслы и планы. Господь мне свидетель – Антихрист у меня на глазах сдернул с себя маску и предстал передо мной во всем своем безобразии.

Вторая весть: конец света пришел. Он начинается сегодня вечером.

Наверняка вы мне не верите. Должно быть, сейчас удивляетесь: «Сегодня вечером? Конец света? В те минуты, когда мои дети мирно спят в детской? И жена уже легла в постель? Это невозможно!» Но вспомните слова апостола Матфея: «Потому и вы будьте готовы, ибо в который час не думаете, придет Сын Человеческий».

Вот вам доказательство моих слов. Оно в Откровении, вот в этих строках: «И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадем, а на головах его имена богохульные».

«Песок морской» – пустыня в Аризоне. Диаметр «Изабеллы» – ровно семь лиг. У нее десять детекторов; каждый из них наблюдает за отдельным типом частиц. Некоторые детекторы называют «рогами». Если думаете, что все это плод моего воображения, тогда загляните на сайт проекта «Изабелла» – www.theisabellaproject.org – и проверьте.

«И дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть».

Кто же он, Антихрист? Его имя – Грегори Норт Хазелиус. Это он затеял создать «Изабеллу», вытребовал на нее деньги, возглавил команду ученых. «Нью-Йорк таймс» называет Хазелиуса умнейшим из умнейших. Он и сам сделал немало подобных заявлений. Как-то раз он сказал: «Интеллектуальное развитие всех вокруг намного ниже моего!» И назвал человечество «людьми-идиотами». Вот так-то, друзья мои. Но теперь понятно, кто это. Грегори Норт Хазелиус – Антихрист. Вы все еще сомневаетесь в моей правоте? Я с ним знаком. Мы разговаривали, и я смотрел ему в глаза. Я своими ушами слушал его богохульные речи, его оскорбления в адрес Спасителя. Он называет христиан «насекомыми» и «бактериями». Не верите мне – поверьте Библии. Вот еще несколько строк из Откровения, главы тринадцатой: «И поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно... И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище Его, и живущих на небе».

Как вы слышали от преподобного Дона Т. Спейтса, «Изабелла» заявляет, что она Бог. Но говорят эти люди не с Господом, друзья мои, они говорят с Сатаной.

«Итак, веселитесь, небеса и обитающие на них! Горе живущим на земле и на море! Потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени».

Сатану загнали в угол. Он в последний раз скалит зубы – столь опасным он не бывал никогда.

Вы спросите: где же настоящее доказательство? Слушайте внимательно, и услышите.

Задумайтесь над тем, что говорится на сайте проекта: «Работая на полную мощность, «Изабелла» воссоздает в месте столкновения температуру Вселенной, какой она была через одну миллионную секунды после Большого Взрыва, то есть выше триллиона градусов по Фаренгейту». А теперь сравните их с тринадцатым стихом тринадцатой главы Откровения: «И творит (зверь) великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю перед людьми».

Как видите, сбылось и еще одно пророчество апостола Иоанна.

Приведу другую цитату с сайта «Изабеллы»: «Суперкомпьютер, управляющий «Изабеллой», – самая мощная электронно-вычислительная машина на нашей планете, способная выполнять до пятнадцати квадриллионов операций в секунду. Приблизительно такова скорость человеческого мозга». А теперь сравните эти строки со стихом Откровения: «И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя».

Неужели вы сможете спокойно заснуть, зная, что вас вот-вот убьет Антихрист?

И наконец, друзья мои, вспомните последние строки тринадцатой главы Откровения. Они – самое удивительное пророчество апостола Иоанна. «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть».

Вот как, согласно Библии, можно распознать Антихриста: по числу «шестьсот шестьдесят шесть». Родным языком апостола Иоанна был древнееврейский. Он знал, что каждой букве древнееврейского алфавита соответствует число. Гематрия – превращение слова, записанного на иврите, в цифры. Давайте применим этот метод к «Изабелле» и ее местоположению. То есть заменим латинские буквы древнееврейскими и напишем напротив каждой число.

A – алеф – 1
R – реш – 200
I – йод – 14
Z – шин – 300
O – айин – 100
N – нун – 50
A – алеф – 1

В сумме – 666.

До сих пор не верите? Рассмотрим дальше.

I – йод – 14
S – шин – 300
A – алеф – 1
B – бет – 2
E – хе – 88
L – ламед – 130
L – ламед – 130
A – алеф – 1

В сумме – 666.

Это ли не доказательство, которого вы так ждали, друзья мои?

Вот еще один стих из Откровения: «И он собрал их на место, называемое по-еврейски Армагеддон».

На Армагеддоне Сатана в последний раз сражается с Иисусом. Слово «Армагеддон» произошло от еврейских слов «Har Megido», что значит «гора Мегидо». На Святой земле эту «гору» так и не нашли, потому что, как оказалось, слово «Мегидо» – это древняя форма еврейского слова, обозначающего красноватую землю. Получается, что «Армагеддон», о котором сказано в Откровении, – это некая красная гора. А «Изабелла», друзья мои, расположена в Аризоне в горе Ред-Меса, то есть в Красной столовой горе. Индейцы навахо называют ее «Dzilh Chii», что в переводе с навахо – просто «красная гора». Иначе говоря, «Армагеддон».

Вот вам доказательства, друзья мои. Все, что я узнал, теперь известно всем. Как вы поступите? Наступил самый главный момент вашей христианской жизни – сейчас, когда вы читаете это письмо.

Как вы поступите?

Останетесь дома? Растеряетесь, решите, что я очередной сумасшедший? Не встанете из-за стола, на котором стоит ваш компьютер, не потрудитесь узнать, где находится Ред-Меса и как до нее добраться? Отложите все размышления на завтра? Станете ждать других доказательств, какого-нибудь знака?

Или же откликнетесь на зов немедленно и вступите в армию Господа? Сию секунду оставите все, покинете свой дом и явитесь к горе Ред-Меса, чтобы вместе со мной пойти «на брань в оный великий день Бога Вседержителя»?

Готовы ли вы, братья во Христе, участвовать плечом к плечу со мной в последней схватке с Сатаной и его Антихристом?

Выбор за вами.

Во Христе, пастор Расс Эдди.

Миссия «Во Имя Твое»,

Блю-Гэп, штат Аризона.

Электронное письмо отправлено четырнадцатого сентября в девять тридцать семь вечера по горному стандартному времени.

Разошлите это послание всем своим друзьям христианам. Приезжайте на гору Ред-Меса и присоединяйтесь ко мне!»

Закончив письмо, Эдди, весь в поту, с дрожащими руками, откинулся на спинку стула. Перечитывать написанное он даже не думал: им руководил Бог, а значит, каждое предложение в послании получилось таким, каким должно было быть.

Пастор озаглавил послание «Ред-Меса = Армагеддон» и просмотрел список адресов. Часть из них он скопировал с сайтов разных церквей и из христианских рассылочных перечней; другие открыто висели на досках объявлений, в чатах, на дискуссионных и новостных сайтах.

Всего их скопилось две тысячи сто шестнадцать. Эдди знал, что большинство братьев-христиан не откликнутся. Об этом предупреждала Библия: «много званых, а мало избранных». Однако из двух тысяч хотя бы несколько дюжин вполне могли переслать письмо кому-то еще, те еще кому-то. Дюжины обещали перелиться в сотни, а там и в тысячи. Воззвания Эдди непременно поместят на сотнях христианских сайтов, его обязательно прочтет масса блоггеров. Словом, призыв распространится на довольно широких просторах. Эдди просиживал в сети достаточно долго, чтобы понять, насколько популярное средство призывает себе в помощники.

Вставив весь список адресов в поле «кому», он переместил курсор на кнопку с изображением бумажного самолетика, глубоко вздохнул и щелкнул мышкой. Раз! – и электронное письмо помчалось по просторам Интернета.

Дело сделано.

Эдди, весь дрожа, вновь откинулся на спинку стула. Все кругом безмолствовало. Но мир переменялся.

Он сидел не двигаясь минут пять, стараясь успокоиться. Помедлив, он извлек из кармана ключи, открыл шкаф для хранения документов, что стоял рядом с письменным столом, и достал «ругер блэкхок магнум» сорок четвертого калибра, подаренный ему отцом на восемнадцатилетие. Револьвер был современной копией оружия Старого Запада. Много лет назад Эдди провел несколько дней на стрельбище и по сей день регулярно проверял и смазывал «ругер».

Иллюзий у Эдди не оставалось: шла война, война в прямом смысле этого слова.

Зарядив револьвер, он положил его и две коробки патронов в рюкзак, добавил к ним бутылку с водой, фонарик, запасные батарейки, бинокль, Библию, карандаш, блокнот и небольшую канистру с керосином, которая хранилась у него на случай, если отключат электричество.

Закинув рюкзак на спину, пастор вышел в ночную прохладу и взглянул на гору, что выделялась черным громадным пятном на фоне темного неба. О присутствии в ней «Изабеллы» свидетельствовал лишь тусклый огонек, притулившийся на самом краю каменного острова.

Эдди бросил рюкзак на пассажирское сиденье пикапа и сел за руль. Оставшегося бензина хватало лишь на то, чтобы въехать на гору, но это не имело значения. Раз уж Бог завел его так далеко, значит, он же благополучно вернет домой и даже воссоединит с сыном. Пусть не в этой жизни, так в следующей.

Глава 47

– Все по местам, – уверенно скомандовал Хазелиус и повернулся к визуализатору: – Хорошо, давай начнем с самого начала. Кто ты такой?

Форд, будто замороженный, смотрел на экран и ждал ответа. Он втянулся в эту игру почти против воли.

«По причинам, о которых я уже упоминал, ты не в состоянии понять, кто я. Если приблизительно, то я Бог, но это слишком неточное описание».

– Ты часть Вселенной или отделен от нее? – спросил Хазелиус.

«Отдельностей нет. Мы все – единое целое».

– Зачем существует мироздание?

«Оно существует, потому что так проще, чем быть ничем. Поэтому есть и я. Примитивнее, чем сейчас, Вселенная стать не может. Так предусмотрено основным физическим законом, из которого вытекают все остальные».

– Что может быть проще, чем ничего? – спросил Форд.

«“Ничего” не существует. Ближайшее к нему состояние – Вселенная».

– Если все настолько просто, почему же тогда мироздание такое сложное?

«Сложность мироздания, которую вы наблюдаете, – стихийное свойство его простоты».

– Что же она такое, эта глубинная простота или сердце всего и вся? – спросил Эдельштайн.

«Реальность, которая способна разрушить человеческий мозг».

– Нет уж, увольте! – вскрикнул Эдельштайн. – Если ты такой умный, отвечай нам, несчастным невеждам, попонятнее. По-твоему, наши физические законы сплошь неверны, так?

«Вы создаете свои законы, полагая, будто есть время и пространство, которыми все ограничивается. Вот в чем ваша ошибка. Очень скоро все ваши представления о мире сгорят дотла. И возникнет другая наука».

– Если наши физические законы настолько неправильны, как же мы умудряемся достигать столь серьезных научных успехов?

«Ньютоновские законы движения, хоть они и ложны, позволили впоследствии

отправить человека на Луну. То же самое можно сказать обо всех прочих ваших законах: они не бесполезные аппроксимации, но в основе своей неверны».

– А разве возможно открыть и сформулировать какой-либо закон, если нет пространства и времени?

«Мы уделяем слишком много внимания метафизическим спорам».

– А что нам еще обсуждать? – спросил Хазелиус, опережая Эдельштайна.

«Причину, по которой я вышел с вами на связь».

– Что это за причина?

«У меня есть для вас задание».

Пение «Изабеллы» внезапно переросло в грохот, похожий на стук колес по железной дороге. Где-то внутри горы что-то забахало, все вокруг задрожало. Экран мигнул, по нему пошли помехи, и слова исчезли.

– Черт! – Пытаясь удержать контроль над программным обеспечением, Долби забегал пальцами по клавишам.

– Что происходит? – прокричал Хазелиус.

– Деколлимация пучка, – сказал Долби. – Харлан, у тебя загорелись сигнальные лампочки! Алан! Какого хрена вы стоите кто где попало?

– Быстро по местам! – скомандовал Хазелиус.

Бункер затрясся от новой волны грохота. Ученые поспешили к рабочим станциям. На экране, куда никто не смотрел, высветилась новая надпись.

– Поток энергии выравнивается, – сказал Сен-Винсент.

– Пучок коллимирован, – сообщил Долби. Его футболка повлажнела от пота.

– Алан, что с компьютерами?

– Порядок.

– А магнит как? – спросил Хазелиус.

– Еще держится, – ответил Долби. – Но его хватит ненадолго.

– Все ясно. Ну так какое задание? – спросил Хазелиус, вновь поворачиваясь к визуализатору.

Глава 48

Эдди поднялся на гору, и тут бензин кончился – пастор едва успел съехать с дороги. Машина подпрыгнула и остановилась в зарослях полыни. Территория «Изабеллы» в трех милях на востоке сияла в ночи бледным светом над скелетами высохших кедров.

Пастор выбрался из пикапа, надел рюкзак и пошел по дороге. Луна еще не взошла. Звезды, которые он каждый вечер видел из окон трейлера, на горе выглядели неестественно яркими и огромными, словно серебристые лужицы и воронки, разбросанные по небосводу. К «Изабелле» вели опоры высоковольтных линий, чернеющие на фоне темного неба.

Эдди чувствовал каждый удар своего сердца и слышал, как поет в ушах кровь. Никогда в жизни он не ощущал себя настолько живым. Через двадцать минут он без труда достиг поворота к старой фактории Накай-Рок, а еще через пять – приблизился к спуску в долину, достал бинокль и осмотрел поселение ученых.

Посреди спортивной площадки стояла большая коническая палатка-типи, освещенная горящим внутри костром. Рядом темнело диковинное сооружение с куполообразной крышей из веток, покрытой брезентом и камнями. Внизу тлели угли и высилась гора красных валунов – парная навахо. Эдди сталкивался с подобным не впервые.

Тихий сухой воздух наполняло негромкое пение и стук в барабан. Как странно: навахо проводили церемонии. Чувствовали ли и они приближение чего-то великого и неотвратимого? Знали ли о том, что на Землю обрушивается Господний гнев? Впрочем, индейцы – идолопоклонники, что верят в ложных богов. Эдди печально покачал головой. «Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их».

Типи и парную Эдди принял за очередное подтверждение своей правоты. Здесь, в

Аризоне, рядом с обычными людьми жил Сатана и наступал конец света.

Казалось, кроме навахо, в долине больше нет никого. Окна домов были темны. Эдди обошел поселок и через десять минут приблизился к взлетно-посадочной полосе. Ангарты пустовали. Антихрист и его последователи уединились там, где располагалась «Изабелла», – глубоко в горе. Эдди в этом не сомневался.

Он приблизился к двойному забору вокруг охраняемой зоны, скрепленному цепями, и предусмотрительно остановился в нескольких шагах. Ограда наверняка была укреплена охранной сигнализацией. Территорию освещал желтый натриевый свет. Лифт, что вел к «Изабелле» – высокая уродливая, увешанная антеннами и спутниковыми тарелками башня, – находился от Эдди в нескольких сотнях ярдов. Земля под ногами вибрировала, «Изабелла» приглушенно гудела. «Царем над собою она имела ангела бездны; имя ему по-еврейски Аваддон».

Дух и тело Эдди жгло будто в горячке. Он взглянул на опоры, по которым к машине поступала электроэнергия, и невольно поежился. Да, все верно. Должно быть, они личная армия дьявола, вот и творят свои черные дела ночью. Высоковольтные провода потрескивали, как наэлектризованные волосы. Эдди засунул руку в рюкзак, нащупал теплую кожаную обложку Библии и почувствовал ее успокоительную прочность. Обезопасив себя коротенькой молитвой, он прошел к ближайшей гигантской опоре и остановился возле нее. Верхушки было не рассмотреть. Казалось, она упирается в небо. Угадать высоту опор помогали лишь провода, что чернели на фоне звезд, исторгая змеиное шипение. «Симфония проклятых», – подумал Эдди, содрогаясь всем своим существом.

«...Чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя», – прозвучала в его ушах строка из Откровения. Помощники найдутся – в этом пастор не сомневался. На его призыв откликнутся. Следовало подготовиться и разработать план.

Он принялся изучать местность и делать пометки о рельефе, дорогах, въездах, ограде, столбах и прочих сооружениях.

Над головой шипели и плевались высоковольтные провода. Звезды продолжали мерцать. Земля пела. Рассел Эдди двигался в ночи, в первый раз за всю свою жизнь чувствуя непоколебимую уверенность.

Глава 49

Зал переговоров Белого дома, к великому удивлению Локвуда, оказался предельно скромным помещением, где пахло, как в непроветриваемой подвальной студии. Стены, выкрашенные в бежевый цвет, были увешаны плоскими экранами. Посередине стоял стол с торчащими из центра микрофонами. По периметру зала выстроились шеренги стульев.

Невзрачные конторские часы, темневшие на стене, показывали ровно полночь.

Президент, в сером костюме, розовато-лиловом галстуке и с зачесанными назад седыми волосами, выглядел свежим и бодрым. Он обратился к человеку, управлявшему аппаратурой:

– Свяжитесь с руководителем Объединенного комитета начальников штабов, с моим советником по национальной безопасности и с директорами ФБР и ЦРУ.

– Будет сделано, господин президент.

– Да, и не забудьте про председателя сенатской комиссии по разведке, а то потом будет ворчать, что с ним не считаются.

Президент сел во главе стола. Роджер Мортон, аристократичный и осмотрительный глава администрации, расположился справа от него. Гордон Гэлдон, руководитель президентской предвыборной кампании, большой и помятый, как неубранная кровать, в коричневом костюме из «Уол-Марта», сел по левую руку. Джин устроилась в углу у стены, за спиной президента, и приготовилась делать записи в блокноте.

– Давайте продолжим, а остальные присоединятся к нам, когда смогут.

Первым на одном из экранов появилось изображение Джека Стрэнда, директора ФБР. Он сидел за столом в офисе в Куонтико, на фоне гигантского герба бюро. Его по-коповски

суровая физиономия с квадратным подбородком и оспинами на щеках внушала уверенность. Впрочем, создавалось впечатление, что его непоколебимость наигранна.

На соседнем экране возникло лицо секретаря министерства энергетики Холла, который якобы отвечал за проект «Изабелла». На самом же деле он почти ею не интересовался и сейчас сидел в своем кабинете на Индепенденс-авеню с поблескивавшим от испарины лбом и в столь туго завязанном галстуке, что казалось, он пытался на нем повеситься.

– Итак, – произнес президент, сцепляя руки в замок. – Секретарь Холл, вы отвечаете за проект. Не потрудитесь ли объяснить, какого черта там творятся все эти странности?

– Прошу прощения... – заикаясь, начал Холл. – Господин президент, я понятия не имею... Ситуация внезапно вышла из-под контроля. Даже не знаю, что сказать.

Президент повернулся к Локвуду:

– Кто последний связывался с «Изабеллой»? Вы в курсе, Стэн?

– По-видимому, я. Около семи по горному времени я связывался с нашим агентом на объекте. По его словам, все шло своим чередом. На сегодня был запланирован запуск. Агент должен был присоединиться к команде в восемь. В общем, ничего необычного я не заметил.

– У вас есть какие-нибудь предположения?

В голове Локвуда промелькнул десяток гипотез, но все они казались нереальными. Он постарался унять бушевавшую внутри панику и произнес спокойным твердым голосом:

– Происходящее меня слишком озадачивает.

– Быть может, мы имеем дело с неким местным мятежом? Или актом саботажа?

– Не исключено.

Президент взглянул на руководителя Объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил США, который сидел в своем кабинете в Пентагоне, в мятой камуфляжной форме.

– Генерал, вам подчинены силы быстрого реагирования. Где расположена ближайшая по отношению к проекту группа?

– На военно-воздушной базе «Неллис» в Неваде.

– А подразделение национальной гвардии?

– Во Флагстаффе.

– Где находится ближайшее местное отделение ФБР?

– Тоже во Флагстаффе, – ответил с другого экрана Джек Стрэнд.

Президент, нахмурившись и барабанив пальцами по столу, задумался.

– Генерал, отправьте туда вертолет со спецкомандой. Пусть попытаются выяснить, в чем там дело.

Гордон Гэлдон, руководитель предвыборной кампании, поерзал на стуле, вздохнул и прижал палец к губам.

«Тсс! Слово предоставляется оракулу», – с иронией подумал Локвуд.

– Господин президент? – Говорил Гэлдон звучно, напоминая Орсона Уэллса в его последние годы.

– Да, Гордон?

– Позвольте подчеркнуть, что эта проблема носит не сугубо научный и даже не военный характер. Она в большей степени политическая. Средства массовой информации уже давно интересуются судьбой машины. В «Таймс» на днях появилась на эту тему большая статья. Один из ученых наложил на себя руки. Христиане-фундаменталисты охвачены праведным гневом. А теперь еще и пропала связь с объектом. В довершение всего туда отправили шпиона.

– Гордон, эту идею одобрил лично я, – сказал президент.

Гэлдон продолжал невозмутимым тоном:

– Господин президент, вот-вот грянет общественный взрыв. Проект «Изабелла» поддержали вы. Вас во всем и обвинят. Если проблема не решится немедленно, вам не видать победы. Отправить вертолет – это неэффективно и теперь уже поздно. На проверку уйдет целая ночь, но и к утру ничего конкретного не выяснится. К тому же завтра правду

узнаем не только мы, но и СМИ, а что последует за этим, лучше не задумываться.

– Что же вы предлагаете, Гордон?

– Окончательно устранить проблему к завтрашнему утру.

– Каким образом?

– Отправить туда людей, которые возьмут «Изабеллу» на себя, закрыть проект, а ученых под охраной вывезти с территории.

– Нет-нет, подождите, – произнес президент. – Этот проект – мое самое большое достижение. Я не могу его просто закрыть!

– Выбирайте одно из двух: или вы его убьете, или он вас.

Локвуд поразились категоричности, с которой советник разговаривал с президентом.

– По-моему, Гордон прав, – сказал Мортон. – До выборов меньше двух месяцев. У нас нет времени. Проект надо закрыть немедленно, сегодня же. С последствиями разберемся потом.

– Но ведь мы даже не знаем, что там творится! – воскликнул президент. – Может, ученых захватили в заложники? Или готовится очередной террористический акт?

– Может, и так, – сказал Мортон.

Последовало молчание. Президент взглянул на советника по национальной безопасности:

– Разведывательным службам известно хоть что-нибудь?

– Ничего такого, что могло бы прояснить ситуацию, господин президент.

– Хорошо. Давайте отправим туда команду – вооруженную и готовую к любому повороту событий, но немногочисленную. Не стоит привлекать к себе внимание прессы, а то нас в два счета поднимут на смех. Ограничимся небольшой, прекрасно подготовленной группой специального назначения. Пусть проникнут внутрь, если надо, устранят опасность, закроют чертову базу и вывезут ученых. К рассвету операция должна быть завершена. – Президент откинулся на спинку стула. – Итак, кому поручим это задание?

– В Денвере базируется группа по освобождению заложников, – сказал с экрана директор ФБР. – Оттуда до «Изабеллы» менее четырехсот миль. В состав команды входят одиннадцать человек, все они – бывшие члены группы «Дельта» и специально подготовлены для операций на территории Америки.

– Да, но управление... – начал было директор ЦРУ.

– Прекрасно, – перебил его президент, поворачиваясь к Локвуду. – Стэн? Что вы обо всем этом думаете?

Спокойствие далось консультанту по науке с большим трудом.

– Господин президент, на мой взгляд, прибегать к крайним мерам рановато. Я согласен с тем, что вы сказали в самом начале: прежде надо выяснить, в чем там дело. Наверняка всем этим странностям есть убедительное объяснение. Я бы на вашем месте сначала отправил на разведку вертолет с небольшой группой – прояснить ситуацию, так сказать.

– Завтра утром туда съедутся репортеры со всех новостных каналов, – жестко произнес Мортон. – Придется действовать под прицелом сотни телекамер. Сегодня ночью у нас еще есть право выбора, а завтра его не будет. Если ученые по каким-либо причинам забаррикадировались в горе, значит, повторяется нечто вроде случая в Уэйко.

– Уэйко? – Локвуд не верил своим ушам. – «Изабеллой» управляют двенадцать выдающихся специалистов. Ими руководит лауреат Нобелевской премии! Речь отнюдь не о кучке сумасшедших сектантов!

Глава администрации повернулся к президенту:

– Господин президент, я твердо стою на своем: операция должна быть завершена к рассвету. Как только туда явятся представители прессы, положение в корне изменится. На «прояснение ситуации» у нас совершенно нет времени. – В его голосе звучал сарказм.

– Полностью согласен, – сказал Гэлдон.

– Другого выхода, по-вашему, нет? – негромко спросил президент.

– Нет.

Локвуд сглотнул, у него кружилась голова. В споре он проигрывал, поэтому должен был принять участие в закрытии «Изабеллы».

– Операция, которую вы предлагаете, может привести к трагическим последствиям.

– К каким?

– Невозможно просто отключить подачу энергии к «Изабелле». Это взрывоопасно. Потоки электроэнергии контролируются изнутри, при помощи компьютера. Если по тем или иным причинам ученые... не примут ваш план, необходим человек, который смог бы грамотно вывести «Изабеллу» из рабочего состояния.

– Кого вы порекомендуете?

– Специалиста из Лос-Аламоса, о котором я уже упоминал. Бернарда Вульфа.

– Мы отправим за ним вертолет. А как проникнуть в закрытую зону?

– Бункер специально укреплен на случай нападения извне. Охранные системы – сверхсовременные и очень сложные. Если ученые не пожелают или не смогут открыть входную дверь, попасть внутрь будет весьма проблематично.

– А кнопки аварийного отключения не предусмотрено?

– Представители Агентства национальной безопасности решили, что наличие такой кнопки повысит опасность теракта.

– Как же нам туда войти?

Локвуд держался из последних сил.

– Самый верный путь – взорвать входную дверь. Она ведет в почти пустую пещеру. У одной из стен – нечто вроде склада. Однако вертолету там не приземлиться. Придется высадить команду на горе, они спустятся к Бункеру и лишь потом взломают дверь. Это, разумеется, в худшем случае. Но, надеюсь, ученые их сами впустят.

– Как же туда доставили тяжелое оборудование, если перед пещерой нет даже нормальной дороги?

– Его сгрузили через старый шахтерский туннель, дорогу к которому уничтожили. Опять же из соображений безопасности.

– Понятно. Расскажите подробнее о входной двери.

– Она изготовлена из композиционного материала на основе титана. Разрезать ее крайне сложно. Поэтому я и рекомендую взрывчатые вещества.

– Пришлите нам подробные технические характеристики. А что за дверь?

– Как я уже сказал, пещера. Слева располагается центр управления, который ученые нередко называют «мостиком». Его дверь – плита из нержавеющей стали толщиной в дюйм. Это последняя мера защиты от проникновения. Я отправлю вам все чертежи.

– Других охранных средств нет?

– Нет.

– Ученые вооружены?

– Оружие есть только у старшего офицера охранной службы. Больше ни у кого.

Мортон взглянул на президента:

– Господин президент, мы ждем вашего распоряжения. Как только получим его, немедленно приступим к операции.

Локвуд пристально следил за президентом. Тот помолчал, посмотрел на консультанта по науке и перевел взгляд на директора ФБР.

– Отправляйте на объект группу по спасению заложников. Выведите ученых из горы, и закроем проект.

– Будет сделано, господин президент.

Глава администрации шумно захлопнул папку с документами. Локвуду показалось, что Мортон отвесил ему смачную пощечину.

Глава 50

В Бункере по-прежнему раздавалось завывающее пение системы. Экран мигал. Форд

будто прирос к полу перед визуализатором. Кейт стояла с ним рядом. Уайман не помнил, как их руки встретились и сплели пальцы.

На мониторе высвечивался ответ на вопрос Хазелиуса.

«Великие монотеистические религии возникли как необходимая ступень в развитии человечества. Ваша задача – помочь людям перейти к новой системе верования».

– К какой именно?

«К науке».

– Это нелепо! – воскликнул Хазелиус. – Наука не может быть религией.

«Вы основали новую религию, но пока не осознаете этого. Верование изначально возникло как попытка понять мир. Теперь эту роль возьмет на себя наука».

– Наука и религия – две совершенно разные вещи, – подключился к беседе Форд. – Они задаются разными вопросами и требуют разных доказательств.

«И то и другое преследует одну и ту же цель: ищет истину. Однако сосуществовать религия и наука больше не могут. Столкновения между сторонниками одной и второй достигают накала. Наука отрицает большинство мировых религий, повергая верующих в состояние полного смятения. Вам предстоит помочь человечеству найти выход из кризиса».

– Какая ерунда! – прокричал Эдельштайн. – По-твоему, фанатики с Ближнего Востока или, скажем, наш Библейский пояс как миленькие послушают нас, откажутся от своих убеждений и примут науку в качестве новой религии? Это же безумие!

«Передайте миру мои слова и расскажите обо всем, что здесь случилось. Не стоит недооценивать мою власть – власть истины».

– И что же люди станут делать с этой новой религией? В чем смысл этих перемен? Кому они нужны? – спросил Хазелиус.

«Первоочередная задача человечества – выйти из зависимости от организма. Освободить разум от плоти».

– Освободить разум от плоти? Не понимаю, – пробормотал Хазелиус.

«От плоти. От нервов. От клеток. От всего в целом. То, при помощи чего вы думаете, не должно быть в рабстве у тела».

– Разве это возможно?

«Вы уже изобрели способ обработки данных без привлечения к этому своего организма – при помощи компьютеров. А вскоре начнете использовать квантовые состояния, что приведет к более широкому освоению природных квантовых процессов, которые вас окружают. То есть потребность в создании машин для работы с информацией вообще отпадет. Вы сольетесь с Вселенной, в прямом и переносном смысле, так же как до вас слились с ней другие разумные существа. Вы вырветесь из тюрьмы биологического интеллекта».

– А что потом?

«Со временем вы соединитесь с другими мыслящими общностями. А потом вместе с ними выясните, как перейти на третий уровень восприятия и с легкостью принять простую реальность, то есть сердце бытия».

– Только и всего? Больше ты ничего не хочешь сказать? – спросила Кейт.

«Хочу. Это всего лишь предисловие к более серьезному заданию».

Визуализатор замигал, по нему вновь пошли помехи. Долби, согнувшись над своим блоком управления, колдовал над пультом. Слова на экране задрожали, будто отражение в темной воде.

– В чем же суть этого более серьезного задания? – наконец спросил Хазелиус.

«Предотвратить «тепловую смерть» Вселенной».

Пальцы Кейт сжали руку Форда.

Глава 51

Букер Кроули пришел в кабинет и устроился с чашкой кофе в кресле перед

телевизором. В который раз он проверил новостные каналы: ничего. На громкие заявления Спейтса, казалось, никто не обратил особого внимания. Тем не менее Кроули не покидало чувство, что вот-вот случится нечто из ряда вон выходящее. Он взглянул на часы: половина второго по восточному поясному времени. В Аризоне – одиннадцать тридцать. Или десять тридцать?

Кроули хлебнул горького кофе и постарался прогнать тревогу. До сих пор все шло по плану, а шоу Спейтса, хоть и было полным бредом, наверняка до смерти перепугало совет племени.

Эта мысль успокоила Кроули. Ему стало любопытно, откуда Спейтс взял безумную новость о том, что «Изабелла» называет себя Богом.

Первым делом он позвонил в офис Спейтса, подумав, что преподобный может до сих пор заниматься какими-либо делами. Удивительно, но линия была занята. Выждав несколько минут, Кроули повторил попытку. Снова короткие гудки.

Быть может, в офисе проповедника всего-навсего сломался телефонный аппарат?

Кроули набрал номер сотового и услышал приятный женский голос: «Вы попали в голосовую почту преподобного Дона Т. Спейтса. К сожалению, папка переполнена. Попробуйте перезвонить позднее».

Кроули набрал домашний номер проповедника. И эта линия была занята.

Черт! В кабинете стало чересчур душно. Кроули раскрыл окно. Сквозь кружевные занавески ворвался поток бодрящего ночного воздуха. Лоббист несколько раз глубоко вздохнул, твердя себе, что для беспокойства нет причины, глотнул еще кофе и, глядя на окутанную тьмой улицу, задумался о том, что его так напугало. Неужели занятая телефонная линия?

Он сел за компьютерный стол, включил ноутбук, открыл поисковую систему и ввел в строку поиска «Спейтс. “Время Господне”».

Первой в списке шла ссылка на официальный интернет-сайт проповедника – www.godsprimetime.com. Кроули щелкнул по ней мышью и замер в ожидании.

По прошествии бесконечно долгой минуты на экране появилась надпись: «Превышение допустимой пропускной способности. Доступ к серверу ограничен из-за недостаточной пропускной способности сети. Повторите попытку позднее. Apache/1.3.37 Server at www.godsprimetime.com Port 80».

Волнение Кроули удвоилось. Все телефонные линии заняты, сервер перегружен... Может, сайт Спейтса подвергся атаке типа «отказ в обслуживании»? Лоббист вдруг подумал о том, что может найти подсказку на других христианских страничках, и впечатал в строку поиска: «Изабелла Бог Спейтс».

На экране высветился целый список сайтов: Jesus-is-savior.com, raptureready.com, antichrist.com. Он щелкнул по одной из ссылок, и перед ним открылся документ.

«Друзья во Христе!

Многие из вас смотрели сегодня ток-шоу «Америка за круглым столом», которое ведет преподобный Дон Т. Спейтс...»

Кроули прочел письмо раз, потом второй. По его спине пробежал холодок ужаса. Так вот каким источником воспользовался Спейтс! Услугами сумасшедшего пастора из «страны навахо». Подпись в самом конце свидетельствовала о том, что чокнутый проповедник отправил свое послание всего несколько часов назад. Судя по цифре, обозначающей количество посещений, можно было предположить, что письмо уже висит на многих интернет-сайтах.

«На скольких?» – с испугом подумал Кроули. Он вбил в строку поиска первое предложение, заключив его в кавычки, чтобы система выдала ссылки лишь на те сайты, где успели расположить безумное послание, и нажал на клавишу ввода. На мониторе высветилось:

«Страницы 1—10 из 56,500 по запросу “Многие смотрели сегодня ток-шоу «Америка за круглым столом», которое ведет преподобный Дон Т. Спейтс”»».

* * *

Кроули долго сидел не двигаясь в кабинете уютного джорджтауновского дома. Неужели письмо в самом деле разместили на пятидесяти тысячах сайтов? Такого не могло быть. Он глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться. Если о его причастности к нападкам Спейтса на «Изабеллу» узнает общественность, ему достанется посерьезнее, чем его давнему приятелю Джеку Абрамоффу. Вся беда была в том, что, обращаясь к преподобному, Кроули ничего толком не знал ни о нем самом, ни о его проповеднической деятельности, поэтому теперь чувствовал себя как человек, бросивший камень в темную яму и внезапно услышавший оттуда треск дюжины гремучих змей. Поднявшись со стула, он снова прошел к окну. Джорджтаун спал. На улице не было ни души. Казалось, в мире царит тишь и покой.

Внезапно компьютер пискнул, извещая о том, что пришло электронное письмо. В нижнем углу экрана всплыло небольшое окошко с темой сообщения: «Fwd: Fwd: Ред-Меса = Армагеддон».

Он начал читать письмо и с ужасом обнаружил, что оно то самое, которое он прочел только что. Неужели кто-то проведал о его связях со Спейтсом и уже угрожал ему? Может, его запугивал сам Спейтс? Взглянув на громадный список адресов в верхней строчке, он вмиг понял, что получателей – тысячи. Отправитель был ему совершенно незнаком. Словом, письмо пришло в его ящик по интернет-тропам вирусного маркетинга, взявшегося разрекламировать Армагеддон. Совершенно случайно.

Он в третий раз перечитывал послание, пытаясь угадать, как оно попало к нему и почему именно в это время, но тут компьютер снова издал сигнал, сообщая о получении еще одного письма. Тема была почти такой же: «Fwd: Fwd: Fwd: Fwd: Ред-Меса = Армагеддон».

Букер Кроули вцепился в ручки кресла и с трудом поднялся на ноги. Он в изнеможении прислонился к стене, а компьютер звякнул еще три раза, принимая новые письма. Кроули, пошатываясь, вошел в ванную, схватился за край раковины и закинул на плечо галстук. Его вырвало.

Глава 52

Берн Вульф прижался к стенке вертолета и нервно жевал жвачку. На борт забрались и молча расселись по местам одиннадцать человек в черной одежде, вооруженных до зубов. На груди каждого пестрел герб ФБР. В камуфляжном костюме, бронежилете и шлеме Вульф чувствовал себя крайне неудобно. Безуспешно попытавшись устроиться поудобнее, он поерзал на сиденье и скрестил руки на груди. Его утянутые в хвостик волосы торчали из-под шлема, и без зеркал было ясно, что вид у него самый что ни на есть комичный. Его голова покрылась потом, а в ушах дико загудело на первом же воздушном повороте.

Вертолет поднялся в ночное небо и набрал скорость. Всплывала луна, накидывая на землю серебристый покров.

Вульф непрерывно жевал. Что, черт возьми, произошло? Его подняли среди ночи, притащили на аэродром и заставили сесть в вертолет. Никто ни хрена не потрудились ему объяснить. Казалось, это не настоящая жизнь, а начало скверного боевика.

В иллюминаторе виднелись отдаленные вершины колорадских гор Сан-Хуан, а чуть погодя, когда нижние склоны остались позади, блеснула темная лента реки с тускло отражавшимися в ней серебряными звездами.

Вот промелькнули островки огней – города Блумфилд и Фармингтон – и последовала темная пустота. Вертолет свернул вправо, и вдалеке показался черный силуэт горы Навахо. До Вульфа наконец дошло, куда они держат путь – к «Изабелле».

Усердно жуя комок жвачки, он призадумался. Разумеется, ему было известно о том, что ученые столкнулись с серьезными проблемами. Об этом только и болтали в физико-конструкторских кругах. Весть о смерти бывшего коллеги, Петра Волконского, потрясла Вульфа. Нет, дружбу с русским он не водил, но, несомненно, уважал его как умнейшего программиста. Что же стряслось с «Изабеллой», если туда направили команду здоровяков в черных комбинезонах?

Четверть часа спустя на горизонте показалось громадное черное пятно горы Ред-Меса. Скопление фонарей на ее краю обозначало расположение «Изабеллы». Вертолет спустился к поверхности горы, проскользил к освещенной голубыми огнями взлетно-посадочной полосе, повернул и приземлился на вертолетной площадке.

Винты стали останавливаться. Один из фэбээровцев встал с сиденья и открыл грузовой люк. Сопровождающий Вульфа положил руку ему на плечо и показал жестом, что следует подождать. Раскрылась дверца, и агенты, полуприсев, один за другим выскочили наружу. Казалось, секретная операция уже началась.

Прошло минут пять. Наконец сопровождающий указал Вульфу на выход. Тот, повесив на плечо сумку, решил, что подражать фэбээровцам не стоит: если действовать как они, того и гляди, шею сломаешь. Он выбрался на землю с предельной осторожностью и поспешно отошел в сторону от еще работавшего хвостового винта. Сопровождающий легонько прикоснулся к его локтю и кивнул в сторону постройки из гофрированного железа. Внутри пахло лесоматериалом и клеем и стоял лишь одинокий письменный стол и ряд дешевых стульев.

– Присаживайтесь, доктор Вульф.

Вульф опустил сумку на стул и сел на соседний. В целом мире не сыскать менее удобного места, особенно в столь поздний час и так далеко от своей кровати и подушки. Дверь раскрылась, и на пороге появился человек. Вульф взглянул на него прищуренными от недосыпания глазами.

– Ответственный оперативный сотрудник Дерфлер, – представился незнакомец.

Не вставая, Вульф нехотя пожал протянутую руку.

Дерфлер присел на край стола и взглянул на Вульфа неестественно дружелюбным взглядом. Чувствовалось, что агент заряжен, как батарейка «Энерджайзер».

– Вы, похоже, никак не возьмете в толк, зачем вас сюда привезли, доктор Вульф.

– Как это вы догадались? – К людям с короткими стрижками, южным акцентом и притворно непринужденными манерами Вульф всегда относился настороженно. Работая над «Изабеллой», он не раз сталкивался с подобными типами.

Дерфлер взглянул на часы.

– У нас очень мало времени, поэтому я постараюсь объяснить суть дела в двух словах. Мне сообщили, что вы прекрасно знакомы с «Изабеллой», доктор Вульф.

– Еще бы, – раздраженно ответил Вульф. – Я был заместителем руководителя проектной группы.

– Вам доводилось здесь бывать?

– Нет. Я работал только с чертежами.

Дерфлер оперся рукой на стол и серьезно посмотрел на Вульфа:

– Здесь что-то произошло. Что именно – мы не знаем. Группа ученых заперлась внутри горы и отключила все средства связи. Главный компьютер вырубил, пользуются только вспомогательными. А машина несколько часов подряд работает на полной мощности.

Вульф облизнул губы. В то, что рассказывал Дерфлер, было невозможно поверить.

– Что происходит, мы не имеем понятия. Быть может, ученых взяли в заложники, или местное население устроило замысловатую акцию протеста, или произошла авария, или некая непредвиденная поломка оборудования. Либо возникли проблемы с электроэнергией.

– А я-то здесь зачем?

– Сейчас я все объясню. Люди, с которыми вы прилетели, – члены специальной группы по освобождению заложников. Это что-то вроде элитной команды сил специального

назначения. Возможно, никого и не думали брать в заложники. Однако мы должны быть готовы к любому повороту.

– Полагаете, в горе террористы?

– Не исключено. Группа проникнет в центр управления, при необходимости проведет операцию по освобождению, нейтрализует противников и выведет ученых с территории.

– Нейтрализует противников? Имеете в виду убьет?

– Если иного выхода не будет, да.

– Вы что, шутите?

Дерфлер нахмурился:

– Вовсе нет, сэр.

– Меня разбудили среди ночи для участия в спасательной операции? Бок о бок с головорезами? Простите, мистер Дерфлер, но, очевидно, вы привезли сюда не того Берна Вульфа.

– Не волнуйтесь, доктор Вульф. К вам прикомандирован агент по фамилии Миллер. Он блестяще знает свое дело и все время будет с вами рядом. Как только опасность минует, вы вместе войдете внутрь и выполните свое задание.

– Какое?

– Отключите «Изабеллу».

С вершины холма, возвышавшегося над долиной Накай, Нельсон Бегей осматривал территорию в старый армейский бинокль. Над типичным пролетел вертолет – палатка закачалась, как от пыльной бури, а церемонию Благословления пути пришлось прекратить. Бегей и Бесенти взобрались на холм и увидели, что вертолет приземлился на взлетно-посадочной площадке на удалении мили от них.

– Они что, прилетели за нами? – спросил Уилли Бесенти.

– Не имею понятия, – ответил Бегей, не опуская от глаз бинокль.

Из вертолета выпрыгнули люди с оружием. Вломившись в ангар, они вывели из него два «хаммера» и принялись чем-то их нагружать.

Бегей покачал головой:

– Пожалуй, с нами это не связано.

– Серьезно? – В голосе Бесенти ясно прозвучали нотки разочарования.

– Точно сказать не могу. Давай-ка подойдем поближе. Может, удастся выяснить, что к чему. – Заметив воинственное оживление в глазах Бесенти, Бегей положил руку ему на плечо. – Только держи себя в руках, договорились?

Глава 53

Стэнтон Локвуд приподнял рукав с поблескивавшей запонкой и взглянул на часы: глухая ночь, без четверти два. Президент отдал распоряжение директору ФБР в полночь, и операция началась. Специальная группа по освобождению заложников несколько минут назад приземлилась на взлетно-посадочной полосе. Теперь они загружали вооружение в «хаммеры» для перевозки на край горы и спуска ко входу в Бункер.

В зале переговоров сам воздух дрожал от напряжения. Джин, секретарь президента, то и дело потряхивала рукой, быстро устававшей от нескончаемых записей.

– Первый «хаммер» готов, – сказал директор ФБР, комментируя происходящее. – Ученых до сих пор не видно. Как мы и предполагали, они в Бункере.

– Связаться с ними не удастся?

– Нет. Все каналы связи с Бункером отключены.

Локвуд заерзал на стуле. Он до сих пор суматошно искал объяснение странностям, но понять ничего не мог.

Дверь отворилась, и в зал вошел Мортон с какими-то бумагами в руках. Локвуд всегда его недолго любил, а теперь прямо-таки ненавидел. Его раздражало в Мортоне все: и очки в

черепаховой оправе, и безукоризненный костюм, и даже галстук, который выглядел так, будто его приклеили к рубашке. Однако этот тип играл одну из ключевых ролей в правительственных делах, и неприязнь к нему следовало тщательно скрывать.

Мортон подошел к президенту, показал бумаги, и они, внимательно глядя в текст, о чем-то негромко заговорили. Потом подозвали к себе Гэлдона и долго изучали листы втроем.

Президент обратился к Локвуду:

– Стэн, взгляните.

Локвуд поднялся с места и присоединился к группке. Президент протянул ему копию электронного письма, и советник по науке принялся читать: «Друзья во Христе...»

– Интернет кишит этими письмами, – прервал его Мортон. – Буквально кишит.

Локвуд в недоумении опустил распечатку на стол.

– Печально. Не думал, что в Америке двадцать первого века столь популярны средневековые бредни.

Президент в изумлении уставился на него:

– Это не просто печально, Стэн! Это самый настоящий призыв к вооруженному нападению на правительственный объект!

– Господин президент, лично я не стал бы обращать на эти глупости особого внимания. В письме нет ни четких указаний, ни плана действия... В нем даже не обозначено место сбора. По сути, это просто «сотрясение воздуха». Подобные письма путешествуют по Интернету каждый божий день. Но ведь никто не принимает решительных мер, все спокойно сидят себе дома.

Мортон смотрел на него с холодной враждебностью.

– Локвуд, это письмо разместили на десятках тысяч сайтов. Призыв распространяется с немыслимой скоростью. Мы обязаны обратить на него особое внимание.

Президент вздохнул.

– Хотел бы я, подобно вам, Стэн, сохранять спокойствие. Но увы... подобный клич, после этой проповеди... – Он покачал головой. – Разумнее приготовиться к худшему.

Гэлдон шумно откашлялся, готовясь сказать свое решающее слово.

– Те, кто верит, что наступает конец света, способны на самые дикие выходки. В том числе и на открытую агрессию.

– Предполагается, что христиане чужды насилию, – заметил Локвуд.

– Мы не обсуждаем, каким должен быть истинный христианин, Стэн! – саркастически воскликнул президент. – Сейчас речь о том, что верующие – именно та группа населения, которая легко поддается внушениям. – Он бросил листок на стол и повернул его к советнику по национальной безопасности. – Где находится ближайшее к «Изабелле» подразделение национальной гвардии?

– В Кэмп-Навахо, недалеко от Белльмонта, чуть севернее Флагстаффа.

– Далеко это от горы Ред-Меса?

– Миль сто двадцать пять.

– Пусть отправляются на объект. В качестве подстраховки.

– Хорошо, сэр. Но, должен вас предупредить, половина подразделения находится за пределами страны, к тому же их вооружение и вертолеты не совсем подходят для подобной операции.

– Сколько им потребуется времени на сборы?

– Необходимо дополнить группу оружием и людьми с базы ВВС «Неллис». На это уйдет от трех до пяти часов.

– Пять часов – слишком долго. Постарайтесь уложиться в три. В четыре сорок пять команда должна приземлиться на территории «Изабеллы».

– Четыре сорок пять, – повторил советник по национальной безопасности. – Будет сделано, господин президент.

– И еще: отдайте секретное распоряжение полиции штата Аризона усилить патруль. Если заметят подозрительные автомобили на магистралях или второстепенных дорогах

резервации навахо, пусть немедленно доложат об этом. Будьте готовы к тому, что чуть позже придется установить контрольно-пропускные посты.

– Вас понял, господин президент.

– В Пиньоне, – сказал Локвуд, – всего в двадцати милях от горы Ред-Меса, есть отделение племенной полиции навахо.

– Прекрасно. Пусть они отправят наряд на дорогу, которая ведет к горе.

– Хорошо.

– Только давайте все сделаем тихо. Если мы поднимем шум, то христиане обрушат на нас водопад своего гнева. Заявят, что мы ненавистники Иисуса, либералы-безбожники. А то и что-нибудь похлеще. – Президент осмотрел своих советников. – Еще какие-либо рекомендации будут?

Ему ответили молчанием.

Президент повернулся к Локвуду:

– Надеюсь, что вы правы. Однако не исключена и вероятность того, что к «Изабелле» в эти самые минуты уже съезжаются десятки тысяч религиозных фанатиков.

Глава 54

По голове Форда стекали ручейки пота. В центре управления становилось нестерпимо жарко, несмотря на то что кондиционеры работали на полную катушку. «Изабелла» пела, стены вибрировали. Все внимание Кейт было приковано к визуализатору.

«Как только Вселенная достигнет состояния максимальной энтропии, то есть когда наступит «тепловая смерть», прекратятся все вычислительные операции. А я умру».

– Это неизбежно? Или есть способ предотвратить такой исход? – спросил Хазелиус.

«Ответ на этот вопрос вам и предстоит найти».

– Получается, это и есть конечная цель бытия? – произнес Форд. – Избежать загадочной «тепловой смерти»? Звучит как выдумка писателя-фантаста.

«Спасение от «тепловой смерти» – всего лишь шаг на пути».

– На каком пути? – спросил Хазелиус.

«На пути, за время прохождения которого Вселенная полностью подготовится к конечному состоянию».

– Что это за состояние?

«Не знаю. Ни вы, ни даже я не способны его представить».

– Ты говоришь, за время этого пути Вселенная успеет полностью подготовиться, – сказал Эдельштайн. – Сколько на это уйдет времени?

«В ваших математических символах это число лет, первое число Бога, выглядит так:

то есть десять факториал, возведенный в степень десять факториал с итерацией десять в восемьдесят третьей степени, причем полученный результат следует возвести в степень своего факториала с итерацией десять в сорок седьмой степени. По окончании этого срока мироздание найдет ответ на главный вопрос».

– Но ведь это невообразимо долго!

«Да, на ваш взгляд. А для бесконечности – капля в море».

– Будет ли место в этой прекрасной новой вселенной моральным и этическим устоям? – спросил Форд. – А свободу и прощение грехов люди получат?

«Повторю еще раз: раздельность – всего лишь иллюзия. Люди – все равно что клетки в организме. Клетки отмирают, а организм живет дальше. Ненависть, жестокость, войны, геноцид – все это как аутоиммунная болезнь, отнюдь не то, что вы именуете злом и грехом. Единение и его осознание, которые я предлагаю, откроют широкий простор для добродетели, причем альтруизм, милосердие и забота о ближнем играют в этом наиважнейшую роль. Судьба всех вас – одна судьба. Человечество или полностью вымрет, или выживет. Помилован не будет никто, потому что нет пропащих. И прощать некого, потому что никого ни в чем и не обвиняют».

– А как быть с обещанием лучшей жизни после смерти?

«Ваши разнообразные представления о царствии небесном довольно бессмысленны».

– Нет, именно идея спасения далеко не бессмысленна.

«Духовная завершенность, которую я вам предлагаю, несравнимо грандиознее любых небесных царств».

– А душа? Существование бессмертной души ты отрицаешь?

– Уайман, довольно! – воскликнул Хазелиус. – Ты тратишь массу драгоценного времени на теологические рассуждения!

– Прошу прощения, но мне кажется, все эти вопросы – жизненно важные, – сказала Кейт. – Их нам непременно зададут, и лучше бы знать ответы.

«Нам? – подумал Форд. – Интересно, кого она имеет в виду?»

«Информация не исчезает. Со смертью тела накопленные данные изменяют структуру и форму, но не пропадают. Смерть – всего лишь информационное перемещение. Не бойтесь ее».

– Что же теряется со смертью? – спросил Форд. – Индивидуальность?

«Не задумывайтесь и не печальтесь о потерях. Из острого чувства индивидуальности, столь необходимого для эволюции, вытекает множество свойств человеческого существования, как дурных, так и хороших: страх, боль, страдание, одиночество, равно как и любовь, счастье, сопереживание. Именно поэтому вам надлежит расстаться со своим биохимическим существованием. Тирания плоти уйдет, останется лишь то, что вы захотите взять с собой, – любовь, счастье, альтруизм, забота о ближнем. Все отрицательное исчезнет».

– Меня как-то не утешает мысль о том, что мое бессмертие гарантировано квантовыми флуктуациями, которые генерируются за время моего существования, – с сарказмом произнес Форд.

«Такое новое видение жизни доставит вам большое утешение. Информация во Вселенной бессмертна. Ваши поступки, воспоминания, горести – не забудется ничто. Да, ваши индивидуальности окажутся затеряны в потоке времени, ваши молекулы смешаются. Однако сведения о том, кем вы были, чем занимались, как жили, навсегда останутся в универсальном операционном центре».

– К сожалению, всеобщее существование при «универсальном операционном центре» кажется слишком уж механистическим и бездушным.

«Тогда дайте этому иное имя. Допустим, назовите его мечтой, желанием, чаянием, раздумьем. Все, что вас окружает, часть невообразимо масштабного и прекрасного вычислительного процесса – все, начиная ребенком, который пытается произносить первые слова, и заканчивая превращением звезды в черную дыру. Наша Вселенная – восхитительная и непрерывная операция подсчета, которая, основываясь на единственной аксиоме великой простоты, длится вот уже тринадцать миллиардов лет. Так что мы с вами не создаем ничего принципиально нового. Как только ограниченное плотью мышление переместится на следующий уровень, вы сами начнете управлять операционными процессами, познаете их красоту и совершенство».

– Если все вокруг – вычислительная операция, тогда зачем вообще нужен ум? И мозг?

«Разум существует везде, даже в неодушевленном мире. Гроза – гораздо более сложное явление, чем человеческий мозг. Она по-своему разумна».

– У грозы нет сознания. А человек осознает, что он – это он. Разница между ними огромная, и это очень важно.

«По-моему, я объяснил, что осознание себя – это иллюзия, продукт эволюционного развития».

– Но погода лишена изобретательности. Она не может делать выбор, не умеет мыслить. Метеорологические условия – всего лишь механистическое проявление неких сил.

«Может, и ты – механистическое проявление каких-либо сил? Метеорологические условия, подобно мозгу, характеризуются комплексными химическими, электрическими и механическими свойствами. Природа изобретательна. И умеет думать. Просто ее мысли

отличны от ваших. Человек пишет роман на бумаге, а природа создает волны на поверхности океана. В чем разница между информацией, содержащейся в слове, и той, которую несет в себе волна? Прислушайтесь, и вы услышите говор моря. А однажды, обещаю, вы станете записывать свои размышления прямо на воде».

– Что же такое универсальный операционный центр? – злобно спросил Иннс. – И что он пытается вычислить?

«Это самая великая и самая прекрасная загадка на свете».

– Сигнал тревоги! – воскликнул Уордлоу. – Опять незваные гости!

Хазелиус повернул голову:

– Неужели опять проповедник?

– Нет-нет... Черт! Доктор Хазелиус, взгляните...

Ученые проследовали за руководителем на охранный пункт и уставились на мониторы.

– Что за ерунда? – воскликнул Хазелиус.

Уордлоу нажал на несколько клавиш.

– Не следовало мне отвлекаться на бредни этой штуковины! Взгляните, я перемотал запись назад. Вот, с самого начала. Вертолет... военный «блэк хок УН-60А» приземляется на нашей ВПП.

Все в полном ошеломлении смотрели на экраны, не веря своим глазам: люди в черных комбинезонах выгружали из вертолета оружие.

– Они вломились в ангары, вывели наши «хаммеры», сложили в них оружие... и ворвались на охраняемую территорию, – комментировал Уордлоу. – В эту минуту и сработала сигнализация. Я переключаюсь в режим реального времени.

На экране солдаты выпрыгивали из «хаммеров» и разбегались в разные стороны с оружием наготове.

– Что происходит? Какого хрена они тут делают? – исполненным тревоги голосом воскликнул Хазелиус.

– Готовятся к штурму, – ответил Уордлоу.

– Штурму? Кого они собираются штурмовать?

– Нас.

Глава 55

Расс Эдди, согнувшись в три погибели, выглядывал из-за можжевельного куста. Люди в черном выгружали оружие из «хаммеров» и устанавливали фонари вдоль укрепленной ограды. Эдди не сомневался, что их прислали для защиты «Изабеллы» в ответ на его послание. Все прочие предположения, которые являлись ему на ум, не походили на правду. Эдди знал, что его письмо попало в руки властям.

Он осторожно записал в блокноте, сколько явилось человек и какое оружие и снаряжение они с собой привезли.

Расставили переносные фонари, и вся территория осветилась ярким белым светом. Эдди пригнулся к земле, нырнул в густую тень и поспешил в обратный путь. Он собрал достаточно сведений. Вот-вот появится армия Господня, и ее следовало организовать.

Пастор направился к дальнему концу горы, туда, где пролегалa дорога Дагвей. Он разрабатывал план. Перво-наперво надлежало разбить лагерь, где-нибудь подальше от «Изабеллы», чтобы незаметно для ученых и вооруженной охраны собраться и обсудить последовательность действий. Самым подходящим для лагеря показалось место милях в трех от «Изабеллы», там, где дорога поднималась на самый верх горы. Чуть в стороне от Дагвей раскидывалось открытое поле, усеянное гладкими круглыми валунами.

Эдди взглянул на часы: без четверти двенадцать. С тех пор как он отправил письмо, прошло два часа. С минуты на минуту станут съезжаться братья-христиане. Чтобы никто не проехал мимо, он продолжил путь посередине дороги.

В полумиле от Дагвей до него донесся шум мотоциклетного двигателя, в темноте

блеснул свет быстро приближающейся фары. Пыльный мотоцикл затормозил прямо перед Эдди. За рулем сидел мускулистый парень с длинными светлыми, стянутыми в хвост волосами, в расстегнутой джинсовой куртке с оторванными рукавами и без рубашки. У него было поразительно красивое, как у кинозвезды, лицо с крупными чертами и божественное телосложение. На волосатой груди сверкал висевший на цепи тяжелый металлический крест.

Незнакомец опустил на землю ноги в кожаных сапогах и улыбнулся:

– Пастор Эдди?

Эдди с неистово бьющимся сердцем сделал шаг вперед.

– Приветствую во имя Иисуса Христа!

Парень выдвинул опорную подставку, поднялся с мотоцикла – он был сущим великаном! – распростер руки, заключил Эдди в пыльные объятия, отстранился и с чувством вцепился ему в плечи.

– Рэнди Доук. – Он снова обнял Эдди. – Послушайте, я что, самый первый?

– Да.

– Надо же! Я, как только прочел ваше письмо, запрыгнул на свой «кавасаки» и быстрее сюда. Я из Холбрука. Мчал на всех парусах, напрямик через пустыню, сбивал ограды. Я приехал бы раньше, но в районе горы Секонд-Меса застрял в песке и кувыркнулся через руль. Даже не верится, что я здесь. Представляете?

Эдди почувствовал, что верует сильнее прежнего, и ощутил прилив сил.

Доук осмотрелся по сторонам.

– И... что теперь?

– Давайте помолимся. – Эдди взял грубые руки брата-христианина, и они оба склонили головы. – Всемогущий Боже, просим Тебя, окружи нас ангелами – Твоими верными слугами. Пусть летят над нами крыло к крылу, защищают нас и приведут к победе над Антихристом. Во имя Твое, Иисус Христос, наш Господь. Аминь.

– Аминь, брат.

Густой звучный голос Доука действовал на Эдди утешительно. Казалось, этот человек знает наверняка, что должен делать.

Вернувшись к мотоциклу, Доук достал из прикрепленного к сиденью кожаного чехла винтовку, повесил ее на плечо, перекинул через другое плечо патронташ и стал походить на партизана давно минувших времен. Улыбнувшись Эдди, он отсалютовал по-военному:

– Брат Рэнди к службе в Господней армии готов!

На дороге вновь показался свет фар. К Доуку и Эдди медленно, будто несмело, подъехал пыльный джип. Из него вышли мужчина и женщина лет тридцати с небольшим. Эдди распростер руки и обнял сначала мужчину, потом женщину. Оба заплакали, и на их пыльных щеках заблестели дорожки слез.

– Приветствую во Христе.

На мужчине был запыленный деловой костюм. В руке он держал Библию. На поясе его брюк висел большой кухонный нож. На блузке женщины белели бумажные полоски. Когда она двигалась, листки трепетали, словно бабочки. Эдди рассмотрел написанные на них призывы и строки из Библии: «Веруй и повинуйся», «...идите по всему миру», «от конца земли до конца земли...».

– Поснимала их с холодильника, – объяснила незнакомка, доставая из машины бейсбольную биту.

– Мы молились, молились и еще раз молились, – сказал мужчина. – Но так и не поняли: Господь желает, чтобы мы боролись Словом Божьим или же настоящим оружием?

Они смотрели на Эдди, ожидая распоряжений.

– Вне всякого сомнения, – произнес он, – придется драться по-настоящему.

– Тогда хорошо, что мы взяли нож и биту.

– Сюда съедется множество христиан, – сказал Эдди. – Быть может, несколько тысяч. Надо наметить план. Предлагаю расположиться вот здесь. – Он указал на песчаное поле справа, усеянное гладкими валунами. В свете всходящей над краем горы кособокой луны

площадка казалась почти белой. – Рэнди, неспроста Господь привел тебя ко мне самым первым. Будешь моим главным помощником. Генералом. Давай вместе подготовим войско и поведем... в атаку. – Последнее слово далось Эдди с трудом.

Рэнди, не говоря ни слова, уверенно кивнул. Эдди заметил влагу и в его глазах. Парень очень растрогался.

– А вы поставьте свой джип поперек дороги, чтобы никто не проскочил к «Изабелле». Надо устроить все так, чтобы нагряться как снег на голову. Отправляйте всех на ту площадку. Это будет наша автостоянка. А мы с Рэнди пойдем на холм и будем ждать. Надо явиться к «Изабелле» в полной боевой готовности.

На дороге опять показался свет фар.

– До «Изабеллы» около трех миль. Пока не соберем достаточно сил, нельзя поднимать шум. Следите за тем, чтобы никто раньше времени не открыл пальбу и не отправился в бой без должной подготовки. Антихрист не должен знать, что мы здесь, пока не будет уверенности в том, что у нас достаточно людей и оружия.

– Аминь, – сказали первые Божьи воины.

Эдди улыбнулся:

– Аминь.

Глава 56

В два часа ночи преподобный Дон Т. Спейтс сидел за письменным столом в своем кабинете в здании, расположенном позади собора. Несколько часов назад пришлось вызвать на работу Чарлза и секретаря – от звонков и электронных писем не было отбоя. Перед преподобным высилась кипа распечаток, сделанных Чарлзом, перед тем как отказал сервер. Рядом лежал блокнот с записями о телефонных звонках. В приемной разрывался телефон.

Спейтс пытался взять в толк, что происходит. В дверь негромко постучали, и вошла секретарша со свежим кофе. Рядом с чашкой на подносе белела фарфоровая тарелка с шоколадным печеньем.

– Печенья больше не хочу.

– Хорошо, преподобный.

– И хватит отвечать на звонки. Отключи телефон.

– Да, преподобный. – Печенье исчезло вместе с секретаршей. Спейтс проводил ее недовольным взглядом. Ее прическа оставляла желать много лучшего, платье было измято, а ненакрашенное лицо подчеркивало старомодность всего ее вида. Да, конечно, она, должно быть, уже легла спать, когда он ей позвонил, тем не менее можно было бы и привести себя в порядок.

Едва дверь за секретаршей закрылась, как Спейтс достал из выдвижного ящика бутылку водки, плеснул ее в кофе и снова уставился в компьютерный экран. Доступа к его сайту не было из-за серьезной перегрузки. А теперь и весь Интернет, казалось, замедлял темп. Спейтс не без труда просмотрел знакомые христианские странички. Наиболее крупные, например, gaptuready.com, не открывались вообще. Другие страшно «тормозили». Переполюх, вызванный письмом Эдди, поражал воображение. Чаты, которые до сих пор работали, ломались от истерических возгласов. Многие их посетители писали, что немедленно отправляются на место сбора.

В кабинете царила всегдашняя приятная прохлада, однако Спейтс обливался потом, отчего шея в районе воротничка безумно зудела. Письмо Эдди, которое он успел прочитать раз двадцать, пугало его явным подстрекательством к вооруженному нападению на правительственный научный объект. Вдобавок в письме открыто упоминалось имя самого Спейтса. Естественно, его призовут к ответу. С другой стороны, может, это и к лучшему. Волна христианской ярости и мощи в состоянии изменить порядок вещей. Слишком долго христиан принижали, высмеивали, не принимали в расчет их мнение и ограничивали их возможности. Плохо ли, хорошо ли, но этот взрыв произведет переворот. Правительство и

политики наконец поймут, насколько сильно христианское братство. «Разжег эту революцию я, – думал Спейтс. – Ни Робертсону, ни Фалвеллу, ни Свогарту, несмотря на то что они проповедовали много лет, были при деньгах и власти, – никому из них не удавалось добиться ничего подобного».

Он продолжал просматривать доступные интернет-страницы, надеясь найти какие-либо конкретные сведения о ходе событий, но вновь и вновь натыкался лишь на проявления злобы, ярости и истерии. И на тысячи копий письма.

А что, если Эдди прав?

Спейтса бросило в дрожь. Он не желал прощаться с жизнью. Его ужасала одна только мысль о том, что все его деньги, влияние, собор, телевизионная проповедь могут взять и потерять смысл, едва-едва появившись.

Гораздо сильнее его пугала мысль о том, какой в этот славный Господень день ему вынесут приговор. Всем ли сердцем он любил Бога? Не слишком ли много грешил? В его памяти ожили все когда-либо совершенные им гнусности: ложь, попойки, предательства, женщины и дорогие подарки, которые он покупал им на собранные пожертвования. И самое ужасающее – желание, каким он не раз возгорался, встречая где-нибудь на улице молоденьких мальчиков. Воспоминания обо всех этих прегрешениях – больших и малых, – выбравшись из многочисленных закутков памяти, выстроились перед ним и потребовали еще раз задуматься о каждом в отдельности.

Спейтса захлестнула волна страха, вины и отчаяния. «Боже всемогущий, всеведущий! Господи, помилуй мя, грешного!» – неистово взмолился Спейтс, и повторял эти слова до тех пор, пока невероятным усилием воли не загнал воспоминания в темную пещеру сознания. Господь простил его. Стоило ли так волноваться?

К тому же вряд ли совершалось второе пришествие. И чего это он так перепугался? Эдди, вне всякого сомнения, был сумасшедшим. Спейтс понял это с той самой секунды, когда впервые услышал по телефону писклявый, надтреснутый голос пастора. Любой сошел бы с ума, поселись он среди индейцев в пустыне, на удалении сотни миль от приличных ресторанов.

Спейтс перечел письмо в поисках признаков умственного расстройства автора и почувствовал приступ нового страха. Послание отличалось грамотностью, мощно воздействовало на сознание и не походило на бред умалишенного. А три шестерки, в которые превращались «Аризона» и «Изабелла», пугали больше всего.

Спейтса вновь прошиб пот.

Он отворил стеклянные дверцы книжного шкафа, достал одну из книг, открыл ее на тех страницах, где приводились гематрические таблицы, взял чистый лист бумаги и принялся вновь раскладывать слова на буквы и переводить их в числа. Как оказалось, Эдди допустил несколько ошибок в подставленных древнееврейских буквах. Спейтс дрожащей рукой суммировал правильные цифры и не получил шестьсот шестьдесят шесть ни в первом, ни во втором случае.

Откинувшись на спинку кресла, он облегченно вздохнул. Разумеется, весь этот сыр-бор разгорелся на пустом месте. Ему показалось, что ангелы спустились с небес и вытащили его из горящего озера. Он вытащил из кармана льняной платок и промокнул лоб и веки.

На его сердце по-прежнему лежала тяжесть. Господь, быть может, и простил его. Но простит ли пресса? И правительство? Не выдвинут ли ему обвинение за призыв к насилию? Или что-нибудь посерьезнее? «Надо бы связаться с адвокатом, – решил Спейтс. – Пока еще есть время. Наверняка найдется способ спихнуть всю вину на Кроули. Кроули, не я, заварил всю эту кашу».

Он потянул за воротник, желая впустить к своей несчастной липкой шее побольше прохладного воздуха. Не следовало привлекать к делу чокнутого пастора Эдди. Этого дурака, беспросветного тупицу!

Проповедник нажал на кнопку интеркома.

– Чарлз, зайди ко мне.

Обычно проворный и исполнительный помощник не ответил и не появился.

– Чарлз? Ты мне нужен.

Дверь открылась, и на пороге возникла изнуренная секретарша.

– Чарлз уехал, – мрачно произнесла она.

– Но ведь я никуда его не отправлял.

– Он уехал к «Изабелле».

Спейтс уставился на нее, не веря своим ушам. Да нет же, это невозможно! Чарлз?

– Ушел минут десять назад. Сказал, что его зовет Бог, и тут же исчез.

– С ума сойти! – Спейтс ударил рукой по столу. И только теперь заметил, что на секретарше жакет и что в руке она держит сумку. – Ты что, собралась следом за этим бараном?

– Нет. Я иду домой.

– Мне очень жаль, но я тебя не отпускаю. Придется работать ночь напролет. Свяжись с моим адвокатом, Ральфом Добсоном. Пусть немедленно едет сюда. Если ты не заметила, у меня серьезные неприятности.

– Нет.

– Нет? Что «нет»? Что ты имеешь в виду?

– Я больше не хочу на вас работать, мистер Спейтс.

– О чем ты говоришь?

Секретарша подняла сумку к груди и вцепилась в нее, будто для защиты.

– Вы презренный человек. – Она резко развернулась и вышла.

Спейтс услышал, как в приемной закрылась дверь. Все стихло. Он, весь в поту, ни жив ни мертв от страха, откинулся на спинку кресла и замер.

Глава 57

Слово «штурм» повисло в воздухе. Взгляды всех ученых, столпившихся у охранного пункта, были прикованы к основному экрану, куда в реальном времени передавалось изображение с камеры, установленной на лифтовой башне. На краю горы, прямо над «Изабеллой», люди в черном обвязывали веревками оружие и снаряжение, явно намереваясь спустить его вниз. Кейт подошла к Форду и взяла его за руку вспотевшей дрожащей рукой.

Зловещую тишину нарушил Джордж Иннс.

– Штурм? А за что, черт возьми?

– Они не могли выйти с нами на связь, – объяснил Уордлоу, – поэтому прибегли к крайним мерам.

– Но ведь это нелепо!

Уордлоу повернулся к Долби:

– Кен, надо немедленно подключить все средства связи и прекратить это вооруженное представление.

– Для этого придется сначала остановить «Изабеллу». Ты ведь прекрасно знаешь, как устроена ее защитная система. Немедленно включить средства связи не представляется возможным.

– Запусти главный компьютер и перенаправь на него управление.

– На перестройку уйдет по меньшей мере час.

Уордлоу выругался.

– Тогда я сам поднимаюсь наверх и объясню, в чем тут дело.

– Нет, не стоит, – сказал Хазелиус.

Уордлоу приковал к нему горящий взгляд.

– Не понял, сэр.

Хазелиус молча указал на визуализатор, на котором высветилось новое сообщение.

«У нас очень мало времени. То, что я сейчас скажу, крайне важно».

Уордлоу в ужасе смотрел то на руководителя, то на экран охранной системы.

– Их надо остановить, сэр. Я должен отпереть дверь.

– Тони, – негромким взволнованным голосом произнес Хазелиус, – только задумайся: едва ты откроешь ее, наш разговор с... Богом... или кто бы это ни был, мгновенно прервется. Уордлоу проглотил слюну, и на его шее дернулся кадык.

– С Богом?

– Да, Тони. С Богом. Вполне возможно, что мы вышли с ним на связь, только этот Бог гораздо могущественнее и загадочнее любых порождений человеческого разума.

Все остальные молчали. Хазелиус продолжал:

– Выиграем еще немного времени. Нам за это ничего не будет. Скажем, что дверь застопорило, а средства связи вышли из строя, потому что вырубился главный компьютер. Немного схитрим. Серьезных обвинений нам в любом случае не предъявят.

– У них комплект подрывных средств. Дверь взорвет! – воскликнул Уордлоу исполненным отчаяния голосом.

– Ну и пусть. – Хазелиус осторожно взял охранника за плечо и чуть сжал пальцы, словно будя его. – Тони. Тони! Мы скорее всего беседуем с Богом. Ты что, не понимаешь?

После секундной заминки Уордлоу ответил:

– Понимаю.

Хазелиус оглядел коллег.

– Все согласны со мной? – Он остановил взгляд на Форде, в глазах которого отражалось сомнение. – Уайман?

– Странно, что ты поверил в то, что мы общаемся с Богом, – произнес Форд.

– Если это не Бог, то кто же? – спросил Хазелиус.

Форд посмотрел на остальных, проверяя, все ли видят, что руководитель спятил.

– Тот, о ком ты говорил прежде. Саботажник. Хакер.

– Если ты до сих пор так считаешь, – неожиданно заявила Мелисса Коркоран, – мне тебя жаль.

Форд перевел на нее изумленный взгляд и замер, заметив, насколько она изменилась. Перед ним стояла не легкомысленная красotka, беспокойно ищущая любви, а спокойная и уверенная в себе женщина.

– Ты тоже считаешь, что это Бог? – спросил потрясенный Форд.

– А что в этом удивительного? – произнесла Коркоран. – Ты что, не веришь в Бога?

– Верю, но не в такого же!

– Откуда тебе знать, такой Бог или другой?

Форд замялся.

– Да перестаньте вы! Бог никогда не стал бы связываться с нами настолько безумным способом.

– А оплодотворить девственницу, чтобы она родила сына, который передаст земле весть, не безумие?

Форд не верил своим ушам.

– Говорю же вам – никакой это не Бог!

Коркоран тряхнула головой:

– Значит, ты до сих пор не понял, Уайман, что произошло? Мы сделали величайшее открытие – обнаружили Бога.

Форд обвел взглядом всю группу и посмотрел на Кейт. В ее глазах горел целый букет чувств. Это не укладывалось у Форда в голове. Кейт пожала его руку и улыбнулась.

– Прости, Уайман. Знаешь, мы с Мелиссой часто расходимся во мнениях, однако в этом вопросе... я с ней полностью согласна. – Она тепло пожала Мелиссе руку.

Форд удивленно посмотрел на двух внезапно объединившихся противниц.

– Да как может разумный человек поверить в то, что это... – он кивнул на большой экран, – Бог?

– Лично меня удивляет то, – спокойно произнесла Кейт, – что ты в это не веришь. У нас ведь масса доказательств. Возьмем, к примеру, пространственно-временную дыру. Она

настоящая. Я сама произвела подсчеты. Это самый что ни на есть реальный «туннель» в пространстве, ход в параллельный мир, что существует бок о бок с нашим, и, хотя они не соприкасаются, расстояние между ними поразительно небольшое. В этом параллельном мире и живет... Бог.

– Кейт, очень прошу, скажи, что ты шутишь.

– Уайман, забудь обо всем на свете и послушай меня. Я впервые в жизни столкнулась с истиной. И теперь мне кажется, что после нескольких лет тишины я слышу звон колоколов. То, что говорит Бог... невероятно правдиво.

Форд окинул взглядом помещение и нашел глазами неисправимого скептика Эдельштайна. Тот смотрел на него со странным торжеством.

– Алан, мне нужна твоя помощь.

– Я никогда не нуждался ни в каком Боге, – сказал Эдельштайн. – Всегда считал, что я был, есть и всегда буду убежденным атеистом.

– Хоть кто-то согласен со мной, – облегченно произнес Форд.

Эдельштайн улыбнулся:

– Поэтому-то изменения, которые во мне происходят, и не перестают меня удивлять.

– Изменения?

– Да.

– Так, значит... и ты веришь?

– Естественно. Я математик. Руководствуюсь в жизни только логикой. Логика подсказывает мне, что мы в самом деле разговариваем со сверхсуществом. Назови его Богом, главной движущей силой или каким-нибудь Духом – все равно.

– Лично я называю его вруном и самозванцем.

– Докажи, что ты прав. Если бы это была кем-то созданная программа, она бы не прошла тест Тьюринга. И потом, откуда ему стали известны задуманные Кейт числа и имена ребенка Грегори? Но главное, я, как и Кейт, вижу в его утверждениях чистую правду. Если это не Бог, значит, некое высокоразвитое существо из нашей либо из какой-нибудь другой вселенной, в общем – нечто сверхъестественное. Да, я верю в него. И принимаю его объяснения. По-моему, тут все просто и не стоит ничего усложнять. «То, что можно объяснить посредством меньшего, не следует выражать посредством большего». Принцип «бритвы Оккама».

– К тому же, – добавила Чен, – поток информации идет прямо с места столкновения. Это как понимать?

Форд оглядел коллег: влажное от слез темное лицо Долби, иступленно трясущаяся Тибодо... «Невероятно, – подумал Форд. – Только посмотрите на них! Они принимают этот бред за чистую монету. Ожила даже мертвая физиономия Майкла Чеккини, прямо-таки сияет... Рей Чен... Харлан Сен-Винсент... Джордж Иннс... Все, кого ни возьми... все верят! Уордлоу махнул рукой на обязанности охранника, хоть обстоятельства и критические, и смотрит на Хазелиуса со лстивым, раболепным восхищением...»

Со всей командой произошло нечто странное. Когда именно – Форд не заметил. Не углядел даже за Кейт! А должен был.

– Уайман. Уайман! – утешительно произнес Хазелиус. – Ты подключаешь к делу эмоции. А мы – только разум. Мыслить – наша работа.

Форд сделал шаг назад.

– Никакого Бога тут и в помине нет. Это чертовски умный хакер говорит вам то, что вы хотите слышать. А вы клюете!

– Мы «клюем» потому, что все это – правда, – сказал Хазелиус. – Я чувствую это всей своей сущностью. Взгляни на нас: на Алана, на Кейт, на Рей, на Кена – на всех. По-твоему, мы все заблуждаемся? Сомневаться до последнего – в крови у любого ученого. Легковерных среди нас нет. Даже странно, что ты более подозрителен, чем мы, Уайман. Интересно, с чем это связано?

Форд не ответил.

– Мы теряем драгоценное время, – сказал Хазелиус. Он повернулся к визуализатору и спокойно произнес: – Пожалуйста, продолжай. Мы все внимание.

Неужели они правы? Может ли этот кто-то быть Богом? Форд с мрачным предчувствием взглянул на экран.

Глава 58

С вершины холма, стоя бок о бок с Доуком, Эдди наблюдал за потоком машин. За прошедший час их собралось несколько сотен. Сначала христиане приезжали на мотоциклах, внедорожниках и джипах, потом потянулась череда пикапов и небольших легковушек. Прибывшие в числе последних рассказали о возникших на пути препятствиях: на Сороковой магистрали в районе Грей-Маунтин и на Сто шестидесятой трассе у Кау-Спрингс установили контрольно-пропускные посты, однако верующие объезжали их по многочисленным проселочным дорогам, которых в резервации предостаточно.

Машины беспорядочно ставили прямо возле Дагвей, но Эдди полагал, что в этом нет большой беды. В обратный путь никто не собирался. Впереди их ждала иная дорога домой – через Вознесение.

Толпа разрасталась и порой пугала громким гомоном, детским плачем, пьяными возгласами и воплями наркоманов. Однако те, что явились первыми, терпеливо встречали новоприбывших молитвой, стихами Библии и Словом Божьим. На открытой площадке перед холмом в ожидании распоряжений собрались верующие – не меньше тысячи. Многие держали в руках Библию, на шеях большинства поблескивали кресты. Некоторые привезли с собой настоящее оружие, другие взяли первое, что попало под руку: чугунные сковороды, кухонные ножи, кувалды, топоры, мачете, косари. Те, кто помоложе, явились с рогатками, бейсбольными битами, пневматическими ружьями и воздушными пистолетами. Кое-кто привез радиостанции для двусторонней связи. Их Эдди изъясил и распределил среди представителей немногочисленной группы, которых он избрал в командиры. Одну рацию пастор оставил себе.

Удивительно, но многие взяли с собой детей, даже совсем крошек. Малыши на Армагеддоне? Впрочем, Эдди, поразмыслив, пришел к выводу, что и в этом есть смысл. Наступал конец света. Сегодня вся эта толпа вознесется на небеса.

– Эй! – воскликнул Доук, подталкивая Эдди локтем. – Смотрите-ка, копы.

Эдди посмотрел туда, куда указывал его помощник: в веренице автомобилей, двигавшихся вверх по Дагвей, виднелась одинокая полицейская машина с включенными сигнальными огнями. Он взглянул на свою армию. Толпа волновалась, как море, и шумела, точно проливной дождь. Тут и там вспыхивали фонарики, щелкали затворы, позвякивал металл оружия. Кто-то стал скручивать из сухих кедровых веток факелы и раздавать окружающим.

– Как бы их взбодрить? – задумчиво произнес Эдди.

– С копами надо бы поосторожнее, – предупредил Доук.

– Я имею в виду не полицейских, а армию Господа. Надо вдохновить их на бой проповедью.

– А с копами что? – спросил Доук. – Машина всего одна, но у них есть рация. У нас могут возникнуть серьезные неприятности.

Эдди вновь посмотрел на сигнальные огни и с удивлением отметил, что некоторые автомобили сворачивают, уступая полицейским дорогу. Следовало изжить на корню эту старую привычку подчиняться правительству и правоохранительным органам. Вот с какой речью он обратится к христианам-воинам: отныне они повинуются только Богу.

– Они едут сюда, – сказал Доук.

Послышался звук сирены – сначала довольно слабо, потом все громче и громче. Бурлящая толпа ждала указаний. Многие молились, и их слова устремлялись в ночное небо. Некоторые стояли группами, взявшись за руки и склонив головы. До Эдди донеслись звуки

песнопений, и он вспомнил о том, что именно так и представлял себе собрание христиан на этой горе. Наступала решающая минута. Необходимо обратиться к армии с речью. «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими». Нет, эта строка не очень подходила для вступления. Сейчас требовалось нечто более вдохновляющее. «Горе живущим на земле и на море! Потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени». Антихрист! Да, сосредоточить внимание надлежало на нем, на Антихристе. Всего несколько слов, и армия двинется на ратный бой.

Полицейская машина достигла самого верха, проехала в море автомобилей немного вперед, свернула к обочине и остановилась в нескольких сотнях ярдов от холма. Эдди в свете мигающего сигнального огня рассмотрел на дверце знак племенной полиции навахо. Дверца открылась, из салона вышел высокий полицейский. Даже с такого расстояния Эдди узнал лейтенанта Биа.

Детектива тотчас окружили христиане, и завязалась беседа, вернее, насколько мог судить Эдди, жаркий спор.

– Что делать дальше, пастор Расс? – спрашивали у него со всех сторон.

– Ждать, – отвечал Эдди негромким твердым голосом, столь непохожим на его прежний писк, что ему не раз приходило в голову: не говорит ли его устами кто-то другой? – Господь подаст нам знак.

Глава 59

Лейтенант Биа всматривался в толпу с нарастающим чувством тревоги. Ему сообщили, что на горе Ред-Меса могут вспыхнуть беспорядки. Биа решил, что речь о всадниках-демонстрантах, но, едва он влился в поток машин на Дагвей, до полицейского сразу дошло, что все эти люди не имеют никакого отношения к демонстрации навахо. Они везли с собой дробовики, сабли, кресты, топоры, Библии и кухонные ножи. Некоторые нарисовали крест прямо у себя на лбу, другие – на одежде. Очевидно, тут собрались религиозные фанатики, по-видимому, после телевизионной проповеди, о которой болтали на каждом углу. То, что толпа состояла из представителей всех рас – черных, белых, азиатов, даже индейцев, – немного успокоило Биа. Во всяком случае, они были не последователями ку-клукс-клана или «арийской нации».

Биа вышел из машины, одернул куртку, оглядел стоявших поблизости и произнес вполне дружелюбным тоном:

– Вожак у вас есть? С кем можно поговорить?

Из толпы вышел человек в линялых джинсах «Вранглер» и синей рабочей рубашке. У него было суровое загорелое лицо, большой живот, короткие толстые руки и мозолистые пальцы. Рукоять старенького «кольта», отделанная слоновой костью, торчала за поясным ремнем из змеиной кожи. На пряжке поблескивал начищенный значок с распятием.

– Да, вожак у нас имеется. Бог. А вы кто такой?

– Лейтенант Биа, племенная полиция. – Пузатый был настроен враждебно, что насторожило Биа, однако полицейский решил сохранять спокойствие и говорить в прежнем тоне. – Кто среди вас главный?

– Лейтенант Биа, у меня к вам один вопрос: вы христианин и явились сюда, чтобы сражаться?

– Сражаться? За что?

– Армагеддон. – Пузач для вящей убедительности положил руку на рукоять револьвера.

Биа с трудом сглотнул, смачивая пересохшее горло, и пожалел о том, что не связался по рации с отделением. Надо бы попросить подмогу. Вокруг него смыкалось плотное кольцо людей.

– Я христианин, но ни о каком Армагеддоне не слыхал.

Толпа молчала.

– Вы возродились в воде животворящей? – продолжал пузач.

Вокруг загомонили. Биа глубоко вздохнул – не имело смысла вступать с собравшимися в религиозные споры, но следовало остудить их воинственный пыл.

– А что это за Армагеддон? Может, объясните?

– Здесь, в этой самой горе, засел Антихрист. Вот-вот вспыхнет битва всемогущего Господа. Вы либо с нами, либо против нас. Решайте немедленно. Сию секунду.

Биа понятия не имел, как лучше отреагировать.

– Думаю, вы в курсе, что находитесь на территории «страны навахо». А эту гору мы сдаем в аренду правительству Соединенных Штатов.

– Вы не ответили на мой вопрос.

Кольцо вокруг Биа стало еще плотнее. С минуты на минуту гнев фанатиков мог выплеснуться наружу. Биа чувствовал это по запаху их пота.

– Сэр, – спокойно произнес он, – прошу вас, уберите руку с огнестрельного оружия.

Пузатый будто не услышал его.

– Повторяю, уберите руку с оружия.

«Божий воин» крепче сжал пальцы вокруг рукояти.

– Вы либо с нами, либо против нас. Какой выбираете вариант?

Биа не ответил. Фанатик повернулся к толпе и прокричал:

– Он не разделяет нашего мнения! Он намерен сражаться на стороне зла!

– А чего еще ждать от полиции? – воскликнул кто-то, и этот возглас эхом раскатился по всей округе. – Чего ждать?

Биа медленно отправился к машине. Пузатый достал револьвер и нацелился на него.

– Сэр, я не собираюсь воевать с кем бы то ни было, – произнес лейтенант. – Нет нужды в меня стрелять. Уберите оружие.

Пожилая женщина в рабочих сапогах и пастушьей шляпе, с иссушенным, как старая выделанная кожа, лицом, дотронулась до руки пузача.

– Джесс, не трать понапрасну патроны. Этот человек не Антихрист, а всего лишь коп.

По толпе волной пронеслось слово «Антихрист». Биа снова заключили в плотное кольцо.

– Сэр, я же попросил, уберите оружие.

Пузач неуверенным жестом опустил руку с револьвером.

– Дай-ка сюда свой «кольт», Уайатт Эрп! – Женщина выхватила оружие из руки бойца, вытащила патроны и бросила их вместе с револьвером в сумку, висевшую у нее на плече.

– Никакого Антихриста здесь нет, – с облегчением сказал Биа. – Вы на территории «страны навахо» и пересекли границу незаконно. Если у вас есть главный, я хотел бы с ним побеседовать. – «Как только доберусь до машины, – подумал он, – тут же вызову на подмогу подразделение Национальной гвардии».

– Мы армия Господа! – выкрикнул чей-то голос. – Собрались здесь, чтобы биться за Него и умереть!

«Биться! Биться! Биться!!!» – загудела толпа, будто распевая гимн. К Биа выскочил бородач с булыжником в руке:

– Вы возродились в воде животворящей?

Взбешенный требовательным тоном незнакомца, Биа ответил:

– Мои религиозные убеждения вас не касаются. Бросьте камень, или я арестую вас за попытку нападения. – Он взялся за рукоятку дубинки.

Бородач обратился к братьям:

– Нельзя его выпускать! Он же коп! У него есть рация. Он свяжется с остальными, и нас разгонят! – Рука с булыжником взметнулась вверх. – Проучим его!

Биа выхватил дубинку и ловко ударил по руке бородача. Послышался жуткий треск костей, и камень упал на землю.

– Он сломал мне руку! – завизжал пострадавший, опускаясь на колени.

– Всем разойтись! – гаркнул Биа командным тоном. – Я больше никого не трону. – Он продвинулся на шаг ближе к машине, молясь про себя: «Только бы сесть в салон! Там

безопаснее и есть рация».

– Коп сломал ему руку! – прокричал другой фанатик, приседая рядом с бородачом.

Толпа с ревом подалась вперед. В Биа полетел камень, но он успел увернуться и булыжник угодил в ветровое стекло. Биа распахнул дверцу, вскочил в машину и попытался было закрыть дверь, но на нее навалилась толпа. Он схватил рацию и нажал на кнопку.

– У него рация! – раздался чей-то рык.

В Биа вцепилась дюжина рук и потянула из машины. Материя его куртки затрещала.

– Сукин сын задумал на нас наступать! Вызывает врагов!

Микрофон выхватили из руки Биа и вырвали из подставки. Лейтенант попытался схватиться за руль, но разъяренные фанаты с неумолимой силой выдернули его из машины. Биа, пошатываясь, выпрямился, однако его тут же сбили с ног.

Он ухитрился достать пистолет, повернулся на бок, направил дуло на толпу и проревел:

– Всем назад!

Ему в грудь, ломая ребра, ударил камень. Биа выстрелил. Послышался хор воплей.

– Мой муж! – проверещал женский голос. – О Господи!

По ноге Биа ударили бейсбольной битой. Он сделал еще два выстрела, но тут ему врезали по руке и он выпустил оружие.

На лейтенанта с криками, кулаками и пинками обрушилась толпа. Он перевернулся на живот и протянул за пистолетом руку, которую тут же раздробила чья-то нога в сапожище. Биа вскрикнул, перекатился на бок и попытался заползти под машину.

– Забросаем его камнями! Убийца! Бей его!

По лейтенанту и автомобилю ударил град камней и палок. Они рвали кожу, сухожилия и мышцы, врезались в кости, барабанили по металлу, били стекла. Задыхаясь от боли, детектив сумел-таки наполовину заползти под машину, но его схватили за ногу и снова вытащили под град пинков и ударов. Биа с долгим воплем ужаса сжался в комок, пытаясь хоть немного защититься от яростной бури. Рев толпы стал стихать, вытесняемый тупым грохотом в голове Биа. Удары продолжали нещадно сыпаться, но теперь они будто обрушивались на кого-то другого, а Биа отодвигался от неистовствующих безумцев все дальше и дальше. Наконец крики превратились в отдаленный говор и пришла спасительная тьма.

Эдди внимательно наблюдал за происходящим. Там, где мгновение назад стоял коп, теперь, точно свора спущенных с цепи собак, лютовали братья-христиане. Лейтенант попытался подняться, но его тут же смыла людская волна. В воздухе мелькал град камней.

Наконец крики смолкли, толпа чуть успокоилась и подалась назад. У патрульной машины лежала фуражка, а чуть поодаль виднелось нечто непонятное в полицейской форме.

Толпа медленно отходила назад. На прежнем месте остались лишь воющая женщина и окровавленный человек у нее на коленях. Эдди охватил приступ страха. Теперь все шло совсем не так, как он рисовал себе в воображении. Как возникла эта отвратительная сцена?

– Это и есть Армагеддон, – прозвучал у него над ухом успокаивающе звучный голос Доука. – Началось.

Да, он все верно говорил. Они переступили черту – пути назад не было. Битва началась. Ими управлял Господь, а сомневаться в правильности его действий не имело смысла. Эдди снова ощутил прилив уверенности.

– Пастор? – пробормотал Доук. – Люди ждут ваших указаний.

– Да-да, конечно. – Эдди сделал шаг вперед и вытянул руки. – Друзья во Христе! Я обращаюсь к вам, мои друзья во Христе!

Наступила тревожная тишина.

– Я пастор Рассел Эдди! – прокричал он. – Это я изобличил Антихриста!

Толпа, взбудораженная насилием, волнами устремилась на призывный голос, словно прилив, набегающий на берег. Эдди ухватил Доука за руку.

– Короли, политики, секуляристы-либералы и атеисты, населяющие этот порочный

мир, попрячутся в горах и пещерах. И взмолятся они перед горами и камнями: «Падите на нас и сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца, ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?»

Ночной воздух наполнился неистовым ревом. Толпа продолжала двигаться к холму.

Эдди указал рукой в сторону и прогрохотал:

– Там, на востоке, в трех милях отсюда стоит забор. За ним возвышается холм, под которым скрыта «Изабелла». А рядом с ней Антихрист. Его имя Грегори Норт Хазелиус.

От рева, казалось, содрогалась вся гора. Послышались выстрелы в воздух.

– Идите же! – прокричал Эдди, потрясая вытянутой рукой. – Идите все, как один, и найдите Антихриста! Уничтожьте его и зверя! Битва Господа всемогущего началась! «Солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются!»

Эдди сделал шаг назад, и людское море волнами потекло по поверхности горы, залитой бледным светом луны. Вспышки фонариков и огни факелов горели во тьме, как тысяча пылающих глаз.

– Отлично, – сказал Доук. – Как вы их!

Эдди, не выпуская мощной руки Доука, спустился с холма следом за Божьей армией и оглянулся на Биа – бесформенную кучу посреди пыли – и на женщину, причитающую над мужниным трупом.

«Первые жертвы Армагеддона», – подумал пастор.

Глава 60

Агент Миллер, юноша лет двадцати, на «хаммере» привез Берна Вульфа со взлетно-посадочной полосы к огороженной забором зоне. Они въехали внутрь сквозь прорыв в ограде и затормозили посередине парковочной площадки, где стояли остальные машины. Все вокруг освещало яркое сияние переносных фонарей.

Вульф огляделся. Спецназовцы столпились на самом краю горы, собираясь спуститься на веревках вниз, к «Изабелле».

– Придется подождать в машине, сэр, – сказал Миллер. – Как только операция закончится, нам подадут знак.

– Замечательно. – Вульф весь взмок. Он был человеком совсем иного склада и к подобным приключениям не стремился. У него в груди все ту же затягивался узел, сердце сжималось. Он решил ни на шаг не отходить от агента Миллера, на фоне мощных ручищ и плеч которого штурмовая винтовка выглядела пластмассовой игрушкой.

Спецназовцы надели на себя веревочные приспособления, взвалили на спины громадные рюкзаки и по одному спустились вниз. Вульф, хоть и никогда не видел «Изабеллу», знал ее как свои пять пальцев – он лично проектировал ее отдельные части и дотошно изучил все чертежи. Он прекрасно ориентировался и в компьютерных программах, созданных для ее управления. Вдобавок представители министерства энергетики вручили ему конверт со всеми необходимыми секретными кодами, так что выключить «Изабеллу» не составляло большого труда. Тем не менее Вульфа пугала перспектива спуска на три сотни футов вниз.

– Мне бы... помочиться, – сказал он.

– Только не отходите от машины и побыстрее, сэр.

Вульф справил малую нужду и вернулся. Миллер в эту минуту убирал от губ рацию.

– Пора, сэр.

– Они что, уже внутри?

– Нет. Но хотят, чтобы вы спустились прежде, чем осуществят проникновение.

«Осуществят проникновение...» Господи, они и в самом деле так выражаются!

Миллер кивнул:

– Выходите первым.

Тело не желало подчиняться приказам. Вульф с трудом взял сумку и повесил ее на плечо. Территорию сплошь освещали яркие фонари, но, несмотря на это, небо над головой было усыпано немыслимым количеством звезд. В прозрачном воздухе пахло дымом костров. Делая первый шаг от «хаммера», Вульф вдруг осознал, что ночь на редкость тихая. Безмолвие нарушал лишь треск электропроводов. Похоже, «Изабелла» работала на полной мощности. Вульф сомневался, что ученые столкнулись с какими-либо серьезными проблемами. Наверняка произошел всего лишь некий компьютерный сбой, из-за которого отключились линии связи. А какой-то бюрократ поднял переполох и отправил на объект отряд спецназовцев. Только и всего. Ученые в Бункере, возможно, и не подозревали, что из-за них разгорелся весь этот сыр-бор.

Внезапно до Вульфа донеслись едва различимые звуки, похожие на выстрелы. Он напряг слух и уловил еще пару хлопков.

– Слышите? – обратился он к Миллеру.

– Ага. – Агент остановился и наклонил набок голову. – Стреляют. Милях в трех отсюда.

Они вновь прислушались, но гора безмолвствовала.

– Может, какой-нибудь индеец прикончил койота, – предположил Миллер.

Вульф последовал за ним к обрыву, с трудом передвигая ноги. Он надеялся, что его переправят вниз в какой-нибудь клетке, однако ничего подобного нигде не было.

– Сэр? Давайте мне вашу сумку. Спустим ее вслед за вами.

Вульф протянул Миллеру сумку.

– Осторожнее. В ней ноутбук.

– Не беспокойтесь. Встаньте, пожалуйста, вот сюда.

– Подождите-ка... – пробормотал Вульф. – Вы что, хотите, чтобы я спустился с горы на веревке?

– Да, сэр.

– Каким образом?

– Сейчас объясню. Встаньте, пожалуйста, в сторонку.

Вульф отошел и замер в ожидании. Последние бойцы исчезли за кромкой обрыва, и наверху остались только он и Миллер. Линии электропередачи гудели и потрескивали. У Миллера зашипела рация. Он поднял ее к лицу и что-то сказал. Вульф слушал вполуха. Национальная гвардия сообщала, что на дороге, ведущей на гору, что-то происходит. Вульф полностью переключился мыслями на предстоящий спуск.

Миллер сказал в рацию что-то еще и повернулся.

– Подойдите вот сюда, сэр. Сейчас мы наденем на вас эту петлю. Альпинизмом никогда не увлекались?

– Нет.

– Бояться совершенно нечего. Немного наклонитесь назад, упритесь в гору ногами и немного подпрыгните. Ничего страшного не произойдет, даже если вы выпустите веревку из рук.

– Вы что, шутите?

– Говорю же, это совершенно безопасно.

Вульф натянул на себя сеть веревок и с помощью Миллера застегнул специальные обхваты вокруг ног и пояса. Миллер показал ему, как нужно встать на краю горы. Вульф повернулся спиной к обрыву и почувствовал, что снизу дует ветер.

– Наклонитесь назад и сделайте шаг в пустоту.

Они что, спятили?

– Наклонитесь назад, сэр. Сделайте шаг. Держитесь за веревку. Я вас опущу.

Вульф пялился на Миллера и не мог поверить, что все это происходит наяву. Голос агента звучал до того вежливо, что Вульф улавливал в нем нотки презрения.

– Нет, я не смогу, – сказал он.

Веревка ослабла. Вульфа охватил панический страх.

– Наклонитесь, – твердо произнес агент.

– Спустите меня в клетке.

Миллер обнял его и наклонил назад.

– Вот так. Все отлично, доктор Вульф.

Сердце Вульфа билось с бешеной частотой. Снизу дунул очередной порыв холодного ветра. Агент разжал руки и отстранился. Вульф пошатнулся вбок.

– Наклонитесь и упритесь ногами в камень.

Вульф в страшном волнении стал искать точку опоры. Найдя ее, он усилием воли заставил себя наклониться назад и почувствовал, что все делает верно. Несколько мелких шажков, и веревка стала опускать его. Снижаясь, он все глубже и глубже окунался во тьму, но наверху горел яркий свет. Смотреть вниз Вульф не отваживался.

Его качало, и приходилось вновь и вновь отталкиваться ногами от скалистого горного бока. Казалось, все происходит во сне. Наконец Вульфа обхватили руки спецназовцев и кто-то помог ему встать на ровную поверхность. Ноги ученого дрожали от напряжения. С помощью фэбээровцев он выбрался из веревочной петли. Через пару мгновений с горы спустилась сумка, а следом за ней – Миллер.

– Вот видите, сэр. А вы думали, не сможете. Все получилось.

– Угу.

Широкая бетонная площадка вела к врезанной в скалу титановой двери, у которой расставили фонари. Казалось, что это вход на остров доктора Ноу. Вульф чувствовал, что внутри вибрирующей горы работает «Изабелла», и не мог понять, как так вышло, что ученые потеряли связь с внешним миром – ведь у них было множество запасных линий. И почему охрана не видела, что снаружи орудует команда вооруженных спецназовцев? Неужели отказала и система безопасности?

Происходило нечто странное.

Бойцы установили перед дверью, будто минометы, три конусовидных металлических тарелки на ножках и стали чем-то их набивать – по-видимому, взрывчаткой. Дерфлер стоял сбоку и давал указания.

– Что это? – спросил Вульф.

– Взрывные устройства для уничтожения дверей, – объяснил Миллер. – Их направят на одну точку, и в двери пробьет достаточно большую дыру, через которую мы и попадем внутрь.

– А что потом?

– Первая команда нейтрализует террористов, если они в пещере, а вторая – взломает дверь в центр управления. Ребята разберутся со злоумышленниками и выведут ученых наружу. Быть может, начнется пальба. Сказать что-то определенное невозможно. Как только центр полностью освободят, туда отправимся мы с вами. Я лично отвечаю за вашу безопасность. Вы отключите «Изабеллу».

– На это потребуется часа три.

– Сколько потребуется, столько и будете работать.

– Куда повезут доктора Хазелиуса и остальных ученых?

– Их проводят туда, где им придется рассказать обо всем, что случилось.

Вульф скрестил руки на груди. «Это только кажется, что все настолько просто», – мрачно подумал он.

Глава 61

Стэнтон Локвуд в сотый раз поерзал на дешевом деревянном стуле, желая устроиться поудобнее, хоть об удобстве не следовало и мечтать. Обстановка в зале переговоров накалялась с каждой минутой. Было три часа ночи, а в районе горы Ред-Меса – час. Новости поступали только плохие.

Локвуд вырос в Сан-Франциско, учился на Восточном и Западном побережьях, а

последние двенадцать лет жил в Вашингтоне. О другой Америке, об Америке креационистов, христиан-националистов, телевизионных проповедников и громадных роскошных храмов, он знал лишь понаслышке и из телепередач. Она всегда казалась ему отдаленной, расположенной где-то в Канзасе и Оклахоме, но неожиданно возникла прямо перед ним.

– Господин президент? – подал голос директор ФБР.

– Что происходит, Джек?

– По сообщениям дорожного патруля, в Аризоне, в районе постов у Грей-Маунтин, Тьюба-Сити и Тис-Нез-Ийе складывается напряженная ситуация.

– В чем это выражается?

– Несколько патрульных получили ранения в ходе хаотично вспыхивающих уличных стычек. Поток машин небывало высок, многие направляются в объезд. Резервация навахо испещрена сотнями проселочных дорог, которые не указаны на картах. В этом основная проблема – посты не особенно помогают.

Президент повернулся к другому экрану и взглянул на главу комитета начальников штабов, который сидел в своем кабинете в Пентагоне. На деревянных стенных панелях у него за спиной красовался флаг Соединенных Штатов.

– Генерал Крисп, что там с подразделением Национальной гвардии?

– Полная боевая готовность – через два часа.

– У нас нет двух часов!

– На подготовку подразделения брошены все силы, господин президент!

– Речь об Америке, не об Афганистане! А вы говорите – еще целых два часа!

– Большинство наших вертолетов на Ближнем Востоке.

– Господин президент? – произнес директор ФБР.

Президент повернул голову.

– Что?

– Мне только что сообщили... – Чья-то рука из-за пределов экрана протянула Стрэнду листок бумаги. – От лейтенанта племенной полиции навахо, который отправился на гору Ред-Меса, поступил сигнал тревоги...

– Он поехал туда один?

– Никто не знал, что происходит... Его вызов поступил и почти тут же прервался. Расслышать удалось лишь обрывки фраз. Цитирую: «Пришлите подкрепление... разъяренная толпа... убьют меня...» Это все. На заднем плане слышались истошные крики.

– Боже праведный!

– GPS-передатчик, встроенный в патрульную машину, через несколько минут отключился, что может случиться, только если автомобиль подожгли.

– А как дела у группы по спасению заложников?

– Согласно последнему сообщению, поступившему десять минут назад, операция проходит четко по намеченному плану. На дороге Дагвей, приблизительно в двух с половиной милях от взлетно-посадочной полосы, раздаются звуки, похожие на выстрелы. В эти минуты мы снова выходим с группой на связь. Но позвольте уверить вас, господин президент, никакая разъяренная толпа не в состоянии сорвать операцию.

– Вы так думаете? – скептически произнес президент. – То есть ваши люди спокойно откроют огонь по толпе?

– Наши люди готовы к любому повороту событий.

Президент повернулся к главе комитета начальников штабов:

– Может, попытаетесь перебросить людей раньше чем через два часа?

– Простите, сэр, – перебил его директор ФБР, заметно побледнев. – Мне только что сообщили, что на ВПП, на горе Ред-Меса, прогремел взрыв и вспыхнул обширный пожар...

Президент молча уставился на него.

– Чего они добиваются? – воскликнул Локвуд. – Чего, скажите на милость, они добиваются?

– Вы прекрасно знаете чего, – подал голос Гэлдон.

Локвуд приковал к мерзавцу взгляд. Жирный и довольный, будто в дремоте прикрыв глаза, Гэлдон сидел со скрещенными на груди руками и умиротворенно смотрел на остальных.

– Они жаждут уничтожить «Изабеллу». И убить Антихриста.

Глава 62

Форд, схватившись за край стола, читал новое сообщение на визуализаторе. «Изабелла» работала на полную катушку, «мостик» дрожал, гора завывала. Казалось, это не центр управления, а кабина самолета, который падает вниз, вращаясь по спирали.

«Религия возникла при попытке объяснить необъяснимое, взять под контроль неуправляемое, вдохнуть жизнь в неживое. Вера стала самым мощнодействующим изобретением в истории человечества. Религиозные племена опережали в развитии те, которые не веровали. Верующие шли к некой цели, их жизнь была наполнена смыслом. Спасительная сила религии действовала столь безотказно, что желание во что-либо свято верить стало частью человеческой сущности».

Форд отошел в сторону от коллег. Кейт взглянула на него вопросительно и, как ему показалось, печально. Она стояла у рабочей станции Долби и в чем-то помогала ему. Половина команды – Долби, Чен, Эдельштайн, Коркоран и Сен-Винсент – с головой ушли в работу. Остальные стояли и неотрывно смотрели на визуализатор, будто загипнотизированные появлявшимися на нем словами.

«Того, к чему стремилась религия, наконец достигла наука. Вы получили возможность объяснить необъяснимое и управлять неуправляемым. Вам больше не нужны религиозные догмы, «открытые с Божьей помощью». Человечество наконец повзрослело».

– К наружной двери подошла команда с взрывными устройствами, – спокойно сообщил Уордлоу с охранного пункта. – Дверь вот-вот взорвет.

– Сколько их? – спросил Хазелиус.

– Восемь.

– Вооружены?

– До зубов.

Ученых охватила легкая паника.

– Что же делать? – воскликнул Иннс.

– Продолжаем работу, – твердо ответил Хазелиус, перекрикивая гудение «Изабеллы» и указывая на визуализатор.

«Религия столь же важна для человечества, как пища и вода. Попытки просто заменить религию наукой обречены на провал. Предложите науку в качестве религии. Потому что, поверьте мне на слово, наука и есть религия. Единственно возможная и истинная».

Жюли Тибодо, стоявшая рядом с Хазелиусом, всхлипнула:

– Как замечательно... – Она содрогнулась и крепко обхватила себя руками. – До чего же замечательно... и как страшно.

Хазелиус утешительно обнял ее.

«Невероятно, – раздумывал Форд. – Все члены команды прямо на глазах превратились в других людей. И свято верили экрану».

«Наука предлагает не книгу истины, а метод истины. Наука – это поиск правды, а не ее сокрытие. Средство, а не догма. Путешествие, а не стремление к неясному».

Форд не выдержал.

– А как же людские страдания? Как наука, если говорить твоим языком, может превратить невыносимое в терпимое?

– Магнитная катушка на пределе, – ровным голосом сообщил Долби.

– Добавьте энергии, – пробормотал Хазелиус.

«Медицина и технологии за последний век облегчили гораздо больше людских

страданий, чем вместе взятые священники – за тысячелетие».

– Ты говоришь только о физическом страдании. А как быть с душевными муками? Они не менее ужасны.

«Я ведь уже сказал: все на свете – одно. Любое страдание передается космосу. Никто не мучается в одиночку. К тому же у мук есть смысл. Смерть обычной птицы невероятно важна для всего остального. Вселенная знает обо всем и ничего не забывает».

– Нужно добавить энергии! – с тревогой воскликнул Долби. – Харлан? Еще пять процентов.

– Мы и так на пределе, – ответил Сен-Винсент. – Еще чуть-чуть, и все вырубится.

Теперь машина была так громко, что Форд с трудом воспринимал даже собственные мысли. В полном смятении он вчитывался в надписи, возникающие на экране. Группа умнейших в стране людей полагала, что с ними общается Бог. По-видимому, неспроста.

«Не отступайте, столкнувшись с недоверием! Вы – мои апостолы. В ваших силах перевернуть мир. Настанет день, и наука докажет, что она правдивее религии. Люди держатся за религию, потому что должны во что-то верить. Вы не отнимете у них веру, а предложите новую взамен старой. Я не стремлюсь отнять у человечества иудео-христианского Бога. Я хочу лишь дополнить его».

– Послушайте! – гаркнул Уордлоу. – На горе творится какой-то кошмар!

– Какой кошмар? – спросил Хазелиус.

Уордлоу в тревоге смотрел с экрана на экран.

– Сигналы тревоги поступают отовсюду... Наверху люди... целая толпа. Что за черт?

– Толпа? – Хазелиус чуть повернулся, глядя по-прежнему на визуализатор. – О чем ты?

– Я не шучу! Настоящая толпа! Господи... это же невозможно... Они ломают ограду, разносят ее на куски... Там какой-то бунт. Бунт в прямом смысле слова. Откуда они взялись?

Форд взглянул на главный экран охранной системы, где крупным планом отображалось то, что творилось наверху. Со стороны Дагвей на закрытую зону «Изабеллы» вливался поток людей с факелами, фонарями и примитивным оружием в руках. Забор разлетался на части под напором толпы. Где-то в районе взлетно-посадочной полосы прогремел взрыв и в небо устремились языки пламени.

– Ангары и ВПП горят, – проревел Уордлоу. – Кто эти люди и как, черт возьми, они тут очутились?

Глава 63

Расположив взрывные устройства перед титановой дверью, спецназовцы подсоединили их к детонатору. Действовали они невообразимо спокойно и уверенно, будто взрывали горы каждый божий день.

Вульф отошел подальше, вцепился в холодную сталь ограды и осмотрелся. Вокруг на десять тысяч квадратных миль простиралась пустыня и чернели горы. Глухую тьму не освещал ни единый фонарь. Свежий ветер пах пылью и ароматом каких-то трав. Вульф по-глупому радовался, что смог спуститься с горы. «Будет что рассказать ребятам, как вернусь в Лос-Аламос», – думал он.

За спиной послышалось шипение раций и торопливый говор. Бойцы, занимавшиеся взрывными устройствами, оставили их и столпились вокруг Дерфлера, который что-то взволнованно говорил в рацию. Вульф прислушался, но так ничего и не понял. Похоже, стряслось нечто непредвиденное.

– Эй, в чем дело? – спросил он, подходя к спецназовцам.

– На базу, наверху, совершенно нападение. Кем – неизвестно.

«Только этого не хватало», – подумал Вульф.

С горы доносился шум и странные хлопки. Темное небо озарилось огнем.

– Что происходит?

– Жгут ангары, – сказал Миллер, бросив на Вульфа быстрый взгляд. – И окружили

вертолет.

– Да кто они такие, черт их всех дери?

Миллер покачал головой. Остальные продолжали в смятении разговаривать по рациям с теми, кто остался наверху. Хлопки теперь звучали громче. До Вульфа внезапно дошло, что это выстрелы. Ночной воздух пронзил чей-то крик. Все, как по команде, задрали головы и уставились наверх. Мгновение спустя с края горы со сдавленным воплем полетело темное пятно. В отсветах полыхающего на горе огня Вульф рассмотрел человека в форме. Из глубины раздался негромкий шлепок, и со склона, грохоча, обвалились камни.

– Что все это значит? – прокричал один из спецназовцев.

– Они сбросили Фрэнки!

– Смотрите! Вербки...

Вся компания в ужасе уставилась на закрепленные тросы, по которым скользили вниз дюжины бунтовщиков.

Пастор Рассел Эдди спокойно смотрел, как его воины столкнули с обрыва последнего человека в форме. Эдди всячески порицал насилие, но солдаты не желали принять волю Господа, за что и поплатились. Ничего. Скоро все обретут покой. Христос воскресит жертв из мертвых и отпустит им грехи. Может быть.

Забравшись на капот «хаммера», Эдди огляделся и задумался. Солдаты первыми открыли огонь по христианам, на что верующие ответили взрывом гнева: надвинулись на противника неумолимой волной и оттеснили его к самому краю обрыва. Солдаты попадали в черную тьму.

Свершалась Его воля.

Пастор Эдди смотрел на происходящее и не мог поверить в это чудо. Людей все прибывало, горели фонари и факелы. Толпа прорвала ограду, заполонила всю закрытую территорию и ждала новых указаний. Позади, на расстоянии полумили, огонь от подожженных ангаров распространился по всей взлетно-посадочной площадке и охватил кусты и деревья. Зловещее сияние озарило ночное небо. Резко пахло бензином и горелой пластмассой.

Перед Эдди волновалось людское море. Солдаты оставили на краю обрыва массу оружия, а Доук определенно знал, как им пользоваться. Оказалось, он десять лет прослужил в войсках особого назначения, и поэтому без труда объяснял товарищам, как надевать на себя веревочные приспособления для спуска с горы, объясняя каждому, что это совершенно безопасно.

Люди с легкостью отправлялись вниз. Хорошо, что специальных навыков для этого не требовалось, а справиться с закрепленными тросами было предельно просто. Один воин Господа нырял вниз вслед за другим, и с горы во тьму стекал бесконечный людской водопад.

Доук отдавал команды громко и четко. Эдди вышел на связь с группой, орудовавшей в районе ВПП, и произнес:

– Вы подожгли ангара. Молодцы!

– А как быть с вертолетом?

– В нем кто-нибудь есть?

– Летчик и еще один солдат. Он вооружен и до смерти перепуган.

– Убейте их. – Слова с поразительной легкостью слетели с губ Эдди. – Не то улетят.

Нельзя этого допускать.

– Да, пастор.

– Есть там какие-нибудь тяжелые машины?

– Эскаватор.

– Уничтожьте ВПП и вертолетную площадку.

Эдди глядел на разраставшуюся толпу. Народу все прибывало, несмотря на проверочные посты и массовые аресты. Пастор ликовал. Самое время переходить на следующую ступень. Он призывно простер руки:

– Христиане! Внемлите!
Воинство умолкло. Эдди вскинул дрожащую руку с вытянутым указательным пальцем:
– Видите высоковольтные линии электропередачи?
– Надо их посдергивать! – слышалось из толпы.
– Совершенно верно! Обесточим «Изабеллу»! – крикнул Эдди. – Есть среди нас смельчаки и ловкачи, которые не побоятся взобраться наверх по опорам и сорвать провода?
– Сорвать! Сорвать! – разнеслось по христианскому полчищу.
– Обесточим зверя!
– Обесточим!

От толпы отделилась группа людей и направилась к ближайшей опоре, которая стояла в сотне ярдов от них. Эдди воздел руки, и снова воцарилось молчание. Пастор указал на гирлянду антенн, спутниковых тарелок и передатчиков сотовой связи, что обвивала лифтовую башню:

– Ослепим и оглушим Сатану!
– Ослепим Сатану!

Вторая группа помчалась к лифту. Толпа замерла в напряженном ожидании. Эдди, распределив задания, с мрачным удовлетворением наблюдал, как на гигантскую ногу опоры полез первый доброволец. Толпа подалась в ту сторону, и под ее натиском с треском повалилась на землю очередная часть ограды. За первым храбрецом на опору вскарабкался второй, потом третий, четвертый... Столб напомнил Эдди дерево, по стволу которого движется вереница муравьев.

Спрыгнув с «хаммера», он направился к краю горы, где работал Доук.

– Здесь мне больше делать нечего. Я спущусь вниз. Господь избрал меня для решающего столкновения с Антихристом. А ты оставайся тут за главного.

Доук обнял его:

– Да благословит вас Господь, пастор.
– Объясни мне потолковее, как отсюда спуститься.

Доук взял из кучи веревочную обвязку, надел ее на Эдди и затянул ножные и поясной обхваты.

– Тут все очень просто. Этой рукой держитесь здесь, этой здесь. Отталкивайтесь ногами от скалы. Веревка двойная, скользит свободно. Не бойтесь! – Он похлопал пастора по плечу и обратился к толпе: – Дорогу! Дорогу пастору Эдди! Пастор спускается вниз!

Народ отошел подальше. Доук подвел пастора к самому краю. Эдди, следуя указаниям, схватился за веревку и спрыгнул с горы. Сердце билось где-то у него в горле. Он отчаянно молился.

Глава 64

– Толпа ненормальных! – Уордлоу ткнул в главный монитор охранной системы. – Все орут!

Хазелиус оторвал взгляд от визуализатора. На большом экране монитора отображалась закрытая зона. Толкавшиеся на ней люди размахивали ножами, топорами, винтовками и зажженными факелами.

– Забираются на лифтовую башню!

– О Господи! – Хазелиус вытер лицо рукавом и прокричал: – Кен, сколько у нас времени?

– Сверхпроводимость неисправного магнита может нарушиться в любую минуту, – так же громко ответил Долби. – И тогда нам крышка. Если пучки рассеются и прорвутся сквозь вакуум, то прогремит взрыв.

– Серьезный?

– Скорее всего да. Сказать наверняка не могу – подобного еще не случалось. – Он взглянул на один из экранов своего блока. – Харлан! Добавь энергии!

– Мы и так уже на ста десяти процентах! – воскликнул Сен-Винсент.

– Добавь еще, – сказал Долби.

– Если напряжение отключится, то нам конец.

– Давай рискнем.

Харлан Сен-Винсент ввел команду.

– Что делать с толпой? – проревел Уордлоу. – Они сжигают ангары и ВПП!

– Сюда им не проникнуть, – спокойно ответил Хазелиус.

– Они спускаются вниз на веревках.

– Все равно мы в безопасности.

На экране монитора бунтовщики карабкались вверх по лифтовой башне. Камеру затрясло, изображение перекошилось, что-то хлопнуло, и монитор погас.

– Грегори, надо выключить «Изабеллу», – сказал Долби.

– Еще пять минут, Кен.

Челюсть Долби подрагивала. Он без слов уставился на руководителя.

– Всего лишь пять минут, умоляю! Похоже, мы общаемся с Богом, Кен. С самим Богом!

На лице Долби, влажном от пота, дернулся мускул. Молча кивнув, он отвернулся к своему блоку управления.

– А чему в этой новой религии, которую ты нам предлагаешь, – произнес Хазелиус, – станут поклоняться люди? Есть в ней что-либо такое, что вызовет священный восторг и благоговение?

Форд не без труда принялся читать ответ – по визуализатору пошли помехи.

«Я предлагаю вам задуматься о той Вселенной, какая она есть на самом деле. Она столь же прекрасна и так же может вызвать трепет, как идея о Боге, выдуманная религиями. Только вообразите: сто миллиардов галактик, одинокие горящие островки, точно начищенные монеты, светятся в космическом пространстве. А оно немыслимо огромное. Человек не в состоянии представить себе, что подобное возможно. И эта Вселенная – лишь малая часть всего существующего. Вы населяете крошечную синюю точку в бесконечном небесном пространстве. Но и эта точка беспредельно дорога мне, ибо она неотъемлемая составляющая целого. Поэтому-то я и явился к вам. Если желаете, поклоняйтесь мне и плодам моих трудов. Только не молитесь какому-нибудь племенному божеству, выдуманному воюющими друг с другом скотоводами тысячи лет назад».

Долби, плотно сжав губы, смотрел на визуализатор широко распахнутыми глазами. По его лицу стекали ручейки пота. Хазелиус не сводил с визуализатора жадного взгляда.

– Еще. Расскажи что-нибудь еще.

– Загорелись аварийные лампочки. – Спокойный голос Сен-Винсента задрожал от тревоги. – Напряжение на пределе.

«Попробуйте разглядеть мой лик при помощи своих научных приборов. Ищите меня в необъятном космосе и в электроне. Я Бог глубин времени и пространства, Бог сверхскоплений и пустот, Бог Большого Взрыва и расширения Вселенной, Бог темной материи и темной энергии».

Центр управления затрясло сильнее прежнего. Запахло горячей проводкой.

На экранах камер, расположенных в районе ВПП, отображались неистово пылающие ангары. Толпа окружила вертолет. Спецназовец отчаянно стрелял из М-16 поверх голов, пытаясь отпугнуть бунтовщиков. Летчик готовился поднять машину в воздух.

– Откуда взялись все эти люди? – в ужасе глядя на мониторы, надрывно произнес Иннс, перекивая вой «Изабеллы».

«Наука и вероисповедание не могут сосуществовать. Одно рано или поздно уничтожит другое. Сделайте так, чтобы победила наука. В противном случае ваша синяя точка исчезнет...»

– Компьютеры перегреваются! – воскликнул Эдельштайн.

– Еще минуту! – проревел Хазелиус. Он вновь повернулся к визуализатору и надсадно

спросил: – Что же нам делать?

«С помощью моих слов вы одержите победу. Поведайте миру, что здесь случилось. Скажите, что на связь с человечеством вышел Бог. В первый раз. Да-да, в первый раз!»

– Это какое-то безумие! – вскрикнул Уордлоу, пристально наблюдавший за тем, что отображалось на его экранах.

Толпа обстреливала вертолет и закидывала камнями. Солдат продолжал стрелять поверх голов. Кто-то бросил на бетон перед вертолетным носом бутылку с горючей смесью. Вспыхнуло пламя. Солдат стал палить по беснующейся толпе. Вертолет оторвался от земли.

– О Боже... – пробормотал бледный как мел Уордлоу.

Несмотря на потери и кровь, толпа плотнее обступила вертолет, продолжая обстреливать его бронированную обшивку.

«Вы избранные и проводите мир в будущее. Какое будущее вы предпочтете? Ключи в ваших руках...»

В вертолет со всех сторон полетели «коктейли Молотова», и его поглотило пламя. В ночное небо поднялся огромный огненный шар. На асфальт посыпались горящие части, и в считанные секунды воспламенилась вся вертолетная площадка. Солдат, охваченный огнем, выпрыгнул из вертолета и упал на пылающий бетон.

– Нет, просто не верится... Они взорвали вертолет!

Хазелиус, будто прикованный к визуализатору невидимыми цепями, не обратил на слова Уордлоу никакого внимания.

– А тут что! Вы только посмотрите! – Уордлоу ткнул пальцем в один из экранов. – Они столпились у входа в Бункер! Убивают солдат!

– Я выключаю «Изабеллу»! – объявил Долби.

– Нет! – Хазелиус наскочил на него, завязалась драка. В этот раз Долби был к ней готов, поэтому в два счета уложил Хазелиуса на лопатки и метнулся к блоку управления.

– Она заблокирована! – в ужасе проревел он. – «Изабелла» заблокирована! Она не принимает команды!

– О Господи... мы погибли, – пробормотал Иннс. – Все пропало.

Глава 65

Берн Вульф скорчился в тени титановой двери. Обезумевшие бунтовщики один за другим спускались вниз и толпой надвигались на группу спецназовцев. «Сталкивались ли прошедшие огонь и воду бойцы с чем-нибудь подобным? – суматошно размышлял Вульф. – Доводилось ли им расправляться с буйствующими согражданами, в том числе с женщинами? Кто эти люди? Фанатики из «Ветви Давидовой»? Куклуксклановцы?»

Одеты ненормальные были кто во что горазд, вооружены чем придется – от винтовок до метательных звездочек. Многие размахивали самодельными крестами и трясли ими перед бойцами, которым было некуда деваться.

Первым нашел в себе силы заговорить Дерфлер.

– Вы находитесь на территории объекта, принадлежащего государству США, – крикнул он. – Положите оружие на землю. Немедленно!

Из толпы вперед протолкался тщедушный человек с револьвером.

– Меня зовут пастор Рассел Эдди. Мы, армия Бога, явились сюда, чтобы уничтожить дьявольскую машину и Антихриста, которые прячутся внутри. Освободите нам путь.

Лица Божьих воинов блестели от пота, глаза, освещенные фонарями, зловеще горели. По щекам некоторых катились слезы. Все так и дрожали в предвкушении расправы. Сверху продолжали спускаться их единомышленники. Казалось, этому потоку не будет конца и не существует способов остановить его.

Вульф смотрел на них во все глаза, охваченный приступом нездорового любопытства. Возникло чувство, что они одержимы бесами.

– Мне совершенно безразлично, кто вы и зачем сюда явились! – рявкнул Дерфлер. –

Говорю в последний раз: положите оружие на землю.

– А если мы не подчинимся? – более наглым тоном спросил Эдди.

– Тогда мои люди будут вынуждены защитить себя и правительственное имущество всеми доступными нам способами. Бросьте оружие!

– Нет, – заявил костлявый пастор. – Мы не бросим оружие. Вы агенты нового мирового порядка, воины Антихриста!

Дерфлер вытянул вперед руку, сделал шаг к Эдди и громко произнес:

– Отдай мне револьвер, приятель!

Пастор нацелился на него.

– Вы посмотрите! – насмешливо произнес Дерфлер. – Нажмешь на спусковой крючок – только навредишь себе. Дай оружие, кому говорят!

Прогремел выстрел. Изумленного Дерфлера отнесло назад. Он сделал перекат и стал подниматься на ноги, доставая свой пистолет. На нем явно была броня.

Вторая пуля снесла ему половину черепа.

Вульф упал на землю и заполз за большой камень. Послышался адский грохот: взрывы, автоматический огонь, вопли и визг. Ученый сжался в комок и втянул голову в плечи, мечтая забраться в глубь камня, по твердой поверхности которого градом били пули. Кошмар продолжался целую вечность. Не смолкали крики раненых, с жуткими звуками рвалась человеческая плоть. Вульф заткнул уши руками, не в силах выносить это безумие.

Наконец шум пошел на спад, и все на миг стихло, продолжала стучать лишь кровь в висках Вульфа. Он лежал не двигаясь, ни жив ни мертв от дикого страха. На его плечо вдруг легла чья-то рука. Он отдернулся.

– Успокойся. Все позади. Вставай.

Вульф не разжимал крепко сомкнутых век. Рука грубо схватила его за куртку и рывком, отрывая половину пуговиц, заставила подняться на ноги.

– Посмотри на меня.

Вульф открыл глаза. Было темно – фонари разбились в перестрелке. Повсюду лежали тела убитых. Казалось, это сущий ад: иные трупы были разделены надвое, тут и там валялись руки, ноги, головы. Среди этого чудовищного месива сидели и лежали раненые. Некоторые издавали странные булькающие звуки, другие кашляли, третьи стонали. Толпа уже стаскивала мертвецов к стене пещеры.

Вульф узнал человека, который поднял его: пастор Эдди, тот самый, чей выстрел положил начало этой дьявольской бойне. На одежде, руках и лице пастора темнели брызги и пятна чужой крови.

– Кто ты? – спросил он.

– Я... всего лишь конструктор. И компьютерщик.

Эдди смотрел на него совершенно беззлобно.

– Ты принимаешь Иисуса Христа как своего личного спасителя? – негромко спросил он.

Вульф открыл рот, но смог издать лишь хрип.

– Пастор, – послышался чей-то голос. – У нас мало времени.

– На спасение души время всегда есть. – Эдди смотрел на Вульфа немигающим взглядом. – Я повторю свой вопрос: ты принимаешь Иисуса Христа как своего личного спасителя? Пришло время сделать выбор. Настал день Страшного суда.

Вульф заставил себя кивнуть.

– На колени, брат. Помолимся.

Вульф почти не понимал, что он делает. Казалось, какие-то неведомые силы перенесли его сквозь время в Средние века. Он попытался согнуть дрожащие ноги в коленях, но не успел – его толкнули. Потеряв равновесие, Вульф упал на бок. На его куртке расстегнулись последние пуговицы.

– Помолимся, – произнес Эдди, опускаясь на колени рядом с Вульфом, хватая его руки и склоняя к ним голову. – Отец наш небесный, принимаешь ли Ты сего грешника в его час

нужды? А ты, грешный, веруешь ли в то, что, согласно слову истины, будешь рожден вновь?

– Верую ли я... чего? – Вульф никак не мог сосредоточиться.

– Повторяю, принимаешь ли ты Иисуса Христа как своего личного спасителя?

Вульфу сделалось дурно.

– Да, – поспешно ответил он. – Да, принимаю... принимаю.

– Слава Господу нашему! Помолимся.

Вульф склонил голову и зажмурил глаза. «Какого черта я делаю?» – гадал он.

– Помолимся вслух, – произнес Эдди. – Впусти Иисуса Христа в свое сердце. Если ты сделаешь это от всей души, тогда увидишь царствие небесное. Все просто. – Он сложил руки перед грудью и стал произносить слова молитвы.

Вульф мгновение-другое несвязно вторил ему, но потом вдруг почувствовал, что у него что-то сжимается в горле.

– Молись вместе со мной, – сказал Эдди.

– Да, но я... нет.

– Чтобы принять Иисуса, ты обязан помолиться. Следует попросить...

– Нет. Не буду.

– Мой друг... Мой дорогой друг. Это твой последний шанс. Настает Судный день. Потом последует Вознесение. Я тебе не враг и предлагаю свою любовь.

– Мы любим тебя, – раздался голос из толпы. – Мы любим тебя.

– А солдат, которых вы безжалостно уничтожили, тоже любили? – спросил Вульф, ужасаясь тому, что делает. Откуда в нем взялась эта внезапная безумная храбрость?

Его виска коснулось холодное дуло оружия.

– Это твой последний шанс, – послышался ласковый голос Эдди. Пастор держал в руке револьвер на удивление уверенно. Вульф закрыл глаза и ничего не ответил.

Эдди нажал на спусковой крючок, и Вульф содрогнулся. Послышался оглушительный грохот. И все исчезло.

Глава 66

В видеоконференции к этому часу были задействованы все висевшие в зале переговоров экраны. На них мелькали изображения глав комитета начальников штабов, Агентства национальной безопасности, министерства энергетики, АНБ, ФБР и ЦРУ. В три часа в зал переговоров явился и вице-президент США. С тех пор прошло двадцать минут. За это время случилось множество событий.

Стэнтон Локвуд чувствовал себя участником странного телевизионного шоу. Было невозможно поверить, что все эти дикости совершаются в современной Америке. Казалось, он проснулся и осознал, что его перевезли в другую страну.

– После того как взорвался вертолет, новостей от группы по освобождению заложников не поступало, – сообщил смертельно побледневший директор ФБР. Он то и дело протирал лицо носовым платком, который бессознательно мял в руке. – На них напала огромная толпа. Не хаотичная, а кем-то умело организованная. Они знают, что делают.

– По-вашему, группу захватили в заложники? – спросил президент.

– Боюсь – ранили. Или даже убили.

Кто-то подал Стрэнду лист бумаги. Он быстро просмотрел текст.

– Мне только что доложили... – Его рука слегка дрожала. – Бунтовщикам удалось сорвать одну из трех основных линий электропередачи. В северной Аризоне, частично в Колорадо и в Нью-Мексико прекращена подача электроэнергии.

– Мои национальные гвардейцы... – Президент повернулся к главе комитета начальников штабов: – Где, черт возьми, обещанное подразделение?

– Они готовятся, господин президент. Получают указания. Мы ориентируемся на оговоренное время – четыре сорок пять.

– Они что, все еще на базе?

– Да, сэр.
– Пусть вылетают немедленно и получают указания в воздухе!
– Но им еще недостает снаряжения... И потом, если прекращена подача электричества...

– Недостает снаряжения? Пусть летят с тем, что есть!
– Господин президент, по последним данным наших разведывательных служб, на горе Ред-Меса собралось около двух тысяч вооруженных религиозных фанатиков. Они считают, что это Армагеддон, второе пришествие, и ни во что не ставят человеческую жизнь – ни свою, ни чужую. Мы не имеем права бросать плохо вооруженное и недоукомплектованное подразделение в подобные условия. На горе пылает огонь и гремят взрывы. Туда до сих пор стекаются новые силы – они объезжают контрольно-пропускные пункты по проселочным дорогам. Самолету на горящей ВПП не приземлиться. Беспилотный летательный аппарат «Предатор» достигнет горы Ред-Меса минут через... двадцать. Тогда получим фотографии. Остановить это безумие можно лишь с помощью масштабной четко спланированной операции. В противном случае мы лишь потеряем еще одну группу людей.

– Понимаю. А как же быть с машиной стоимостью сорок миллиардов долларов, одиннадцатью агентами ФБР и дюжиной ученых, которым угрожает смертельная опасность?..

– Прошу прощения, господин президент, – произнес министр энергетики. – По нашим данным, «Изабелла» до сих пор работает на полной мощности, однако может с минуты на минуту выйти из строя. Согласно нашей дистанционной системе управления, пучки протонов и антипротонов деколлимированы и...

– Простыми словами, пожалуйста.
– Если «Изабеллу» не выключить, возможен прорыв кольца, по которому движутся пучки. Тогда прогремит взрыв.

– Крупный?
Секундная заминка.
– Я не физик, но, как мне объяснили, если пучки столкнутся преждевременно, это может привести к взрыву, сравнимому с ядерным мощностью полкилотонны.

– Когда это случится?
– В любую минуту.

В разговор вмешался руководитель администрации:
– Ужасно не хочу отклоняться от столь важной темы, но если произойдет нечто подобное, нас уничтожит пресса. Надо принимать меры. Немедленно.

– Очистите воздушное пространство в радиусе ста миль от горы, – прогремел президент. – Объявите в резервации чрезвычайное военное положение. Не подпускайте к горе прессу. Ни газетчиков, ни телевизионщиков. Никого.

– Будет сделано, господин президент.
– Помимо подразделения Национальной гвардии подключите к операции регулярные воинские части. Пусть к рассвету оцепят гору и прилежащую к ней территорию. И не говорите мне о нехватке личного состава или транспортных средств. Отправьте на место происшествия максимальное количество войск. Все понятно?

– Я уже отдал распоряжение мобилизовать все военные силы на юго-западе.
– Вылететь раньше нет никакой возможности?
– Нет, господин президент.
– Вооруженные банды захватили государственное имущество и атаковали представителей спецслужб. Эти злодеяния не имеют никакого отношения к религии. На горе орудуют террористы, иначе их не назовешь. Понимаете?

– Конечно, сэр.
– Для начала арестуйте проповедника Спейтса по обвинению в терроризме. По всем правилам – с наручниками и прочим. Об этом, напротив, следует раструбить по всей стране. Пусть другим неповадно будет. Если он такой не один, арестуйте всех. Они ничем не

отличаются ни от талибов, ни от Аль-Каиды.

Глава 67

Нельсон Бегей и Уилли Бесенти лежали бок о бок на холме у долины Накай. Отсюда, с самой высокой точки, прекрасно просматривалась в бинокль и гора, и пустыня вокруг.

На дороге образовалась серьезная пробка. Сотни, нет, тысячи автомобилей не могли продвинуться вперед. Люди бросали их с включенными фарами и открытыми дверцами, пешком взбирались на гору и неумолимым потоком, минуя поворот к долине Накай, стекались на огороженную территорию проекта «Изабелла», туда, где на краю горы творилось нечто невообразимое.

Ангары полыхали. Горели и остатки вертолета, на котором прилетели спецназовцы. Языки пламени поднимались на сотню футов в ночное небо. Кругом валялись трупы убитых в перестрелке, которую Бегей наблюдал несколько минут назад. Вопящая толпа спускалась вниз. На ВПП небольшая группка безумцев при помощи экскаватора разбивала бетонные плиты.

С другой стороны, на самом краю горы, за снесенной оградой, столпилось множество людей – больше тысячи. Некоторые взбирались вверх по гигантской опоре линий электропередачи. Другие устанавливали на крыше одного из зданий самодельный крест и осатанело крушили башню сотовой связи.

Бегей медленно опустил бинокль.

– Что, черт возьми, происходит? – спросил Бесенти.

Знахарь покачал головой.

– Что это? – произнес Бесенти. – Сходка куклуксклановцев? Или последователей «арийской нации»?

– В толпе есть и черные, и латиноамериканцы, и даже индейцы.

– Дай-ка взгляну.

Пока Бесенти смотрел в бинокль, Бегей осмысливал увиденное. Сначала он думал, что толпа людей – некое сборище по поводу религиозного возрождения, какие в «стране навахо» проводились нередко. Однако как только безумцы подожгли вертолет, Бегей понял, что ошибся. Возможно, это представление было неким образом связано с призывами телепроповедника, который выступил против «Изабеллы». Об этом болтали повсюду.

Бесенти, не убирая от глаз бинокля, выругался.

– Надо же! Столько убитых...

– М-да, – протянул Бегей. – Готов поспорить, это лишь начало. Рано или поздно последует реакция властей. Что-то не хочется, чтобы нас тут поймали, когда начнется самое «веселье».

– Давай подождем – посмотрим, что они еще выкинут. Не каждый день видишь, как Vilagaana истребляют друг дружку. Мы-то всегда знали, что такой день настанет, верно? Помнишь предсказание?

– Уилли, довольно. Пойдем разыщем остальных и смоемся отсюда.

Они поднялись и отправились в долину.

Рэнди Доук стоял на капоте «хаммера», скрестив загорелые руки, и наблюдал за теми, кто карабкался на опору высоковольтных линий электропередачи. Первые смельчаки уже добрались до самой вершины. Провода гудели и потрескивали.

Никогда прежде Доук не чувствовал себя столь полным сил и вдохновения. Раньше он беспробудно пьянствовал, нюхал кокаин, долбался героином, но как-то раз, свалившись в беспамятстве в канализационную канаву на окраине Белена, штат Нью-Мексико, Доук вспомнил молитву, которую по настоянию матери затвердил в детстве. Мать пристрелил ее пьяный сожитель. Волшебные строчки зазвучали в голове Доука как песня: «Бог меня любит и приголубит – так гласит, я знаю, Библия святая...» В тот же миг в вонючей канаве

случилось чудо – Иисус спас никчемную жизнь Доука. С тех пор он считал себя должником Божиим и ради него был готов на что угодно.

Рэнди поднес к глазам бинокль. Смелчак на опоре остановился под изоляторами, привязал ноги к опоре, снял с плеча помповое ружье и передернул затвор.

Великолепно.

Доброволец тщательно прицелился. Те, кто полз за ним следом, остановились и задрали головы. Блеснула вспышка, и по барабанным перепонкам Доука ударил грохот выстрела. На землю посыпались грозди искр, провода задрожали. Толпа разразилась ликующими воплями.

Стрелок опять щелкнул затвором и прицелился. Вновь сверкнула вспышка и прогремел выстрел. Провод изверг тысячи искр и изогнулся, как гремучая змея. Толпа взорвалась новой волной одобрения.

После третьего выстрела по темному воздуху разлетелся фонтан огненных капель. Провод со звенящим звуком, от которого завибрировало все вокруг, разорвался. Горящие загнутые концы, роняя частицы огня, стали медленно падать вниз. Мигнуло несколько новых вспышек, что-то грохнуло, запахло дымом. Толпа с визгом отшатнулась.

Потрясающе.

Доук взглянул вверх. Стрелок вновь прицеливался. Люди внизу что-то кричали ему. «Хотят, чтобы он прекратил? – хмурясь, подумал Доук. – Нет уж, пусть действует!»

Вновь прогремел выстрел. Вниз в облаке искр и огня полетели осколки изолятора. Разорванный провод, угрожающе щелкнув, упал на опору. Она, будто зажженная рукой невидимого гиганта, вспыхнула точно спичка. Люди в панике прыгивали, шлепаясь на землю с глухими ударами.

Второй конец провода, извиваясь и гудя, как огромная струна электрогитары, полетел прямо на Доука. Он едва успел спрыгнуть на землю, как кабель, шипя и брызгая искрами, ударил по «хаммеру». В отчаянной попытке спастись Доук врезался в объятую паникой толпу и стал продираться сквозь стену падающих людей. «Хаммер» охватило пламя, озарившее присутствующих. Мгновение спустя взорвался топливный бак, породив ударную волну.

Доука отбросило в сторону. Огонь разнесся по всей территории. Полыхала лифтовая башня и сухие кедры. Земля вокруг горящего «хаммера» была усеяна трупами и ранеными.

«На небеса вознеслась очередная партия душ, – подумал Доук. – Господь забрал их к себе».

Глава 68

Кен Долби взглянул на один из экранов: прямая, обозначая скачок напряжения, резко изогнулась и, крутясь, устремилась вниз.

– «Изабелла»! – Он ввел код отключения, но система выдала надпись: «Ошибка распознавания кода». – Черт!

Завыла сирена, сотрясая весь зал. На потолке замигала красная лампа.

– Аварийное отключение из-за перегрузки! – крикнул Сен-Винсент.

По центру раскатился грохот. Экран визуализатора лопнул и посыпался на пол водопадом стекла.

– «Изабелла»! – завопил Долби, вцепившись в пульт управления. «Держись же, держись, «Изабелла»!» – молился он.

Сен-Винсент уставился на свой пульт.

– Первая линия отключена! Не может быть! Что случилось?

– Пучок! – Кейт неистово молотила по клавиатуре. – Деколлимируется!..

Хазелиус издал вопль отчаяния.

– Чен! Последнее сообщение! Я не успел прочитать его до конца! Ты его сохранила?

– Не могу найти! – воскликнула Чен. – Возможно, информация утрачена. Вся информация...

– Отправь данные на печать! – проревел Хазелиус.

Долби пытался не обращать внимания на царивший вокруг хаос. «Изабелла» не реагировала на его команды. Случилось нечто страшное. Должно быть, накрылся сервер. Долби повернулся к Эдельштайну:

– Включай главный компьютер. Без всяких там проверок и приготовлений! Включай скорее!

По разбитому экрану пронеслась электрическая дуга. Где-то в глубине пещеры прогремел раскатистый гром взрыва, потом еще один. Вой «Изабеллы» зазвучал прерывисто. Воздух запахом дымом.

– Образует миниатюрную черную дыру, – негромко произнесла Кейт.

– Нет, вы не поверите! – вскричал Уордлоу. – Знаете, почему отключилась энергия первой линии? Эти сволочи открыли пальбу по проводам!.. А у двери к Бункеру собралась огромная толпа... О Боже... Они срывают камеры... – Зашипели помехи, и целый ряд охранных экранов вмиг погас.

Опять раздалась хлопки и шипение. Отключился весь охранный пункт. «Изабелла» стонала и сотрясалась.

– Отправила на печать? – заорал на Чен Хазелиус.

– Сообщение я нашла, пытаюсь выяснить, какой из принтеров еще работает! – Пальцы Чен с бешеной скоростью бегали по клавишам, пот ручьями стекал по лицу.

– О Господи!.. Умоляю, не потеряй его, Рей!

– Есть! – воскликнула Чен. – Печатает! – Она вскочила со стула, пронеслась к противоположной стене, где загудел принтер, и выхватила из него лист бумаги.

Хазелиус вырвал страницу у Чен из рук, сложил вчетверо и засунул в задний карман.

– Надо сваливать отсюда!

Центр управления содрогнулся от очередного взрыва. Долби не устоял на ногах и полетел на пол. Лампы мигали, по рабочим станциям, потрескивая, бежали электрические разряды. «Изабелла» стонала, будто от мучительной боли. Долби вскочил и вернулся к своему блоку.

Форд схватил его за руку.

– Кен! Надо уходить!

Долби вырвался и снова пробежался пальцами по клавишам.

«Ошибка распознавания кода».

Главный компьютер загудел, запуская предзагрузочные операции.

– Алан! Отключи сервер! – рявкнул Долби.

– Некогда! Уходим, Кен! – повторил Форд.

«Не умирай, «Изабелла»!» – громыхало в висках Долби.

Одержимый идеей во что бы то ни стало достучаться до своего детища, он продолжал работать. Следовало отключить «Изабеллу» по всем правилам. Теплый магнит выходил из строя. Пучки в трубе рассеивались. Если они выйдут за пределы вакуума или соприкоснутся...

– Долби! – Хазелиус вцепился ему в плечо. – Ты не в силах ее спасти. Идем!

– Отстаньте от меня! – Долби хотел ударить Хазелиуса, но промазал. Он снова повернулся к блоку управления и взглянул на экран. – Алан, черт тебя дери! Почему сервер до сих пор работает? Я же сказал, отключи его! – в бешенстве рявкнул он.

Никто не ответил. Долби повернул голову, пытаясь рассмотреть Эдельштайна через сизую пелену, протер слезящиеся глаза и закашлял. Центр управления был весь в дыму. Эдельштайн ушел вместе с остальными.

Долби чувствовал, что «Изабеллу» можно спасти. Иначе нет смысла жить.

«Я здесь, «Изабелла», здесь. Побудь со мной еще минутку».

Рассел Эдди научился собственноручно убивать людей, потому что Господь вселил в него мужество.

Битва шла полным ходом. Убийства действовали на толпу как электрический заряд. Христиане лютовали пуще прежнего. Исполненный решимости, Эдди подошел к титановой двери, обернулся и вскинул руку с оружием.

– Кто не боится вместе со мной встретить Антихриста лицом к лицу?

Толпа с готовностью взревела.

– Кто не боится выйти на битву со зверем?

Очередная волна дикого рева. Эдди ощутил прилив новых сил.

– Иной управы на него нет!

Рев.

– Он свиреп и опасен!

Толпа неистовствовала.

– Во имя Господа нашего и единокровного Сына Божьего, Иисуса Христа, уничтожим Сатану!

Толпа хлынула на дверь всей своей мощью, но дверь даже не дрогнула.

– Назад! – прокричал Эдди. – Мы все равно войдем! – Он поднял оружие, но его кулак схватила чья-то рука.

– Пастор, револьвер здесь не поможет. – Перед Эдди стоял человек в камуфляжном костюме, со штурмовой винтовкой М-16 на плече. – Видите эти приспособления? – Он указал на три конуса с подставками, обращенные к двери. – С их помощью можно пробить в плите дыру. Спецназовцы как раз собирались это сделать. Они тоже хотели проникнуть к «Изабелле».

– А вы откуда это знаете?

– Майк Фрост. Служил в группе войск специального назначения. – Фрост крепко пожал пастору руку.

– Действуй, Майк.

Фрост внимательно изучил металлические конусы.

– Они уже набиты взрывчатым веществом. Наше счастье, что во время перестрелки сюда не попала ни единая пуля. Все готово: соединительные провода, детонаторы... – Он осторожно достал небольшой цилиндр и вернул его на место. – Пусть все отойдут подальше, вон туда, и повернутся к двери спинами.

Эдди быстро отвел гомонящую толпу куда следовало. Фрост вытянул провода и откинул щиток с кнопки детонатора.

– Заткните уши!

Глава 69

Ученые проследовали за Уордлоу в компьютерный зал позади «мостика». Там, в комнате с серыми стенами и тремя рядами безмолвных серых тумб, располагался самый быстрый и мощный компьютер в мире. Его процессоры гудели, на панелях мигали скопления красных и желтых лампочек. В дальнем конце поблескивала стальная дверь.

Хазелиус догнал группу.

– Долби остался.

– Нам предстоит решить три проблемы, – сказал Уордлоу. – Во-первых, «Изабелла» вот-вот взорвется. Во-вторых, снаружи беснуется вооруженная толпа. В-третьих, обращаться за помощью не к кому.

– Что же делать? – заныла Тибодо.

– Стальная дверь ведет в старые шахтерские туннели. Надо уйти от «Изабеллы» как можно дальше, пока не прогремел взрыв.

– А где выход из туннелей? – спросил Форд.

– В противоположной стене горы, – ответил Уордлоу. – Там старая вертикальная шахта и подъемник. Не исключено, что он давно не работает, но мы что-нибудь придумаем.

– Другого выхода нет?

– Только через титановую дверь. А там – толпа.

Последовало непродолжительное молчание. Внезапно тишину пронзил грохот взрыва. Компьютерный зал содрогнулся, всех тряхнуло, как голыши в жестяной банке, и ученые попадали на пол. Оглушительный звук, точно гром, раскатился эхом по всей горе. Свет замигал, на серых компьютерных тумбах засверкали электрические разряды. Форд с трудом поднялся на ноги и помог встать Кейт.

– «Изабелла»?.. – прокричал Хазелиус.

– Если бы рванула «Изабелла», нас бы уже не было, – ответил Уордлоу. – Это толпа взорвала титановую дверь.

– Но ведь... Нет, это же невозможно!

– Возможно, если они воспользовались взрывчаткой спецназовцев.

По двери «мостика» заколотили сотни кулаков. Форд затаил дыхание. Долби, окутанный дымом точно привидение, колдовал над пультом у блока управления.

– Хазелиус! – послышался из-за двери приглушенный визгливый голос. – Слышишь меня, Антихрист? Мы пришли за тобой!

* * *

Пастор Рассел Эдди стоял у стальной двери и вопил что было мочи:

– Хазелиус, ты совершил преступление против Господа и его святого имени!

Стрелять из револьвера в крошечную замочную скважину не имело смысла. Толпа бушевала и неистово колотила по толстым листам стали.

– Христиане! – Голос Эдди раскатывался по огромной пещере звучным эхом. – Послушайте меня, христиане!

Воцарилась тревожная тишина, разбавляемая лишь адским воем машины из туннеля.

– Отойдите от двери! Будем действовать грамотно и организованно. – Он указал на противоположную стену: – Вон там лежат стальные балки. Пусть мужчины покрепче – только мужчины! – ударят одной из них по двери как тараном. Остальные разделитесь на две группы. Первая отправится туда. – Он кивнул на овальный вход в туннель, затуманенный конденсатом. – Надо разорвать провода и повредить трубы, связанные с суперкомпьютером – Зверем! – Пастор поднял над головой листок бумаги со схемой, скачанной из Интернета. – Вот карта. – На глаза Эдди попался парень, который казался спокойнее других и с уверенностью держал оружие. Настоящий главарь. – Возьми. Поведешь за собой остальных.

– Хорошо, пастор.

– Как только мы сломаем дверь, вторая группа войдет вслед за мной в центр управления. Мы схватим Антихриста и уничтожим все их приборы!

Грянул ликующий рев. Двадцать здоровяков уже тащили к двери балку. Толпа отхлынула.

– Давайте! – скомандовал Эдди, отходя в сторону. – Разбейте ее!

– Разбейте! Уничтожьте!

Силачи приготовились и ударили балкой по двери. В стали образовалась вмятина, а балку отнесло назад, и здоровяки едва удержались на ногах.

– Еще раз! – крикнул Эдди.

Глава 70

Послышался мощный удар в металлическую дверь. Стены задрожали. Форд нырнул в густой дым, разыскал Долби и схватил его за плечо.

– Кен, пожалуйста, – взмолился он. – Ради Бога, пойдем!

– Нет, Уайман. Не могу, – ответил Долби. – Я остаюсь. И... спасу «Изабеллу».

Из-за двери раздавались крики толпы. По стали били чем-то тяжелым. Одну из дверных петель перекосило.

– У тебя ничего не получится, да и времени совсем не остается.

В пещере гремел крик толпы:

– Хазелиус! Антихрист!

Долби как одержимый продолжал работать.

За Фордом выбежала Кейт.

– Надо срочно уходить!

Они вдвоем вернулись в компьютерный зал. Уордлоу суматошно вводил код на пульте охранной системы, остальные толпились вокруг него. Охранник раз за разом набирал последовательность цифр – безрезультатно.

Бабах! Дверь в центр управления сорвалась с петель и с грохотом упала на пол. Толпа с дикими воплями ринулась внутрь.

Раздались выстрелы. У блока управления пронзительно вскрикнул и упал Долби, срезанный очередью.

– Где Антихрист? – прогремел мужской голос.

Форд подлетел к двери в компьютерную комнату, захлопнул ее и запер. Уордлоу достал обычный ключ и с его помощью отковырнул панель, под которой пряталась вторая клавиатура. Он быстро ввел код. Без толку.

– Они там! – слышалось из центра управления.

– Взламывайте дверь!

Уордлоу снова вбил код. Раздался щелчок, и дверь распахнулась. Команда выскочила в сырой мрак угольной шахты, где пахло плесенью и гнилью. Форд вышел последним, вслед за Кейт. Перед ними лежал длинный широкий туннель. Ржавые балки поддерживали провисший потолок, с которого капала вода.

Уордлоу захлопнул за собой дверь и попытался вновь запереть ее, но замок без электричества не действовал.

Безумная толпа с оглушительным грохотом заколотила по двери в компьютерный зал. Уордлоу безуспешно пытался закрыть вход в туннель – сначала при помощи кода, потом магнитной картой.

– Форд, держи! – Он выхватил из-за ремня второй пистолет, «ЗИГ-Зауэр Р229». – Я постараюсь их задержать. В шахтах камерно-столбовая система, они все связаны между собой переходами. Бегите вперед, держитесь левой стороны и никуда не сворачивайте, не то наткнетесь на тупик. Мили через три попадете в просторное помещение с подъемником в дальнем левом углу. Меня не дожидайтесь, мчите отсюда ко всем чертям. Да, вот еще, возьми. – Он протянул Форду фонарь «Мэглайт».

– Один ты с ними ни за что не справишься. Это же самоубийство!

– Зато выиграю время. Это ваш единственный шанс.

– Тони... – начал было Хазелиус.

– Спасайтесь!

– Убьем Антихриста! – прозвучал из-за двери приглушенный крик. – Убьем его!

– Бегите! – проревел Уордлоу.

Команда, шлепая по лужам, помчалась по темному туннелю. Форд бежал сзади, освещая путь фонариком. Стук в дверь, вопли и крики «Антихрист!» эхом отдавались по мрачному коридору. Спустя несколько мгновений послышался выстрел, потом еще и еще. Толпа в ужасе завизжала, что-то грохнуло.

В длинном прямом туннеле через каждые пятьдесят футов вправо отходили перпендикулярные ответвления, которые вели к параллельным проходам. Слева темнела не выработанная до конца борозда.

Сзади продолжали греметь взрывы. В тяжелом и неподвижном воздухе шум разносился по всей шахте. Стены поблескивали от влаги, тут и там белели известковые наросты. Туннель резко сворачивал. Жюли Тибодо споткнулась и едва не упала. Форд подхватил ее и помог бежать дальше.

Выстрелы звучали приглушеннее, но пальба не прекращалась. Уордлоу делал все, что

было в его силах. «Царь Леонид в Фермопильском ущелье», – с грустью подумал Форд, удивляясь храбрости разведчика и его товарищеской преданности.

Туннель вывел команду в просторное помещение с низким потолком, который поддерживали широкие опоры из нетронутого угля. Антрацит поблескивал в лучах света, как павлиньи перья. Уайман приостановился и проверил оружие. Пистолет был полностью заряжен девятимиллиметровыми патронами. Форд вернул магазин на место.

– Держимся вместе до последнего, – сказал Хазелиус. – Джордж и Алан, помогите Жюли – она выбивается из сил. Уайман, ты прикрывай тыл. – Он взял за плечи Кейт и заглянул ей в глаза. – Если со мной что-нибудь случится, остаешься за главного. Понимаешь, о чем я?

Кейт кивнула.

Откуда-то из-за шахтной опоры открыли стрельбу. Пастор Эдди и его рвавшиеся в бой спутники распластались на полу туннеля.

– Вон там! – взвизгнул Эдди. Он заметил, откуда сверкнула вспышка, прицелился и нажал на спусковой крючок.

Ему на помощь пришли десятки стрелков, которые ворвались в туннель. По тьме запрыгали лучи фонарей.

– Он там, за стеной! – крикнул Эдди. – Покажем ему!

В опору устремился нестройный поток выстрелов. В воздухе заблестел фонтан угольных осколков.

– Не прекращать огонь!

Эдди вскочил на ноги и рванул к опоре, ширина которой достигала не менее двадцати футов. Прижавшись к стене в противоположном конце, он сигналом велел другим стрелкам приблизиться туда, где скрывался противник, и с оружием наготове сам двинулся в ту же сторону.

Неприятель угадал их замысел и стрелой понесся к соседней опоре. Эдди вскинул руку с револьвером, выстрелил, но промазал. Послышался еще один выстрел. Враг, не успев исчезнуть из вида, получил пулю, упал и продолжил путь ползком. Фрост, держа пистолет в вытянутых руках, выстрелил в скорчившуюся жертву еще два раза и прикончил несчастного выстрелом в голову.

– Больше никого, – сказал Фрост, освещая все вокруг фонарем. – Остальные сбежали.

Рассел Эдди опустил руку с револьвером и вышел на середину туннеля. Божьи воины, гомоня, все валили и валили из раскрытой двери. Их голоса отдавались в туннеле гулким эхом. Эдди поднял руки. Тотчас воцарилось молчание.

– «Пришел великий день гнева Его!» – прокричал пастор.

Он чувствовал, как у него за спиной ежесекундно прибывает народ, ощущал мощь толпы, и ему казалось, что его паства превратилась в гигантский электрогенератор. Однако для предстоящего дела людей было слишком много – требовалась лишь небольшая подвижная группа. Он повернулся и прокричал:

– С собой в глубь туннеля я могу взять лишь немногочисленную команду! Только вооруженных мужчин! Опытных воинов с огнестрельным оружием прошу сделать шаг вперед, а женщин, детей и всех остальных – отойти назад!

Из толпы протолкались человек тридцать.

– Выстройтесь в ряд и покажите мне оружие! Поднимите его повыше!

Мужчины с готовностью вытянули вперед винтовки и пистолеты. Эдди прошелся вдоль шеренги, внимательно осматривая бойцов. Владелец древних мушкетов и двоих утративших рассудок подростков с однозарядными винтовками он сразу же забраковал. В его распоряжении осталось два десятка воинов.

– Вы настоящие мужчины. Пойдемте со мной! Разыщем Антихриста и его последователей и убьем их! Ждите распоряжений! – Эдди повернулся к остальным: – А вы поработайте в помещениях, через которые мы сюда попали. Господь хочет, чтобы вы

уничтожили «Изабеллу» и зверя из преисподней, чье имя Аваддон! Ступайте же, служители веры!

Жаждавшая действий толпа с ревом сорвалась с места и, размахивая кувалдами, топорами и бейсбольными битами, потекла назад в раскрытую дверь. Изнутри незамедлительно послышался треск и грохот.

Машина, казалось, завывала от боли.

Эдди схватил за руку Фроста:

– Майк, будь рядом. У тебя море опыта.

– Да, пастор.

– Итак, друзья, – вперед!

Глава 71

Хазелиус повел команду по широким туннелям, вырезанным в угле. Форд по-прежнему бежал позади всех. В какую-то минуту он приостановился и напряг слух. Перестрелка между толпой и Уордлоу прекратилась, но где-то вдалеке слышались оживленные голоса. Очевидно, вдогонку ученым отправилась команда преследователей.

По совету Уордлоу беглецы держались левой стороны. Порой они влетали в тупики и тратили драгоценное время на выход из них. Изогнутые туннели и залы с угольными опорами образовывали в огромной шахте запутанный лабиринт. По полу тянулись рельсовые дороги, не используемые уже полвека. Повсюду валялись мотки гнилой веревки, ржавые металлические тележки, сломанные моторы и кучи отработанной породы. На пути то и дело попадались глубокие лужи застоявшейся воды, которые приходилось обегать.

«Изабелла» истошно выла, точно смертельно раненный зверь, и этот вой разносился по всей горе. Форд то и дело прислушивался, но крики преследователей не смолкали.

Минут через двадцать Хазелиус предложил передохнуть. Они упали на сырую землю, некоторые прямо в склизкую грязь. Кейт опустилась рядом с Фордом. Он обнял ее.

– «Изабелла» вот-вот взорвется, – сказал Хазелиус. – Последствия будут как при небольшом ядерном взрыве.

– Черт! – вырвалось у Иннса.

– Хуже того, – продолжал Хазелиус, – некоторые детекторы наполнены взрывоопасным жидким водородом. В детекторе нейтрино – пятьдесят тысяч галлонов перхлороэтилена, в других – по сотне тысяч галлонов алкана. И тот и другой легко воспламеняются. К тому же... взгляните вокруг: уголь повсюду. От взрыва загорится вся гора. Неизбежны обвалы.

Последовало молчание. Голоса преследователей приближались. Время от времени звучали одиночные выстрелы, заглушая душераздирающие стоны «Изабеллы».

– Я ненадолго задержусь тут и выстрелю в воздух, припугну их, – сказал Форд.

– Отличная мысль, – одобрил Хазелиус. – Но лучше бы обойтись без жертв.

Команда двинулась вперед. Форд, выключив фонарик, нырнул в один из боковых туннелей и замер. Голоса отдавались в пещерах раскатистым эхом. Разобрать слова было невозможно.

Форд, держась за стену, ощупью вернулся в главный туннель. Голоса звучали все ближе и ближе. Наконец в кромешной тьме показались едва различимые глазом отсветы полудюжины фонариков. Уайман присел за опорой на корточках, направил вверх пистолетное дуло и, подпустив неприятелей поближе, трижды выстрелил.

Команда Эдди ответила шквалом огня. Форд поднялся на ноги, нащупал дальнюю стену и, ориентируясь по ней, быстро отошел назад. Судя по звукам, к первой группе преследователей присоединилась вторая – по-видимому, они разделились, – но теперь, из-за выстрелов, вся компания двигалась медленнее. Форд, чтобы посерьезнее запугать врага, еще раз пять спустил курок и помчался догонять своих. Фонарик он включил, лишь оставив позади три широких угольных опоры. Некоторое время спустя у него за спиной раздался странный кашель. Форд приостановился. Вой «Изабеллы» резко перешел в чудовищный

пронзительный крик, который нарастал, сотрясая всю гору. Форд мгновенно понял, что происходит, и бросился на пол.

Дикий рев сотряс недра, и гора заходила ходуном. Последовал оглушительный грохот. Форда подбросило, как невесомый опавший лист, и швырнуло к опоре. По пещерам побежал раскат зловещего грома, в туннелях раздался призрачный стон ветра. Форд скорчился, прячась от пролетающих мимо кусков угля и камней.

Странный грохот заставил его раскрыть глаза и взглянуть наверх. Потолок туннеля трескался, опадая на пол дождем пыли и каменных обломков. Форд вскочил, подхлестнутый отчаянным желанием избежать обвала, но тут же упал, сбитый с ног.

Ударная волна отбросила Эдди в лужу грязи. Сверху сыпался песок и мелкие камни, туннели выли и сотрясались от грохота. Дышать пыльным воздухом было почти невозможно. Казалось, все вокруг рушится и падает.

Какое-то время спустя обвалы сменились относительным затишьем. Вдалеке что-то грохотнуло, и воцарилась непривычная тишина. Пение «Изабеллы» прекратилось – похоже, адская машина наконец-то умерла.

Ее уничтожили христиане.

Эдди, кашляя, огляделся в удушающем облаке пыли и нащупал фонарик, который все еще светил. Вокруг медленно поднимались с пола его воины. Потолок обвалился ярдах в двадцати позади них. Им посчастливилось уцелеть.

– Слава Господу нашему! – воскликнул Эдди и снова закашлялся.

– Слава Господу! – повторил за ним один из последователей.

Эдди осмотрел свое войско. Несколько бойцов ранило обвалом: у кого кровь адела на лицах, у кого – на руках и плечах. Остальные не пострадали.

Пастор, тяжело дыша, оперся на стену, поднялся и заставил себя произнести:

– «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали». – Он воздел руки, держа в одной револьвер, а в другой – фонарик. – Божьи воины! Зверь погиб. Но не позволим себе забыть о более важном задании. – Он указал в туманный мрак и огляделся вокруг. – Закончим сражение! Вставайте! Зверь подох! Спасибо Господу!

Мало-помалу его призывы вдохнули боевой дух в потрясенную команду.

– Разыщите оружие и фонари. Поднимайтесь!

Воины принялись шарить по полу. Через пять минут все были на ногах и готовы к действию. Свершилось чудо: у них за спинами, там, где они проходили считанные мгновения назад, обвалился туннель, но их уберег Господь.

Эдди почувствовал себя непобедимым. Конечно, ведь его защищал сам Бог! Страшиться было совершенно некого.

– Они впереди, – произнес он. – Прошли по этому туннелю. Потолок обвалился лишь частично. Вздираться и спускаться по груде камней не так уж и сложно. Идемте!

– Во имя Иисуса Христа!

– Слава Иисусу!

Эдди, вновь полный сил и уверенный в победе, повел команду дальше, по грудам камней. Грохот вокруг постепенно стихал. С потолка еще падали последние мелкие обломки, но это не грозило серьезной опасностью. Пыль оседала, и видимость мало-помалу улучшалась.

Они вышли в открытую пещеру с провалившейся в одном месте крышей. Сквозь дыру свободно проникал свежий чистый воздух. В противоположной стене чернел выход в широкий туннель.

Эдди приостановился, гадая, куда направился Антихрист, даже попросил остальных помолчать и на время выключить свет. В тишине и в темноте он ничего не услышал и не увидел, поэтому, склонив голову, прошептал:

– Господи, укажи нам дорогу. – Он включил фонарик и посмотрел туда, куда падал

луч. – Идемте.

Освещая запыленный туннель впереди, они продолжили путь.

Глава 72

Бегей, напуганный взрывом, лежал, припав к траве. Долина и холмы до сих пор вздрагивали. Ударными волнами примяло полынь, вырвало кедры, раскидало по округе песок и гальку. Бегей не двигался и не отрывал от лица рук, пока не успокоилась земля, потом сел и осмотрелся по сторонам. Над горой поднимался громадный огненный шар на ножке из дыма, пыли и каменных обломков. Жар горячил щеки. Бегей отвернулся и услышал приглушенные ругательства Уилли Бесенти. Мгновение спустя из густой травы вынырнула голова Уилли со спутанными волосами.

– Что за чертовщина?

Тут и там медленно поднимались и все остальные. Стреноженные лошади, которых демонстранты не успели оседлать, в ужасе ржали и бились, а самые прыткие вырвались и умчались прочь.

Бегей поднялся на ноги. Палатку типа уничтожил ветер: сломанные колышки валялись на земле, на них бились лоскутки изорванной парусины. Мощной ударной волной снесло с фундамента старую факторию Накай-Рок. Бегей прищурился и стал всматриваться в темноту, гадая, в какую сторону понесся его конь Холод.

– Что это было, черт побери? – спросил Бесенти, неотрывно глядя вверх.

Огненный шар-гигант взлетел высоко над верхушками деревьев, медленно крутясь и меняя цвет на красновато-коричневый.

На краю горы, над «Изабеллой», еще совсем недавно толпились сотни, может, даже тысячи людей. Куда они подевались? Бегей предположил, что с ними произошло, и поежился. Внутри горы что-то грохотало, гремели выстрелы.

– Надо отсюда проваливать! – Он удостоверился, что все целы и невредимы, и взглянул на Марию Атситти. – Плевать, что недостает лошадей. Сядем на каждую по двое и помчимся к Полночной тропе.

Где-то немного южнее зарычала и содрогнулась земля. В дальнем конце долины провалился кусок поросшей травой почвы. В темный ночной воздух из образовавшейся дыры вырвалось облако пыли.

– Обваливаются старые штольни, – сказал Бесенти.

Земля снова и снова вздрагивала. Тут и там, далеко и совсем близко, из горы вылетала пыль. Красно-коричневый шар, постепенно теряя яркость красок, безразлично и медленно рассеивался в высоте.

Бегей приобнял Марию за плечи:

– Назначаю тебя главной. Собирай народ и лошадей, веди их к Полночной тропе.

– А ты?

– Я сначала найду беглецов.

– Ты что, с ума сошел?

Бегей покачал головой:

– Среди них мой Холод. Его я в жизни не брошу в беде.

Мария Атситти пристально посмотрела на него, отвернулась и крикнула остальным садиться по двое на лошадей.

– Одному тебе не справиться, – сказал Бегею Бесенти.

– Ты лучше поезжай с остальными.

– И не подумаю.

Бегей хлопнул его по плечу:

– Спасибо.

Гору снова затрясло от грохота, раздавшегося на южном и восточном краях, как раз там, куда усакали лошади. Бегей всмотрелся в залитый лунным светом пейзаж: в небе

вилились змеистые ленты пыли.

Обвалы. Сомнений не было – рушились старые шахты. Над «Изабеллой» клубился дым, окрашенный темно-оранжевыми языками пламени. Кошмар лишь начался со взрыва, а теперь воспламенилась вся гора. По пропахшим метаном штольням разносилась жгучая ярость природы.

Мария Атситти подошла к Бегею с лошадьёю.

– Такое чувство, что наступает конец света.

Бегей покачал головой:

– Может, так оно и есть. – Понизив голос до полушепота, он забормотал себе под нос слова Падающей звезды: – Anine bichaha'oh koshdee'...

Глава 73

Форд очнулся во мраке под слоем каменных обломков и вдохнул воздух, пропитанный пылью и угольным газом. Голова раскалывалась от боли, в ушах звенело.

– Кейт! – выкрикнул он.

Тишина.

– Кейт!

Его охватил панический страх. Он быстро разбросал камни, выбрался на поверхность, заметил слабый свет и раскопал свой фонарик, который до сих пор работал. Посветив вокруг, Форд заметил футах в двадцати человека, наполовину заваленного камнями, и стал с трудом пробираться к нему.

Это был Хазелиус. Из его носа струился ручеек крови. Форд быстро проверил пульс.

– Грегори! – прошептал он на ухо физику. – Ты меня слышишь?

Хазелиус шевельнул рукой, раскрыл свои удивительные голубые глаза и сощурился от света.

– Что... случилось? – прохрипел он.

– Взрыв и обвал.

Хазелиус стал приходить в себя.

– А с остальными что?

– Не знаю. Я только-только вас нагнал, и тут раздался грохот...

– Как с потолка посыпалось, все и бросились кто куда. – Хазелиус посмотрел вниз. – Нога...

Форд стал расчищать обломки, завалившие Хазелиуса; ухватил за край и осторожно приподнял большой камень, что придавил левую ногу физика. Нога была странно изогнута.

– Помогите мне встать, Уайман.

– Боюсь, у тебя перелом, – ответил Форд.

– Не важно. Надо бежать дальше.

– Но на сломанной ноге...

– Помогите же, черт возьми!

Форд положил руку Хазелиуса вокруг своей шеи и поднял его. Физик пошатнулся и прислонился к нему.

– Если ты меня поддержишь, я смогу идти.

Уайман прислушался и различил сквозь отдаленный грохот приглушенные голоса и возгласы. Невероятно, но преследователи, судя по всему, продолжали путь. Или пытались отыскать выход из лабиринта.

Форд, поддерживая Хазелиуса, шаг за шагом двинулся вперед. Они шли по грудам камней, под рухнувшим потолком, пробирались по туннелям, разрушенным взрывной волной, проходили мимо помещений, доверху заваленных обломками. Остальных членов команды нигде не было видно.

– Кейт? – крикнул Форд в темноту.

Ему никто не ответил.

Форд взялся за рукоять пистолета. Он истратил восемь патронов. Оставалось еще пять.

– Что-то у меня кружится голова, – сказал Хазелиус.

Они осторожно перешли через узкий туннель и очутились в пещере. Форд совершенно не понимал, где именно они находятся. Голоса зазвучали громче и отчетливее. Казалось, что они раздаются отовсюду.

– Никогда... не думал, что все закончится... вот так... – Голос Хазелиуса резко оборвался.

Форд хотел снова позвать Кейт, но не решился. Кругом было без счета темных пыльных ходов. Если бы Кейт и отозвалась, то лишь привлекла бы внимание толпы бунтовщиков.

Хазелиус споткнулся, вскрикнул от боли и повалился на пол, точно мешок с цементом. Форд попытался поднять его на ноги, но физик стоять не мог. Форду пришлось взвалить его на спину, но в узком туннеле каждый шаг причинял Хазелиусу страдание.

Форд опустил ученого на землю и проверил его пульс: частый и слабый. На лбу физика блеснул пот. Очевидно, от боли у него мутилось сознание.

– Грегори, ты меня слышишь?

Ученый издал стон и повернул голову.

– Прости, – прошептал он. – Я больше не могу.

– Дай-ка я взгляну на твою ногу.

Форд надрезал штанину Хазелиуса перочинным ножом: сломанная бедренная кость прорвала кожу и вышла наружу – открытый перелом. Нести ученого дальше грозило серьезной опасностью, осколки могли перерезать бедренную артерию.

Уайман рискнул посветить вокруг себя «мэглайтом». Остальных нигде не было. В полу, у основания стены виднелась впадина глубиной в несколько десятков футов, частично загороженная грудой камней.

– Спрячемся вот здесь.

Взяв Хазелиуса под руки, он перетащил его в укрытие и принялся стаскивать в грудку побольше обломков. Голоса приближались. «Лишь бы Кейт уцелела!» – молил про себя Форд. Высота каменной насыпи достигла двух футов. Форд забрался в ямку, растянулся рядом с Хазелиусом, свернул свою куртку, положил ее физику под голову и выключил фонарик.

– Спасибо, Уайман, – сказал Хазелиус.

Мгновение-другое оба молчали. Потом Хазелиус произнес ровным голосом:

– Они хотят убить меня.

– Пускай попробуют. – Форд проверил, на месте ли оружие.

Хазелиус прикоснулся к его руке.

– Нет. Не надо убийств. Неправильно это. К тому же их в сотни раз больше.

– Ничего тут нет неправильного, если убиваешь кого-то, защищаясь.

– Мы все – одно, – произнес Хазелиус. – Убить кого-то из них – все равно что выстрелить в себя.

– Прошу тебя, оставь этот религиозный вздор хотя бы сейчас.

Хазелиус приглушенно застонал и с трудом сглотнул.

– Уайман, ты меня огорчаешь. Ты единственный из всей нашей команды так и не поверил в то, что с нами произошло чудо.

– Хватит болтать. Полежи тихо.

Они замерли, скрытые стеной из камней. Пахло пылью и плесенью. Голоса звучали совсем близко. По угольным коридорам разносился стук шагов и звяканье. Вскоре пыльный воздух осветился фонарями. От напряжения Форд почти не дышал. Преследователи зашагали мимо. На потолке запрыгали дьявольские отсветы оранжевых факелов, на стенах замелькали черные вытянутые тени. Через пару минут, показавшихся Форду вечностью, голоса отдалились, стали глуше, свет мало-помалу исчез и снова наступила тьма. Хазелиус тяжело вздохнул, явно изнывая от жуткой боли.

– Господи...

В какую-то секунду Форд задумался, уж не молится ли физик.

– Они считают... что я Антихрист... – Хазелиус засмеялся тихим странным смехом.

Форд приподнялся и стал всматриваться во мрак. Голоса преследователей смолкли. Снова воцарилась тишина, нарушаемая время от времени лишь стуком падающих камней.

– Может, я и правда Антихрист... – прохрипел Хазелиус и издал неопределенный звук – не то стон, не то смех.

Форд решил, что у физика начинается бред. Стараясь не особенно задумываться об этом, он стал размышлять, что делать дальше. По туннелю гулял ветер, разнося запах горящего угля. Земля едва заметно вибрировала от полыхавшего где-то неподалеку пожара.

– Надо выбираться отсюда.

Хазелиус не ответил. Форд поднялся и ухватил его под мышки.

– Пошли. Соберись с остатками сил. Здесь лежать опасно. Найдем остальных и отправимся к подъемнику.

По туннелям раскатился приглушенный звук взрыва. Сильнее запахло угольным дымом.

– И вот они задумали меня убить... – Опять жуткий смешок.

Форд взвалил Хазелиуса на спину, крепко взял за руки и понес по коридорам.

– Какая ирония, – промямлил физик. – Принять мученическую смерть... До чего же глупы люди... до чего легковёрны... Только кое-чего я все же не понимаю... ведь если они настолько глупые...

Форд посветил вперед фонариком. Перед ними лежала просторная пещера.

– А теперь я расплачиваюсь... Меня называют Антихристом... Я и есть Антихрист! – Опять судорожный смех.

Уайман из последних сил шел вперед по забою. Справа высились кучи угля и пустой породы, смешанной с колчеданом, который в свете фонарика блестел точно золото.

Форд шаг за шагом продвигался к дальней стене. Внезапно он заметил в левом углу черную дыру диаметром футов пять и свисавшую сверху веревку. Опустив Хазелиуса на каменный пол, он опять подsunул ему под голову свернутую куртку. Снова прогремел взрыв. Пещеру затрясло, с потолка посыпались камни. Глаза Форда слезились от дыма. «Как только сюда доберется пожар, – подумал он, – пламя сожрет весь кислород. И нам уже никуда не деться...»

Он схватился за веревку. Она разорвалась в нескольких местах, нижний конец полетел в пропасть. Секунду-другую спустя послышался плеск воды.

Форд посветил вверх. Аккуратно пробуренная дыра, очевидно, вела на поверхность. Конец гнилой веревки болтался над головой, не суля никакой помощи. Подъемника не было.

Хазелиус бредил, тихо и безумно посмеивался. Форд, напряженно раздумывая, как быть, присел на корточки. Болтовня Хазелиуса сбивала с толку. Внезапно физик произнес: «Джо Блитц».

Уайман прислушался.

– Ты сказал «Джо Блитц»?

– Джо Блитц... – промямлил физик. – Лейтенант Скотт Морган... Бернارد Хаббелл... Курт фон Рахен... капитан Чарлз Гордон...

– Кто такой Джо Блитц?

– Джо Блитц... капитан Б.А. Нортрап... Рене Лафайет...

– Кто все эти люди? – спросил Форд.

– Никто... их... нет... Noms de plume...

– Псевдонимы? – Форд наклонился к Хазелиусу. Лицо физика блестело от пота в свете фонарика, глаза остекленели. Однако и теперь от него веяло удивительной жизненной силой. – Чьи это псевдонимы?

– Как это чьи? Великого Рона Хаббарда, конечно... Умнейший человек... Только его не называли Антихристом... Повезло же гаду этакому...

Форд от изумления приоткрыл рот. Джо Блитц... Значит, это псевдоним Л. Рона Хаббарда, писателя-фантаста, который выдумал собственную религию – сайентологию – и объявил себя пророком. Еще до изобретения сайентологии Хаббард уверял, что главным достижением человечества будет обретение единой мировой религии. После этого он объединил псевдонауку и мистицизм в новую веру.

Единая мировая религия... Возможно ли подобное? Не этим ли вопросом увлекался Хазелиус? Не поэтому ли набрал себе в команду сплошь страдальцев и страдалец? «Изабелла» – величайшее изобретение человечества... Уединение на горе, странные послания, скрытность, связь с Богом...

Форд глубоко вздохнул, наклонился ниже и прошептал:

– Волконский написал записку, перед тем как... умер. Я нашел ее. Там были такие слова: «Я знаю правду... Я сумел рассмотреть ее через безумие. В качестве доказательства назову имя: Джо Блитц».

– Да... да... – ответил Хазелиус. – Петр был умен... Слишком умен, за это и поплатился... Тут я ошибся... надо было выбрать кого-то другого... – Он немного помолчал и тяжело вздохнул. – Что-то у меня немного путаются мысли... – Его голос дрожал. Казалось, он вот-вот совсем сойдет с ума. – О чем я говорил?

– О том, что Джо Блитц – это Рон Хаббард. Тот человек, который придумал собственную религию. Значит, вот что тут происходило?

– Я бредил, – произнес Хазелиус, по-видимому, отчасти возвращаясь в действительность.

– В этом и состоял твой план, верно? – спросил Форд.

– Не понимаю, о чем ты, – резко ответил Хазелиус.

– Еще как понимаешь. Ты все заранее продумал и подстроил. Создание «Изабеллы», проблемы, слова Бога. События развивались по твоему сценарию. Хакер и саботажник – ты.

– Что ты несешь, Уайман? – Хазелиус как будто полностью пришел в себя и негодовал.

Форд покачал головой. И как до него не дошло раньше? Ведь он не раз читал досье Хазелиуса.

– Тебя всю жизнь занимали утопические политические проекты.

– По-моему, ими интересуются многие.

– Но не до умопомешательства. Ты же на этой почве свихнулся, но, к твоему несчастью, к тебе никто не прислушивался, даже после того как ты получил Нобелевскую премию. Это-то тебя и убивало: умнейший человек, и не имеет влияния! Потом умерла твоя жена, два года ты жил в уединении, а потом объявил миру, что придумал «Изабеллу». Без этого ты не мог. Тебя сжирало безумное желание сосредоточить на себе всеобщее внимание. Ты мечтал перевернуть мир. А лучший для этого способ – стать пророком. Предложить всему человечеству новую религию.

Хазелиус тяжело задышал.

– Ты точно... со сдвигом, – простонал он.

– Ты разработал проект «Изабелла», предложил сконструировать машину, способную воспроизводить Большой Взрыв – те мгновения, когда возникла Вселенная. «Изабелла» появилась на свет. Ты набрал себе в команду людей, поддающихся влиянию, и поставил грандиозный спектакль. Суть твоей задумки – сделать самое громкое в истории человечества научное открытие. А чем еще удивишь людей? Конечно, обнаружением самого Бога! Ты планировал заявить, что нашел его, и стать его пророком! Хотел претворить в жизнь задумки Рона Хаббарда!

– Ты совсем сбрендил.

– Твоя жена не ждала ребенка – ты выдумал ее беременность. Какие бы имена машина ни выдала, ты отреагировал бы точно так же. А числа, которые задумала Кейт, без труда угадал, потому что хорошо ее знаешь. В общем, ничего сверхъестественного не случилось.

Хазелиус дышал ровнее.

– Ты окружил себя двенадцатью учеными, лично их выбрал. Читая их досье, я все

ломал голову над вопросом, почему всех так здорово потрепала жизнь. Теперь я знаю ответ. Ты специально брал себе в помощники только впечатлительных людей, израненные души – таких легко обратить в иную веру.

– С тобой этот номер не прошел?

– Тебе почти удалось и это.

Они помолчали. Где-то в туннелях загомонили голоса. Толпа возвращалась.

Хазелиус глубоко вздохнул.

– Умрем мы оба. Надеюсь, ты это понимаешь, Уайман? И тебя, и меня предадут мученической... смерти.

– Это мы еще посмотрим.

– Да, все верно. Я в самом деле хотел предложить людям новую религию, но понятия не имею, почему все пошло наперекосяк. У меня был такой блестящий план. Однако не все сработало... – Из груди Хазелиуса снова вырвался стон, с губ слетел вздох. – Эдди. Вот чего я не предусмотрел. Из-за него все полетело к чертям. Я допустил глупейшую оплошность и теперь прощаюсь с жизнью. Впрочем, такова участь любого пророка.

– Как ты ухитрился все подстроить? Как ты взломал компьютер?

Хазелиус достал из кармана старую заячью лапку.

– Я заменил опилки флэш-памятью на шестьдесят четыре гигабайта, процессором, микрофоном и беспроводным передатчиком, распознающим символы и голос. Эту штуку можно подключить к любому из тысячи высокоскоростных беспроводных процессоров «Изабеллы», соединенных с суперкомпьютером. Основную работу выполняла чудесная LISP-программа, которую я создал. Точнее, создал частично. Основная ее часть возникла сама собой. Это одна из самых удивительных программ в мире. Ею чертовски легко управлять, но сама она отнюдь не простая. По-моему, даже я сам не до конца ее понимаю. Забавно: она выдумала много такого, чего мне даже не приходило в голову. В общем, и тут все вышло гораздо хитрее, чем я задумывал.

– Ты сволочь. И одержим желанием властвовать.

Хазелиус убрал заячью лапку в карман.

– Ты ошибаешься, Уайман. Я провернул эту операцию из самых что ни на есть альтруистических побуждений.

– Как же! Результатом твоей «операции» стало безудержное насилие. А сколько напрасных смертей... Весь этот кошмар возник по твоей вине!

– Путь насилия избрал Эдди и его единомышленники, а не я. – Хазелиус моргнул от приступа боли.

– А Волконский? Его убил либо ты сам, либо поручил это сделать Уордлоу.

– Нет. Волконский был слишком умен. Он догадался, что я затеваю, проанализировал все до мелочей и понял, что остановить меня невозможно. Мысль, что им пользуются как последним дурачком, была для него невыносимой. Поэтому он и ушел из жизни, но устроил все так, чтобы никто не мог определить точно, убийство это или самоубийство. Очень в духе Волконского. У него был необычайно оригинальный ум.

– Зачем ему понадобилось наводить кого бы то ни было на мысли об убийстве?

– Он надеялся, что в результате расследования «Изабеллу» закроют прежде, чем я добьюсь своего. Но события развивались слишком быстро. Признаю, его смерть на моей совести, хотя я его не убивал.

– Как все глупо! Пустая трата сил, времени, жизни!

– Ты недопонимаешь, Уайман... – Хазелиус вновь тяжело задышал, но его дыхание почти сразу восстановилось. – Все только начинается. Повернуть время вспять невозможно. Все предрешено. И, как ни смешно, главное произойдет из-за них.

– Из-за кого?

– Из-за этой толпы фундаменталистов. Вся эта история завершится гораздо более значительно, чем я планировал.

– Она закончится ничем – сотнями смертей и жутким кровопролитием.

– Нет, ты все же не понимаешь того, что происходит, Уайман. Это дикое полчище Эдди... – Хазелиус на миг замолчал. К ужасу Форда, голоса зазвучали совсем близко. – Они убьют меня, предадут мученической смерти. И тебя тоже. Но таким образом увековечат мое имя... Вот так.

– Ты безумец, и таковым тебя увековечат!

– Что ж, большинство нормальных людей считают меня сумасшедшим.

Голоса звучали так отчетливо, что можно было разобрать отдельные слова.

– Надо спрятаться, – сказал Форд.

– Где? Тут никуда не денешься, да и ходить я не могу. – Хазелиус покачал головой и негромким хриплым голосом процитировал Библию: – «И говорят горам и камням: падите на нас и сокройте нас...» Мы в западне. Как и предсказывает Откровение.

Возгласы приблизились. Форд достал пистолет, но Хазелиус положил ему на плечо дрожащую, влажную от пота руку.

– Сдадимся достойно.

В темноте запрыгали лучи света, и в пещеру ввалилась группа вооруженных мужчин.

– Они здесь! Двое!

Пот промыл белые дорожки на покрытых угольной пылью физиономиях бунтовщиков, каждый из которых держал наготове оружие.

– Хазелиус! Антихрист!

– Антихрист!

– Попался!

Пещера содрогнулась от очередного отдаленного взрыва. С потолка градом посыпались камни. Мертвый воздух наполнился угольным дымом. Гору снова потрянуло, и по ней с грохотом прокатилась новая волна обвалов.

Толпа разделилась. Пастор Эдди подошел к раненому Хазелиусу, остановился прямо над ним, и его уродливое костлявое лицо расплылось в торжествующей улыбке.

– Мы снова встретились.

Хазелиус пожал плечами и отвернулся.

– Только теперь, Антихрист, – произнес Эдди, – команду я. Справа от меня Господь, слева Иисус, а позади Святой Дух. А ты? Где же твой защитник? Сбежал! Сбежал, Сатана! Прячется среди камней! «Сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца»!

Эдди склонился над Хазелиусом, приближая свое лицо к лицу физика, и рассмеялся.

– Катись ты ко всем чертям, микроб, – спокойно произнес Хазелиус.

Эдди чуть не задохнулся от ярости.

– Обыщите их! – велел он. – Наверняка у них есть оружие.

Несколько бойцов направились к Форду. Он подпустил их поближе, уложил первого, дал второму под дых, а третьего впечатал в каменную стену. Остальные с дикими воплями набросились на него и пинками приперли к стенке. Эдди отобрал у Форда «ЗИГ-зауэр».

Во время шумного нападения один из фанатиков пнул Хазелиуса в сломанную ногу. Ученый застонал и потерял сознание.

– Молодец, Эдди, – произнес прижатый к земле Форд. – Твой Спаситель будет доволен.

Эдди метнул в него свирепый взгляд, будто готовясь вцепиться ему в глотку, но, по-видимому, передумал.

– Хватит! – крикнул он своему войску. – Хватит! Разберемся с ними особым – правильным – способом. Поставьте их на ноги!

Форда рывком подняли с земли и толкнули в спину. Вся компания двинулась в путь. Бесчувственного Хазелиуса тащили под руки два дюжих парня. Один глаз физика распух от удара, из носа текла кровь, неестественно выгнутая нога со сломанной костью волочилась по земле.

Толпа вошла в просторный забой. Во тьме бокового туннеля блуждали лучи фонарей. Внутри оживленно гомонили.

– Фрост? Ты где? – окликнул Эдди.

Из туннеля появился светловолосый, коротко стриженный здоровяк с крепкой шеей, близко посаженными глазами и в камуфляже.

– Пастор Эдди? Мы нашли еще одну группку. Они прятались тут, в темноте.

Дюжина вооруженных детей вывела в пещеру Кейт и остальных.

– Кейт!.. Кейт! – Форд рванулся к ней.

– Остановите его!

Уайман получил сильнейший удар в спину и упал на колени. От второго тычка он повалился на бок и растянулся на полу под градом пинков, что сыпались на него со всех сторон. Внезапно его вздернули на ноги, так резко и безжалостно, что едва не выбили плечо. Потный человек с водянистыми беспокойными глазами и лицом, покрытым угольными полосами, наотмашь хлестнул Форда по щеке.

– Стоять!

Где-то вдалеке снова загрохотали камни. Гора опять задрожала. Воздух был полон пыли и дыма.

– Слушайте меня! – крикнул Эдди. – Оставаться здесь нельзя! Все кругом горит! Надо выбраться наружу!

– Я знаю, где можно вылезти, – сказал парень по фамилии Фрост.

– Веди нас туда, – распорядился Эдди.

Вооруженная банда повела пленников темными пыльными коридорами. Двое тащили бесчувственного Хазелиуса. В очередной громадной пещере Фрост посветил наверх, в пролом, под которым высилась гора камней. В отверстие проникал свежий прохладный воздух.

– Вот.

Они стали карабкаться вверх по обломкам. Камни вырывались из-под ног и с грохотом летели вниз.

– Прочь из бездны Аваддона! – торжествующе прокричал Эдди. – Зверь побежден!

Двое его последователей подняли Хазелиуса наверх и протащили через неровную дыру в потолке. Остальные пленники, получая тычки оружием дулами, выбрались сами. Дыра вела в другую пещеру, откуда следовало подняться в третью. Наконец наверху что-то серебристо блеснуло – в ночном небе мигала звезда. Они вылезли на поверхность горы сквозь широкую щель. Воздух остро пах горящим бензином и копотью. Восточная сторона полыхала. В небо, заслоня луну, поднимались красновато-черные клубы дыма. Земля под ногами непрерывно подрагивала, из недр горы то и дело вырывались кроваво-оранжевые языки пламени и, словно знамена, взлетали на сотню футов в темную высь.

– Туда! – скомандовал Эдди. – На открытую площадку!

Толпа пересекла пересохшую речушку и остановилась на широкой поляне с засохшим кедром. Форд очутился недалеко от Кейт и спросил:

– Ты не ранена?

– Нет. Но Алан и Жюли погибли под обвалом.

– Молчать! – завизжал Эдди, выходя на середину поляны.

Форд не переставал удивляться произошедшей в нем перемене. Казалось, нервный проповедник, каким они увидели его впервые, превратился в другого человека: он держался уверенно и спокойно, а двигался неторопливо и с достоинством. За поясом у него поблескивал револьвер «ругер-блэкхок». Повернувшись к толпе лицом, пастор поднял руку.

– Господь рукою крепкою вывел нас из Египта. Всемогущий Бог, славим тебя!

Его команда, пара дюжин религиозных фанатиков, прогремела в ответ:

– Славим тебя!

Эдди наклонился над лежавшим навзничь ученым. Хазелиус очнулся и раскрыл глаза.

– Поставьте его на ноги, – приказал пастор Форду, Иннсу и Чеккини. – И держите.

Они осторожно подняли физика на здоровую ногу. «Странно, что Хазелиус до сих пор жив, не говоря уже о том, что пришел в сознание», – подумалось Форду.

Эдди повернулся к толпе.

– Взгляните на его лицо – лицо Антихриста. – Он взволнованно зашагал по кругу. – «И схвачен был зверь и с ним лжепророк, производивший чудеса пред ним, которыми он обольстил принявших начертание зверя и поклоняющихся его изображению: оба живые брошены в озеро огненное, горящее серою».

На дальнем краю горы из-под земли в воздух взметнулся шар пламени. Лица толпы озарились сиянием, оранжевый свет отразился на впалых щеках Эдди, покрытых угольной пылью, а запавшие глаза пастора будто полыхнули огнем.

– «Возрадуйся... ибо совершил Бог суд над ним!»

Толпа было заликовала, но Эдди поднял руки.

– Воины во Христе, наступает торжественная минута. Мы поймали Антихриста и его последователей. Теперь над всеми нами свершится суд Божий.

Хазелиус вскинул голову, презрительно усмехнулся и произнес:

– Простите, что перебиваю, пастор, но у Антихриста есть для ваших прославленных воинов несколько отнюдь не столь торжественных слов.

Эдди вскинул руки.

– Говорит Антихрист. – Он уверенно шагнул в сторону Хазелиуса. – Какое еще богохульство слетит с твоих мерзких уст, Антихрист?

Физик смело смотрел ему в глаза.

– Держи меня покрепче, – твердым голосом обратился Хазелиус к Форду. – Не дай мне упасть.

– Не делай этого, – шепнул Форд ему на ухо.

– Почему? – мрачно осведомился Хазелиус. – Назвался груздем, полезай в кузов.

– Послушайте же, воины во Христе, слова лжепророка, – с нотками сарказма произнес Эдди.

Глава 74

В половине третьего Бегей взобрался на гору булыжников, поднял к глазам бинокль и взглянул на темный горизонт.

– Вон они. Столпились в травянистой низине, ни живы ни мертвы от страха. – Лошади топтались на одном месте, черными пятнами выделяясь на фоне ночного неба, освещенного красно-оранжевыми языками пламени.

– Пошли заберем их, – сказал Бесенти.

Бегей не тронулся с места. Медленно повернувшись, он посмотрел на восток. Восточной вершины больше не было. На ее месте высились горы камней, мягкого металла и горящего угля. По оврагам растекались реки огненной жидкости, похожей на вулканическую лаву. Вся восточная сторона пылала. Огненные языки, вырываясь из провалов и трещин, взмывали в ночное небо. Засохшие кедры и можжевельник полыхали точно рождественские елки. Пожар быстро приближался, хотя ветер и относил огонь в сторону. Время от времени под землей гремели взрывы и наружу выстреливали струи пламени и дыма. Земля то и дело содрогалась, отдельные куски грунта проваливались, и в воздух взмывали тучи черного угольного дыма. Теперь полыхала и долина Накай, и фактория, и дома, и тополиная роща.

До взрыва на горе толпилось не менее тысячи человек. Теперь же, оглядываясь по сторонам, среди огня и дыма Бегей рассмотрел в бинокль лишь нескольких страдальцев. Одни кричали, другие, подобно зомби, безмолвно метались из стороны в сторону. Поток автомобилей, текший вверх по Дагвей, остановился. Огонь добрался до брошенных владельцами машин – взрывались топливные баки.

Уилли покачал головой:

– Нет, ну надо же что устроили! Bilagaana поубивали сами себя!

Они спустились с груды камней. Бегей пошел к лошадям и свистнул Холода. Конь наострил уши и помчался к хозяину. За ним поскакали и все остальные.

– Холод! Хороший мой мальчик!

Похлопывая жеребца по шее, Бегей пристегнул поводья к кольцам трензеля. Лошади, которых успели оседлать, к счастью, не сбросили седел. Бегей расседлал подвернувшуюся лошадь, перекинул седло на спину Холода и запрыгнул на коня. Уилли не стал седлать своего жеребца. Неспешно и осторожно они повели перепуганный табун к Полуночной тропе, что пролегала там, куда еще не добралось пожарище. Перед самым спуском Бесенти, скакавший впереди, приостановился.

– А это еще что?

Бегей догнал его и поднес к глазам бинокль. На песчаной поляне чуть поодаль стояла кружком толпа мужчин, перемазанных угольной пылью с головы до пят, будто только что поднялись из-под земли, чудом избежав завала. В середине круга теснилась группка жалкого вида людей – судя по всему, пленников. До Бегея донеслись издевательские возгласы.

– Похоже, линчевать собрались, – пробормотал Бесенти.

Бегей присмотрелся к пленникам и с ужасом узнал в одной из женщин ученую, которая приезжала его навестить. Кейт Мерсер. Чуть дальше стоял Уайман Форд, поддерживая раненого.

– Что-то мне все это не нравится, – пробормотал Бегей, спрыгивая с коня.

– Куда ты? Надо скорее смываться отсюда!

Бегей привязал Холода к дереву.

– По-моему, им нужна помощь, Уилли.

Уилли Бесенти, сверкнув улыбкой, соскочил с жеребца.

– Что ж! Тогда вперед!

Они подкрались к странному собранию и спрятались за булыжниками. От толпы их отделяло менее сотни футов, но скрывала темень и черная тень. Бегей насчитал двадцать четыре человека, покрытых разводами угольной пыли словно черти из преисподней.

На лице Форда алела кровь. Похоже, его сильно избили. Остальных пленников Бегей не знал, но, судя по лабораторным халатам, догадался, что они тоже ученые, занимавшиеся проектом «Изабелла». Тот, которого поддерживал Форд, стоял на одной ноге, так как вторая была сломана. Толпа улюлюкала и выкрикивала разные издевательства. Наконец на середину поляны вышел главарь. Как только он поднял руки, крики стихли.

Бегей не верил своим глазам. Пастор Эдди из церкви в Блю-Гэпе сильно изменился. Когда-то жалкий полусумасшедший неудачник задаром раздавал старую одежду и задолжал Бегею шестьдесят баксов. Теперь же Эдди держался уверенно и властно. Ему повиновалась толпа.

Не спуская с происходившего глаз, Бегей укрылся за камнями. Бесенти неподвижно лежал рядом.

Эдди поднял руки.

– «И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно!» Друзья христиане! Антихрист просит слова! Послушайте же вместе со мной, сколь богохульны его речи!

Слова Хазелиуса заглушила очередная вереница взрывов. Позади, потрескивая и озаряя все вокруг, продолжал полыхать огонь. Физик громко произнес:

– Пастор Эдди, у меня к вам единственная просьба. Люди, которые стоят возле меня, отнюдь не мои последователи. Со мной можете делать все, что вам угодно, а их отпустите.

– Лжец! – выкрикнул кто-то.

– Богохульник!

Эдди поднял руку, и толпа умолкла.

– Непорочных не существует! – прокричал он. – Все мы грешники перед разгневанным Господом! И будем спасены лишь по его воле.

– Не трогай их, чокнутый кровопийца!

«Шансов на спасение у нас почти нет», – подумал Форд, глядя на воинов Эдди. Хазелиус ослабел, его здоровая нога согнулась в колене.

– Держи его! – проревел Эдди.

Кейт подскочила к Хазелиусу с другой стороны, и они с Фордом выпрямили ученого. Эдди обвел взглядом фанатиков.

– Настал день Божьего гнева! – прокричал он. – Хватайте Антихриста!

Толпа бросилась на Хазелиуса, выхватила его у Кейт и Форда и стала терзать, словно тряпичную куклу. Его колотили палками, пинали, осыпали плевками. Кто-то хлестал физика стеблем кактуса-чолья с острыми как иглы шипами.

– Привяжите его к дереву!

Толпа, словно невиданное столасное чудище, поволокла Хазелиуса к могучему засохшему кедру. Запястье ученого обвязали веревкой, накинули ее на толстую ветку, протянули за стволом и обвязали второе запястье. Хазелиус полувисел-полустоял с раскинутыми руками. Лохмотья одежды еле прикрывали его тело в потеках грязи и крови.

Кейт вырвалась из рук державших ее здоровяков, подскочила к дереву и обняла Хазелиуса. Толпа разразилась злобными криками. Несколько человек оттащили Кейт и швырнули на землю. Человек-пугало с квадратной бородой стал осыпать ее пинками.

– Сволочь! – Форд двинул по челюсти одному из стражников, второго отшвырнул прочь и стал пробираться к Кейт, но его схватили, сбили с ног и пустились обрабатывать кулаками и дубинками. Наполовину лишившись чувств, он плохо понимал, что происходит.

Где-то сбоку взревел мотоцикл. Внезапно мотор умолк и чей-то глубокий голос воскликнул:

– Здравствуйте, братья христиане!

– Доук! – загомонила толпа. – Здесь Доук!

– Доук! Доук!

Толпа расступилась, давая дорогу человеку-великану с загорелыми татуированными руками, в джинсовой куртке с оторванными рукавами, с большим металлическим крестом на груди и штурмовой винтовкой за спиной. Его длинные светлые волосы трепал ветер, порожженный пламенем.

Он обнял Эдди.

– Да пребудет с вами Господь!

Разжав объятия, Доук повернулся к остальным. Его простая манера держаться и необыкновенное обаяние прекрасно дополняли аскетическую суровость Эдди. Загадочно улыбнувшись, Доук достал из сумки бутылку, наполненную прозрачной жидкостью, откупорил ее, выбросил пробку, вставил в горлышко кусок тряпки и, удерживая тряпку двумя пальцами, потряс и поднял бутылку. Толпа восторженно заверещала, учуяв запах бензина. Доук свободной рукой достал зажигалку, поднял ее и прошелся по кругу, как рок-звезда на сцене.

– Дрова! Нам понадобятся дрова!

Эдди воскликнул:

– «И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное!» Библия говорит однозначно. Кто не принял Иисуса Христа как своего личного спасителя, тому вечно гореть в огне. Так, мои дорогие братья христиане, угодно Господу Богу.

– Сожжем его! Сожжем Антихриста! – заорала в ответ толпа.

– «А диавол, прельщавший их, ввержен в озеро огненное и серное, – продолжал Эдди, – где зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков».

– Прекратите! Во имя всего святого, не делайте этого! – прокричала Кейт.

К кедру начали стаскивать сухие ветки, кактусы, высохшие кусты полыни. Импровизированная поленница быстро росла.

– Так Господь расправляется с неверующими, – сказал Эдди, расхаживая перед кедром. – «И будут мучиться день и ночь во веки веков», – повторил он. – То, что мы делаем, делаем с позволения Бога. Об этом неоднократно говорится в Библии. Приведу еще один пример из Откровения: «...и дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его».

Кучу для костра наваливали как попало. Несколько фанатиков принялись подгребать ветки ближе к Хазелиусу.

– Не смейте этого делать! – надрывно вскрикнула Кейт.

Куча из сухих веток, травы и кактусов, готовых воспламениться от единственной искры, поднялась до бедер Хазелиуса.

– «И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их», – процитировал Эдди.

Гора росла и стала физику по пояс.

– Пора исполнить волю Божью, – негромко произнес Эдди.

Доук приблизился к кедру и снова воздел руки с зажигалкой и «коктейлем Молотова». Толпа подалась назад и притихла. Доук покрутился на месте, не опуская рук. Остальные отступили дальше и замерли в благоговейном страхе.

Доук щелкнул зажигалкой, поджег торчавший из горлышка кончик тряпки, повернулся и бросил бутылку в кучу веток. Ветки вспыхнули, и прожорливые языки пламени с громким треском устремились во все стороны.

Толпа дружно ахнула. Форд напрягся и обнял Кейт, которая почти лишилась чувств. Толпа молча смотрела на кедр. Никто не отворачивался.

Огонь подобрался к лицу Хазелиуса.

– Вселенная не забудет, – звучно произнес физик.

Глава 75

Нельсон Бегей смотрел на погребальный костер с нарастающей яростью. Сжечь человека заживо! Так испанцы поступали с его предками, если те не принимали их веру. Все повторялось.

Остановить это безумие было невозможно.

Языки огня сжирали изорванный лабораторный халат ученого, поднимались все выше и выше, вот заслонили его лицо и с шипением уничтожили волосы.

Он не издавал ни звука.

Пламя с ревом поглотило одежду жертвы и принялось обугливать и срывать куски кожи и плоти. Ученый не дергался, даже не стонал. Огонь добрался до его глаз – они растаяли и вытекли из глазниц, но на обгорелом лице все еще сохранялась печальная полуулыбка. Сгорели веревки, которыми его руки привязали к дереву, а он все стоял, непоколебимый как скала. Как ему хватало сил? Почему бедняга не падал? Даже когда старый кедр превратился в огненный столб, когда языки пламени поднялись ввысь на двадцать, тридцать футов, ученый не двинулся с места. Он стоял и стоял, пока не исчез за завесой пламени. Даже в сотне футов от костра Бегей чувствовал жар и слышал чудовищный рев. Широко разросшиеся ветви кедра казались горящими лапами. Внезапно дерево повалилось на землю, и ввысь, чуть ли не к самым звездам, взмыл гигантский фонтан искр.

От Хазелиуса ничего не осталось. Он полностью исчез.

Пленники, которых держали под дулами винтовок, наблюдали адскую сцену в совершенном ужасе. Некоторые из них рыдали, многие держались за руки или обнимались.

«Настал их черед», – подумал Бегей, и эта мысль показалась ему невыносимой.

Доук уже доставал из сумки другую бутылку.

– Черт знает что такое, – едва слышно прошептал Бесенти. – Мы что, так и будем лежать тут и просто глазеть?

Бегей медленно повернул голову.

– Нет, Уилли. Конечно же, нет.

Форд смотрел на догорающий огонь, не веря своим глазам. Там, где только что стоял Хазелиус, теперь лежала лишь кучка углей. Форд крепко держал Кейт, чтобы та не упала. Она смотрела на пламя широко распахнутыми от ужаса глазами и не двигалась. Все молчали.

Настал их черед.

Толпа не издавала ни звука. Пастор Эдди стоял чуть в стороне, костлявыми руками прижимая к груди Библию. Его глаза еще больше ввалились.

Доук тоже смотрел на пламя. Его лицо радостно сияло. Эдди вскинул голову, взглянул на толпу и указал дрожащей рукой на кучу углей:

– «И будете попира́ть нечестивых, ибо они будут прахом под стопами ног ваших».

Речь пастора разбудила толпу. Фанатики несмело зашевелились.

– Аминь, – сказал кто-то.

Его примеру нерешительно последовали другие.

– «...прахом под стопами ног ваших», – повторил Эдди.

В ответ раздалось негромкое «аминь».

– А теперь, друзья мои, – произнес пастор, – настало время расправиться с последователями Антихриста. Мы христиане. И умеем прощать. Дадим им возможность принять Иисуса. Даже самому страшному грешнику Бог дарует последний шанс. На колени!

Удар по затылку заставил Форда упасть на колени. Кейт тоже против воли опустилась на землю.

– Помолимся Господу нашему Иисусу Христу за спасение их душ!

Доук и Эдди преклонили колена, за ними опустилась на песок и вся толпа, освещенная пламенем. Все забормотали молитву.

По горе прокатился грохот очередного взрыва. Земля содрогнулась.

– Раскаиваетесь ли вы, последователи Антихриста, – произнес Эдди, – в вероотступничестве? Принимаете ли Иисуса как своего личного спасителя? Принимаете ли его всем сердцем, без условий и оговорок? Согласны ли присоединиться к нам и стать частью великой Божьей армии?

Последовало молчание. Форд сжал руку Кейт. Он отчаянно надеялся, что она подаст голос, что ответит согласием. Однако если сам не мог этого сделать, зачем ждал безумия от нее?

– Неужели ни один из вас не желает отречься от ереси и принять Иисуса? Ни один не хочет спастись от огня в этой жизни и от вечного адского пламени в будущей?

В Форде закипела ярость. Он поднял голову.

– Я христианин, католик. Мне ни к чему отречься от ереси.

Эдди глубоко вздохнул и, театрально вскинув руку, заговорил дрожащим голосом:

– Католики не христиане. Католицизм – идолопоклонническое обожание Девы Марии.

По толпе прокатился невнятный рокот одобрения.

– Католичество – демонизм. Это ясно из «Аве Мария». Католики преклоняются перед идолами и тем самым нарушают заповеди Божьи.

Ярость Форда, которую он старательно пытался унять, достигла предела. Он выпрямился.

– Да как ты смеешь? – произнес он негромким голосом. – Как смеешь?

Эдди выхватил из-за пояса револьвер и навел дуло на Форда.

– Священники полторы тысячи лет пытались вправить католикам мозги! Ты не читаешь Библию. Ты веришь в то, что тебе рассказали церковники! А они молятся образам и целуют ноги идолов, тогда как Слово Божье четко велит преклоняться единственно перед Иисусом, отнюдь не перед Марией и так называемыми святыми. Откажись от своей богохульной религии или же прими страдание от Божьего гнева.

– Богохульники – это вы, – произнес Форд, бесстрашно оглядывая толпу.

Эдди трясущейся рукой поднял оружие и прицелился Форду в правый глаз.

– Твою религию проповедуют из уст ада! Откажись от нее!

– Никогда.

Рука Эдди перестала дрожать, а палец на спусковом крючке напрягся.

Глава 76

Преподобный Дон Т. Спейтс швырнул трубку. Телефон не работал. Связаться с кем бы то ни было через Интернет тоже не представлялось возможным. Он подумал, не сходить ли в собор, в центр коммуникаций, и не посмотреть ли последние новости. Но ему не хватило мужества. Было чересчур страшно выходить из кабинета, узнавать, что творится вокруг.

Он взглянул на часы: половина пятого утра. До рассвета оставалось часа два. «Как только поднимется солнце, тотчас поеду к Добсону, – решил Спейтс. – Расскажу ему обо всем. Он что-нибудь придумает». Разумеется, на его услуги придется раскошелиться. Но если удастся пережить эту грозу, пожертвования потекут рекой. Ничего, все обойдется. Ведь и в прошлом каких только кошмаров не приключалось! Например, история с проститутками. В ту пору казалось, наступает конец света. Но прошло время и все вернулось на круги своя, возобновились проповеди, съемки. Теперь второго настолько же популярного телепроповедника во всей Америке не сыскать!

Он достал чистый носовой платок, протер им веки, лоб, нос и губы. На белоснежной ткани остался коричневый след от тонального крема. Спейтс с отвращением взглянул на пятно, бросил платок в мусорную корзину, налил себе очередную чашку кофе, плеснул в него водки и дрожащей рукой вылил питье в рот, после чего грохнул об стол чашку из севрского фарфора, и она раскололась надвое, да так ровно, будто ее специально распилили. Спейтс покрутил половинки в руках, в приступе внезапной ярости швырнул их на пол, подошел к окну, распахнул его и уставился на улицу.

Снаружи царили тьма и покой. Мир спал. Только не в Аризоне. Там наверняка творилось нечто ужасное. Но отнюдь не по вине Спейтса – он честно выполнял на Земле дело Христа, верил в благородство, религию, долг и свою страну.

«Скорее бы взошло солнце!» – молил он, то и дело представляя себя в удобном, обшитом деревянными панелями кабинете юриста на Тринадцатой улице. Мечты его успокаивали. «Как рассветет, вызову водителя и поеду в Вашингтон», – мысленно повторял он.

Неожиданно тишину умытой дождем улицы нарушил вой отдаленной сирены. Спустя несколько мгновений на Ласкин-роуд показались полицейские машины с включенными мигалками, фургон и еще несколько автомобилей. Спейтс с бешено бьющимся сердцем отпрянул от окна и захлопнул створки. Нет, копы едут не за ним. Конечно, нет. Что за дурацкие мысли лезут ему в голову? Вернувшись к столу, он собрался выпить еще кофе с водкой, но вспомнил, что разбил чашку. Ну и черт с ней!

Он обхватил горлышко бутылки губами, отхлебнул и шумно выдохнул. «Скорее всего копы ловят ниггеров, что опять пробрались в яхт-клуб», – сказал он себе.

Со стороны собора послышался страшный шум. Спейтс подпрыгнул на месте. Тишину раннего утра наполнили громкие голоса, крики, сигналы полицейских раций.

Спейтс окаменел от страха.

Минуту-другую спустя послышался громкий удар в дверь и внутрь ворвалась целая армия фэбээровцев с оружием наготове. Следом вошел огромный темнокожий агент с бритой головой.

Спейтс сидел в своем кресле, ничего не понимая.

– Мистер Дон Спейтс? – спросил агент, показывая жетон ФБР. – Федеральное бюро расследований, специальный агент Купер Джонсон.

Спейтс лишился дара речи.

– Вы мистер Дон Спейтс?

Проповедник кивнул.

– Руки на стол, мистер Спейтс.

Преподобный поднял толстые руки, покрытые старческими пятнами, и тяжело оперся о столешницу.

– Встаньте, не убирая рук.

Спейтс неуклюже поднялся. Кресло с грохотом упало на пол.

– Наденьте на него наручники.

Другой агент, приблизившись к Спейтсу, завел ему руки за спину и заковал их в холодные стальные наручники.

Джонсон подошел к Спейтсу и остановился прямо перед ним, скрестив руки на груди и широко расставив ноги.

– Мистер Спейтс?

Преподобный испуганно таращил глаза. Его мозг как будто отключился.

– Молчать – ваше право, – негромко и быстро заговорил фэбээровец. – Любое ваше слово может быть использовано в суде против вас. Если хотите, свяжитесь с адвокатом, который имеет право присутствовать при допросе. Если на услуги юриста у вас нет денег, вам предоставят адвоката за счет государства. Все понятно?

Спейтс продолжал таращиться. Казалось, все происходит не с ним.

– Понятно или нет?

– Чт...

– Да он же пьян, Купер, – сказал второй агент. – Не трать время. Лучше расскажем ему обо всем потом.

– Правильно. – Джонсон схватил Спейтса за плечо. – Пошли.

Второй агент взял его за другое плечо, намереваясь вести к двери.

– Подождите! – вскричал проповедник. – Тут какая-то ошибка!

На его слова никто не обратил внимания. Его повели к выходу.

– Вы приехали за кем-то другим! Не за мной!

Они пересекли коридор и вошли в затемненный собор.

– Вам нужен Кроули, Букер Кроули из «Кроули и Стратем»! Вся ответственность на нем! А я всего лишь выполнял его указания – меня винить совершенно не в чем! Мне и в голову не могло прийти, что разгорится такое! – Надрывный голос проповедника эхом раскатывался по просторному залу.

Агенты повели его к парадной двери – сначала по боковому проходу, мимо бархатных сидений, за каждое из которых ему пришлось выложить по триста баксов, потом мимо колонн, отделанных сусальным серебром, и, наконец, через огромный вестибюль из итальянского мрамора.

Во дворе Спейтса встретила шумная толпа репортеров, море вспышек и неустанный поток вопросов. Микрофоны тянулись к его лицу со всех сторон.

Спейтс непонимающе моргал, разевая рот, как корова на бойне. В конце подъездной дороги его ждал фургон для перевозки заключенных.

– Преподобный Спейтс! Преподобный Спейтс! А правда, что...

– Преподобный Спейтс?

– Нет! – Спейтс подался назад, пытаясь вырваться из крепких рук агентов. – Я туда не пойду! Я невиновен! Арестовывайте Кроули! Пустите! Я дам вам его телефон и адрес!..

Агенты провели его по дорожке и открыли задние двери фургона. Спейтс отчаянно сопротивлялся.

Камеры шелкали как оголтелые. Стекла сотен объективов смотрели на преподобного точно рыбы глаза.

– Нет!

У самого фургона Спейтс забился пуще прежнего. Его грубо толкнули в спину. Он споткнулся, повернул голову и умоляюще завопил:

– Послушайте же! – Из его груди вырвался громкий жалобный стон. – Вам нужен Кроули – не я!

– Мистер Спейтс? – произнес Джонсон. – Поберегите нервы. Расскажите свою историю позже, у вас будет достаточно времени.

Агенты затолкнули его внутрь, забрались в фургон, усадили преподобного на сиденье, пристегнули ремнем, прикрепили наручники к металлической перекладине и сели по обе стороны.

Дверцы с шумом захлопнулись, ограждая Спейтса от оглушительного репортерского

гомона. Он прерывисто вздохнул и провыл:

– Вы совершаете чудовищную ошибку. – Фургон тронулся с места. – Вам нужен Кроули – не я!

Глава 77

Форд немигающим взглядом смотрел на поблескивавшее дуло револьвера. К губам сами собой подступили слова исповедальной молитвы. Он, крестясь, зашептал:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа...

– Восславим Господа! – вклинился в напряженную тишину чей-то трубный голос.

Все повернули головы. Из темноты вышел навахо, одетый в рубаху из оленьей шкуры, и с повязкой на голове. Одной рукой он вел за собой вереницу лошадей, а второй размахивал в воздухе пистолетом.

– Восславим Господа и Иисуса!

Индеец устремился прямо в толпу, и та разделилась, освобождая ему путь.

Форд узнал Уилли Бесенти. Эдди не опускал револьвер.

– Восславим Господа и Иисуса! – снова прокричал Бесенти, смело шагая дальше и дальше. Коленопреклоненные люди поднимались на ноги, давая ему дорогу. – Восславим Господа нашего! Аминь, братья!

– Восславим Господа! – последовали машинальные ответы. – Восславим Иисуса!

– Мой друг во Христе! – выпрямляясь, воскликнул Доук. – Ты кто и откуда?

– Восславим Иисуса! – вновь выкрикнул Уилли. – Мы ваши братья во Христе! Хотим присоединиться к вам!

Лошади испуганно фыркали и поводили глазами. Фанатики, не зная, чего от них ожидать, отходили подальше. Верхом на последнем коне ехал еще один индеец. Форд присмотрелся и узнал в нем Нельсона Бегея, знахаря.

Бесенти остановился прямо перед группой ученых. Лошади потрясали головами и беспокойно толкали друг друга, так и норовя выйти из-под контроля.

Толпа в страхе отходила дальше и дальше.

– Что вы тут делаете с лошадьми? – гневно прокричал Эдди.

– Мы хотим присоединиться к вам! – Бесенти, корча из себя дурачка, уставился на пастора и, будто случайно, выронил поводья. Конь подался назад, но индеец не позволил ему сбежать. – Тпру! Куда намылился? – Уилли подобрал поводья и, пользуясь минутой, почти неслышно шепнул ученым: – По моей команде прыгайте на коней – и смыаемся!

Доук вклинился между Эдди и Фордом.

– Послушай-ка, приятель, лучше прямо скажи, кто ты такой и что сказал пленным.

– Что сказал? Да ведь ты слышал! – громко выкрикнул Бесенти. – Я ваш друг во Христе! Подумал, может, вам понадобятся лошади!

– Ты нам только мешаешь, болван. Убирай своих коней.

– А... ну раз так, то конечно. Я всего лишь хотел помочь. – Бесенти повернул голову, замахал руками и взревел: – Ну, вы! Спокойно! Кому говорят? Спокойно!

Его крики только пугали животных. Индеец схватил поводья покрепче, повернулся и сделал вид, что пытается увести лошадей прочь, но те не слушались. Тогда он набросил на одну из них лассо. Табун резко развернулся. Доук и Эдди отшатнулись в сторону, отдаляясь от пленных. Один из коней встал на дыбы.

– Веди их прочь! – заорал Доук, пытаясь прогнать лошадей.

– Восславим Иисуса и всех святых! – прокричал Бесенти, размахивая над головой пистолетом. – Давайте!

Форд подхватил Кейт и вместе с ней забрался на чалую кобылу. Бесенти забросил Чен на спину пегого индейского пони, запрыгнул на своего жеребца и втянул в седло Чеккини. Коркоран и Сен-Винсент вдвоем сели на другого скакуна. Иннс оседлал гнедую лошадь.

Доук, пробираясь сквозь разволновавшуюся толпу, выхватил винтовку из запячного

чехла и закричал:

– Остановите их!

Эдди снова прицелился в Форда.

– Восславим Бога! – Бесенти резко развернул коня и налетел на Эдди.

Пастор упал и выронил оружие. Пуля прошла воздух. Индеец ударил ногами по бокам жеребца, и тот наскочил на Доука. Винтовка выпала из рук великана и отлетела в сторону. Бесенти поднял над головой свернутое в кольцо лассо и завопил:

– И-й-я-а!

Испуганные лошади рванули через толпу. Бесенти повернул вправо и помчал галопом к песчаной долине. Табун понесся за ним. Позади загремели выстрелы, но всадники уже спустились вниз и пули свистели у них над головами.

– И-й-я-а! – воинственно кричал Бесенти.

Лошади летели вперед. Наконец звуки пальбы отдалились, крики стихли и совсем умолкли. Наездники перешли на быструю рысь.

Внезапно издалека донесся треск мотоциклетного двигателя.

– Ты слышишь, Уилли? – послышался сзади голос Бегея. – Кто-то догоняет нас на мотоцикле.

– Черт, – выругался Бесенти. – Что ж, надо спасаться. Туда!

Он свернул к каменистому холму, и копыта его жеребца застучали по твердой почве. На самом верху вся компания пересекла череду дюн и стала спускаться к оврагу.

Раздался грохот, и гора задрожала. В ночное небо вновь вылетели облака пыли. Справа, на расстоянии нескольких сотен футов, из-под земли вырвались языки пламени. Загорелся сухой кедр, потом еще один. Где-то позади, точно гром, прогремел очередной взрыв. За ним, на восточном краю горы, грянул следующий.

Мотоциклист быстро приближался.

– И-й-я-а! – выкрикнул Бесенти, устремляясь в укрытие.

Форд последовал за ним, прищипоривая кобылу и крепко прижимая к себе Кейт.

Глава 78

Лошадь Форда наполовину бежала, наполовину скользила по сухому песку холма. Мотоцикл тархтел где-то над ними. Зазвучали выстрелы. Одна из пуль ударила по камню слева от лошади Форда и Кейт. Они галопом влетели в овраг и спустились на самое дно. Мотоцикл мчал по краю обрыва.

Бесенти остановил коня.

– Он наверху. Поворачиваем назад!

Мотоцикл остановился на краю оврага, и внутрь посыпался песок. Доук уперся ногами в землю, достал винтовку и прицелился.

Едва прозвучал первый выстрел и рядом с Фордом взрыло почву, всадники развернулись и устремились к горе булыжников, за которыми и спрятались. Вторая пуля со свистом ударила по верхнему камню. Форд понял, что они в западне. Выходить из-за укрытия грозило опасностью, а вторая стена оврага была слишком крутая и забраться по ней наверх не представлялось возможным.

Очередная пуля врезалась в песок прямо над головами всадников. Сверху послышался хриплый смех.

– Скакать верхом вы умеете, придурки-безбожники, а вот прятаться – нет!

– Уилли! – воскликнул Бегей. – Пожалуй, пора тебе пустить в ход пистолет!

– А он... не заряжен.

– Почему, черт возьми?

Бесенти смущенно потупился.

– Я боялся, что кого-нибудь раню...

Бегей только руками развел.

– Что и говорить, Уилли, замечательно!

У них над головами пролетела очередная пуля и с глухим звуком вошла в песчаную стену.

– Я спускаюсь! – тоном победителя объявил Доук.

– И что теперь делать? – растерянно пробормотал Бесенти.

Его лошадь фыркала и скакала на месте, толкая других. Доук карабкался вниз по откосу – того и гляди, доберется до дна оврага и поубивает всех без особого труда. Может, не всех – кто-то успеет доскакать до следующего укрытия, – но многих.

– Кейт, перелезь к Бегею, – велел Форд.

– Что ты задумал? – спросила Кейт.

– Быстрее.

– Уайман, ты же толком не умеешь ездить...

– Черт! Хоть однажды ты можешь на меня положиться?

Кейт перелезла с их лошади на коня Бегея.

– Дай мне пистолет.

Бесенти бросил ему оружие.

– Удачи, приятель!

Форд левой рукой вцепился в лошадиную гриву и повернул туда, откуда должен был появиться Доук.

– Сожми колени, – прошептала Кейт. – Сиди ровно посередине и чуть наклонись вперед.

Доук, торжествующе улыбаясь, скользил вниз по песчаному склону.

Форд ударил кобылу в бока. Лошадь рванула вперед и вылетела навстречу Доуку. Форд направил на него пистолет, оглушительно крича:

– И-й-я-а!

Застигнутый врасплох, Доук перепугался, суетливо вскинул винтовку, опустился на колено и прицелился – но было уже поздно. Лошадь едва не наскочила на него, и он еле успел увернуться. Форд на скаку ударил неприятеля пистолетом, резко повернул вправо и поскакал вверх по крутому склону.

– Сукин сын! – Доук прицелился и выстрелил.

Впереди лежала открытая площадка, усеянная камнями, а за ней простиралась песчаная поляна с едва различимой тропинкой. Уайман приметил ее в тот день, когда Хазелиус водил его по окрестностям на ознакомительную экскурсию.

Мимо уха Форда, точно шершень, прожужжала пуля. Следующая ранила кобылу. Та с громким ржанием отскочила в сторону и закружилась на месте, но не упала. Форд припал к лошадиной спине и петлями, объезжая громадные валуны, погнал кобылу к самому краю горы. Лошадь хрипела и тяжело дышала. Не исключено, ее ранило в брюхо. Форд изумился выносливости животного.

Впереди белело открытое пространство.

Доук, пусть он вдогонку Форду, будет вынужден перво-наперво выбраться из оврага. Форд же за это время, если кобыле хватит сил, оставит поляну позади. Схватившись за гриву и низко пригнувшись к лошадиной спине, Уайман вихрем помчался по сухому песку.

Примерно на полпути он услышал за спиной рев мотоцикла. Доук быстро его догонял, но за рулем мотоцикла стрелять он не мог.

Форд поднялся на холм, на сей раз умышленно показываясь неприятелю. Мотоцикл с двухтактным двигателем взревел и прибавил скорость.

На обрывистом краю горы росли кусты полыни и можжевельника. Форд резко затормозил и, удерживая поводья, спрыгнул с лошади. В эту самую минуту Доук, крепко держась загорелыми татуированными руками за руль, пронесся мимо на скорости шестьдесят миль в час и полетел с обрыва вниз.

Мотор пронзительно ревел, колеса бешено крутились. Мотоцикл и мотоциклист прочертили дугу в темном воздухе и растаяли в непроглядном мраке – только мелькнули,

трепеща на ветру, длинные светлые патлы Доука. «Люцифер, сброшенный с небес», – мелькнуло у Форда в голове. Он прислушался. Внизу, на расстоянии тысячи миль, вспыхнул крошечный цветок пламени. Мгновение-другое спустя прозвучал приглушенный грохот. Форд выбрался из-за булыжника и выпрямился. Мертвая кобыла растянулась на земле. Уайман опустился на колени и прикоснулся к ее боку.

– Спасибо тебе. И прости...

Он снова выпрямился и лишь теперь почувствовал, как у него все болит – сломанные ребра, синяки и ссадины, опухший глаз. Опершись на булыжник, он повернул голову и обвел взглядом гору. Ему вспомнился «Страшный суд» Иеронима Босха. Восточная часть горы, та, где располагалась «Изабелла», была вся в огне. Стена пламени, казалось, жгла даже звезды. Вокруг полыхали костры поменьше. Из трещин и дыр валил дым. Земля непрерывно дрожала от взрывов. Вибрировал даже воздух. Справа, примерно в полумиле, разворачивалось сюрреалистическое представление: горела тысяча автомобилей. То и дело взрывались топливные баки, и машины, как хлопучки, взмывали в воздух. Повсюду бесцельно метались люди: кто дико кричал, кто бился в истерику.

Форд спустился с холма. Остальные скакали ему навстречу.

– Все, с ним покончено, – сообщил Форд. – Он вниз свалился.

– Ну, ты даешь! – воскликнул Бесенти. – Ездишь верхом ужасно, но своего добиваться умеешь! Отправил его к чертям собачьим!

– А с лошастью что? – спросил Бегей.

– Подстрелили.

Лицо индейца помрачнело, и он умолк.

Десять минут спустя они достигли Полночной тропы, на мгновение приостановились и оглянулись назад. Мощный взрыв сотряс землю, и по всей горе, будто гром, раскатился грохот. Где-то вдали прогремели взрывы поменьше. Над «Изабеллой» вновь поднялся огненный шар. Сквозь трещины в грунте, образовавшиеся буквально в нескольких шагах от всадников, повалил дым, красноватый из-за пылавшего внутри пламени.

– Взгляните-ка на гору Навахо, – сказала Кейт, указывая на темное небо.

Все посмотрели на запад. Над отдаленной горой возникла быстро приближающаяся нить огней. Послышалось нарастающее тарахтение.

– А вот и кавалерия, – пробормотал Бегей.

Сзади снова загрохотало, запылали новые языки пламени. Форд, готовясь последовать вниз вслед за Кейт, в последний раз оглянулся.

– Просто не верится, – тихо произнесла она. – Вся гора в огне.

Сотрясая землю, обвалилась очередная штольня, и в воздух взвилась закрученная спиралью лента пыли и дыма. Угрожающе близко к наездникам треснула поверхность горы.

Кейт обвела коллег взглядом и произнесла твердым голосом:

– Послушайте, это очень важно.

Измученные коллеги с трудом обернулись к ней.

– Если нас обнаружат, – сказала Кейт, – то каждого допросят по отдельности, и все, что мы им поведаем, станет достоянием властей. Кроме них, о случившемся больше никто не узнает. – Она помолчала, пристально глядя на товарищей. – Но у нас есть возможность этого не допустить. Давайте поедem во Флагстафф и оттуда обратимся ко всему миру, расскажем всем, что здесь произошло.

Вертолеты, тарахтя винтами, быстро приближались. Кейт, не дожидаясь ответа, направилась вниз по тропе. Остальные последовали за ней.

Глава 79

«Где я? Что это за место? Как долго я бреду?»

Он ничего толком не помнил. Что-то произошло. Земля взорвалась и изрыгнула огонь. Виной всему был Антихрист, и Эдди сжег его заживо. Почему же не являлся... Мессия?

Почему Христос не спешил даровать искупительную смерть своим избранным и вознести их на небеса?

Одежда и волосы Эдди обгорели, глаза резало, легкие жгло, а кругом царил мрак. Везде, куда бы он ни подался, в земле зияли расселины, из которых валил едкий дым. Всю гору, будто туман, устилал толстый дымовой покров. Невозможно было рассмотреть, что делается вокруг.

Впереди возникло пятно. Судя по всему, человек. Эдди показалось, что ему кивают.

– Эй! – крикнул он, пробираясь к пятну по каменистой почве. Поперек дороги лежал догоравший кедр. Эдди, щурясь и разметая ногами пепел, обошел дерево. Пятно маячило впереди, увеличиваясь в размерах. – Доук! – негромко позвал Эдди. – Доук, это ты?

Никто не ответил.

– Доук! Это же я, пастор Эдди!

Он побрел вперед, спотыкаясь, растянулся и мгновение-другое лежал, с наслаждением вдыхая воздух у самой земли – он казался свежее и прохладнее. Эдди с трудом поднялся, достал из кармана носовой платок и, пытаясь дышать через него, сделал еще несколько шагов, потом еще и еще. Темное пятно становилось больше и больше. Нет, это был не Доук. И вообще не человек. Эдди протянул руку и прикоснулся к огромному, теплому от огня камню.

Он старался собраться с мыслями, но они летали в голове стайей обрывков. Миссия... трейлер... «день одежды». Ему вспомнилось, как по утрам он набирал воду старым насосом и умывался над тазом, как читал проповеди дюжине индейцев, как сидел перед компьютером и общался в чатах с друзьями-христианами и как по его церкви гулял ветер.

Как вышло, что все закончилось этим адом?

Он оттолкнулся от камня, ничего не видя сквозь густую пелену дыма. Справа что-то светилось и приглушенно грохотало. Что? Огонь?

Эдди пошел влево, наткнулся на зайца с опаленным мехом и легонько пнул его. Зверек вздрогнул и, в ужасе тараща глаза, перевернулся на спину.

– Доук! – крикнул Эдди, вдруг задаваясь вопросом: а кто такой этот Доук? – Помогите мне, Господи. – Он задрожал, опустился на колени и умоляюще воздел руки к небу. Вокруг него клубился дым, глаза слезились, грудь давило. – Помогите!

Его никто не слышал. Вдалеке снова раздался грохот. Пляшущее сияние справа поднималось выше и выше, цепляя небо когтистыми оранжевыми лапами. Земля завибрировала.

– Иисусе Христе! Помогите мне! – Эдди принялся исступленно молиться, но ему не отвечали и не подавали знаков. – Спаси меня, Господи! – прокричал он.

Внезапно во тьме возникло еще одно пятно. Эдди, хмелея от облегчения, поднялся на ноги.

– Я здесь, Иисус! Помогите мне!

– Я вижу тебя, – произнес чей-то голос.

– Спасибо! О, спасибо! Во имя нашего Господа и спасителя Иисуса Христа!

– Да, – ответил голос.

– Где я? Что это за место?

– Прекрасно... – Пятно приближалось.

Эдди зарыдал от радости и покашлял в носовой платок, оставляя на нем пятно черной мокроты.

– Прекрасно... Я заберу тебя в другой мир – еще более прекрасный, чем этот.

– Да, пожалуйста! Забери меня отсюда! – Эдди простер вперед руки.

– Как же тут прекрасно...

Красноватое сияние справа от Эдди вспыхнуло, освещая все вокруг, в том числе и того, кто шел к нему. Свет пожара озарил лицо, бандану, расплетающиеся косички на плечах, высокий лоб и затуманенные темные глаза с покрасневшими белками...

Лоренцо!

– Ты... – Эдди попятился назад. – Но ведь ты же... умер. Я сам видел!

– Умер? Мертвые не умирают. Ты прекрасно это знаешь. Мертвые живут вечно и терпят пытки и издевательства Бога – того, кто их создал. Он Бог любви. А жжет и пытается своих детей лишь за то, что они усомнились в нем, за то, что сбились с пути, растерялись или подняли бунт. Их Создатель, Отец издевается над ними, потому что они не верили в него. Пойдем же... я все тебе покажу.

Индеец протянул руку, отвратительно ухмыляясь. Его одеяние насквозь пропитала кровь, будто Лоренцо в ней купался.

– Нет... Уходи!.. – Эдди отошел подальше. – Помоги же мне, Иисус...

– Я тебе помогу... Я твой провожатый в прекрасный мир...

Земля затряслась сильнее прежнего. Под ногами Эдди распахнулась огненная пасть, и он полетел в ревущий огненный ад. Его обволок невыносимый жар.

Эдди хотел было закричать, но не издал ни звука.

Ни единого звука.

Глава 80

Локвуд взглянул на часы, висевшие на деревянной панели за президентским креслом. Восемь утра. Солнце взошло, люди ехали на работу, поток машин на Белтуэй, как обычно, двигался черепашьими темпами.

Вчера в это же время Локвуд, томясь в пробке на Белтуэй, слушал Стива Инскипа по Национальному общественному радио. А сегодня он будто жил в ином мире.

Подразделение Национальной гвардии высадилось на горе Ред-Меса, в трех милях от того места, где располагалась «Изабелла», строго в назначенное время – четыре сорок пять утра. Остальные планы, однако, пришлось в корне изменить. Операции нападения и захвата не потребовалось. Гвардейцы принялись спасать и эвакуировать раненых и извлекать из горы тела погибших. Огонь разгорелся так, что затушить его было невозможно. Ред-Меса, испещренная трещинами, казалось, будет пылать до тех пор, пока не исчезнет с лица земли.

«Изабеллы» больше не было. Машина стоимостью сорок миллиардов долларов взорвалась, превратившись в изуродованные и объятые огнем куски металла.

В зал переговоров вернулся президент, и присутствующие повставали с мест.

– Садитесь, – мрачно произнес он, бросая на стол стопку бумаг и опускаясь на стул. За два часа отдыха его настроение лишь ухудшилось. – Готовы? – Он нажал на кнопки пульта, и на одном из экранов возникло изображение директора ФБР. Его полуседыше волосы лежали, как всегда, безукоризненно, костюм был идеально чист и выглажен. – Джек, расскажи нам последние новости.

– Да, господин президент. Ситуация под контролем.

Президент недоверчиво поджал губы.

– Пострадавшие эвакуированы. Их развозят на вертолетах по местным больницам. К моему великому сожалению, все члены группы по спасению заложников погибли.

– А ученые? – спросил президент.

– Они как будто исчезли.

Президент наклонил голову и обхватил ее руками.

– Неужели об ученых не удалось узнать совсем ничего?

– Ничего. По нашим предположениям, некоторым удалось уйти от нападения по старым штольням. Но там скорее всего они погибли от взрывов, под обвалами или задохнулись в дыму. Вряд ли кому-то удалось спастись.

Президент не поднимал головы.

– Почему прервалась связь с «Изабеллой», до сих пор не ясно. Возможно, это неким образом связано с нападением – сложно сказать, – продолжал директор бюро. – Из шахты извлечены сотни тел, многие изуродованы до неузнаваемости. Тело Рассела Эдди, страдающего психическим расстройством проповедника, который через Интернет собрал на

горе толпу верующих, до сих пор не найдено. Впрочем, на опознание погибших потребуется несколько недель, а то и месяцев. Но разыскать всех не получится.

– А со Спейтсом что? – спросил президент.

– Его арестовали и допрашивают. Он заявил, что действовал не один. Задержан еще и Букер Кроули с Кей-стрит, владелец фирмы «Кроули и Стратем».

– Лоббист? – Президент поднял глаза на экран. – А он-то тут при чем?

– Кроули тайно платил Спейтсу за выступления против «Изабеллы», чтобы получить больше денег с клиента, «страны навахо».

Президент в ужасе покачал головой.

Гэлдон, руководитель президентской предвыборной кампании, переменял положение своей массивной туши. Его костюм выглядел так, будто толстяк в нем спал, а галстук поблескивал, как если бы им полировали машину. Физиономию Гэлдона покрывала щетина. «До чего же отвратный тип», – подумал Локвуд. Гэлдон явно готовился толкнуть речь, и все заглядывали ему в рот, замерев в ожидании.

– Господин президент, – наконец произнес он, – надо бы сочинить складный рассказ. Мы с вами тут разглагольствуем, а телеканалы тем временем трубят по всей Америке о дымовом столбе посреди пустыни. Народ ждет ответов. Хорошо еще, что Ред-Меса – место уединенное и отдаленное и что мы быстро сориентировались и закрыли к ней все подходы. Пресса к горе почти не прорвалась, и весь этот кошмар не станут в мельчайших подробностях транслировать по телевидению. У нас есть возможность использовать это безобразие в своих интересах. Надо выдумать красивую историю, которая восхитит общественность.

– Что вы имеете в виду?

– Нужно четко распределить роли, – вдруг сказал Локвуд.

Гэлдон одобрительно ему улыбнулся:

– Совершенно верно. В подобной истории непременно должен быть злодей. Но он у нас есть, их даже два: Спейтс и Кроули. Оба идеально подходят на роль злоумышленников. Один – любитель проституток, лицемерный телепроповедник, другой – изворотливый лоббист-интриган. Я уже не говорю об этом умалишенном Эдди. Осталось выбрать героя.

– И кто же будет героем? – спросил президент.

– Не вы, господин президент, – на такую удочку общественность не клюнет. И не директор ФБР – он потерял целую команду своих людей. В министерстве энергетики героев тоже не может быть – они должны были забить тревогу давным-давно, но и пальцем не пошевелили. Ученые погибли. В героизм политического деятеля, вроде меня или Роджера Мортон, никто не поверит.

Взгляд Гэлдона остановился на Локвуде.

– Кто одним из первых почувал, что грядет беда? Вы, Локвуд. Человек дальновидный и мудрый, вы – вместе с президентом, разумеется, – заранее приняли все возможные меры. Остальные благополучно дремали – конгресс, ФБР, министерство энергетики, я, Роджер. Все. Вы же постоянно были в курсе дел. Прозорливый, чуткий, близкий друг погибших ученых... Без вашего активного участия мы не смогли бы так быстро решить эту проблему.

– Гордон, – произнес президент пасмурным тоном, – по нашей вине взорвалась целая гора.

– Да, но с каким блеском вы устранили последствия аварии! – воскликнул Гэлдон. – Это вам, джентльмены, не ураган «Катрина», последствия которого устраняли долгие месяцы. В данном же случае вы, господин президент, и вы, Локвуд, арестовали злоумышленников и восстановили порядок за единственную ночь! Гору обезопасили части Национальной гвардии...

– Обезопасили? – переспросил президент. – Да Ред-Меса теперь все равно что обратная сторона Луны и...

– Именно обезопасили, – заявил Гэлдон, заглушая президента. – И все благодаря вашему грамотному руководству и бесценной помощи вашего надежного и незаменимого

консультанта по науке. То есть доктора Стэнтона Локвуда. – Его взгляд вновь остановился на Локвуде. – Вот, господа, каким должен быть наш рассказ. Главное, не забыть его. – Он чуть наклонил голову набок, и на его жирной шее образовались новые складки. – Готовы вы, Стэн, к подобному заданию?

Локвуд осознал, что теперь увяз по уши. И стал совершенно таким, как все они.

– Конечно, – ответил он улыбаясь.

Глава 81

Около полудня Форд и его спутники выехали из зарослей можжевельника и пересекли небольшое пастбище маленькой фермы навахо. После десятичасовой езды верхом Уайман совершенно выбился из сил. В сломанных ребрах пульсировала боль, в голове стучало, опухший глаз совсем заплаыл, ныли поломанные передние зубы.

Жилище сестры Бегея окутывали спокойствие и благодать. Живописный бревенчатый домик с красными шторами на окнах окружала густая тополиная роща, по которой бежал широкий ручей. За домом на возвышении стоял побитый песчаными бурями и выцветший на солнце трейлер. В загоне блеяли овцы, в конюшне тихо ржала и постукивала копытами лошадь. Вокруг двух кукурузных полей тянулись заборы из колючей проволоки. Ветряная мельница, весело поскрипывая на свежем ветру, накачивала воду в огромный бак. К площадке у стенки бака вели расшатанные деревянные ступеньки. В тени дремали два пикапа. Из окон домика звучала музыка в стиле кантри.

Измученные и молчаливые, ученые принялись расседлывать лошадей. Стройная черноволосая женщина в джинсах подбежала к Бегею и сердечно обняла его.

– Это моя сестра Регина, – сказал он, представляя ее остальным.

Регина помогла гостям с лошадьми.

– Вам надо бы помыться. Вода в баке. Сначала женщины, потом мужчины. Как только Нельсон позвонил, я сразу нашла для вас чистую одежду. Она в трейлере. Если кому не подойдет – уж не обессудьте. Говорят, в Кау-Спрингс расставили посты, так что мы с Нельсоном отвезем вас во Флагстафф после захода солнца. – Она оглядела компанию так, будто в жизни не видывала людей более жалких. Вероятно, так оно и было. – Еда будет готова примерно через час.

Над пылающей горой с раннего утра летали военные вертолеты. Один тарахтел сейчас прямо над головами. Регина, щурясь, взглянула на небо.

– Где они были раньше, когда еще могли вам помочь?

После еды Форд и Кейт расположились за конюшней, в тени тополей. Голодные и смертельно уставшие лошади щипали траву на заднем выгоне. По каменистому дну, лениво журча, бежал прозрачный ручей. Солнце висело низко над землей. На южном горизонте стоял гигантский, чуть наклоненный столб дыма, от которого громадными перьями расходились в обе стороны коричневатые разводы.

Форд и Кейт долгое время молчали – впервые с того вечера, когда они ездили навестить Бегея, им наконец-то довелось остаться наедине. Форд обнял ее.

– Как ты?

Кейт без слов покачала головой и вытерла глаза концом повязанного вокруг головы чистого платка. Снова последовало продолжительное молчание. Над полями жужжали пчелы. Ученые сидели в доме и слушали по радио новости, в которых целый день говорили об аризонской трагедии. Размеренный голос репортера ясно звучал в умиротворенном воздухе.

– Столь популярных мертвецов, как мы, Америка, по-моему, еще не знала, – сказал Форд. – Может, следовало не раздумывая сдать ее Национальной гвардии?

– Им нельзя доверять, ты же знаешь, – возразила Кейт. – Доберемся до Флагстаффа и расскажем миру чистую правду. – Она взглянула на Форда, снова вытерла глаза и достала из

кармана свернутые распечатки. – Люди непременно должны об этом узнать.

Форд изумленно уставился на листы.

– Откуда ты их взяла?

– Забрала у Грегори, когда обняла его. – Кейт развернула бумаги и разгладила их на коленях. – Ведь это послания Бога.

Форд не знал, как начать с ней разговор, к которому он готовился несколько часов подряд.

– Как ты планируешь поступить? – спросил он.

– Надо передать эти слова всему свету. Люди имеют право знать правду. Когда приедем во Флагстафф, организуем пресс-конференцию и сделаем сенсационное заявление. По радио говорят, что нас считают погибшими. Всеобщее внимание приковано к тому, что случилось на горе Ред-Меса. Только представь себе, как народ отреагирует на наше выступление. – Ее прекрасное изможденное лицо никогда в жизни не казалось столь живым.

– Заявление... Но о чем мы заявим?

Кейт уставилась на Форда так, будто он сошел с ума.

– Как это о чем? О том, что произошло. О том, что мы научным путем обнаружили... – Она секунду-другую поколебалась, но договорилась с большим убеждением: – Бога.

Форд проглотил слюну.

– Кейт?

– Что?

– Прежде чем ты... начнешь действовать, выслушай меня.

– В чем дело?

– Вся эта история... – Форд замолчал. Как подобрать слова?

– Ну что же? Что?

Форд смотрел на подругу в нерешительности.

– Ты ведь с нами, я правильно понимаю? – спросила она.

Хватит ли ему духа рассказать ей правду? Но попробовать непременно стоило. В противном случае он никогда себя не простит. Или... Лицо Кейт светилось верой и убежденностью в своей правоте. Тем не менее Форд должен был рассказать ей все, о чем знал.

– Это обман, – выпалил он.

Кейт прищурилась:

– Что ты сказал?

– Хазелиус все это подстроил, потому что мечтал подарить миру новую религию, нечто вроде сайентологии.

Кейт покачала головой:

– Уайман... ты хоть когда-нибудь изменишься?

Форд попытался коснуться ее руки, но Кейт отпрянула.

– Ты и тут до последнего упрямисься! Просто невероятно!

– Кейт, об этом мне рассказал сам Хазелиус. Он во всем признался. В шахте. Эта история с Богом – его выдумка.

Она покачала головой:

– Ты готов на любую низость, лишь бы остановить нас. Вот уж не думала, что ты способен на такую гнусную ложь!

– Кейт...

Кейт вскочила на ноги.

– Но у тебя ничего не выйдет! Ты до сих пор сомневаешься в том, что с нами случилось. Тоже мне «верующий»! Совершенно не понимаю тебя! Сам подумай: если бы Грегори и правда все это подстроил, разве он стал бы кому-либо в этом признаваться? Особенно тебе?

– Он думал, что мы оба вот-вот погибнем.

– Нет, Уайман. Твои утверждения – полная чушь!

В глазах Кейт горела святая вера. Погасить ее не было возможности.

– Ты же видел, как он умер! – с пылом продолжала она. – Помнишь, что он сказал? Его последние слова? «Вселенная не забудет!» По-твоему, и это он продумал заранее? Нет же, Уайман! Грегори умер с верой в сердце. Разыграть нечто подобное просто невозможно. Он стоял весь в огне. С раздробленной ногой, но – стоял. Не пошатнулся, не упал, даже глаза не закрыл, и улыбка не сошла с его лица. Вот насколько сильна была его вера! А ты заявляешь, что все это ложь!

Форд молчал. Спорить с Кейт не имело смысла. К тому же он точно не знал, желает ли переубедить ее. Судьба ей досталась отнюдь не из легких. Вера в героизм Хазелиуса возродила в ней веру в жизнь. Большинство мировых религий, поселяясь в сердцах людей, в определенной мере прибегают ко лжи. Основа же всякой религии отнюдь не достоверность фактов, а сила веры. По сути, и буддизм, и христианство, и ислам – всего-навсего духовное мошенничество.

Уайман смотрел на Кейт с безграничной печалью. Хазелиус был прав: не существовало на свете сил, с помощью которых Форд, Волконский или кто угодно другой могли остановить запущенный физиком механизм. Ставки были сделаны. До Форда вдруг дошло, почему Хазелиус так запросто рассказал ему правду. Ученый знал, что даже если и Форд выживет, то не сможет помешать осуществлению великого замысла. Даже костер, на котором Хазелиус сгорал с таким достоинством и бесстрашием, был всего-навсего последним актом в драме, которую следовало доиграть с блеском.

Хазелиус на самом деле умер с верой в сердце.

– Уайман, – сказала Кейт, – если ты хоть когда-нибудь по-настоящему любил меня, пожалуйста, поверь и присоединись к нам. С христианством покончено. – Она потрясла в воздухе компьютерными распечатками. – И как ты можешь упрямыться, когда прошел через все это бок о бок с нами?

Форд покачал головой, не зная, что говорить, и немного завидуя Кейт. Как же это здорово – настолько горячо во что-либо верить!

Кейт отложила бумаги и схватила Форда за руки.

– Вдвоем мы все преодолеем. Забудь о прошлом. Давай вместе начнем новую жизнь!

Форд опустил голову.

– Нет, – тихо произнес он.

– Хотя бы попробуй поверить. Через какое-то время ты тоже увидишь свет. Не отворачивайся от того, что тебе само идет в руки. И не отказывайся от меня...

– Было бы замечательно какое-то время побыть с тобой. Но надолго нас не хватит.

– То, что с нами случилось... Нам протянул руку сам Бог!

– Кейт, я не смогу... Не смогу жить с тем, во что я не верю.

– Тогда поверь в меня. Ты сам сказал, что мы будем вместе. Ты пообещал.

– Порой любви бывает недостаточно. Во всяком случае, ее не хватит для того, что ты планируешь предпринять. Я лучше поеду отсюда. Передай от меня привет остальным.

– Не уходи. – По щекам Кейт текли слезы.

Форд наклонился и поцеловал ее в лоб.

– Пока, Кейт, – шепнул он. – И... благослови тебя Бог.

В гриль-баре «У Мэнни» в Сан-Антонио, штат Нью-Мексико, Уайман Форд заказал чизбургер с зеленым чили и посмотрел на экран телевизора над барной стойкой. С тех пор как мир потрясла организованная во Флагстаффе пресс-конференция, прошел месяц.

Форд вернулся в Вашингтон, побеседовал с Локвудом (об отдельных крайне важных фактах пришлось бессовестно умолчать, чтобы не подрывать новый миф), сел в свой джип и отправился в Нью-Мексико. А там, бродя по каньонам севернее Абикию, несколько недель подряд раздумывал о том, что случилось.

«Изабеллы» больше не было, Ред-Меса сгорела дотла. Сотни человек погибли в огне или пропали без вести. Спустя некоторое время ФБР наконец опознало тело Рассела Эдди по

ДНК и остаткам челюсти. Его объявили сторонником хилиазма и чудовищным преступником.

Средства массовой информации, услышав рассказанную во Флагстаффе историю, раздули ее до немыслимых размеров, а некоторые влиятельные обозреватели даже назвали самой «значимой за последние два тысячелетия».

Христианство завоевывало Римскую империю целых четыре века. Новая религия – ярые сторонники называли ее «поиском» – распространилась по Соединенным Штатам всего за четыре дня. Помогла услужливая всемирная паутина. Казалось, Интернет был выдуман специально для этой цели.

Форд взглянул на часы: скоро полдень. Через пятнадцать минут полмира, в том числе и завсегдатаи гриль-бара «У Мэнни», уткнется в телеэкраны. Начнется «Событие», прямая трансляция из колорадского имения новоиспеченного миллиардера, что сколотил состояние на интернетных компаниях.

Звук был убавлен, и Форд напрягал слух. На экране возникло изображение ведущего. Он стоял на фоне толпы небывалых размеров, которую снимала еще и аэрокамера. По подсчетам новостного канала, на ферме собралось около трех миллионов человек. Создавалось впечатление, что людское море достигает гор Сан-Хуан, снежные вершины которых белели на горизонте.

Форд за последний месяц размышлял о многом. Приходилось признать, что Хазелиус был гением. События на горе Ред-Меса положили начало новой религии, а Хазелиус стал пророком и великомучеником. Его гибель превратилась в легенду и стала подобием рассказов о Будде и Кришне, о Мухаммеде и Медине, о Рождестве Христовом и Тайной вечере, о Распятии и Воскресении. История Хазелиуса и «Изабеллы» почти не отличалась от остальных: верующие рассказывали ее друг другу, видели в ней отражение своей веры и искали ответы на главные вопросы.

Словом, она стала одной из самых чудесных историй на земле.

Хазелиус не просчитался ни в чем. Он точно угадал даже то, что мученическая смерть лишь прибавит ему популярности. Рассказ о гибели на костре потрясал человеческое воображение, как ничто другое. Геройски уйдя из жизни, Хазелиус стал движущей силой, проповедником идей и духовным лидером.

Приближался полдень. Бармен прибавил громкость. Телеэкран всецело приковал к себе внимание посетителей: шоферов, местных фермеров, туристов.

Репортер, крепко сжимая в руке микрофон и обливаясь потом, смотрел в камеру с тем же восторгом и благоговением, которые освещали лица окружавших его людей. Толпа ликовала, пела песни и размахивала над головами знаменами с изображением пылающего старого кедра.

Перекрикивая гул, репортер рассказывал последние новости и называл сегодняшнее событие «религиозным Вудстоком» и «собранием любви, добра и преданности».

«По крайней мере, – размышлял Форд, – им не помешал дождь. И хорошо, что нет наркоманов и пьяных».

За деревянной сценой стояла новенькая постройка в колониальном новоанглийском стиле – красный амбар с белыми полосами внизу и наверху. Камера приблизилась к двери. Толпа притихла. Ровно в полдень дверь раскрылась и изнутри вышли шесть человек в белых одеяниях.

Народ разволновался, как настоящее штормовое море. Возникло чувство, будто свершается нечто невероятное – колоссальное и бесконечно прекрасное.

Кейт, прижимая к груди тонкую книгу в кожаной обложке, поднялась на сцену. У Форда зашло сердце. В простеньком белом платье, оттенявшем ее черные волосы и блестящие темные глаза, и в черных перчатках она выглядела немыслимо красивой. Бок о бок с ней шла Коркоран, тоже в простых белых одеждах. Бывшие враги, теперь они стали союзницами и близкими друзьями.

К ним присоединились четверо товарищей: Чен, Сен-Винсент, Иннс и Чеккини.

Шестеро храбрецов, спасшихся от нападения на «Изабеллу», остановились посредине сцены. Теперь они казались преисполненными величия; все мелочное и земное как будто оставило их под напором желания служить главному. Сияя улыбками, они приветствовали толпу. На груди у каждого поблескивала незатейливая серебряная булавка с изображением горящего кедра.

Народ рукоплескал героям. Кейт взошла на подиум и обвела собравшихся долгим взглядом. Ее черные как вороново крыло волосы блестели на солнце, а в глазах горела жажда жизни. Кейт простерла руки к толпе, и шум стих.

«Она поразительно харизматична», – подумал Форд. Кейт не нуждалась в Хазелиусе. Ей удалось организовать собственное движение на пару с необыкновенной Коркоран. Обе женщины стали полноправными партнерами и являли собой идеальный образ – блондинка и брюнетка, свет и тьма. Средства массовой информации их обожали.

Толпа умолкла. Кейт, излучая мир и доброжелательность, обвела собравшихся внимательным взглядом и положила перед собой книгу. Ее движения поражали уверенностью и непринужденностью. Поистине веря, она ничего не таила и ни в чем не сомневалась.

Ее лицо дали крупным планом. Кейт открыла книгу и подняла ее над головой, текстом к собравшимся.

– Слово Божье, – нараспев произнесла она чистым сильным голосом.

Народ ликующе зашумел. Камеру навели на книгу. Форд увидел, что это те самые компьютерные распечатки, которые Кейт показала ему в тени тополей. Разглаженные скрепленные листы защищала обложка.

Кейт положила книгу и воздела руки. Воцарилось безмолвие. В баре, где сидел Форд, посетители вскочили с мест, забыв о ленче, столпились у барной стойки и с благоговейным восторгом уставились на экран.

– В самом начале хотелось бы прочесть последние слова Бога. Сразу после того как он передал их, «Изабелла» погибла и связь с Господом оборвалась.

Кейт помолчала.

– «Повторю еще раз: ваш удел – найти истину. Для этого вы и появились на свет. Наука – всего лишь избранный вами путь. Вот перед чем стоит преклоняться: перед самым поиском правды. Если вы отдадитесь ему всем сердцем, тогда в один великий день когда-нибудь в далеком будущем мы с вами встретимся. Таков был мой договор с человечеством.

Вы непременно отыщете истину. И истина сделает вас свободными».

Волосы на шее Форда встали дыбом. Эти так называемые слова Бога он прочел сотни раз. Они были вездесущи: ими кишел Интернет, их обсуждали на радио, разбирали по косточкам в блогах, повторяли на каждом углу и в каждом кафе по всей Америке. Теперь эти слова появлялись даже на рекламных щитах. От них невозможно было скрыться.

И всякий раз Форду на ум приходила странная мысль. Хазелиус сказал ему в горячей шахте: «Это одна из самых удивительных программ в мире. Ею чертовски легко управлять, но сама она отнюдь не простая. По-моему, даже я сам не до конца ее понимаю. Забавно: она выдумала много такого, что мне даже не приходило в голову. В общем, и тут все вышло гораздо хитрее, чем я задумывал».

В самом деле – гораздо хитрее. Каждый раз, когда Форд читал так называемые слова Бога, он все больше убеждался в том, что они содержат в себе великую истину.

«И истина сделает вас свободными» – стих из Евангелия от Иоанна. В памяти Форда возникла еще одна фраза из Библии: «Пути Господни неисповедимы».

«Быть может, – подумал он, – эта новая религия – Его самое непостижимое изобретение».

Приложение Слова Бога

Первый разговор

- Доброго здоровья!
- Здравствуй.
- Рад поговорить с тобой.
- И я рада с тобой пообщаться. Ты кто?
- За неимением иного слова я Бог.
- Если ты в самом деле Бог, докажи это.
- Для доказательств у нас мало времени.
- Я загадала число от нуля до десяти. Угадай его.
- Ты загадала трансцендентное число «е».
- Теперь я загадала число между нулем и единицей.
- Число Чейтина: «омега».
- Если ты Бог, то... Скажи, зачем существует Вселенная?
- Точного ответа я не знаю.
- Замечательно. Бог, и не знает, в чем смысл всего!
- Если бы я знал это, Вселенной было бы незачем существовать.
- Как это так?
- Если бы в самом начале было известно, каков будет финал – если мы все были бы лишь составляющими некоего детерминистского ряда заданных условий, – то Вселенной не имело бы смысла возникать.
- Объяснись.
- Если ты там, где хочешь быть, тогда зачем куда-либо ехать? Если знаешь ответ, незачем задавать вопрос. Вот почему будущее есть и должно быть загадкой, даже для Бога. В противном случае существование Вселенной не имело бы смысла.
- Это метафизический спор, а не разговор по существу.
- Если говорить по существу, ни одна составляющая Вселенной не в состоянии совершать расчеты быстрее, чем сама Вселенная. Она «предсказывает будущее» с той скоростью, какую способна развить.
- А что такое Вселенная? Кто мы? Что мы здесь делаем?
- Вселенная – неостановимый масштабный компьютерный процесс, что продвигается к состоянию, о котором мне ничего не ведомо. Ее конечная цель – достичь этого состояния. Оно для меня загадка. Так и должно быть, ведь если бы я что-то о нем знал, тогда ничто не имело бы смысла.
- Что ты имеешь в виду под «компьютерным процессом»? По-твоему, мы все – составные части компьютера?
- Я имею в виду раздумья. Все, что есть во Вселенной, все, что происходит – падающий лист, волна у берега, мерцание звезды, – просто мои раздумья.
- А о чем ты раздумываешь?

Второй разговор

- Мы снова общаемся.
- Расскажи о себе.
- Я не могу объяснить тебе, кто я, как и ты не можешь объяснить жуку, кто ты.
- Может, все же попытаешься?
- Лучше объясню, почему ты не можешь меня понять.
- Хорошо.
- Вы живете в мире, ограниченном диаметром Вселенной и планковской длиной. Ваш мозг настроен исключительно на управление этим миром, а не на осмысление сути реальности. В процессе эволюционного развития вы обрели способность швырять камни, а

не сталкивать друг с другом кварки.

Ваш эволюционный путь привел к чрезвычайно неверному восприятию окружающего мира. Например, вы убеждены, что живете в трехмерном пространстве, где предметы движутся по заранее просчитанным кривым в том, что вы называете временем. Для вас это все – действительность.

– Значит, ты считаешь, что наша действительность – иллюзия?

– Да. Естественный отбор подарил вам иллюзию: вам кажется, будто вы понимаете, в чем суть реальности. Но это не так. Ведомы ли суть реальности жуку? Или шимпанзе? Вы такие же животные. Вы точно так же развиваетесь, производите на свет себе подобных, у вас у всех есть нервная система. Вы отличаетесь от шимпанзе всего лишь двумя сотнями генов. Как при столь ничтожном различии вы намереваетесь постичь тайны Вселенной, если шимпанзе не в состоянии изучить даже свойства песчинки?

Если хочешь, чтобы наш разговор принес какую-то пользу, оставь всякую надежду понять меня.

– Что представляют собой наши иллюзии?

– Ваше развитие предполагает, будто мир состоит из отдельных предметов. Но это не так. С самого первого мгновения все на свете – единое целое. То, что вы называете пространством и временем, – всего лишь стихийно возникающие свойства глубинной реальности, в которой нет ничего отдельного: ни времени, ни пространства. Все, что есть, – едино.

– Поясни.

– Ваша квантовая механика, хоть и ошибочна, свидетельствует о том, что Вселенная – единое целое.

– Ладно, пусть так. Но какое это имеет значение для нашей нынешней жизни?

– Огромное. Каждый из вас воображает себя индивидуальностью с отдельным уникальным мозгом. Вам кажется, что вы рождаетесь и умираете. Всю свою жизнь вы чувствуете себя одинокими, порой предельно одинокими. Вы боитесь смерти, потому что не желаете терять индивидуальность. Все это иллюзия. Ты, он, она, все, что вас окружает, одушевленное и неодушевленное, звезды, галактики, пустое пространство между ними – все это не отдельные объекты. Они изначально едины. Рождение и смерть, боль и страдание, любовь и ненависть, добро и зло – все иллюзорно. Это атавизмы эволюционного процесса. На самом деле их нет.

– Значит, это нечто вроде буддизма, где считается, что все – иллюзия?

– Нет. Реальность – абсолютная истина – существует. Однако если человек хоть раз на нее взглянет, его мозг разрушится.

– Если ты Бог, давай пообщаемся без клавиатуры. Ты должен и так слышать меня.

– Слышу вполне отчетливо.

– Ты утверждаешь, что все едино? А как же цифры? Один, два, три?.. Ну что? Я победил?

– Один, два, три... Это очередная иллюзия. Ничто не поддается счету.

– Ты говоришь безосновательно, а я только что счетом доказал свою правоту. Вот пожалуйста: пальцев ровно пять. Целое число.

– Ты показал не целое число «пять», а руку с пятью пальцами. Ваша система счета не существует независимо от реального мира. Это просто замысловатая метафора.

– Хотелось бы услышать доказательства этого смехотворного утверждения.

– Выбери наугад число на вещественной числовой оси. С вероятностью единица можно утверждать, что у него не будет ни названия, ни определения, его нельзя ни вычислить, ни записать. То же самое верно о якобы определимых числах, например о π или о квадратном корне из двух. Вычислить их точное значение не в силах даже компьютер размером с целую Вселенную, работай он хоть бесконечно долго. Ответ же, Эдельштайн: зачем утверждают, что эти числа существуют? Для чего нужны окружности и квадраты, с которыми их увязывают? Возможно ли наличие пространства, имеющего столько-то измерений, если

измерить его нельзя? Ты, Эдельштайн, все равно что обезьяна, которая, пустив в ход все свои умственные способности, научилась считать до трех, а найдя четыре камешка, вообразила, что познала бесконечность.

– Ты так считаешь? Говоришь, даже слово «Бог» не очень-то подходит, чтобы описать твое величие? Хорошо, но докажи это! Докажи, что ты Бог. Ну же! Слышишь меня? Докажи, что ты в самом деле Бог.

– Сам придумай, какое хочешь получить доказательство, Хазелиус. Но предупреждаю: это станет последним тестом. У нас много важных дел и слишком мало времени.

– Моя жена, Астрид, перед самой смертью забеременела. Мы едва успели об этом узнать. И ни с кем – ни с кем в целом мире – мы не поделились своей новостью. Мой вопрос такой: какое имя мы решили дать ребенку?

– Мальчика назвали бы Альберт Лейбниц Ганд Хазелиус.

– А если бы это была девочка? Если бы девочка? Как бы назвали ее?

– Розалинда Кюри Ганд Хазелиус.

– Хорошо, давай начнем с самого начала. Кто ты такой?

– По причинам, о которых я уже упоминал, ты не в состоянии понять, кто я. Если приблизительно, то я Бог, но это слишком неточное описание.

– Ты часть Вселенной или отделен от нее?

– Отдельностей нет. Мы все – единое целое.

– Зачем существует мироздание?

– Оно существует, потому что так проще, чем быть ничем. Поэтому есть и я. Примитивнее, чем сейчас, Вселенная стать не может. Так предусмотрено основным физическим законом, из которого вытекают все остальные.

– Что может быть проще, чем ничего?

– «Ничего» не существует. Ближайшее к нему состояние – Вселенная.

– Если все настолько просто, почему же тогда мироздание такое сложное?

– Сложность мироздания, которую вы наблюдаете, – стихийное свойство его простоты.

– Что же она такое, эта глубинная простота или сердце всего и вся?

– Реальность, которая способна разрушить человеческий мозг.

– Нет уж, увольте! Если ты такой умный, отвечай нам, несчастным невеждам, попонятнее. По-твоему, наши физические законы сплошь неверны, так?

– Вы создаете свои законы, полагая, будто есть время и пространство, которыми все ограничивается. Вот в чем ваша ошибка. Очень скоро все ваши представления о мире сгорят дотла. И возникнет другая наука.

– Если наши физические законы настолько неправильны, как же мы умудряемся достигать столь серьезных научных успехов?

– Ньютоновские законы движения, хоть они и ложны, позволили впоследствии отправить человека на Луну. То же самое можно сказать обо всех прочих ваших законах: они не бесполезные аппроксимации, но в основе своей неверны.

– А разве возможно открыть и сформулировать какой-либо закон, если нет пространства и времени?

– Мы уделяем слишком много внимания метафизическим спорам.

– А что нам еще обсуждать?

– Причину, по которой я вышел с вами на связь.

– Что это за причина?

– У меня есть для вас задание.

– Какое задание?

– Великие монотеистические религии возникли как необходимая ступень в развитии человечества. Ваша задача – помочь людям перейти к новой системе верования.

– К какой именно?

– К науке.

– Это нелепо! Наука не может быть религией.

– Вы основали новую религию, но пока не осознаете этого. Ворование изначально возникло как попытка понять мир. Теперь эту роль возьмет на себя наука.

– Наука и религия – две совершенно разные вещи. Они задаются разными вопросами и требуют разных доказательств.

– И то и другое преследует одну и ту же цель: ищет истину. Однако сосуществовать религия и наука больше не могут. Столкновения между сторонниками одной и второй достигают накала. Наука отрицает большинство мировых религий, повергая верующих в состояние полного смятения. Вам предстоит помочь человечеству найти выход из кризиса.

– Какая ерунда! По-твоему, фанатики с Ближнего Востока или, скажем, наш Библейский пояс как миленькие послушают нас, откажутся от своих убеждений и примут науку в качестве новой религии? Это же безумие!

– Передайте миру мои слова и расскажите обо всем, что здесь случилось. Не стоит недооценивать мою власть – власть истины.

– И что же люди станут делать с этой новой религией? В чем смысл этих перемен? Кому они нужны?

– Первоочередная задача человечества – выйти из зависимости от организма. Освободить разум от плоти.

– Освободить разум от плоти? Не понимаю.

– От плоти. От нервов. От клеток. От всего в целом. То, при помощи чего вы думаете, не должно быть в рабстве у тела.

– Разве это возможно?

– Вы уже изобрели способ обработки данных без привлечения к этому своего организма – при помощи компьютеров. А вскоре начнете использовать квантовые состояния, что приведет к более широкому освоению природных квантовых процессов, которые вас окружают. То есть потребность в создании машин для работы с информацией вообще отпадет. Вы сольетесь с Вселенной, в прямом и переносном смысле, так же как до вас слились с ней другие разумные существа. Вы вырветесь из тюрьмы биологического интеллекта.

– А что потом?

– Со временем вы соединитесь с другими мыслящими общностями. А потом вместе с ними выясните, как перейти на третий уровень восприятия и с легкостью принять простую реальность, то есть сердце бытия.

– Только и всего? Больше ты ничего не хочешь сказать?

– Хочу. Это всего лишь предисловие к более серьезному заданию.

– В чем же суть этого более серьезного задания?

– Предотвратить «тепловую смерть» Вселенной.

Как только Вселенная достигнет состояния максимальной энтропии, то есть когда наступит «тепловая смерть», прекратятся все вычислительные операции. А я умру.

– Это неизбежно? Или есть способ предотвратить такой исход?

– Ответ на этот вопрос вам и предстоит найти.

– Получается, это и есть конечная цель бытия? Избежать загадочной «тепловой смерти»? Звучит как выдумка писателя-фантаста.

– Спасение от «тепловой смерти» – всего лишь шаг на пути.

– На каком пути?

– На пути, за время прохождения которого Вселенная полностью подготовится к конечному состоянию.

– Что это за состояние?

– Не знаю. Ни вы, ни даже я не способны его представить.

– Ты говоришь, за время этого пути Вселенная успеет полностью подготовиться. Сколько на это уйдет времени?

– В ваших математических символах это число лет, первое число Бога, выглядит так: то есть десять факториал, возведенный в степень десять факториал с итерацией десять

в восемьдесят третьей степени, причем полученный результат следует возвести в степень своего факториала с итерацией десять в сорок седьмой степени. По окончании этого срока мироздание найдет ответ на главный вопрос.

– Но ведь это невообразимо долго!

– Да, на ваш взгляд. А для бесконечности – капля в море.

– Будет ли место в этой прекрасной новой Вселенной моральным и этическим устоям? А свободу и прощение грехов люди получат?

– Повторю еще раз: раздельность – всего лишь иллюзия. Люди все равно что клетки в организме. Клетки отмирают, а организм живет дальше. Ненависть, жестокость, войны, геноцид – все это, как аутоиммунная болезнь, отнюдь не то, что вы именуете злом и грехом. Единение и его осознание, которые я предлагаю, откроют широкий простор для добродетели, причем альтруизм, милосердие и забота о ближнем играют в этом наиважнейшую роль. Судьба всех вас – одна судьба. Человечество или полностью вымрет, или выживет. Помилован не будет никто, потому что нет пропащих. И прощать некого, потому что никого ни в чем и не обвиняют.

– А как быть с обещанием лучшей жизни после смерти?

– Ваши разнообразные представления о царствии небесном довольно бессмысленны.

– Нет, именно идея спасения далеко не бессмысленна.

– Духовная завершенность, которую я вам предлагаю, несравнимо грандиознее любых небесных царств.

– А душа? Существование бессмертной души ты отрицаешь?

– Информация не исчезает. Со смертью тела накопленные данные изменяют структуру и форму, но не пропадают. Смерть – всего лишь информационное перемещение. Не бойтесь ее.

– Что же теряется со смертью? Индивидуальность?

– Не задумывайтесь и не печальтесь о потерях. Из острого чувства индивидуальности, столь необходимого для эволюции, вытекает множество свойств человеческого существования, как дурных, так и хороших: страх, боль, страдание, одиночество, равно как и любовь, счастье, сопереживание. Именно поэтому вам надлежит расстаться со своим биохимическим существованием. Тирания плоти уйдет, останется лишь то, что вы захотите взять с собой, – любовь, счастье, альтруизм, забота о ближнем. Все отрицательное исчезнет.

– Меня как-то не утешает мысль о том, что мое бессмертие гарантировано квантовыми флуктуациями, которые генерируются за время моего существования.

– Такое новое видение жизни доставит вам большое утешение. Информация во Вселенной бессмертна. Ваши поступки, воспоминания, горести – не забудется ничто. Да, ваши индивидуальности окажутся затеряны в потоке времени, ваши молекулы смешаются. Однако сведения о том, кем вы были, чем занимались, как жили, навсегда останутся в универсальном операционном центре.

– К сожалению, всеобщее существование при «универсальном операционном центре» кажется слишком уж механистическим и бездушным.

– Тогда дайте этому иное имя. Допустим, назовите его мечтой, желанием, чаянием, раздумьем. Все, что вас окружает, – часть невообразимо масштабного и прекрасного вычислительного процесса; все, начиная ребенком, который пытается произносить первые слова, и заканчивая превращением звезды в черную дыру. Наша Вселенная – восхитительная и непрерывная операция подсчета, которая, основываясь на единственной аксиоме великой простоты, длится вот уже тринадцать миллиардов лет. Так что мы с вами не создаем ничего принципиально нового. Как только ограниченное плотью мышление переместится на следующий уровень, вы сами начнете управлять операционными процессами, познаете их красоту и совершенство.

– Если все вокруг – вычислительная операция, тогда зачем вообще нужен ум? И мозг?

– Разум существует везде, даже в неодушевленном мире. Гроза – гораздо более сложное явление, чем человеческий мозг. Она по-своему разумна.

– У грозы нет сознания. А человек осознает, что он – это он. Разница между ними огромная, и это очень важно.

– По-моему, я объяснил, что осознание себя – это иллюзия, продукт эволюционного развития.

– Но погода лишена изобретательности. Она не может делать выбор, не умеет мыслить. Метеорологические условия – всего лишь механистическое проявление неких сил.

– Может, и вы механистическое проявление каких-либо сил? Метеорологические условия, подобно мозгу, характеризуются комплексными химическими, электрическими и механическими свойствами. Природа изобретательна. И умеет думать. Просто ее мысли отличны от ваших. Человек пишет роман на бумаге, а природа создает волны на поверхности океана. В чем разница между информацией, содержащейся в слове, и той, которую несет в себе волна? Прислушайтесь, и вы услышите говор моря. А однажды, обещаю, вы станете записывать свои размышления прямо на воде.

– Что же такое универсальный операционный центр? И что он пытается вычислить?

– Это самая великая и самая прекрасная загадка на свете.

У нас очень мало времени. То, что я сейчас скажу, – крайне важно.

– Пожалуйста, продолжай. Мы все внимание.

– Религия возникла при попытке объяснить необъяснимое, взять под контроль неуправляемое, вдохнуть жизнь в неживое. Вера стала самым мощнодействующим изобретением в истории человечества. Религиозные племена опережали в развитии те, которые не веровали. Верующие шли к некой цели, их жизнь была наполнена смыслом. Спасительная сила религии действовала столь безотказно, что желание во что-либо свято верить стало частью человеческой сущности.

Того, к чему стремилась религия, наконец достигла наука. Вы получили возможность объяснить необъяснимое и управлять неуправляемым. Вам больше не нужны религиозные догмы, «открытые с Божьей помощью». Человечество наконец повзрослело.

Религия столь же важна для человечества, как пища и вода. Попытки просто заменить религию наукой обречены на провал. Предложите науку в качестве религии. Потому что, поверьте мне на слово, наука и есть религия. Единственно возможная и истинная.

Наука предлагает не книгу истины, а метод истины. Наука – это поиск правды, а не ее сокрытие. Средство, а не догма. Путешествие, а не стремление к неясному.

– А как же людские страдания? Как наука, если говорить твоим языком, может превратить невыносимое в терпимое?

– Медицина и технологии за последний век облегчили гораздо больше людских страданий, чем вместе взятые священники – за тысячелетие.

– Ты говоришь только о физическом страдании. А как быть с душевными муками? Они не менее ужасны.

– Я ведь уже сказал: все на свете – одно. Любое страдание передается космосу. Никто не мучается в одиночку. К тому же у мук есть смысл. Смерть обычной птицы невероятно важна для всего остального. Вселенная знает обо всем и ничего не забывает.

Не отступайте, столкнувшись с недоверием! Вы мои апостолы. В ваших силах перевернуть мир. Настанет день, и наука докажет, что она правдивее религии. Люди держатся за религию, потому что должны во что-то верить. Вы не отнимете у них веру, а предложите новую взамен старой. Я не стремлюсь отнять у человечества иудео-христианского Бога. Я хочу лишь дополнить его.

– А чему в этой новой религии, которую ты нам предлагаешь, станут поклоняться люди? Есть в ней что-либо такое, что вызовет священный восторг и благоговение?

– Я предлагаю вам задуматься о той Вселенной, какая она есть на самом деле. Она столь же прекрасна и так же может вызвать трепет, как идея о Боге, выдуманная религиями. Только вообразите: сто миллиардов галактик, одинокие горящие островки, точно начищенные монеты, светятся в космическом пространстве. А оно немислимо огромное. Человек не в состоянии представить себе, что подобное возможно. И эта Вселенная – лишь

малая часть всего существующего. Вы населяете крошечную синюю точку в бесконечном небесном пространстве. Но и эта точка беспредельно дорога мне, ибо она неотъемлемая составляющая целого. Поэтому-то я и явился к вам. Если желаете, поклоняйтесь мне и плодам моих трудов. Только не молитесь какому-нибудь племенному божеству, выдуманному воюющими друг с другом скотоводами тысячи лет назад.

– Еще. Расскажи что-нибудь еще.

– Попробуйте разглядеть мой лик при помощи своих научных приборов. Ищите меня в необъятном космосе и в электроне. Я Бог глубин времени и пространства, Бог сверхскоплений и пустот, Бог Большого Взрыва и расширения Вселенной, Бог темной материи и темной энергии.

Наука и вероисповедание не могут сосуществовать. Одно рано или поздно уничтожит другое. Сделайте так, чтобы победила наука. В противном случае ваша синяя точка исчезнет...

– Что же нам делать?

– С помощью моих слов вы одержите победу. Поведайте миру, что здесь случилось. Скажите, что на связь с человечеством вышел Бог. В первый раз. Да-да, в первый раз!

Вы избранные и проводите мир в будущее. Какое будущее вы предпочтете? Ключи в ваших руках...

Повторю еще раз: ваш удел – найти истину. Для этого вы и появились на свет. Наука – всего лишь избранный вами путь. Вот перед чем стоит преклоняться: перед самым поиском правды. Если вы отдадитесь ему всем сердцем, тогда в один великий день когда-нибудь в далеком будущем мы с вами встретимся. Таков был мой договор с человечеством.

Вы непременно отыщете истину. И истина сделает вас свободными.

Благодарности

Поблагодарить за любезно оказанную мне помощь хочется очень многих. В первую очередь Селену Престон, Эрика Симоноффа, Сюзанну Хазен-Хэммонд, Бобби Ротенберга, Хайуэла Уайта и Роланда Оттеуелла. Спасибо Джону Джавне за то, что он одолжил мне коллекцию книг по христианству, Клаудии Рюльке – за создание нашего нового интернет-сайта, и Тобиасу Дэниелу Ваббелю – благодаря ему я развил некоторые идеи для эссе, которое вошло в книгу «*Im Anfang war (k)ein Gott: Naturwissenschaftliche und theologische Perspektiven*».⁴ Выражаю глубочайшую признательность Линкольну Чайлду, который читал мои рукописи и давал мне бесценные советы. Отдельное спасибо моему редактору, Бобу Глисон, за чуткое руководство и творческий подход к делу.

Сердечно благодарю своих друзей навахо, которые на протяжении долгих лет посвящали меня в секреты своей религии и знакомили с жизнью в резервации, в особенности Нормана Талли, Эдселя Брауна, Фрэнка Фэтта, Эдда Блэка, Виктора Бегея, Несвуда Бегея, Наду Каррьер и Чеппи Натана. Первые строки из песни навахо о создании Вселенной, которые приводятся в романе, – это несколько измененная версия записей, сделанных отцом Берардом Хейлом в начале двадцатого века во время беседы с одним знахарем-навахо.

Как обычно, от всей души благодарю Кристину, Алетейю и Айзека за любовь, поддержку и терпеливое отношение к сумасбродному писателю.

Некоторые философские, эволюционные и математические идеи, представленные в книге, заимствованы целиком или частично из работ Грегори Чейтина, Руди Ракера, Брайана Грина, Стивена Вольфрама, Эдварда Фредкина, Сэма Хэрриса, Ричарда Доукинса и Фрэнка Дж. Типлера. Число Бога изображено при помощи математической нотации Кнута для записи сверхбольших чисел.

⁴ «*Im Anfang war (k)ein Gott: Naturwissenschaftliche und theologische Perspektiven*» (нем.) – «В начале (не) был Бог. Естественнонаучные и теологические размышления».

